

ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ

Огни Кузбасса

ИЗДАЕТСЯ С 1949 ГОДА

№ 2 / 2014
МАРТ – АПРЕЛЬ

Литературный журнал
выходит
благодаря поддержке
администрации
Кемеровской области,
администрации
города Кемерово
и ОАО «Кемсочинбанк»

Главный редактор
Сергей ДОНБАЙ

Редколлегия:

Виктор АРНАУТОВ,
Владимир ИВАНОВ,
Александр КАТКОВ,
Виктор КОВРИЖНЫХ,
Иосиф КУРАЛОВ,
Вера ЛАВРИНА,
Владимир МАЗАЕВ,
Олег МАКСИМОВ,
Дмитрий МУРЗИН
(ответственный
секретарь),
Валерий ПЛЮЩЕВ,
Владимир СОКОЛОВ,
Марина ЧЕРТОГОВА

Николай РАХВАЛОВ
(ответственный
за распространение
журнала)

Рукописи
не рецензируются
и не возвращаются

Адрес редакции:
650000, г. Кемерово,
Советский проспект, 40
Телефон 36-85-14

Содержание

БИБЛИОТЕЧЕСТВО

Виктор Астафьев. Звездапад. Повесть 3

ПРОЗА

Татьяна Грибанова. Три рассказа 43

Алёна Жукова. Война, любовь и надежда 57

Марина Черноскутова. Смотрю и вижу. Рассказы 66

Сергей Побокин. Майор Уваров 83

ПОЭЗИЯ

Геннадий Кругляков. Эшелоны в дальнюю грозу 40

Иван Щёлоков. Не вышло родиться святым, непорочным... 53

Анатолий Иленко. Чтобы место под сердцем осталось 63

Виктор Третьяков. Подвиг танкиста. Советский кавалер ордена Славы..... 80

ЛИКИ ЗЕМЛЯКОВ

Олег Костюнин. Жив в нашей памяти солдат 86

Константин Яценко. Записки капитана медицинской службы..... 101

ОЧЕРК

Евгений Чириков. Гвардеец Катукова 133

КНИГА ПАМЯТИ

Ирина Мясникова. Первые жизненные впечатления – война 144

Раиса Кучай. Как прожить с осколками 147

Лидия Кулиничева. Желе из столярного клея, или Воспоминания о блокадном Ленинграде..... 151

БИБЛИОТЕЧЕСТВО

Аркадий Елфимов. Познать секрет вечной молодости (180 лет первой публикации
«Конька-горбунка» П. Ершова)..... 154

СВЕТЛИЦА

Елисей Елизаров. Письмо на фронт 156

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Виктор Троц, Александр Шураев, Анатолий Горипякин, Евгений Иванов, Тереза Щербинина,
Людмила Иванова 158

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

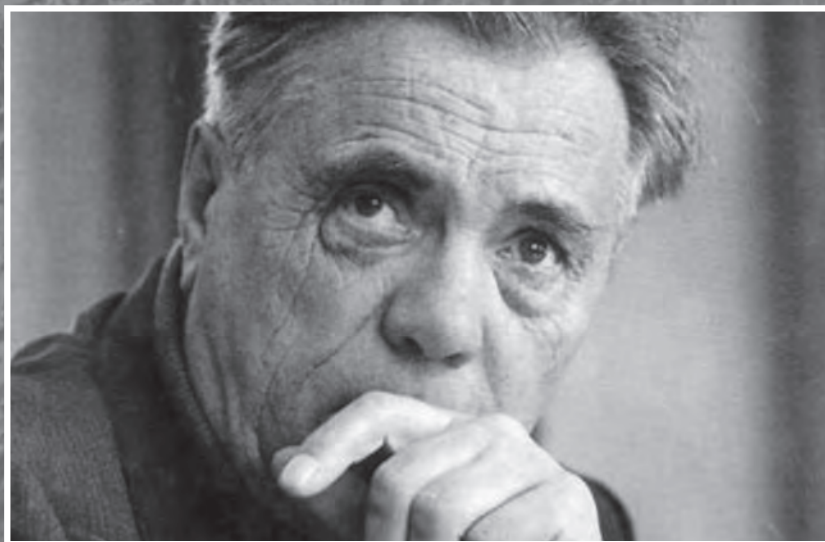
Михаил Гоголев. «Избранное время» Виктора Коврижных 162

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Обсуждение журнала «Огни Кузбасса» за 2013 год: **Ирина Фролова.** Обзор № 2–5 журнала
«Огни Кузбасса». **Валерий Плющев.** Лучшие публикации года. **Ольга Яковлева.** Заметки
пародиста 153, 164

Литературная хроника. Подготовил **Д. Мурзин.** 169

**РУССКОМУ ПИСАТЕЛЮ
ВИКТОРУ ПЕТРОВИЧУ АСТАФЬЕВУ – 90 ЛЕТ**

1924–2001

Я родился при свете лампы в деревенской бане. Об этом мне рассказала бабушка. Любовь моя родилась при свете лампы в госпитале. Об этом я расскажу сам. О своей любви мне рассказывать не стыдно. Не потому, что любовь моя была какой-то уж чересчур особенной. Она была обыкновенная, эта любовь, и в то же время самая необыкновенная, такая, какой ни у кого и никогда не было, да и не будет, пожалуй. Один поэт сказал: «Любовь – старая штука, но каждое сердце обновляет ее по-своему».

Повесть В. П. Астафьева «Звездопад» читайте на странице 3.

**Виктор
АСТАФЬЕВ**
ЗВЕЗДОПАД

Повесть

Я родился при свете лампы в деревенской бане. Об этом мне рассказала бабушка. Любовь моя родилась при свете лампы в госпитале. Об этом я расскажу сам. О своей любви мне рассказывать не стыдно. Не потому, что любовь моя была какой-то уж чересчур особенной. Она была обыкновенная, эта любовь, и в то же время самая необыкновенная, такая, какой ни у кого и никогда не было, да и не будет, пожалуй. Один поэт сказал: «Любовь – старая штука, но каждое сердце обновляет её по-своему».

Каждое сердце обновляет её...

Это началось в городе Краснодаре, на Кубани, в госпитале. Госпиталь наш размещался в начальной школе, и возле неё был садик без забора, потому что забор свели на дрова. Осталась одна проходная будка, где дежурил вахтёр и принуждал посетителей следовать только через вверенный ему объект.

Ребята (я так и буду называть солдат, потому что в моей памяти все они сохранились ребятами) не хотели следовать через объект, «пикировали» в город мимо вахтёра, а потом рассказывали такие штуки, что у меня перехватывало дыхание и горели уши. Тогда ещё не было в ходу слова «пошляки», и оттого, стало быть, я не считал похождения солдат пошлыми. Они просто были солдаты и успевали с толком провести отпущенное им судьбой время.

Вам когда-нибудь приходилось бывать под наркозом, под общим наркозом, несколько раз подряд? Если не приходилось – и не надо. Это очень мучительно быть несколько раз под наркозом.

Я помню, был маленький и играл с ребятами на сеновале. Они бросили на меня охапку сена, навалились, и я стал задыхаться. Я рвался, бил ногами, но они смеялись и не отпускали меня. А когда отпустили, я долго был как очумелый.

Когда мне давали в первый раз наркоз, я досчитал до семи. Делается это просто: раз – вдох, два – вдох. Потом станет душно и захочется крикнуть, рвануться, вытолкнуть из себя тугой комок, стряхнуть тяжесть. И рванёшься, и крякнешь. Рванёшься – это значит слегка пошевелишь рукой, а крякнешь – чуть слышным шёпотом.

Но неведомая сила внезапно вздымет тебя с операционного стола и бросит куда-то в бесконечную темноту, и летишь в глубь её, как звёздочка в осеннюю ночь. Летишь и видишь, как гаснешь.

И всё.

Ты уже во власти и воле людей, но для себя не существуешь.

Я почему-то думаю – так вот умирают люди. Может быть, и не так. Ведь ни один умерший человек не смог рассказать, как он умер.

Тогда я завидовал тем, кто быстро засыпал под наркозом. Очень тяжело засыпать долго. Минуло больше двадцати лет, а меня душит запахом больницы, в особенности хлороформом. Вот поэтому я не люблю заходить в аптеки и больницы.

Помню, в тот раз, с которого и началось всё, я досчитал до семидесяти и канул во тьму.

Приходил в себя медленно. Где-то внутри меня происходила непонятная, трудная работа, словно диски сцепления в двигателе подсоединялись один к другому, и мозг ненадолго включался. Я начинал чувствовать, что мне душно, что я где-то лежу. И снова всё отдалялось, проваливалось. Но вот я ещё раз почувствовал, что мне душно, что я лежу, и кругом тишина, и только пронзающий голову звон летит отовсюду.

Я напрягся и открыл глаза.

Посреди палаты было светло. Я долго смотрел туда, боясь закрыть глаза, чтобы снова не очутиться в темноте.

Горела лампа. Стекло на ней было прикрыто газетным абажуром, и я постепенно разглядел и увидел, что абажур повернут так, чтобы свет не падал на меня.

Мне почему-то стало приятно. Возле лампы спиной ко мне сидела девушка и читала книгу. Она в белом халате, поверх воротничка вроде бы темнела косынка. Волосы вытекали из-под белого платка на её остренькие плечи.

Шелестели страницы. Девушка читала. А я смотрел на неё. Мне хотелось воды, чтобы омыть из горла тошноту, но я боялся испугнуть девушку. Мне было до жалости приятно смо-

треть на неё и хотелось плакать. Я ведь был всё равно что захмелелый, а хмельные русские люди всегда почему-то плачут или буянят.

И чем дольше я смотрел на девушку, тем больше меня охватывала эта умильная жалость и от того, что лампа вот горит, и что вот девушка читает, и что я снова вижу всё это, вернувшись невесть откуда. И, наверное, заплакал бы, но тут девушка обернулась. Я отвёл глаза и полуприкрыл их. Однако я слышал, как она отодвинула стул, как повернула абажурчик, и мне стало светлее. Слышал, как она пошла ко мне. Я всё слышал, но маскировался, сам не знаю, почему.

Она склонилась надо мной. И тут я увидел её тёмные глаза с ослепительно яркими белками, разлетевшиеся на стороны брови, изогнутые ресницы, слегка припухлую, нравную губу, тоненькую шею, вокруг которой в самом деле была повязана цветная косынка. Нет, вру. Она не повязана была. Халатик на девушке был с бортами, и косынка спускалась с шеи вдоль этих бортов. Из кармана халата торчал градусник с обвязанной бинтом верхушкой. А одна пуговица на халате была пришита чёрными полинявшими нитками. И ещё на девушке была кофточка, тоже завязанная чёрной тесёмочкой, как шнурок у ботинка – двумя петельками. А повыше петельки дышала ямка. Я видел, что она дышала, эта ямочка! Я всё, всё увидел разом, хотя в палате горела лампа, всего лишь семилинейная лампа. Наверное, был ещё какой-то свет, который озарил мне всю её!

– Ну, как вы?

Я постарался бодро ответить:

– Ничего.

Девушка озабоченно и смешно сдвинула брови, которые никак не сдвигались, потому что очень уж разбрелись они в разные стороны, и подала мне воды. Я потянулся к стакану, но девушка отстранила мою руку, ловко подсунула мне под голову ладонь и приподняла меня.

Я выдул полный стакан воды, хотя пить не особенно хотелось. Она спросила:

– Вам дать снотворного?

– Не, – испугался я, застигнутый врасплох этим предложением, – я не хочу спать. – И, чего-то стесняясь, добавил: – Я уже наспался...

– Тогда лежите спокойно.

Она снова села за стол и раскрыла книгу. Но теперь я уже не решался долго смотреть на девушку. И только так, изредка, украдкой пробегал по ней глазами. Она сидела вполоборота, гото-

вая прийти в любую секунду ко мне. Но я не звал её, не решался.

В палате спали и бредили раненые солдаты. Некоторые скрежетали зубами, а Рюрик Ветров, бывший командир миномётного расчёта, всё время невнятно командовал: «Огонь! Огонь!.. Зараза! Вот зараза!.. Вот за-ра-за... Во-о-оза-ра-за-за-за...» Это уж всегда так: отвоюется наяву солдат, а во сне ещё долго-долго продолжает воевать. Только во сне очень трудно стрелять. Всегда какая-нибудь неполадка стрясётся: курок не спускается либо ствол змеевиком сделается. А у Рюрика, видать, мина в «самоваре» зависла, вот он и ругается. Мину из трубы верёвочной петлёй достают. Опасно! Вот он и ругается. Война во сне очень нелепая, но она всегда заканчивается благополучно. Иной раз за ночь убьют раз десять, но всё равно проснёшься. Во сне воевать ничего, можно.

Я так и не решился позвать девушку. Я просто чуть-чуть шевельнулся, и она подошла. Подошла, положила ладонку на мой горячий лоб и ровно бы всего меня накрыла этой прохладной и мягкой-мягкой ладонкой, потому что всему мне сделалось сразу легче, нервная дрожь, смятение, духота и покинутость оставили меня, отдалились, утихли.

– Ну, как вы? – снова опросила она. И снова я сказал:

– Ничего... – сказал и проклял себя за то, что никаких других слов на ум больше не приходило. – Ничего, – повторил я и заметил, что она собирается снять ладонку с моего лба и уйти. Я сглотнул слюну и чуть шевельнул пальцами здоровой руки: – Вы... вы какую книжку читаете?

– «Хаос». «Хаос» Ширванзаде. Читали?

– Не-ет. «Хаос» я не читал. А вот «Намус» читал. Это вроде бы тоже Ширванзаде?

– По-моему, да.

Снова стало не о чем говорить. Я знал, что она вот-вот уйдёт, и заторопился:

– А я много книжек читал. – Мне тут же стало жарко, и я пролепетал: – Правда, много, разных, всяких... Ну, может, и не так много... – И разом возненавидел себя за такое хвастовство, и отвернулся к стене, и отрешённо ковырнул стенку ногтем, уверенный, что девушка сейчас уйдёт и будет вечно презирать меня.

Но она не уходила.

Я прислушался.

Да, она стояла рядом, и я, кажется, слышал её дыхание.

– Вам, может, почитать? – спросила она.
– Ой, пожалуйста! – обрадовался я. Девушка огляделась, покусала губу.

– Ах, нельзя! Свет будет мешать вам и соседу вашему, а он тяжёлый. Знаете что, давайте лучше пошепчемся, а?

– Чего-о?

– Ну поговорим шёпотом.

– Давайте, – сразу переходя на шёпот, стыдливо согласился я.

И мы заговорили шёпотом.

– Вы откуда? – наклонилась она ко мне.

– Сибиряк я, красноярец.

– А я здешняя, краснодарская. Видите, как совпало: Краснодар – Красноярск.

– Ага, совпало, – тряхнул я головой и задал самый «смелый» вопрос: – Как вас зовут?

– Лида. А вас?

Я назвался.

– Ну вот мы и познакомились, – оказала она совсем уж тихо и отчего-то опечалилась.

А я лихорадочно соображал: уж не сделал ли опять что-нибудь неловкое?

– А теперь помолчим. Вам ещё нельзя много разговаривать. Вам поспать бы.

– Нет, не буду, мне уже ничего... – запротестовал я, – хорошо.

– Знаю я вас. Все вы так геройствуете, а потом...

И я сразу скис. Конечно, все мы. Нас тут много. А я-то уж, готово дело, расчувствовался. Она небось со всеми так вот шепчется, всех ласкает, как умеет. Жалко ей, что ли, пошептаться или воды подать. А я аж целый стакан выдул, балда!

И до того я расстроился, что мне, по всей видимости, стало хуже, и когда я очнулся снова, рассвет уже забил робкий огонёк лампы.

Солдаты просыпались, кряхтели и охали, потому что вместе с ними просыпалась боль от ран, боль от недавно сделанных операций. Стоны, ворчанье, кашель, ругань – знакомая картина.

По окну криво текут капли. Ветка чёрная видна, вся усыпанная каплями, светлыми, круглыми. Два нахохленных воробья сидят на ветке – подачек ждут, крошки им из окна бросают.

У нас с повреждённым позвоночником лежит Афоня Антипин из города Бийска или из деревни, что под Бийском. Он без подушки лежит, на матрасе, набитом песком. Кровать его поставили так, чтоб хоть эту ветку видно было, воробьёв – всё радость какая-никакая.

За ним, так, чтоб можно было руками дотянуться и подать Антипину чего потребуется, глыбится грудью, брюхом и сыто хрюкает ноздрями старшина Гусаков, командир полковой разведки. Обе ноги у него в гипсе, жёлтые, гипсом вымазанные, пухлые ступни и пальцы с кривыми ногтями торчат из-под одеяла – оно ему коротко, одеяло-то, а он, скабрзник и посказитель, поясняет, что одеяло ночью с ног стягивается по причине воздействия хорошего харча и прелюбодейных сновидений.

Старшина спит здорово, но чуток, как птица, – разведчик! – и, учуяв шевеление в палате, хуркнул затяжно, прощально и сладко, завыл, открыв широченный зубатый рот.

Зевая, он подтянулся, схватившись за спинку кровати, и глянул за окно:

– Прилетела стая воробушков на землю зёрна клевать, ох и настала погодушка, растуды же, туды её мать! Ну, что, Афоня? – это он к Антипину обращается, они из одного взвода разведки, и ранило их в одном поиске, и, кажется, вернулось из поиска-то всего двое – Гусаков с перебитыми ногами выпер с нейтралки Антипина на себе. Что-то, видать, не додумал, не доглядел Гусаков перед тем, как идти в поиск, и вот всячески выслуживается за всю перебитую группу перед Антипиным. Впрочем, если б на фронте можно было воевать без ошибок, мы бы уж давно в Берлине были.

– Шоб тому хвюеру! – ворчит вислоусый украинец, мой сосед, схватившись за полоску бинта, приклеенную к животу. – Шоб ему на тым свити було як мэни сейчас...

– Как дела? – спросил меня Рюрик Ветров, всю ночь командовавший миномётом.

– Живу, – коротко ответил я, глядя на лампу, которую забыла погасить Лида. «Где она сейчас? Сменилась или нет? Хорошо быть ходячим» – подумал я.

– Курить будешь? – опять полез с вопросом Рюрик.

– Без курева тошно.

– А я, братцы, закурю, – испрашивая у всех разом разрешения, сказал Рюрик.

Никто ему не ответил. Через минуту в палате хорошо запахло табаком, и ненадолго пропала палатная вонь, в которой смешались все запахи, какие только бывают в больницах.

Утренняя разминка продолжалась, шёл ленивый трёп, ждали няню с тазом для умывания, и позднее – завтрак.

– И что за сторона такая? Мокрень и мокрень! – жаловался старшина Антипин, деля передышки. – Текот и текот, текот и текот! Это ж весь тут отсыреешь. Вот бы меня домой – у нас уж мороз так мороз, жара так жара. И люди не подвижные, хоть в грубости, хоть в ласке нарастопашку. Меня бы домой, а?

Это повторяется изо дня в день – Антипин намекает старшине, чтобы тот выхлопотал эвакуацию в другой, желательнее алтайский, госпиталь. Но дела Антипина плохи, ему нельзя и здесь-то шевелиться, даже много разговаривать нельзя, силы его убывают. Старшина Гусаков и все мы это знаем. Потому старшина уваливает от разговора с Антипиным. Он громко, с показной озороватостью командует:

– Кому что снилось? Докладай!

– Дак чё может нам сниться? Война! Всё она, проклятая...

– У меня опять мина в трубе зависала, мучился, мучился, – откликается из угла Рюрик.

– Выудили?

– Да уж и не помню.

Худой, непородистой щетиной обмётанный мужичонка, из тех, чьей фамилии не узнаешь, имени и роду-племени тоже, пока он не помрёт или что-нибудь выдающееся с ним не случится, вдруг подал робкий и смущённый голос от двери.

– А мне баба приснилась. – Мужичонка сделал паузу, а вся палата заинтересованно настрожилась. – Голая! Прёт на меня, понимаешь, и грудя у ей, как мины... – Мужичонка опять прервался, сглотнул слюну.

– Нну-у!!! Дальше-то чего?! Дальше?..

– Дальше? Испугался я. Попятился...

– Э-э-эх! – простонал старшина Гусаков. – Везёт мужикам! Хватался бы за мину-то...

– Э-э, нет! – Мужичонка оживился. – Я – сапёр! Сдуру за мину не схвачусь. А ну как и рванёт!.. Я думаю: такой сон к выздоровленью, братцы, а? – повернул он разговор на серьёзное направление.

– Знамо! Баба голая да ещё чужая уж зазря не приснится!

Мы с Рюриком и рты пооткрывали – внимаем! Я и про боль, и про наркоз, и про всё позабыл, но тут после долгих попыток всё же уселся на кровати мой сосед, отстонался, отхныкался и укоризненно покачал головой:

– Ай-яй-яй! Парубки тут, диты неразумные, а воны таку шкodu размовляют!..

Старшина Гусаков оконфуженно крякнул, прокашлял скрипучее горло и, приподнявшись на локте, нашёл меня взглядом:

– Ну как ты там, недорезанный парубок?

– Живу! – коротко, как и Рюрику, ответил я, не спуская глаз с лампы.

«Хорошо-о, – сердился я, неизвестно отчего, – очень хорошо! Водички попил, на косыночку посмотрел, пошептался – и рассолодел, готово дело. И до чего я чувствительный, оказывается! Но не на такого напала! Меня, брат, такими штучками не доймёшь... Я, брат. Я вот сейчас встану и погашу лампу. Какого чёрта она горит днём? Керосину много, да? Я вон до фронта на станции работал составителем поездов. Там дальние стрелки иной раз не освещали: керосину не хватало. А тут, видали, палят!»

Я опёрся здоровой рукой о кровать, сел, и всё пошло передо мной кругом: палата, стол с лампой, скуластый Рюрик, у которого ран было столько же, сколько и годов, – девятнадцать...

Постепенно всё встало на свои места. Я глянул на Рюрика. Он мне подмигнул. Хорошая у него морда. Нос набок, рот большущий, уши круглые, как у соболя; в треугольнике рубашки виднеется орёл с утиным клювом, увлекающий женщину под небеса.

Рюрик знает обо мне всё, и я о нём тоже – мы одноклассники.

Я подхватил раненую руку, поднялся, утвердился на полу, подошёл к столу и дунул. Свет в лампе качнулся, взмыл вверх, и его не стало. Ещё недолго от фитиля тянулся дым, обволакивая и без того потемневшее за ночь стекло, но и дым скоро исчез.

– Давай докурить, – подсел я к Рюрику. Он обкусил замусоленную сигарку, выплюнул ошмётки на пол, сунул недокурочек мне в губы.

– Раза два дёрни, и всё, довольно.

– Ладно.

Я затыкнулся два раза, и Рюрик без лишних разговоров вынул окурочек из моих губ. Я ещё посидел маленько и, страшась расстояния в три шага, отправился на свою кровать. Голова закружилась. Меня качнуло и бросило на соседа. Он зажмурился от ужаса, но я не упал на него. Падать на него было нельзя – он ранен в живот.

– Носит тебя тут, – заворчал сосед. Он поймал меня за кальсоны, подтолкнул вперёд.

Ходячих у нас в палате не было, и я кое-как самостоятельно добрался до своей кровати.

Я ныром вошёл в подушку, отдышался и закрыл глаза. Стало сильнее тошнить. Зря курил, совсем зря.

Этот день прошёл в каком-то зыбком полусне. Я ничего не ел, не курил больше, читать не мог, разговаривать тоже. Наркоз выдыхался медленно. После завтрака – обход. Старшая сестра, палатная сестра, кастелянша, няня и другой разный народ – все в белых халатах, и у всех такой вид, будто они к безобразникам, если не к разбойникам, в камеру зашли, чтобы подвергать их исправлению и вообще поменьше с ними церемониться. Впереди всей челяди, как сухонький, маленький полководец Суворов, только без шапки, – Агния Васильевна – главный врач. У неё одной – приветливое лицо, весело сверкает старомодное пенсне да серые вихры из-под белой шапки торчат. Лицо, как она ни тужится делать его строгим, выражает давнее озорство, и я всегда думаю, с первого дня, когда её увидел, что как, наверно, любил её какой-то парень! Без ума!

Агния Васильевна, может, угадала эти мои хорошие о ней мысли и, может, потому ко мне хорошо относится, но прикрывает такую свою слабость строгостью. Уж так она строга ко мне, так строга, что мне порой и смешно даже. Но только не сейчас.

Лидочки нет среди челяди, сопровождающей Агнию Васильевну. Жаль. Ну ладно. Я и на Агнию Васильевну люблю смотреть. Я бы не знаю что для неё сделал, а она даже и не взглянет в мою сторону! Задрала рубаху на том мужичонке, которому баба голая приснилась, постучала, послушала и заключила:

– Вас жена так заморила или на фронте отощали? – и, не дожидаясь ответа, кинула через плечо сестре, изготовившейся писать: – Усиленное питание!

Ох уж эта Агния Васильевна! Ну до чего же я её люблю! Да что там люблю, обожаю просто! Вот если б она это знала и посмотрела бы на меня!.. Хоть разок!.. Нет, не смотрит.

Азербайджанца Колю (у него другое имя, но трудное, и он махнул рукой: «А какой разница?! Пусть будет Коля!») слушает Агнию Васильевна, слушает, щупает. Коле щекотно, и он ужимается, хихикает. А ещё месяц назад богу, или, как он у них там, аллаху, что ли, душу отдавал. Когда ему сделали операцию, он, обалдевший от наркоза, утром мостился и мостился на кровати, улыбаясь всем нам светлой такой улыбкой.

«Ты что?» – с ужасом, придавленно, спросил кто-то наконец. «А я сейчас на кина пойду!» – всё так же лучезарно улыбаясь, заявил Коля. Ну, тут все мы застучали, забренчали чем только можно, прибежали санитарки и Колю к кровати привязали.

Агния Васильевна звонко завезла по Колиной спине ладонью:

– В палату выздоравливающих!

Что тут началось! Азербайджанец – рубаху на себя, вскочил, глазами засверкал:

– Вот! Кто прав? Я прав! Вот! Мне Полше гаварили: «Памрешь!» Украине гаварили: «Па-а-аамрешь!!» И Львова, и Виница, и Киве: «Памрешь! Памрешь! Памрешь!» Как памрешь? Пачиму памрешь? Ни сагласный! Жить хачу! Вина пить хачу! Танцевать хачу! Девушек любить хачу! – Колю тут же осенило: – Дайте я вас пасссы-ци-люю! – Раскинув руки, Коля двинулся вперёд, но Агния Васильевна остановила его:

– Потом, потом! Придётся в ординаторскую и, сколько твоей душе будет угодно, – целуй! Мы изготовимся к этой процедуре, а сейчас обход. Не мешай!..

Говоря это, Агния Васильевна медленно двигалась к койке Антипина, и тон её и выражение лица заметно менялись. Возле Антипина она пробыла недолго и всё время уводила глаза. А он ловил её взгляд, не умеющий и всё-таки часто вынужденный врать.

– Вас переведут в другую палату, – оказала Агния Васильевна, помолчала. – В отдельную.

– В изолятор?

– Нет-нет, что вы! Просто в отдельную палату. Там тише, теплей. Удобней там...

Антипин всё понял, попробовал бороться, отстоять ещё что-то:

– Зачем же? Мне здесь хорошо. Ребята все свои... привык я к ним. Гусаков, товарищ старшина, однополчанин... ребятишки вон молоденькие! Весёлые. Мне здесь глянется... – торопился Антипин, видя, что Агния Васильевна поднялась и собирается уходить от его койки.

В палате сделалось тихо. Так тихо при мне ещё ни разу не было.

Агния Васильевна остановилась возле койки моего соседа:

– Ну, а тут всё пече?

– Пече, доктор, ох, пече...

– Шов рубцуется нормально. В палату выздоравливающих! Она у нас самая холодная. Чтоб не пекло! – Что-то неприятное, свойствен-

ное только докторам и всем тем, кто может беспрепятственно властвовать над людьми и распоряжаться их судьбами, появилось в голосе Агнии Васильевны. Я её такую не любил, боялся, и потому затаился под одеялом и не дыбился уж ей встречно.

– Та як же ж?.. Та ж болыть! И так пече. Так пече... – ныл мой сосед.

Но Агния Васильевна ровно бы и не слышала его. Сдёрнула с меня одеяло, послушала, велела показать язык.

– Покурил?!

Я опустил покаянно голову.

– Разве от хлороформа мало обалдел? Могу добавить!

– Н-не! – испугался я. – Ну его!

Что-то похожее на улыбку тронуло сухие губы Агнии Васильевны, и пенсне сверкнуло приветливой.

– Ходить когда разрешите? – осмелел я.

– Сие зависит от тебя. Будешь смирно лежать – скоро, прыгать станешь – полежишь.

«Зависит, – раздражённо повторил я про себя. – Ну зависит если, так полежу смирно. Не жалко».

Больше никакого разговору в палате не было. Деловито и молча закончив обход, Агния Васильевна удалилась из палаты и, комкая в руках фонендоскоп, что-то на ходу раздражённо сказала старшей сестре. Та плаксиво скривила губы и отвернулась.

Афоня Антипин накрылся с головой одеялом и лежал плоский, неслышный, будто и не было никого под одеялом.

Старшина Гусаков залез рукою под себя, шарил где-то в тяжёлых гипсах или под гипсами, выудил из недр кровати плоскую грелку, брезгливо выплеснул в плевательницу лекарство из мензурки. Грелка закрипела коровьим выменем, захлюпала влагой, и по палате угарно поплыл запах самогона.

– Афонь! Афонь! – потянул с Антипина одеяло старшина. – Тяпни для сугреву, а? Тяпни!..

Антипин не отзывался. Старшина опрокинул одну, другую, третью мензурку в себя, попробовал ещё выдавить из грелки чего-нибудь, но больше даже не капало, и тогда он сдавил мензурку в руке так, что она хрустнула, и из пальцев старшины кровь брызнула на постель. Старшина, не замечая крови, мрачно матерился и спрашивал: где и как ещё самогонки достать? Но этого никто не знал и никто, кроме старшины, нахо-

дящегося в недвижимом состоянии и всё же умудряющегося через нянь добывать горючку, сделать такое не сумел бы – таланту не хватило бы, и, как бы оправдываясь за эту нашу бесталанность, Рюрик угрюмо сказал:

– Руку обрезал.

Старшина глянул на руку, досадливо бросил: «А!» – и стал обмывать её из графина над плевательницей.

Я не смог пролежать, как было велено, и двух дней. Однажды вечером я потихоньку поднялся и, придерживаясь за спинки кроватей, побрёл к двери. Перед тем как подняться, я долго глядел в зеркало и любовался причёской – больше-то нечем было любоваться.

Я и забыл сказать, что с тех пор, как окончательно очнулся от наркоза, я занимался только своей причёской. Случилось так, что до этого у меня никогда не было причёски. В деревне бабушка меня стригла наголо ножницами; в детдоме всех нас чохом обрабатывали машинкой. В ФЗО я пытался отпустить чуб, но дальше вершка дело не пошло – обкорнали. Ну а потом армия, форма двадцать, суровые порядки. Одним словом, лишь в госпитале наступила некоторая вольность. Я забыл сказать ещё вот о чём. В этом госпитале я лежал недавно. В него я был переведён из армейского госпиталя, где и начал отращивать чуб.

Госпиталь этот именовался не то нервно-патологическим, не то нервно-терапевтическим. В общем, нервным. А у меня на руке были перебиты обе кости и нерв. Вот его-то и вылавливали доктора, пока я лежал под наркозом. Говорят, связали, но пальцы всё равно не шевелятся. Рука совсем-совсем не болит. Она висит, ровно чужая. Пальцы на ней усохли и пожелтели. Мёртвая рука.

Что я буду делать после госпиталя? Как жить? У меня единственная профессия – составитель поездов, и семь классов образования. Чтобы работать составителем, нужны обе руки.

«А, наплевать! Не один я такой! Не пропаду! Не так страшен чёрт...»

Мне надо выбраться в коридор, ну просто позарез надо. А рука, глаз, нога – это всё пустяки. И то, что я в одном белье, – тоже пустяки. Я обернул одеяло вокруг бёдер, как римский патриций, и вот в такой юбке щеголяю. Все ребята ходят в таких же. Так прилично, не видно аккуратно завязанной бинтами прорехи и теплее, и вообще удобно.

Главное – это моя причёска, мой, можно сказать, единственный козырь. Говорят ещё, что я весёлый и беззаботный парень. Очень весёлый. Да, я люблю пошутить, знаю всякие там присказки. Парубок, словом!

Уверен, что, если бы Лида поговорила со мной ещё раз, я бы такие вещи ей рассказал из книг, про фронт и про тому подобное, что она сразу бы сомлела и взоры наши и вздохи наши слились бы воедино!

Где я это вычитал? Сильно написано!

Вот я и в коридоре. Вспотел. Прислонился к стене. Горит всего одна лампа. Электростанция в Краснодаре ещё не восстановлена. И вообще город живёт ещё трудно – это я знаю по разговорам.

В дальнем конце коридора наша «культурница» Ира беседует с раненым. Судя по всему, намечает план культмероприятий. Я начал продвигаться вдоль стены к этой парочке. Раненый с сожалением выпускает руку собеседницы и досадно смотрит на меня. Я же на него не смотрю. Мне не до него. Я хотел спросить у Иры, дежурит ли сегодня такая тоненькая сестрёнка с огромными глазами, у которых белки блестят, как фарфоровые, и повыше чёрной завязки дышит ямочка, а спрашиваю совсем про другое:

– Ирочка! Который час?

Удивлённая моим игривым тоном, Ирочка пожимает плечами, давая понять тем самым своему собеседнику, что она ничего общего с этим солдатишкой в юбке не имеет, и говорит мне время. Я ещё полюбопытствовал, когда завтра откроется библиотека? Ирочка уже сердито ответила, что в послеоперационную палату она сама принесёт книги и, кроме того, доложит главврачу, как я шлялся без разрешения по коридору.

– Что ж, валяй! – вздохнул я и отправился в свою палату. По пути заглядывал во все открытые двери.

Будто через нейтралку «за языком» к противнику крался я к своей койке по нашей глухо затемнённой палате, и всё же за моей спиной раздался внятный шёпот:

– И кто там оно ходит? Хлебом, винам просит?

«Рюрик! Ну не скроешься, не спрячешься от этого командующего «самоваром»!

– Охламон! – ругается Рюрик. – Сестрицу перевели в операционную. Операционная мадама с одним товарищем капитаном активно дружила! Агния свет Васильевна этого не любит!.. И ещё учти – дежурит сестрица через сутки...

– По мне, хоть через трое!..

– И зовут её Лидкой.

– По мне, хоть Маргариткой!..

– И ошивается возле неё тут лейтенантик один.

– По мне, хоть генерал!

– Дурында! – взъелся и подскочил Рюрик. – Кого охмурить хочешь? Я ж саратовский мужик! Я в этих вопросах!..

– Когда и выучился?

Рюрик отвечает не сразу, напускает на себя важность, неспешно скручивает сигарку, ну всё-всё делает степенно, важно, а ведь такой же оголец, как и я, и, главное, знает ведь, что никакого действия этот солидный кураж на меня не производит, а вот поди ж ты, кочевряжится! Видать, такая уж порода у этих саратовских брехунов!

– У нас, у саратовских, знашь, как?!

– Ну, как? – гляжу я на него, ухмыляюсь.

– А вот так! Родится малый – ему ни побрякушек, ни игрушек, а сразу гармонь в руки и пошло: «Я не знаю, как у вас, а у нас в Саратове девяноста лет старухи шухерят с ребятами!..» – Рюрик аж заподпрыгивал, аж задом об койку заколотил так, что пружины забрякали.

– Трепло! – сказал я, отобрал у него сигарку, дотянул, погляделся в кругленькое зеркальце, лежавшее на тумбочке Рюрика, поплевал на ладонь, приплюснул ерша на маковке и отправился «к себе» – обдумывать положение.

В коридоре госпиталя реденько светят повешенные на стены керосиновые лампёшки с большей частью побитыми стёклами, а то и вообще без стёкол.

Копотно, людно. Пахнет горелой соляжкой, карболкой, йодом, хлороформом, гниющим человеческим мясом и кровью.

Нынче этакое скопище запахов изысканно называют «букетом».

Но ещё смешанней, ещё запутанней и разнообразней коридорный трёп – этакая «мыслительная разминка» перед сном, короче – самая настоящая трепотня людей, без дела слоняющихся из угла в угол.

Вот возле школьной карты, истыканной спичками, изрисованной намусленными карандашами и разными чернилами, сошлись «стратеги». С видом если не заправского преподавателя академии, то хоть заместителя по политчасти, директора нашей школы ФЗО – человек в кальсонах и с желтушно цветущими глазами водит по карте пальцем:

– Главное препятствие на нашем пути: Висла и Одер. Героические наши войска уже один из этих рубежей одолели и ведут неукротимое давление с Сандомирского плацдарма – и лагерь хищного врага трещит по всем швам!..

Ему внимают, открывши рот, четверо контуженых – этим хоть что говори, они всё слушают и ничего не понимают, а пытаются по губам угадать, что к чему.

Интересное вот тоже свойство с людьми происходит – отшибёт память человеку, и он впадёт в детство, не только умственно, но и телесно, глядишь сзади: стоит школьник в кальсонах, шея тонкая, затылок, как у петуха, даже и кость наружу, ручонки в кисти плоские, плечи узенькие, грудь запала.

«Как сюда ребятишки-то затесались?» – думаешь. Но, глядь-поглядь, человек-то в морщинах, на пятках старые мозоли известью взялись, кожа с них сходит, от годов сутулится человек, а взгляд младенчески несмышлёный, пытающийся что-то осознать... Сёстры и няни зовут их: «Ребятишки, ребятишки...»

Два белоруса, поддерживая друг дружку, лепятся к стене возле карты. Ну, эти хоть кого слушать готовы и верить чему угодно. Оба они счастливые – недавно из освобождённого города Витебска впервые за три года письма получили! Плакали, обнимались, за сёстрами гонялись, чтобы и их обнять и поцеловать. А те Агнии Васильевны боятся – ещё подумает чего, с работы прогонит, недаром кличут её Огнея! Огнейка! Огнюха! С Огнюхой не забалуешься!

– Так то ж выходиць?.. – после долгого обдумывания задаёт добровольному политруку-политинформатору вопрос один из белорусов. – У тым логове скоро наши будуць?

Но не успевает «политинформатор» подтянуть кальсоны, сползающие со впалого живота и ответить умственно, с достоинством на вопрос, как находится человек, вся и всех подвергающий сомнению.

– Держи хлебало шире! Он у себя даст прикурить, немец-то!

– То ж ня дай бог у конце войны загинуць! – простовато высказывает таимую многими про себя тревожную мысль второй белорус. – Ня дай бог!..

Махорочный дым слоями плавает по коридору. На подоконнике двое контуженых, ещё не выучившихся говорить и писать, но уже наловчив-

шихся играть в шашки «в Чапаева», – это когда щелчками выбивают строй шашек противника, сражаются на щелчки по лбу.

Давно они сражаются, у обоих уж лбы буфами вздулись, а их, дурачков, болельщики подначивают – они и рады стараться, раскраснелись, трясутся, с кулаками уж готовые друг на дружку пойти! Зрителям потеха!

Больше всего народу возле старшего сержанта Шестопалова. Вот уж травило так травило! За ним с утра до вечера так и таскается косяк слушателей и зрителей – есть не давай, только бы Шестопалова слушать! Он забрался с ногами на кожаный, единственный в коридоре диван, и оттуда слышится:

– Купимо бугая?..

Дальше уж ничего не слышно, народ просто валится друг на дружку со стоном и рыданиями.

Мимо пробегает, бултыхая загипсованной рукой, паренёк с подергивающимися шеей и глазом, умеющий шевелить ушами. Но сейчас ему не до фокуса с ушами: видать, разболелась рука или черви под гипсом завелись, а может, клопы залезли! Это уж беда, если клоп под гипс попадёт, – ничем его, гада, оттуда не выгонишь! Попытается, попытается и тут же отдыхает, а потом опять жрёт. Черви, те дурь выедают, и польза от них из-за этого, но когда их много разведётся и рану они подчистят, тогда начинают мясо точить – тут уж скорее гипс надо снимать, иначе рёвом реветь будешь! А реветь нельзя, кругом люди, и тоже больные.

Ах, сколько я уже видел всего и знаю! Мрачные мысли, проникшие было в мою голову, на которой заметно отрос чуб так, что я его начал уже на бок зачесывать, отвлекла и разбила одна занимательная пара: угрюмый человек в короткой пижаме, с бровями, из которых вполне рукавицы вышли бы, если бы с толком кроить, и узкозадый, суетливый человечек с козлиной неряшливой бородкой. Один из них будто бы подполковник, а другой – артист. Наверное, так оно и есть: говорит всегда этот, с бородкой, а тот слушает, не выражая никаких чувств ни слухом, ни видом.

Я увязался за этой парой – интересно же послушать артиста!

– Н-да-с! – Семенил старичок, заплетаясь в одеяльной юбке. – И не спорьте! И не возражайте! – Тот, с бровями, не только не спорил и не возражал, он даже бровью-то своей меховой не повёл! – Богиня Коринфская была поднята со дна моря неподалёку от ...ского голубого грота!

Вот чёрт, не расслышал! Какого грота? А всё из-за Шестопалова: он опять чего-то траванул такое, что госпиталь закачался от гогота и дежурная сестра выскочила из палаты со шприцем наизготовку и цыкнула:

– А ну, тихо! А то всех переколю!..

– И не спорьте, и не возражайте! – настаивал артист с бородкой. – Обычай целоваться не губами, а носами распространён не только среди африканских племён, но и на некоторых полинезийских островах, следовательно, миграции народов...

Нет, он, пожалуй, не артист, он учёный, пожалуй. А может, и артист, и учёный сразу! А может, просто хлопуша и болтун, как Рюрик! Целоваться носами? Это как же? Тут и губами-то не знаешь, как это делается. В кино только и видал, да в книжках читал. Но книжки и кино – что они? Искусство мёртвое, и только!

А вот если бы...

Я отправился в санпропускник, устроился возле ванной комнаты на колченогом диване и грянул во всю головушку:

*Я – цыганский барон,
Я в цыганку влюблён!..*

На мой голос явился «псих» из девятой палаты и закатил глаза:

– К-к-к-к...

– Пой, – сказал я мрачно. Я уже знал, что заики или те, кто перенёс контузию и у кого восстанавливается речь, поют внятней, чем говорят.

И «псих» запел:

– К-канчай му-му-узыку!

«Психами» мы звали контуженых. Их у нас целая палата. Ни одного ранения нет на теле контуженого, ни одной дырки, а он всё равно что не человек. Человек, не чувствующий боли, вкуса пищи, забывший грамоту и даже мать родную, – разве это человек? Всё выбито, истреблено. Из него заново пытаются сделать человека. Но, удивительное дело, почти все контуженые болезненно переносили музыку и пение. Вот и этот: я ещё только начал петь, а он уже явился.

Поскольку многие из контуженых были взяты с передовой в беспамятстве и оставили там, на поле боя, всё, в том числе и своё имя, мы их всех подряд звали Иванами. И я мрачно сказал этому Ивану, который уже заметно подлечился и верховодил в десятой палате:

– Уйди! Я ещё немного попою и перестану!

Иван, как птичка, свернул голову на плечо, глуповато уставился на меня печальными глазами и открыл рот. Я отвернулся от него и грянул дальше:

*Знает свод голубой,
Знает встречный любой,
Даже старый наш клён
Знает, как я влюблён...*

Иван хихикнул и поддёрнул кальсоны.

Я замахнулся на него.

Лицо Ивана вытянулось и сделалось вовсе глупым. Я ушёл в палату. Так и не дозволяясь я, кого хотел. Для Ивана или просто так мне петь не хотелось.

А в палате-то у нас перемена! Пока я шлялся да соло исполнял в санпропускнике, вместо Антипова Афони танкиста положили. С Сандомирского плацдарма партию раненых привезли. Танкист мечется, кричит: «Горим! Братцы, в нижний люк! Горим! Братцы, не бросайте!..» И бьётся-бьётся – того и гляди с койки свалится. Нянь в госпитале не хватает, поэтому без уговоров и приказов возле послеоперационных и «тяжелых» добровольно дежурят те, кто пошёл на поправку.

Эту ночь мы поделили с Рюриком. Он тоже начинает потихоньку бродить по палате, правда, ещё за койки держится. Не спал также старшина Гусаков. В изолятор к Афоне его не допускают, самогонкой он не разжился – не на что самогонки купить: и часишки, и всё, что было, уже позагонял.

Рюрик поздней ночью убрёл в операционную, явился оттуда с Лидой – она что-то несла в мензурке. Я не видел Лиду с того самого раза, поспешно вскочил с кровати.

– Здравсте!

– Здравствуйте, здравствуйте! – мимоходом бросила она – и Гусакову: – Ну что вы, ей-богу! У нас на операции нет спирту, йодом обходимся. Натё вот... – и сунула ему склянку.

Гусаков, не глядя, что в ней, выплеснул из мензурки в себя и скоротился:

– Чё это? Тьфу!

Лида положила ладонь на лоб танкиста, и он сморился, обмяк под её ладонью. Я-то знаю, помню прикосновение этой ладони! Лучше всякой процедуры. Может, даже лучше всякого лекарства эта маленькая прохладная ладонь.

– Ах, ребятишки, как я устала, если б вы зна-

ли! – пожаловалась Лида мне и Рюрику. – Такие дежурства иногда выпадают... такие!..

– К Афоне нельзя? – прохрипел Гусаков.

– Нельзя! Вам сказано!

– А он живой?

– Живой-живой! Господи! Что, я вас обманывать стану?!

Гусаков отвернул голову, скрипнул зубами, засыпая, каким-то снотворным, видать, угомонила его Лида.

– Ну, я пойду, ребяташки! – вздохнула Лида и посидела ещё маленько. – Не хулиганите тут без меня?

– Анделы! – просвистел шёпот Рюрика.

– Вы у меня молодцы! – Лида поочередно потрепала меня и Рюрика по отросшему волосяю. – Хуже будет, – кивнула она на танкиста, – зовите. Свет совсем не тушите: во тьме раненные хуже себя чувствуют. Хотя, что это я? Вы ведь все знаете.

И она ещё раз дотронулась до меня и до Рюрика и пошла из палаты. И так пошла, что вот хоть верьте, хоть нет, я едва не разревелся: такая она была худенькая, усталая, такая жалостная – ну спасу нет никакого!

Вот так штука!

Оказывается, голос мой растревожил не одних контуженых! Он достиг ценителя и проповедника искусств – культурницы Ирочки, которая немедленно мобилизовала меня в самодеятельность. После недолгого сопротивления я согласился петь для народа, робко надеясь, что уж если не чубом, то песнями своими покорию кой-кого.

И вот стою я в палате выздоравливающих (здесь в прежние времена был школьный спортзал) и под баян пою грустную-грустную песню:

*Не надейся, рыбак, на погоду,
А надейся на парус тугой.
Не надейся на тихую воду,
Острый камень лежит под водой...*

Я и раньше участвовал в самодеятельности и даже приз однажды получил на районной олимпиаде – коробку шоколадных конфет. Я угощал конфетами ребят и девочек наших, детдомовских. Всем конфет не хватило, и последние резали пополам, а потом на четвертушки. Мне и четвертушки не досталось. Тогда первоклассница Муська Кочергина дала мне откусить от конфетки чуть-чуть, как от своей собственной. Мусь-

ка, Муська, помнишь ли ты про конфетку? Я вот всё помню. И как пельмени всей оравой стряпали на Новый год и бросали друг в друга тестом; и как задом наперёд кино показывали; и как курили в уборной, и вы, девочки, выслеживали нас, а мы всегда грозились отлупить вас и не лупили, потому что в нашем детдоме был закон – не бить девочек и тех, кто ещё мал. А мы ведь драчуны были, ой, драчуны! И учиться нам всё некогда было, и грешили с нами взрослые люди. Я всё помню, всё!

На баяне играет Рюрик. Рюрик, по-моему, человек неистребимый. Он весь в осколках. Один осколок даже пробил ему щёку и попал в рот. И Рюрик, говорят, проглотил его впопыхах. Врёт, пожалуй. А может, и не врёт. Попробуй узнай у саратовского, когда он врёт, а когда правду говорит!

Рюрик лежит пробитой щекой на деке баяна и выводит так, будто не в палате находится, а где-то на реке или на озере в закатный час, и печалится вместе с угасающим днём:

*Злая буря шаланду качает.
Мать выходит и смотрит в окно,
И любовь, и слезу посылает
На защиту сына своего.*

Слова песни мы с Рюриком восстанавливали по памяти и, по всей видимости, сильно изменили их в соответствии со своими мечтами и талантами. Но припев остался тот же, и я невольно снижал голос и чувствовал, что припев этот получается доверительней и что дурной совет давала мне Ирочка: петь громче, чем, мол, громче, тем шибчей проймёт. И что она понимает в искусстве! Ей только бы с офицерами в уголочке шушукаться. И как она в культурницы попала? Должность всё-таки...

А баян ведёт меня, требует не отставать.

*Сразу солнце заплещется рыбкой,
И лучи серебром заблестят.
Если мать провожала с улыбкой,
То с улыбкой вернёшься назад...*

Пока Рюрик пробегает проигрыш, я жду (надо повторить две последние строчки и закончить песню) и мысленно успеваю пройтись по всей своей девятнадцатилетней жизни, такой ещё небольшой, такой нескладной, и всё-таки моей, дорогой мне жизни.

Очень мне жаль, что ни с улыбкой, ни без улыбки не провожала меня мать. Никто не провожал. Я сам уехал в армию, добровольно, один. И встречать никто не будет. Вот выйду из госпиталя инвалидом, ни к труду, ни к жизни не приспособленным...

Умереть бы мне здесь. Вот тогда бы, может, и пожалели обо мне все, и Лида, может, пожалела бы. И сказала бы, может: «Эх, парень-то был – и пел славно, и чуб у него был ничего...»

Я окидываю взглядом палату. Койки, койки, койки. Весь спортзал набит ими. На койках лежат и сидят раненые. Молодые и старые, русские и нерусские, беззаботные и грустные, с причёсками и без причёсок, с костылями и без костылей, с руками и без рук, с ногами и без ног. Горе людское собралось сюда и слушает мою песню.

Среди раненых, рядом с офицером, сидит Лида. Я уже давно перестал смотреть в её сторону. И тушеваться перестал. Что мне до неё, когда вон сколько глаз смотрят на меня и чего-то ждут. Я сам раненый, я сам почти убитый, и потому я знаю, чего от меня ждут. И я обнадеживаю их, этих знакомых мне и незнакомых изувеченных людей:

*Если мать провожала с улыбкой,
То с улыбкой вернёшься назад.*

Я не пою, я почти говорю им это твёрдым голосом, из которого исчезла моя такая ещё недавняя печаль, печаль хотя и много уже повидавшего, но все же девятнадцатилетнего человека. И вижу, что мне поверили. Однорукие стучат о колени, лежащие колотят костылями об пол: аплодисменты.

Рюрик встаёт и чопорно раскланивается, как перед чужими, направо и налево. А мои глаза упрямо косят туда, где сидит Лида. Она делает несколько вежливых хлопков и обращает свои глазщицы к молоденькому офицеру, который отрастил усики, форсистые чёрные усики. «Кому что нравится, конечно. Кому – чуб, а кому – усики», – мысленно глумлюсь я над этой парочкой и слышу заплесканный шёпот Рюрика:

– Поклонись, поклонись, дуб! Полагается!

– Иди ты! – Я выскочил из палаты. Мне теперь всё нипочём.

Да, на этот раз Рюрик не соврал: Лиду и в самом деле перевели в операционную, правда, будто бы временно, да мне-то не легче от этого.

Я не мог видеть её хотя бы издали. А если и видел, то проходил мимо неё с гордым видом и безразличным тоном бросал: «Здрасте».

Я пытался не замечать её и, когда она появлялась поблизости, отворачивался и заговаривал с кем-нибудь. Заложив руку за спину, я небрежно отставлял ногу и со значением произносил: «Прут наши, прут! Скоро по домам!» Или: «Краснодар – препаршивый городишко, и люди здесь больно уж какие-то гордые», – и, как дурачок, хохотал.

А когда я однажды заметил, что тот самый офицер с усиками надел кожаное лётчицкое пальто и пошёл провожать Лиду, то с горя закрутил с Капой из электрокабинета.

Пальто это меня доконало!

Опытные солдаты заводили знакомства с поварами, а я по молодости лет подрулил к электричеству. Не потому, что тянуло меня к технике, а просто так, с отчаяния.

Капа усаживала меня в уютное кресло, накрывала одеялом, и меня начинало греть со всех сторон, в особенности из-под низу.

– Как на русской печке! – шептал я истомно. Капа, черноглазенькая, быстроногая девушка, управлявшая множеством непостижимой техники, которая светилась синими и красными лампами, моргала, жужжала, чихала и тикала, пицала и верещала, сидела за столиком в бывшей когда-то учительской таким властным колдуном, такой владычицей нездешнего царства, делая непринуждённые, размашистые росчерки в карточках больных.

А я травил:

– Вот знаешь, Капынь, вот так же вот сидишь, бывало, на печке, на русской, задницу печёшь, пот по всем членам текёт, в трубе ветер воет: у-у-у-у-у! У-уууу – ну чисто волк и волк! И такая жуть кругом, аж тараканы со страху во все дырки и отверстия лезут, и так ще-окоотно!..

Капа поднимает весёлую кудрявую головку от бумаг и, обнажая в улыбке беличьи зубки, грозит мне пальцем:

– Будешь хулиганить – отключу!

Э-э, нет, мне не хочется, чтобы меня отключили, – самую уютную, самую тёплую процедуру прописала мне Капа «по благу», из явной ко мне симпатии. Вот возьму тоже да как провожу её домой на глазах у Лиды и офицера того, так будут знать! Вот только пальто лётчицкого у меня нету, даже и обмундирования никакого нет. Не пойдёшь же в одеяльной юбке девушку провожать...

– Хочешь, Капынь, стишок почитаю? – предлагаю я и удивляюсь самому себе: ну почему это вот с Капой могу трепаться как угодно, а как Лиду завижу – всё заколодит: и ум, и язык, и всё-всё!

– Ну, где стишок-то? Давай! – Капа отложила ручку, кокетливо изогнула шейку, ждёт.

– А-а, стишок-то? – Я шевелюсь в тёплом кресле, устраиваюсь удобней и начинаю: «У Лукоморья дуб срубили, златую цепь в торгсин снесли, кота на мясо истребили»...

Капа давно тут работает, всякого народу навидалась и наслушалась всего, так что все эти штучки-дрючки знает. И я декламирую ей стих серьёзный, про любовь, единственный стих, который я знаю, вычитал в одной потрёпанной, старинной книжке, когда лежал в больнице, переломив ребро в драке с городской шпаной:

*Я не любил, как вы, ничтожно и бесстрастно,
На время краткое, без траты чувств и сил...*

Но к этой поре меня уж так размаривало, так во мне слабело и распускалось всё, что язык мой начинал дрябнуть, заплетаться, и я ронял голову на грудь, погружаясь в обволакивающий мягкий, бархатный сон, при котором нет никаких сновидений, даже война не снится.

Так, кажется, ни разу и не дочитал я Капе стихотворение до конца. Да, по правде сказать, я до конца его и не помнил.

Я заметно поправился за это время, но рана на руке не заживала. На каждом обходе лица врачей делались всё озабоченней и озабоченней. Они вертели мою руку, кололи её иглой, заставляли шевелить пальцами. Я напрягался, но ни один из пяти пальцев даже не вздрагивал, и боли от иглы не было. «Хорошо», – говорили врачи и уходили. Но я уже знал, что, если врачи говорят «хорошо», это значит плохо. Так оно и вышло.

Как-то днём появилась в нашей палате Лида и прямо направилась ко мне:

– Больной, будем готовиться к операции.

– К какой опять?

– К обыкновенной.

– Так я готов. Режьте! Чего вам ещё? Клизму мне не надо. Брюхо у меня крепкое. Я не какой-нибудь офицер-интеллигентик...

Последние слова я проговорил совсем почти тихо, но Лида услышала их и уничтожающе сощурила глаза.

– Когда на операцию? – заторопился я.

– Завтра, в одиннадцать. – Она повернулась и ушла, а я закрыл лицо рукой и упал на подушку.

Я боялся операции. Я боялся наркоза. Я боялся темноты.

А тут ещё процедурная сестра Паня, лучезарно улыбаясь, вплыла в палату белой павой, неся кружку с наконечником, как стеклянную хрупкую вазу с вареньем для милых деток.

– Кто-то последние известия слушать будет! – возрадовался Рюрик. Ну что вот ты с ним сделаешь, если он такой весёлый? Я показываю ему кулак: «Ну погоди, гад, погоди!»

Лежу вниз лицом. Паня надо мной с кружкой стоит и как ни в чём не бывало с ранеными болтает о том о сём. Из её, хоть и осторожных, окольных слов, между прочим, сделали мы вывод, что дела у Афони Антипина в изоляторе неважные, и даже очень. Гусаков осунулся за эти дни, почернел, неразговорчив сделался.

Так бы оно, может, и кончилось всё незаметно, с клизмой-то, но Рюрик – это ж человек какой? Он уж, как говорится, не даст молоку прокиснуть.

– Ну что слышно по радио, Михей?

– Наша берёт! И рыло в крови!

– Вон ему маленько охладительного оставьте, – кивает головой Рюрик на койку моего соседа. – У него всё пече.

Сосед починялся, бумажник чей-то кожаный за сахар латал и взвыл горестно, бросив работу:

– И шо она, та кобылка, усе грае? Шо вона така вэсела?!

В ту ночь я почти не сомкнул глаз. Несколько раз ко мне подсаживался Рюрик, давал докурить и со вздохом уходил на свою кровать.

К одиннадцати часам я крепко-накрепко (чтоб не развязали) закрутил бинтом кальсоны и прошёл в операционную. Там была только Лида. Она помогла мне снять рубаху, глянула на подвязанные кальсоны и ничего не сказала, а лишь подсобила забраться на холодный операционный стол и прикрыла меня до пояса простыней.

Противная мелкая дрожь возникла внутри меня, дошла до губ, и меня начало колотить так, что стол или на столе что-то забрякало. Хорошо, что Лида возилась у кипятильника с инструментами и не видела этого. Из соседней комнаты с поднятыми вверх руками появился хирург и от-

дал Лиде какую-то команду. Она наклонилась ко мне с просящей улыбкой:

– Будем ровно и глубоко дышать, да?

Я тряхнул головой, и тут же на моё лицо обрушилась маска. Послушно, как обречённый, я вздохнул и сказал: «Раз!» Потом: «Два!» Потом: «Три!» Когда дошло до ста двадцати, откуда-то издалека донёсся убаюкивающий голос Лиды:

– Родненький, спи! Родненький, спи...

Затем голос главного хирурга:

– Почему больной не снял белья?

И ещё чей-то:

– Глядите, как он подштанники-то бинтом прикрутил – не развязать.

И снова издали, и всё тише, тише:

– Родненький, спи... Родненький, спи...

Должно быть, я плохо спал, потому что, когда очнулся в палате, на мне оказалась разорванная рубаха и здоровая рука моя прикручена была к кровати.

Возле меня сидел Рюрик.

– Ну, здорово, Мишка-Михей! – ухмыльнулся до ушей Рюрик.

– Здравствуй, Урюк! – сказал я ему с детской радостью.

Урюком я его ещё никогда не называл, и Рюрик нахмурился, считая, должно быть, что я всё ещё не в своем уме.

– Отвяжи руку, – попросил я Рюрика. – Затекла. Бушевал я, что ли?

– Ой, бушевал! – откручивая накрепко привязанный ремень, помотал головой Рюрик. – В основном матом всех крыл. Врачи тут, а ты кричишь: «Что фашисты, что доктора – одинаковы. Все кровососы!»

– Да ну?

– Пра! Оно, конечно, не в уме ты был. Но только уж и безумному такое непростительно. Я окончательно убедился, что против сибиряков по мату никто не устоит.

– Я что? Вот у меня дед был, тот колена загибал, так уж загибал!.. Вороны с неба валились кверху лапами! Как даст, так и готово!.. – Мне так хотелось говорить, вспоминать что-нибудь из жизни смешное. Но Рюрик решительно пресёк моё опьяненное озорство:

– Колена! Загибал! – передразнил он. – Посмотрел бы ты, как девушку ту загибал!..

– Какую девушку? – похолодел я и цапнул под одеялом – бинт на месте. Кальсоны прикручены будь здоров.

– Ту самую! Она около тебя и так и этак, родненьким называла, а ты... Ребята в хохот. А она: «Человек, – говорит, – в невменяемом состоянии, и смеяться, – говорит, – над ним подло... Подло! Подло!..» И ещё ногой топнула. Ну, я тут одному костылём по кумполу отоварил. В дверь заглядывал... В общем – концерт!

Я не успел ничего сказать Рюрику в ответ. Дверь в палату открылась, и стремительно влетела в палату ОНА. Губы у неё строго поджаты, лицо силилось быть суровым, но глаза смеялись.

– А ну, где тут этот гранадёр? Где этот негодник, поносивший советскую медицину? Дайте мне его, я с ним за всех рассчитаюсь.

Я закрыл глаза рукой и ещё одеяло на себя натянул. Но Лида приоткрыла одеяло и стала отнимать руку от лица, разжимая пальцы один за другим.

– Видали вы его, прячется, устыдился! Нет, вы поглядите, поглядите на меня, – всё тем же строгим голосом, в котором бился смех, требовала она.

И я поглядел. И навстречу мне плеснулось столько яркого света, что я зажмурился и сказал едва слышно:

– Лида!

– Что, родненький, что?

– Лида! – повторил я ещё тише и увидел, как Рюрик подаётся из палаты, прихватывая с собой всех, кто способен двигаться, создаёт условия. От этого я вовсе смешался, и наступила долгая пауза.

Лида послушала у меня пульс, посмотрела температурный листок. Хорошо быть медиком. Если разговору нет, делом можно заняться.

– Та-ак, больше покоя, не курить, не дрыгаться лишка...

– Вы будете приходить теперь... ко мне?..

Она погладила меня ладонью по лбу и тронула за чуб.

– А тебе хочется, чтоб я приходила?

– Ага.

– И ты не будешь больше ругаться?

– Нет.

Лида всё ещё перебирала пальцами мои волосы, и я боялся шевельнуться, даже дышать боялся. И хотя в палате лежало несколько человек после операции, мы, кажется, чувствовали себя так, словно были одни.

– Идти мне надо, Миша, – с озабоченным вздохом сказала Лида, а сама продолжала сидеть. Я осторожно сжал её пальцы:

- Посиди ещё маленько, ну?
- Две минутки, ладно?
- Пять.
- Ну, хорошо, пять, – уступила она.

И мы просидели не пять, а, наверное, целых десять минут. Когда она ушла, явился Рюрик и сообщил радостную весть: прибыл фотограф Изик Изикович Шумсмагер, и он, Рюрик, захватил на всю палату очередь.

На койках пошло шевеление. Рюрик в зеркальце глядеться взялся, прилизываться начал. Кавалер!

Меня он тоже тайком вывел во двор, и сначала я ничего не разобрал, а захлебнулся воздухом и голова моя кругом пошла. Ладно, Рюрик за талию держал, как барышню, а то бы я упал, пожалуй. Мы и снялись с Рюриком вроде бы как в обнимку, а на самом-то деле поддерживали друг дружку. Он и сам-то ещё ходить много не умел, хорохорился больше.

Был там такой гвардеец-доброволец, становился за спиной раненого, подпирал его плечом, а Изик Изикович, держась за чёрную круглую заслонку, из-под которой обычно птичка вылетает, делал отмашку рукой, будто командир орудия:

– Левее! Левее! Тэ-э-экс! Минуточку! Одну минуточку... Подбородок выше! И не так грозно, не так грозно! Ви же, надеюсь, не дорогому фюреру будете карточку высылать? Ви маме высылать её будете! А маму пугать не нужно. Мамы и бэз этого напуганы. Вни-имание! Опля! Прошу следующего героя!

Гимнастёрку, штаны, фуражку и сапоги всем ссуживал тот самый младший лейтенант, что провожал Лиду. К ней, к этой гимнастёрке, только награды свои перецеплялись, а у кого наград не было, тому младший лейтенант давал сниматься и с орденом своим – «Красная Звезда», и с медалями своими, заявляя каждому ранбольному: «С тебя пол-литра!» А те его отшивали: «Шибко пьяный будешь!..»

В нижней рубаше, в палатном заношенном халате, усиками только отличимый от солдатни, младший лейтенант слонялся по двору, травил чего-то и зароптал только тогда, когда его гимнастёрку попытались надеть на старшину Гусакова, потому что она затрещала по швам, и младший лейтенант ужаснулся: в город не в чем спикировать будет!

Тут старшина Гусаков, которого вывезли на тележке, пытались поставить на ноги и подпе-

реть плечом сзади, как шуганул услужливого подпорщика да как рывкнул на весь двор:

– Сымай так! Я со своей бабой пятерых ребят нажил! Я свою бабу обманывать не ж-желаю!.. Сымай, в три господа бога!..

Изик Изикович испугался, забегал, забормотал, дескать, он тут ни при чём, он готов отражать любую действительность... но все желают быть красивыми, и он делает их по-возможности красивыми. Ведь даже великий русский писатель Достоевский... Не знаете такого? О-о, это был плодотворный писатель! Он написал много толстых книг! Так вот, даже Достоевский говорил, шо красота спасёт мир, и хотя предначертание это не сбылось, будем надеяться – всё же сбудется, хоть в какой-нибудь степени... Такой человек не может напрасно бросать такие слова на ветер...

Вся эта сыпучая и ласковая болтовня Изика Изиковича не подействовала на Гусакова – вышел он на карточке огромной белой глыбой с твёрдо сжатыми челюстями, и только награды, много наград, прицепленных к нижней рубаше, оживляли карточку и лежащего на тележке старшину.

А почему он озверел и таким голосом рывкнул, объяснилось тут же. Когда старшину везли по коридору на тележке, встречу ему выкатилась белая тележка из изолятора. Старшина попросил остановиться, приподнял на встречной тележке простыню и долго, пристально глядел под неё. Потом, как из пустого дупла, раздался его отдалённый, чужой голос:

– Как всё просто! Один перекрёсток и две дороги: в наркомзем и в наркомздрав... – Неловко и грузно извернулся так, что затрещали на нём гипсы и посыпались крошки, припал к соседней тележке лицом и просипел задавленно: – Прости, Афоня! Не уберёг... – Откинулся на свою тележку, махнул рукой уже вяло: везите, мол, кого куда положено...

Дня через два Рюрика перевели в большую палату и соседа моего тоже. Я попросился туда же. Прибыла большая партия раненых, в послеоперационной палате нужны были места.

Мы здорово устроились с Рюриком за печкой-голландкой, поставив две кровати вплотную. Это был чуть затаённый, дальний уголок, и сюда устремлялся госпитальный люд с разными делами, не терпящими постороннего глаза: играли в карты, рассказывали всякую всячину, выпивали, если удавалось достать вина.

Вот старший сержант Шестопапов пыхтит, за печку протискивается. А здесь и так уже теснотища – Рюрик с Колей-азербайджанцем в подкидного играют и лупят друг дружку картами по носам, с оттяжкой лупят. У Коли и без того носище, как у парохода, а тут ещё Рюрик уличил его – мухлюет, азиат лукавый! И ну ему нос на бок всей колодой карт сшибать. Коля шмыгает носищем после каждого удара и смиренно оправдывается:

– Ми, восточные люди, ни можем не мухлевать в любви и в азартных играх. Наша душа восточная – фантастическая!.. Шехерезаду знаешь? Восточный народ придумал!..

– А вот игру в русского дурака худо знаешь.
– Аова-ываю!

Шестопапов отгрёб карты с тумбочки, выудил стакашек из-под кровати, налил до краев мутной жидкости, выпил, в себя вслушивается:

– А-а, милая! – шепчет он, прикрывая глаза. – Идёт! Идёт! Воскресе душа и возрадухося!..

Было кольцо золотое на правой руке Шестопапова, с «брыльянтом», как он называл белую бусинку, впаянную в кольцо, – охолостела рука Шестопапова. Плеснув по половинке стакана Рюрику и Коле-азербайджанцу, Шестопапов утырил грелку под пояс кальсон и стал закуривать. Рюрик выпил, задохнулся, головой очумело потряс. Коля выпил – скривился.

– Это вина?! Приезжай на мою родина, в Акстафа, я тебя такой вина налью! М-м-мых! – целует он щепоткой сложенные пальцы. – А этот вина клопов душить и штрафникам пить самый раз, чтобы умирать не боялись.

– Я и есть штрафник, может!

Мутнея взглядом, Шестопапов решает про себя: ещё выпить или погодить? Внутренние его борения с самим собой можно угадать по лицу.

Рюрик последний раз врезал картами по носу Коли-азербайджанца, тот красно высморкался в плевательницу, пощупал осторожно нос и качнулся на Шестопапова, впавшего в угрюмость:

– Шту сыдыш? Шту ты сыдыш? Вина есть, он сыдыт! Сам ни хошь, гостю наливавай, – тыкает он себя в грудь, – как пострадавшему!

Грелку они таки опорожнили. Шестопапов разохотился, вылез окном во двор и махнул на рынок задами госпиталя. А Рюрик с Колей-азербайджанцем продолжали сражение и изводили меня тем, что я вот пить бросил уже, скоро курить, поди-ко, брошу и вообще бог знает, до чего могу докатиться по причине влюблённости.

В палату как всегда важно, как всегда с улыбкой царицы вплыла сестра Паня. Я зашипел: «Полундра!» Ребята сразу карты спрятали, дым начали руками разгонять. Но Паня уж тут как тут, принохивается, пошевеливая чистеньким носищем, и розовенькие ноздри её вздрагивают, как у чуткой лесной зверюшки-соболушки. Шестопапов от пышной, чистенькой Пани без ума. Не встречайся, говорит, в укромном месте! Не отвечаю, говорит, я за себя; могу ещё раз, говорит, в штрафную угодить, а я уж, говорит, два раза в ней был...

– Пануша, сыграем в дурака? – предлагает Коля-азербайджанец сестре, переставшей улыбаться и подозрительно принохивающейся.

– Я вот вам сыграю! Я вот вам сыграю!..

– Что такое? – Рюрик с Колей-азербайджанцем уставились друг на дружку с полным недоумением. «Ну гады! Ну артисты!» – Я не удержался, прыснул и отвернул лицо к стене.

– Сивухой от вас прёт, вот что такое!

– Ка-аааакой нух! Ц-цы-цы! – поражается Коля-азербайджанец. – Пануля, тебе с таким нухом шпиёнов нада лавить!

– Шпионов! Я вот вас поймаю и ко главному потащу! – И неожиданно мне: – А тебе как не стыдно, Миша?! Такой хороший мальчик, и связался с такими разложившимися типами!..

Она повернулась и уже без улыбки, в полном расстройстве покинула палату, а Рюрик упал на койку, задрал ноги так, что видно сделалось заплата на задку кальсон, и до слез, до рыданий хохотал, показывая на меня пальцем. И Коля-азербайджанец не отставал от него. Они даже пытались что-то сказать насчёт меня и не могли сказать, уморенные смехом.

Я завёз тому и другому затрещину и отправился к Капе в электрокабинет, затем к массажистке, затем...

Как только попал я в палату выздоравливающих, дела мои пошли на поправку. Рука стала оживать, и я принялся тренировать её. Мало того, что я донимал массажистку и заставлял её выделять с рукой разные штуковины, я и сам всё время тревожил немые пальцы, шевелил их, заламывал и уже мог, правда ещё с трудом, держать сигарку. И ещё каждую минуту, каждый час, словом, всё время ждал Лиду. Она дежурила через сутки, и эти сутки я раскладывал по частям. Мне казалось, что так легче ждать. Я говорил себе: «вот осталось уже полсуток», «вот десять часов», «вот четыре часа», «вот час».

Когда оставался один час, я выходил в раздевалку и околачивался там.

Парадная дверь была широкая, со стёклами, и я замечал Лиду ещё во дворе. Она чаще всего являлась со старым портфелем, у которого оторвался один железный уголок. Лида училась в медицинском институте и в госпиталь на работу приходила прямо с занятий.

На Лиде было узенькое в талии пальтишко, а вокруг шеи лежала рыженькая лиса с обхлёстаным хвостом. И ещё на ней был беретик, освежённый акрихином. Ей очень шло жёлтое.

Ей всё шло. Девчонки, работавшие в госпитале, да и все мы считали, что Лида шикарно одевается и имеет доплату всякой одежды. И как я удивился, когда узнал впоследствии, что у неё было всего лишь два платишка да кофточка, та самая, со шнурочком.

Полюбовавшись Лидой издали, я задавал стрекача по коридору. Потом точно рассчитывал время, потребное на то, чтобы раздеться человеку, и не спеша, вразвалку, с видом необремененного никакими заботами парня шёл насвистывая. На повороте я «неожиданно» сталкивался с Лидой и удивлённо приветствовал её:

– О-о Лида! Моё почтение! Как ваше ничего поживает?

– Здравствуй, Миша! Ничего моё поживает ничего, – и улыбалась усталой и доброй улыбкой.

Один передний зуб у неё чуть сломлен наискось, и меня он особенно умилял. Но я не показывал виду, что меня умиляет зуб, и безразличным тоном говорил:

– Заходи в гости, когда захочется.

– Хорошо, найду, если будет время.

Но времени у неё часто не оказывалось, и тогда я ждал её ещё сутки.

Лишь иногда после вечернего обхода и после окончания процедур у Лиды выдавался свободный час-другой, и она приходила за печку слушать сказки. Я никогда не умел рассказывать сказки. А тут приохотился и, видно, рассказывал подходяще, потому что Лида и солдаты слушали их с большим вниманием.

Вскоре все сказки, какие я знал, кончились, и я стал их придумывать. Наверное, это были чудные сказки, потому что я собирал в кучу и прочитанное из книг, и виденное в кино, и разные были и небылицы. Но за то, что эти сказки имели в общем-то схожее содержание, можно ручаться.

Подобных историй, оторванных, как принято сейчас выражаться, от действительности, я слышался в детдоме от бывших беспризорников. Но я их переделывал на свой лад. Вместо душегуба-блатяги у меня преимущественно действовал благородный воин-храбрец, а вместо купеческой дочери – фронтовая сестра, называемая то принцессой, то царицей. Оба они были красавцы, и оба из сражений выходили целы и невредимы, а дальше шло, как во всякой доброй сказке: женились, справляли свадьбу. Я там был, мёд пил и так далее.

Чудные это были сказки! И Лида, очевидно, догадывалась, что я выдумываю их, но она не прерывала меня и хорошо слушала. Она ведь знала, что я стараюсь для неё и что солдаты, которые слушают вместе с нею мои сказки и хвалят меня за них, вовсе тут ни при чём.

В госпитале возбуждение, суета и сумятица – идёт подготовка к Новому году. Должны приехать наши шефы со швейной фабрики и студенческий ансамбль медицинского института – давать концерт. Студентов мобилизовали Агния Васильевна, читающая какой-то предмет на каком-то курсе института, и её любимая студентка и помощница Лида. А швейников завербовал Шестопапов, давно проникший в сердца разлучённых с мужьями модисток, шьющих, чинящих бельё нашему и другим госпиталям.

Праздник разбит на два этапа: сперва студенты концерт дадут, а назавтра швейники придут и чего-то принесут – намекал Шестопапов.

В коридоре стук, бряк, волнение. Больше всех суетится культурница Ира, и голос её слышен везде и всюду:

– Молоток? Кто взял молоток? Вы же порвёте панно! Панно, говорю, порвёте! Не знаете, что это такое? Нет, товарищи, это невозможно! Я н-не выдержу, н-не выдержу! Я сама попаду в палату контуженых!..

Рояль в коридор выкатили. Все кому не лень брэнчат на нём. Ирочка отгоняет от инструмента ранбольных и раскудлаченная, потная летает по коридору, вроде бы не касаясь пола, всюду и везде даёт указания и уверяет руководство и себя, что она-таки не выдержит, таки угодит к психам.

Между прочим, тот самый псих, что рассказывал про богиню Коринфскую и про то, как целуются носами (умора, ей-богу!), смущённо, держа себя за бородку, предупредил Ирочку насчёт палаты контуженых: вы, мол, знаете, как на них музыка дурно влияет.

– Знаю, знаю! – оборвала его Ирочка. – Сейчас, между прочим, у всех нервы! И у меня нервы! Распустились, понимаешь!..

Старичок сконфузился, теребнул ещё раз себя за бородку и тихо удалился в девятую палату.

И вот наступил долгожданный день! Лежачих вынесли на носилках, навывали на тележках, и пошла музыка.

Один парень из медицинского института жарил на барабанах, другой дул в трубу, третий – в саксофон, а длинноволосый студент в латаных штанах юлил смычком по скрипке. Девчата пели всякие песни про любовь и про войну.

Студенты не только играли и пели, они ещё и сценки потешные разыгрывали. Одна сценка уж больно смешная получилась. Из санпропускника явился на костылях одетый в драный немецкий мундир и дырявую каску «фриц» с нарисованными углём усами. Студент в латанной на рукавах вельветке, но при галстучке, который вёл концерт и называл себя в нос «конфэрансье», глянув на «фрица», пожал плечами и спросил у всех нас:

– А это, простите, что за фигура? – И повернулся к «фрицу»: – Мы, любезный, кажется, вас сюда не звали?

Хохот прокатился по коридору и разом замер – все предвкушали, какая потеха дальше пойдёт, если уж сейчас смех удержать невозможно.

– С-под Сталинграда пробираюсь! – жалостно заныл «фриц». – Щоб об любимого фюрера эти костыли обломать!..

Ну тут уж все грохнули так, что в лампах свет подпрыгнул, и заговорили:

– Во даёт!

– А нога-то, нога-то?! Крива!

– Дойдешь ли до Берлина-то?

– Вы поглядите, как он поумнел после Сталинграда! – усмехнулся конфэрансье.

– Умнел! Умнел! – согласился «фриц» и чего-то ещё хотел сказать, но всё представление чуть было не испортил старшина Гусаков. Он последнее время возжается с Шестопаловым, и вот, видать, они опорожнили на двоих грелочку с микстурой, и оттого перепутал старшина искусство с жизнью и загремел, приподнявшись на тележке:

– Поумнел?! Об чём ты раньше думал, живо-глот? Где твоя башка была? Объясни народу!..

– Говори, стерва, не то мы тебе!.. – поддержал старшину Шестопалов, и другие ранбольные тоже грозно загоношились.

Едва уgomонили публику. «Фрицу» даже каску пришлось снимать и доказывать, что он самый настоящий русский парень из медицинского института и никакой не враг, а шеф, и что всё это было лишь искусство, направленное против фашизма. Однако номер с «фрицем» дальше продолжать студенты не решились, хотя там ещё были сатирические куплеты и танцы на костылях, завершающиеся пинком «фрицу» под зад. Во всех других местах этот номер имел потрясающий успех, а здесь не прошёл, здесь ведь не простой госпиталь, а нервно-патологический, о чём забыли медики и руководство забыло.

И, надо сказать, напрасно забыло оно об этом!

В коридоре был полумрак, потому что горело возле артистов всего несколько привезённых ими же свечей да несколько лампёшек на стенах. В дальнем конце коридора, занавешенная красным одеялом, виднелась дверь девятой палаты. За нею шла жизнь, а какая – никто пока не знал.

Концерт после небольшой заминки продолжался и вошёл в свое русло. Ребята уже исполнили один номер, другой. Уже спела белокурая девушка неугасимый в то время «Огонёк», а Лида всё не появлялась. «Неужели не придёт?» – расстроено думал я.

Никакой договорённости насчёт концерта у нас не было, но я всё же захватил для неё место и упорно оборонял его от наседающей солдатни. На моём же ряду сидел тот офицер с усиками и тоже нет-нет да и озирался по сторонам. Я не озирался, но всё равно почувствовал, когда появилась Лида. Офицер сразу вскочил и предложил ей своё место. А я только метнул взгляд в их сторону и отвернулся.

– Сидите, сидите, – тихо сказала Лида офицеру и уважительно, как бы оправдываясь, добавила: – Чего же вам стоять, когда есть свободное место.

Она, очевидно, по моему взгляду или ещё почему догадалась, что, если не сядет рядом со мной, я уйду и чего-нибудь натворю: окно разобью, лампу, а может, и зареву. И она села рядом со мной и сразу уставилась на оркестр с полным вниманием.

Я тоже напряжённо слушал оркестр и, не отрываясь, смотрел на него.

Народ захлопал, зашевелился, и я тоже с запозданием начал хлопать. Кто-то втиснулся ещё на наш ряд, и меня прижали к Лиде. Я испуганно

отодвигался, теснил и наваливался на моего бывшего соседа в операционной палате, а теперь вот и по скамейке соседа. Везёт мне!

– Шо я тоби, забор? А? Дэрэвьяный, да? – не выдержал он.

– Оловянный! – рыкнул я.

«Дэрэвьяный» удивлённо уставился на меня, моргнул раз-другой и не стал больше ничего говорить.

В это время конференсье, рассказывавший ехидные штуки про Гитлера и его клику, объявил в нос, как настоящий столичный конференсье:

– Л-любимая песня фронтовиков – «Дочурка»! К роялю подошла улыбающаяся девушка, поклонилась нам и запела:

*Злится вьюга всю ночь, не смолкая,
Замело все дороги-пути.
Ты в кроватке лежишь, дорогая,
Нежно Мишку прижавши к груди...*

Пела девушка о маленькой дочурке, которую в полуночный час, в час короткого роздыха между боями вспоминал в окопе отец. И то, что от имени отца-фронтовика пела об этом девушка, женщина, почему-то особенно тревожило и скребло сердце.

Одеяло на двери девятой палаты шевельнулось, и из-под него возник Иван, тот самый, что просил меня прекратить «м-музыку». Иван прислонился спиной у дверному косяку и стал слушать. Я с тревогой следил за ним и почувствовал, как обеспокоенно шевельнулась и напряглась оцепенело Лида. Рот Ивана начал подрагивать и кривиться. Казалось, какая-то жилка на его лице сделалась короче и оттягивала губы вбок. Иван с таким усилием выпрямлял губы, что пальцы его сжимались в беспокойные костлявые кулаки. Блик от свечи падал на лицо Ивана, и я увидел, как постепенно разгораются и дичают его тоскливые глаза.

Это же заметили и санитарки, которым велено было бдить и в случае чего принимать решительные меры. Они белыми тенями возникли подле контуженого и принялись осторожно и молча оттирать его от косяка в палату. Иван тоже молча и настойчиво отбивался от санитарок. Он смотрел в одну точку – на свечу, рот его подёргивался, будто он судорожно сглатывал музыку.

И вдруг Иван издал клокочущий, гортанный вопль:

– Н-н-е ца-ца-пай-те! – И тут же высоко, как резинового, подбросила его страшная сила, и он упал, сражённый припадком, ножницами раскинув ноги.

Музыка оборвалась. И теперь особенно явно слышалось, как часто и тупо стучит затылок контуженого о деревянные половицы. На крики Ивана выскочили из палаты ещё несколько контуженых, и началось...

Свечи погасли. Коридор провалился в темноту. Раненые бросились бежать. Крик, стон, вой...

– А-а-а-а-а!

– Бомбят, что ли?!

– Уби-и-или-и-и-и! Ой, убили-и-и-и!

– Товарищи, товарищи!

– Больные, спокойно! Голубчики, спокойно! – взывала во тьме Агния Васильевна. Но её никто не слышал и не слушал.

Няни старались поскорее растолкать по палатам тележки, унести носилки.

– Кончай панику, в господа бога! – перекрывая весь грохот, заорал старшина Гусаков и тут же опрокинулся с тележки, громко рухнув на пол, хрустнули на нем гипсы, голос оборвался.

Видимо, опыт разведчика подсказал мне, как надо действовать в этой обстановке. Я схватил Лиду, прижал к стене, загородил собой и кричал ей:

– Стой! Изувечат. Стой, говорю!

Она порывалась бежать.

– Да стой же ты!..

Кто-то ударил меня, а потом рванул за раненую руку так, что в глазах закружился огонь. Я охнул. Оседать начал.

– Миша, что с тобой?! – подхватила меня Лида и в ужасе истерически крикнула: – Свет! Зажгите свет! Ой, да что же это такое?

Появился свет. Санитарки и солдаты из выздоравливающих навалились на Ивана, связали его полотенцем. Контуженый всё ещё вздрагивал на руках санитарок и со всхлипами брызгал слюной и пеной. Глядя по мосластым спинам и по стриженным головам других контуженых, наговаривая им что-то умиротворяющее, баюкающее, санитарки повели их в девятую палату. Туда же пробежала дежурная сестра со шприцем наготове и со стаканом воды. Двоих солдат и старшину Гусакова, валявшихся на полу, тут же унесли на перевязку. Несколько человек, люто ругаясь и охая, пошли в перевязочную сами.

А я, когда близко мелькнула лампа, увидел кровь на щеке Лиды и рванул к ней:

– Кровь?!

– Какая кровь? – изумилась Лида и вдруг схватила меня за руку. – Это твоя! Это твоя... Я слышала, как потекло по щеке. – И сильно потащила меня. – Скорей на перевязку, скорей...

Мы очутились в перевязочной. Там толпился бледный народ. Кто похихатывал, кто требовал скорее остановить кровь, некоторые всё ещё рыдали, ругались, а иные лишь слабо стонали. Гусакова оживили нашатырным спиртом.

– Всё это сикуха-культурница! Предупреждали же её контуженые об музыке, предупреждали! – ругался старшина, и голос его успокаивающе действовал на раненых, на меня в особенности.

Я потихоньку выбрался из перевязочной и пошёл искать Рюрика. Он оказался цел и невредим, помогал сёстрам. Помогали и студенты-медики, Коля-азербайджанец, парень, который изображал фрица, даже усики не успел стереть. Я тоже стал помогать. Но тут послышалось: «Миша-а! Мишка! Вы не видели Мишу?»

Я ещё и подумать не успел, что это обо мне, – мало ли Мишек на свете, как налетела на меня петухом Лида:

– Герой какой нашёлся! Без перевязки ушёл...

– Не шуми ты, Лидка, ничего мне не делается.

– Да, не делается, – сказала она, и губа у неё запрыгала. – Вон кровь-то льёт-от! Иди, говорю, на перевязку, несчастный, а то я тебе не знаю что сделаю!

И я пошёл на перевязку.

Ирочку с работы выгнали. Раненых привели в порядок. Всё прибрали, наладили. Вот только шефы наши пострадали – остались без инструментов. В суматохе погнули трубу, на барабан кто-то наступил или упал и покорёжил его. Студенты, по слухам, прирабатывали на хлеб музыкой этой. Остались без приработка, жаль. Неловко получилось. Нехорошо. Я всегда презрительно относился к этой Ирочке. Оказывается, не зря.

Но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. После этой «битвы» отношения между мной и Лидой сделались такими, что мы вовсе перестали избегать друг друга и таиться.

Если по какой-либо причине я не выходил её встречать, она сама появлялась в нашей палате хоть на минутку. Солдаты к этому уже привыкли

и даже насмехаться надо мной перестали. Мало того, нас всячески оберегали, и до меня дошёл слух, что всем надоевший грубиян и выпивоха старшина Гусаков отчитал офицера с усиками за то, что он сказал какую-то поганость о нас с Лидой, и в заключение даже будто бы кулачище под усики младшему лейтенанту поднёс. Ну, это уж придумали, пожалуй. У нас тут присочинить есть такие мастера, что закачаешься.

Конечно, если бы услышал какую гадость я сам, то просто дал бы плюху младшему лейтенанту, и всё. А за это меня выдворили бы из госпиталья, а может быть, в штрафную роту отослали бы. Бить офицера солдату не полагается даже в госпитале.

Катится время, бежит. Весна скоро. Шестопалова, старшего сержанта, моего соседа – «дэрэ-вьяного», Колю-азербайджанца и ещё много кого уже выписали из госпиталя и направили на пересыльный пункт.

Рюрика тоже комиссовали домой – у него на лёгком не зарастает дырка. Он получил новое обмундирование и ждал какую-то окончательную бумагу. Завтра я провожу его на поезд. Мне разрешили. А сегодня он меня спросил:

– Ты хоть знаешь, где живёт Лидка-то?

– На улице Пушкина, дом с поломанным крыльцом и с флюгером на крыше.

– Ну, раз с флюгером, значит, найдёшь, – заключил Рюрик и бросил на мою подушку свёрток с обмундированием.

Я прикрутил к гимнастёрке свои награды, стараясь попадать в просверленные Рюриком дырки, надел тесные сапоги и предстал перед народом весь окованный, стеснённый новым обмундированием.

– Ну как, ничего, братцы?

– Какой там ничего?! Гвардеец! Чистых кровей гвардеец!

– Нет, правда, братцы?

– Не верит! Да сегодня девки по Краснодару снопами валяться будут!

– Слухай, тэбе до артистки трэба!

– На хрена сдалась ему артистка! Какой прок от неё! Он любую буфетчицу в таком параде зафалуует!..

– Да ну вас! – совсем уж обалдевший от конфуза и счастья, махнул я рукой и подался из палаты. А вслед неслось:

– Ты там про природу долго не разговаривай! Небо, мол, видишь? Землю, мол, видишь? Ну и всё...

– Выпей для храбрости!..

Эти научат! Опытный сплошь народ, особенно на язык.

А всё же кой-чему и обучили... Пользуясь советами «опытных» бойцов, я благополучно миновал все госпитальные заслоны, а также вахтёра с будкой и направился на улицу Пушкина, которой вскорости и достиг. Также без особенных помех и затруднений нашёл дом с флюгером – и тут чего куда девалось: оробел, топтался возле поломанного крыльца. А потом сел, потому что ноги, отвыкшие от обуви, жало невыносимо.

Я долго сидел на крыльце, слушал, как скрипит ржавый флюгер на крыше и сыплются крошки льда с ветвей, и до того досидел, что замерз, и сунул руки в рукава стеганого бушлата. Из дому вышла женщина с кошёлкой в руке, глянула на меня большими, всё ещё яркими глазами, и я понял, что это мать Лиды.

– Вы чего-то потеряли, молодой человек?

– Червонец!

– Где потеряли-то?

– Там, – кивнул я подбородком за ворота, потому что руки не хотелось вытаскивать из рукавов; мне всё как-то сделалось нипочём.

– А ищите червонец здесь оттого, что светлее? Я этот анекдот знаю.

Разговор иссяк, всё смешное кончилось. Надо было уходить «домой», в тепло, а я как прирос к этому крыльцу с проломленной ступенькой.

– И долго вы намерены сидеть здесь, молодой человек?

– Не знаю, – ответил я, впадая в уныние. – Ещё посижу маленько, и тогда ясно станет.

– Что ясно-то?

– Всё станет ясно.

– Э-э, дорогой солдатик, да ты вовсе зачоченел! – нахмурилась женщина. – А ну марш в дом! Лидия спит. Разбуди её. Я скоро вернусь из магазина. – И она ушла.

Дверь в сенцы осталась открытой. Я тщательно вытер сапоги, вежливо постучал в дверь и тихо вошёл в дом. Снял бушлат, повесил. Звякнули медали. Я придержал их рукой и огляделся. Старый диван с зеркалом, бархатная с проплешинами накидка на туалетном столике, шифоньерчик с точёными ножками, картина, писанная маслом, в потускневшей раме. На картине арбуз и две груши – скудно для такой рамы.

Отец Лиды был, видимо, начальником, и они жили в довоенное время хорошо. Но куда делся отец, Лидя не рассказывала, а спрашивать было

неловко. Из города они не успели выехать и во время оккупации проели с матерью все вещи, какие только можно было проесть. Проели и половину дома – это уже после оккупации. И зуб Лидя поломала при немцах. Во время обстрела забила она под стол и не то со страха, не то ещё от чего щёлкала семечки, и под разрывами не заметила, как вместе с семечками попала в рот галька. Словом, понесла урон от войны.

Ох, и дурёха же! Право, дурёха! Спит и не знает, что я пришёл при всех регалиях и в обмундировании. Она привыкла видеть меня в одеяльной юбке или в байковом халате, протёртом на локтях. Не узнает, небось.

Я придвинулся к дивану и опасливо глянул в зеркало. Ничего парень. Лицо, правда, осколком повредило, но это ничего, это за свидетельство героизма сойдёт. Какое-то выражение на лице у меня незнакомое, осветилось вроде бы чем-то лицо. Недаром как-то в перевязочной, куда я пришёл после ванны на перевязку, Агния Васильевна, эта до жуткости строгая Огня, сняв пенсне и близоруко щурясь, будто на бог весть какого «прынца» поглядела на меня и закудахта-ла так, будто золотое яичко снесла:

– Лидочка! Лидочка! Ты посмотри, какой у нас Миша-то стал!

Тогда я страшно смутился и удрал из перевязочной. Но я всё-таки знал, что стал красивей и лучше. И мне было хорошо от того, что я стал лучше, и на душе у меня праздник. А в праздник люди всегда выглядят красивыми.

Я пригладил заметно отросший, чуть волнистый чуб и кашлянул. Никакого ответа. Тогда я осторожно отодвинул занавеску на двери, ведущей в другую комнату, и увидел Лиду.

Она спала.

Я поставил стул и сел подле кровати. Сидел, смотрел, как ровно и глубоко дышит Лидя, как легко пошевеливается одеяло на её груди и как бесшабашно раскинулись её волосы по пухлой подушке. Я привык видеть Лиду в белой косынке и не знал, что у неё такие пенистые волосы. Что-то иставало у меня в груди. Я не удержался и дотронулся до волос Лиды. Они были действительно мягкие, невесомые, как пена. Лидя шевельнулась и открыла глаза. Секунду она ошеломлённо смотрела на меня, затем поддёрнула одеяло до подбородка.

– Ой, Миша! – Она какое-то время тарачила на меня глаза, потом, как слепая, дотронулась до меня, провела рукой по волосам, по лицу, по-

брякала медалями, икнула и засмеялась: – Ой, и правда Миша!

Лида схватила меня за чуб и принялась тереть его так, будто это не мой чуб, а грива лошадиная. Она терзала мой чуб, а я терпел и улыбался. Она пригнула мою голову к себе, притиснула к груди и заливалась всё громче и громче:

– Мишка! Пришёл! Сам! Один! Нашёл!.. – И всё икала и смеялась. Вот уж воистину, как у ребёнка: то икота, то хохота! – Ой, Мишка, и ты сидел возле меня? Я никогда-никогда этого не забуду, Миша! – Она укусила губу, отвернулась и опять икнула. По щеке её покатились слеза, круглая-круглая, и беспомощная-беспомощная такая Лида была.

– Ты что? Ты что это?

– Ты знаешь, Миша, такая жизнь кругом: раны, кровь, смерти и вот такое... Даже не верится. Всё ещё кажется, что я сплю, и просыпаться не хочется.

Икота, слава богу, пропала, но смех тоже пропал. А как хорошо смеялась Лида, и зуб поломанный во рту её мелькал веселой дыркой.

– Ты какая-то сегодня...

– Какая? – спросила она и по-ребячьи, локтём утёрла лицо.

– Нервная, что ли?

– Ну уж и сказанул, – улыбнулась она сквозь слёзы, которые дрожали на ресницах. – Мне ведь одеться надо, Миша. Отвернись.

Оба мы тут же смутились и стали глядеть в разные стороны. Но глаза наши сами собой встретились.

В упор глядели мы один на другого. Глядели напряжённо, не отрываясь, будто играли в «кто кого переглядит». Лида первая опустила глаза и жалобно попросила:

– Отвернись, Миша.

Я стиснул её руку до хруста.

– Отвернись, родненький, – ещё тише повторила она, – отвернись, лапушка... – Голос её слабел, угасал. – Мама!.. – пропищала она.

Я с трудом выпустил её руку и, переламывая в себе что-то такое смутное, захлестывающее даже рассудок, отодвинулся, а потом шагнул за занавеску и сел на диван. Медленно унималась дрожь, мне становилось всё стыдней и стыдней, а Лида снова принялась икать.

– Господи, да что же это за напасть?! Ты, Миша, удрал без разрешения? – голосом, в котором была виноватость, спросила из-за занавески Лида и опять икнула.

– Да! – сердито отозвался я.

– Молодчик! – совсем уже виновато похвалила она меня и появилась в халатике, смущённая и робкая. Мимоходом, несмело погладила она меня по щеке, направляясь к умывальнику, стоявшему в этой же комнате.

А я как подскочил сзади, как цапнул её под мышки да как зарычал лютым зверем – она аж шарахнулась, таз опрокинула:

– Ты чего? Ты чего? Рехнулся?!

– Ничего. Умывайся знай.

Она принялась чистить зубы углём, а я взял альбом в бархатных корочках с этажерки и начал листать его. На первой странице обнаружился жизнерадостный ребёнок.

Он в совершенно голом виде лежал на подушке и пялил глаза на свет белый.

– Надо же! Икота-то кончилась! – удивлённо сказала Лида, утираясь полотенцем.

– Хэ! – сказал я. – Икота! Я и похлеще чего изгнать могу! Наваждение! Беса! Родимец! Даже наговоры... приворотные средства. Это неуж ты? – ткнул я пальцем в жизнерадостного ребёнка.

Лида выхватила у меня альбом, треснула им меня по лбу.

– У-у, бессовестный какой! На вот! – Сунула мне подшивку журналов «Всемирный следопыт», а сама ускользнула под занавеску.

Я листал подшивку, стянутую верёвочкой, смотрел картинки, а за занавеской слышался шорох одежды, и Лида развлекала меня оттуда разговорами:

– А где ты амуницию взял? Так она тебе идёт!

– Рюрик дал. Его комиссовали.

– Молодчик.

– Кто молодчик-то?

– Ты, конечно! Вон от икоты меня излечил. А нашёл-то как?

– Нюхом!

– Ну и нюх у тебя! Звериный прямо!

– Говорю тебе, таёжный человек я.

– С тобой опасно!

– Ещё как!

Лида явилась в синеньком платье с белой кокеткой, в навощённых туфлях, причёсанная как-то так, что волосы вроде бы сами собой на плечи скатываются, но в то же время и прибраны, не кудлаты.

– Вот и я нарядилась! – перехватив мой взгляд, сказала она, скованная и чего-то стесня-

ющаяся. – Не одному тебе форсить! – И, чудно закинув подол, под села на диван, ощипалась, натягивая платье на колени. – Малое всё сделалось...

Я листал журнальчики и помалкивал да поглядывал на неё украдкой.

– Что-то мама задержалась, – сказала Лида таким тоном, будто обманула меня в чём, и, не дождавшись ответа, с натянутым смехом прибавила: – В очереди застряла. Старееет. Любит поболтать. А раньше терпеть не могла очередей и болтовни.

Я листал «Всемирный следопыт». Лида отняла у меня подшивку.

– Ну, что будем делать, Миша-Михей?

– Почём я знаю?

– Почём-почём! Бука! – ткнула она меня в бок пальцем.

Я подпрыгнул, потому что щекотки боюсь.

– Мы будем гулять с тобой по Краснодару. Вот придёт мама, пообедаем и отправимся. А то забудешь наш город. Уедешь и забудешь.

– Не забуду!

– Как знать?

– Не забуду! – упрямылся я.

– И до чего же ты сердитый, Мишка-Михей!

– У нас вся родова такая. Медвежатники мы.

– Какие медвежатники? Медведей ловили, что ли?

– Ага. За лапу. Дед мой запросто с ними управлялся: придёт в лес, вынет медведя за лапу из берлоги и говорит: «А ну, пойдём, миленький! Пойдём в полицию!» И медведь орёт, как пьяный мужик, но следует.

Лида внимательно слушала меня и вроде бы даже верила.

– Ну и балда же ты, Лидка! А ещё в институте учишься!

– Сам ты балда!

Лида хлопнула меня по руке. Я её. И пошла игра: кто чью руку чаще прихлопнет. Лида, медицинская сестра, ничего не скажешь, ловкая девка! Однако же и я не в назьме найден – в тайге вырос, с девяти лет ружьём владею, потом детдомовскую школу прошёл, может, самую высшую по психологии и ловкости школу.

Лида лупит меня по руке, а я её заманиваю, а я её заманиваю. И как только она увлеклась, тут я и завёз ей изо всей силушки!

Лида завопила – и руку в рот, а на глазах слёзы навернулись от боли. Девушка всё же, нежное существо, а я... Виновато погладил я её

руку, стал на пальцы дуть. А пальчишки, господи, твоя воля, аж светятся насквозь и ногти розовенькие. Вот если бы не детдомовец я был, то и поцеловал бы пальчики эти, каждый по отдельности, но не могу я этого сделать, стыдно как-то.

Однако же и от того уж только, что я подул на ушибленную руку, легче сделалось Лиде, и она принялась колотить меня кулачишком:

– Вот тебе! Вот тебе! Вот тебе!

– Карау-у-у-ул! Наших бьют! – заорал я и подвернул Лидку, придавил к дивану, и мы начали дурачиться и бороться. И до чего бы мы доборолись – неизвестно, да в сенках послышались шаги Лидиной матери. Мы отпрянули друг от друга и стали торопливо приводить себя в порядок.

– Мама, а Мишка обманывает меня и балуется, – капризно пожаловалась Лида и надула губы.

– Это ж основная обязанность мужчин, доченька, – обманывать и баловаться, – ответила мать, выкладывая из кошёлки чёрную горбушку хлеба. И по её глазам и тону я понял, что эта женщина очень много пережила и много знает. Мать тут же окинула меня пристальным и умным взглядом.

– Так это и есть тот самый герой, который грудью защитил моё чадо?..

Она сняла шубу и стала цеплять её на вешалку. Гвоздь у вешалки давно уже расшатался и вылез из дырки. Шуба была тяжёлая, и гвоздь не удержал её – выпал. Шуба, слабо охнув, тоже упала. Я взял чугунный утюг с плиты, выпрямил гвоздь и забил его не в старую дырку, а в целую доску, пошатал, пристроил вешалку, водворил на место шубу.

– Вот что значит мужчина в доме! – сказала мать не то в шутку, не то всерьёз и чуть заметно усмехнулась, глядя на меня, и я стушевался. А Лида уже наливала в рукомойник воды и совала мне плоский обмылок, будто я невесть какую работу выполнил.

Руки я всё же помыл.

– Чем же мы будем потчевать гостя? – не то спросила, не то подумала вслух мать, и Лида жалостно отозвалась, глядя при этом с затаённой надеждой на неё:

– Придумаем что-нибудь.

– Да вы не хлопочите. Какой я гость? И сыт я. Нас хорошо кормят – на убой. Вот Лида знает.

– Мало ли как вас там кормят и мало ли чего Лида знает, – заявила мать и подала Лиде же-

стяной бидончик. – Мигом слетай на рынок за молоком. Мы сварим мамалыгу. Вы когда-нибудь ели мамалыгу? – обратилась она ко мне.

– А что это такое?

– Ну вот, вы даже не знаете, что такое мамалыга, – усмешливо проговорила она и, когда Лида выпорхнула за дверь, думая о чём-то совсем другом, пояснила: – Мамалыга – это почти каша, только из кукурузы. Понятно?

– Понятно.

Мать прошлась по комнате, без надобности поправила занавеску и остановилась против меня. Я почувствовал – она хочет что-то сказать, и сказать неприятное для меня. Я отвёл глаза в сторону и насторожился. И вдруг мать дотронулась до моих волос, погладила их почти так же, как Лида, и спросила:

– Вам сколько лет, Миша?

– Девятнадцать.

– Хороший возраст, – вздохнула мать и принялась растапливать печку тремя дощечками от тарных ящичков, бумагой какой-то и мазутным тряпьем. – Хороший возраст, – повторила она. – Вам бы сейчас по клубам, по вечеркам, петь, танцевать...

– У нас танцевать не умеют, у нас пляшут, – мрачно прервал я её и отстранил от печки, потому что не растапливалась она, а только дымила.

Кое-как раздул я печку. В ней огонёк закачался, хилый, чуть живой от такого топлива. Сюда бы охапку наших сибирских швырковых дров!

– Студёно у вас, – оказал я.

– Студёно, – эхом откликнулась мать. – Слово-то какое точное. Везде сейчас студёно: в домах, на улицах, в душах... – Она хрустнула пальцами и наконец тихо спросила:

– Михаил, мне можно поговорить с вами откровенно?

– Почему нельзя? Можно. Я откровенно люблю.

– Вы не сердитесь. Я – мать. И дочь – это единственное, что есть у меня. Муж нас оставил, бросил. Он доктор. Сошёлся с какой-то во фронтовом госпитале. И вы понимаете... Словом, Михаил, будьте умницей, поберегите Лиду. Душонка у неё – распашонка. Она уж если... всё отдаст. А девушке и отдавать-то – всего ничего.

– Зачем вы так?

– Ах, Михаил, Михаил... – сжала ладонями седые виски Лидина мать. – Не так бы надо сказать. Но раз уж сказались, так слушайте дальше. Вы уже взрослый, вам уже девятнадцать. Не ко

времени это всё у вас, Михаил! Ещё неделя, ну, месяц, а потом что? Потом-то что? Разлука, слёзы, горе!.. Предположим, любви без этого не бывает. Но ведь и горе горю рознь. Допустим, вы сохранитесь. Допустим, вас изувечат ещё раз и несильно изувечат, и вы вернётесь. И что?.. Какое у вас образование?

– Семь.

– А специальность?

– Была специальность... да сплыла.

– Вот видите, вот видите, – подхватила она. – Лидка тоже ещё на перепутье. Институт даже не кончила. В общем, Михаил, будьте взрослым. Сделайте так, чтобы ваши отношения не зашли далеко. Понимаете, есть вещи, есть такие вещи... Ну вы меня понимаете...

– Да. Почти что. – Я резко поднялся и стал надевать бушлат. А он, гад, как нарочно, не надевается, раненая рука мешает. Пришлось зубами помогать натягивать.

Диван затёнкал пружинами. Мать подошла ко мне и молча отняла бушлат. В уголках её глаз, у самых морщинок, блеснуло.

– Не уходите. Вы сделаете ей больно. А боли и горя, добра этого, и так хватает.

Мать неуверенно протянула руку, нежно погладила меня по плечу, и я от этого чуть было не заревел.

– Дети вы мои, дети! – Она уронила руки. – Разговор наш вы можете забыть... Это ведь только слова, слова матери, у которой ум и сердце тоже иной раз не согласуются. Может, я и не права. Может, устала от нужды? Оскудоумела от горя? Всё может быть. Простите меня, бога ради...

– Что вы? За что?.. – У меня повело губы. – Я ведь и в самом деле отучился думать о других... За меня начальство думает, старшина харч выдаёт – и вся недолга. – Я помолчал и добавил: – Не переживайте хоть из-за этого. Будет в норме! Так в детдоме у нас говорили, – вымучил я улыбку.

– А у вас?

– У меня? Обо мне не стоит. Я – солдат, а загадывать солдату нельзя, по суеверным соображениям, – пояснил я.

В это время в комнату ворвалась Лида, поставила бидончик на стол, разделась и... Ох, и глазастая девка всё-таки!

– Вы что? Что у вас произошло? Мама!

– Да ничего особенного. Печку растопляли, о жизни говорили. «Студёно», – говорит твой сол-

дат. Сейчас мы его согреем, мамалыгой угостим! Представляешь, он, оказывается, никогда не ел мамалыги.

– Ага! Он медвежатиной всю жизнь питался! – поджала губы Лида.

Мы гуляли по Краснодару, по улице Красной, по Чкаловской и ещё по каким-то. У меня не шёл из головы разговор с Лидиной матерью. Мне его никогда не забыть. Не так я устроен, чтобы забывать такое. Что-то повернулось во мне, непонятное содеялось. До этого я воспринимал наши отношения с Лидой как свет, как воздух, как утро, как день. Незаметно, само собой это входило, заняло своё место в душе, жило там и не требовало вроде бы никаких раздумий. Было и всё. А что, зачем, почему – это как будто и не касалось нас.

Оказывается, ничего в жизни просто так не даётся. Даже это, которое ещё только-только народилось и которому ещё не было названия, уже требовало сил, ответственности, раздумий и мук. И ещё мне страшно жало ноги, до того жало, что по самые коленки горели они. Я терпел, и даже шутил, и смеялся, но, видимо, иной раз не совсем ладно смеялся, говорил невпопад, и Лида удивлённо спрашивала:

– Ты чего?

Я отделялся шуткой.

Ночь была ясная и звёздная. В городе лишь кое-где тускло светились окна, но и они гасли одно за другим. Город, разрушенный в центре, с кое-как прибранными и подметёнными улицами, утомлённо затихал. Вскоре он и вовсе погрузился в темноту. Ямки возле тротуаров и на тротуарах были наспех засыпаны обломками кирпичей, мусором. В этом городе много деревьев, кое-где они почти смыкали вершины, и это маскировало раны и разрушения, сделанные войной.

Я держал Лиду под руку и говорил:

– Осторожно, воронка!

– Осторожно, воронка! – предупреждала она. Забывая душевную смуту, эту, насквозь меня пронзившую после разговора с Лидиной матерью, горесть, даже не горесть, а недомогание какое-то, боль, ещё неизведанную мной, точнее, непохожую на те боли, которые я извещал от ран, ушибов и тому подобных пустяков. Я вспоминал, мучительно вспоминал название этому и вспомнил – страдание! Такое старомодное, так часто встречающееся в книжках и в кино слово, а я его забыл, вернее сказать, и не знал вовсе.

А тут ещё сапоги эти проклятые! Хоть ложись на землю или разувайся и шествуй боси-

ком по Краснодару. Но я ж героический воин, я ж гвардеец, я ж медвежатник, и что мне все эти самые страдания? Я весело и беспечно травил про войну:

– И вот кричат фрицы нам: «Еван! А Еван! Переходи к нам! У нас шестьсот грамм хлеба дают!» – «А пошёл ты!» – отвечают ему наши. Ну, ты знаешь, куда пошёл?..

– Смутно догадываюсь, – роняет Лида. – Я всё-таки с военным народом на работе дело имею.

– Кхы! – поперхнулся я и продолжал: – А пошел ты, фриц, туда-то и туда-то! У нас кило хлеба дают, и то не хватает!» – Тут я как захохотал и вдруг обнаружил, что Лида-то не смеётся. Она остановилась против меня, смотрит и ждёт, когда кончится моё веселье.

– Миша, вы о чём с мамой говорили?

М-да, эта девица-сестрица не такая уж простофиля, не такая уж девчущечка с поломатым зубом! Надо ухо остро держать!

– Да так, обо всём. Про мамалыгу больше. Выяснилось, между прочим, что она всё равно как наша сибирская драчена, только та из картошек, а эта из кукурузы.

– Объяснил вполне популярно. Дуй дальше. Только не про войну. Войной я сыта вот так! – чиркнула Лида себя ребром ладони по горлу.

– Так ведь кто про чё. – Я вовремя застопорил, чуть не брякнув: «А вшивый про баню».

– Тогда стихи читай, как положено на свидании! – потребовала Лида.

– Стихи? Да я их не помню. Вот разве что: «У Лукоморья дуб срубили...»

– Не трудись. Весь госпитальный фольклор тоже изучила!

– Ну, «Однажды, в студёную зимнюю пору...»

– Вот за этим углом грома кирпичей лежит – разбитая школа. В четвёртом классе одной школы я, как сейчас помню, отхватила «отлично» за декламацию этого популярного стишка.

– Н-ну, дорогая сестрица, я уж и не знаю, чем вас развлекать!

– Расскажи, о чём вы говорили с мамой?

– А-а! – хлопнул я себя по лбу. – Помню! Один стих помню! И какой стих! В нашем взводе стишок этот очкарик один читал. Его баба, извиняюсь, жена спокинула, вот он по причине разбитого сердца...

– Валяй по причине разбитого сердца.

Я остановился, задрал морду в небо и с завыванием начал:

*Я не любил, как вы, ничтожно и бесстрастно,
На время краткое, без траты чувств и сил.
Я пламенно любил, глубоко и несчастно.
Безумно я любил...*

Гляди-ка ты, стишок, вычитанный мной в старой, растрёпанной книге, звучит сегодня как-то совсем по-иному, смешным вовсе не кажется – от него незащищённость какая-то происходит! От него даже чего-то внутри зашевелилось и сердце давит. Ну, это, может, и по причине тесных сапог. От тесной обуви, говорят, даже порок сердца случается.

– Ну, чего же ты? – Лида упрятала лицо по самый нос в рыженький мех, и не понять: смеётся она или на полном серьёзе меня слушает.

– Да я дальше не помню. Конец только.

– Р-руби конец.

*Я звал забвение. Покорный воле рока,
Бродил с поверженной, мятущейся душой,
Но, всюду и везде преследуя жестоко,
Она была со мной...*

Тут я опять сбился, запомнил стих дальше, начал терзать свою хилую память, натужно шевелить мозгами:

– Та-та-та-та... та-та-та... Есть! – обрадовался я. –

И вот, я слабый раб порока...

Та-та-та... та-та... Ага, поймал!

*Искал всесильного забвения в вине,
Но и в винных парах являлся образ милой
И улыбался мне...*

– Дальше опять не помню, делаю перескок.

*И в редкие часы, когда, людей прощая,
Я снова их люблю, им отдаю себя,
Она является и шепчет, повторяя:
«Я не люблю тебя...»*

Мы оба долго не шевелились и молчали. Какое-то жалостное чувство подтачивало меня. Тянул самолёт вверх. Над нами пощёлкивали обмёрзлые ветки. В тёмных улицах верещали свистки патрулей, и подозрительно разбегались по подворотням подозрительные людишки, а мы стояли и молчали.

– Ну как? – прокашлялся я. – Так себе стишок, правда? Но солдаты переписывали...

Лида ничего не ответила. Зябко ёжась, она глухо в мех лисы выдохнула:

– И в редкие часы, когда людей прощая, я снова их люблю... – Голосишко её задрожало. Она вдруг прижалась ухом к моей молодецкой груди и чуть слышно прошептала: – Ты бы хоть поцеловал меня, медвежатник!..

Я как будто того только и ждал. С торопливым отчаянием обнял Лиду и ткнулся губами во что-то мягкое, и не сразу понял, что поцеловал лису.

– Ах, медвежатник ты, медвежатник, – прошептала Лида, – тебе бы только со зверями якшаться.

Я обиделся и пытался выдернуть руку. Но Лида приблизила своё лицо к моему и вытянула губы, как это делают ребятишки, изготовившись к поцелую. Я припал к ним плотно стиснутыми губами и так вот держал, не дыша, до тех пор, пока без дыхания уж стало невозможно.

Я отнял губы, сделал громкий выдох.

Мы снова молчали, отвернувшись друг от друга.

– Гляди, Миша, сколько звёзд сегодня! – наконец заговорила Лида, и я поглядел на небо.

Звёзд и в самом деле сегодня было очень много. Ближе других ровно светились солидные, спелые звёзды, а за ними мерцали, перемигивались, застенчиво прятались одна за другую звёзды, звёздочки, звездуски. И не было им конца и края, невозможно было их перечесть – эти бессонные, добрые звёзды.

– Может, и наша звёздочка там есть, Миша?

– Может, и есть, да не про нашу честь!

– У-у, какой ты грубый! – опечалилась Лида. – Я знаю, почему ты так...

Я насторожился и сказал, что ничего она не знает, что это детдомовщина да солдатчина во мне грубая сидит, и нечего тут мудрить!

– Миша, ты так и не скажешь, о чём вы говорили с мамой?

– Так и не скажу!

– Ну что ж! Ты настоящий мужчина и воин! – Тряхнула она меня за отворот бушлата. – Характер твой железный, и тайны ты умеешь хранить. А я слабое создание женского пола. И прошу тебя всё-таки загадать со мной вместе звёздочку. Во-он ту, рядом с ковшиком которая...

Мы снова поцеловались, теперь уже за звезду, и на этот раз не отвернулись один от другого. И хорошо, так хорошо мне было держать её меж отворотов бушлата и слышать, как греет мою грудь её дыхание, и так хотелось её стиснуть, да

уж больно хрупкая, больно уж мягонькая, пуховенькая птичка-канарейка, и прилепилась, понимаешь, дурёха такая, примолкла! А я бы не знаю что сделал для неё и для всего советского народа!..

– Миша, ты когда-нибудь целовался... ну... с девушкой?

– Нет, не целовался. Некогда было.

– И я тоже не целовалась.

Я отстранил её, в лицо всмотрелся с недоверием. Она тряхнула головой.

– Правда-правда. Тот младший лейтенант Макурин провожал меня два раза, но не целовал. Да я бы и не позволила ему...

– Ты, может, думаешь, – ревную? – фукнул я носом и даже хохотнул. Но смех получился такой, будто у меня подшипники в горле расплавились. И тогда я рассердился: – Была нужда!

– Не смей так говорить со мной. – От обиды голос Лиды дрогнул: – Грубиян несчастный!

– Ладно уж, не буду, – подразнил я её и боднул лбом. Она схватила меня за чуб, и всё дело кончилось тем, что мы ещё раз поцеловались.

Поздно ночью мы остановились на улице Пушкина, возле дома с флюгером. Флюгера за тополем не было видно. Он только время от времени напоминал о себе железным ленивым скрипом. И тогда голые ветви тополя начинали чуть слышно пошевеливаться, пощёлкивать друг о дружку, и сверху к ногам падали звонкие ледышки. Снега на улицах нет. Лишь кое-где в заулках притаился он линялым зайцем. И холода настоящего нет, но и мокрети, этой вечной кубанской малярной мокрети нет сегодня. Какая хорошая ночь! А на душе горько, так горько, ну просто невмоготу.

Я перекачивал сапогом эти то вспыхивающие, то гаснущие звёздочки-ледышки, помалкивал, понимая, что надо уходить, пора уходить, а ноги ровно бы приросли к земле.

По пустынным, гулким улицам города возвращался я в госпиталь и не замечал воронок, малой обуви, а рубил строевым, и, забыв, что говорила мне Лидина мать, отрывал любимую песню нашего полка:

С нашим знаменем,

С нашим знаменем

До конца мы врага разобьём!

За родимые края, края советские

Мы в поход, друзья-товарищи, пойдём!..

И плевать мне было на всё на свете. Во мне бурлило столько радости, что я готов был обнять первого же встречного и поцеловать его. Но первыми встречными оказались не те, которых надо целовать.

В одном из особенно тёмных переулков меня перехватили налетчики – добра этого тогда в Краснодаре водилось, хоть пруд пруди. Они весело приказали:

– Гоп-стоп! Не вертуйся, соловей!

– Вам чего?

– Лопотинку, всего лишь лопотинку, соловей! Кальсоны оставляем, уважая застенчивость.

– Рылы! – с облегчением произнёс я, понимая, что имею дело с весёлыми мазуриками, каких в детдоме перевидал видимо-невидимо, и сам «на дело» хаживал во младенчестве. – Госпитальник я!

Самоволочников из госпиталей никакие мазурики не трогали тогда. Ну уж самые распаскудные если, для которых ничего святого на свете не существовало.

Меня осветили из-под полы фонариком, погасили его, сказав: «Любезно звиняемся!», и попросили закурить. Я отвалил мазурикам всю оставшуюся у меня махру, и они растворились во тьме развалин и густых деревьев, а я потопал дальше и снова грянул:

С нашим знаменем!

С нашим знаменем!..

Налётчики подсвистнули в лад моей песне и захохотали:

– Во хватанул вояка микстурки!

Я провожал Рюрика на вокзал. Он шагал рядом, опираясь на тополиный сук, курил без перерыва и почему-то сердито говорил, что всё равно будет тренироваться и ещё станет играть в футбол, и успевал стрелять глазами в мимо проходивших девок. Бравый народ – эти саратовские, послушать Рюрика, так у них там сплошные футболисты и гармонисты. И частушки у них одна чище другой.

– Зачем кочегаришь, когда дырка? – сказал я, а он вместо ответа пробубнил мне:

– Комиссуют если по чистой, приезжай без никаких. Всё-таки халупа, отец, мать живые. И город у нас, знаешь, какой, Саратов-то, о-о-о-о!

– Знаю: «Ты – Саратов, город славный», и так далее...

– Я те дело говорю!

– Ладно, Урюк, видно будет, что и как. Давай обнимемся, что ли.

– Давай, – говорит Рюрик, и пробитая щека его начинает подергиваться. Он притискивает меня к себе и давит концом палки в мой позвоночник. А я держу за удавку вещмешок, и так мы стоим некоторое время, будто собираемся побороть друг друга.

В одном поезде с Рюриком уезжал тот младший лейтенант Макурин. Он в серой, ладно сидящей на нём шинели. Значит, кожан брал напрокат у кого-то, и я зря переживал. И усики лейтенант сбрил. Теперь они ему ни к чему, усики-то. Он на передовую едет, а там завлекать некого. Если есть одна или две девки в части, так они уже давно и не по разу завлечённые.

Мы и с лейтенантом обнимаемся. Он хлопает меня по плечу и говорит, весело сверкая серебряным зубом:

– Ну ты, ревнивый мавр, следи тут за порядком в городе.

Я знаю, кто такой мавр, и мне это не очень-то нравится, но младший на войну едет, не надо нам цапаться напоследок, и я отвечаю дружески:

– Можешь быть уверен – порядок в этом городе обеспечу, а ты там бродягу-фюрера скорее дожмай...

Наши шефы со швейной фабрики, не побывавшие у нас по причине новогоднего разгрома, затребовали энное количество кавалеров к себе на фабрику, чтобы веселей было праздновать Международный женский день Восьмое марта.

В число «кавалеров», набираемых из команды выздоравливающих, угодил и я. Скучно мне сделалось после отъезда Рюрика и отбытия всех близких мне корешков, с которыми сдружил нас госпитальная длинная жизнь.

Смятение охватывало, и места я найти себе не мог ещё и от того, что приближалась и моя выписка из госпиталя, а значит, и...

Одним словом, решил я тоже малость поразвлечься, тем более что Лидино дежурство – в следующие сутки, а они, эти сутки, как вечность сделались, и надо было их как-то скоротать незаметней.

Швейная фабрика размещалась в подвалах, где был когда-то склад этой же фабрики. Сами же швеи восстанавливали свою фабрику и уже слепили целый этаж из собранных по городу кирпичей, но рам достать нигде не могли, и от-

того пустогазго чернел надстроенный этаж и дожидался лучших времен.

В подвале станки с машинами, раскройные столы и прочие швейные премудрости и весь инвентарь были сдвинуты в одну сторону, растолканы по углам, а на освободившемся месте сомкнутым строем стояли конторские столы, соединённые досками, на столбиками сложенные кирпичи были положены плахи.

На столах снедь в основном огородная, девушки, видать, тут работали всё больше станичные и понавозили из дому кто чего смог: огурцы солёные, капусту, помидоры, яблоки мочёные, – и вина много на столах и под столами. Точнее, самогонки много, а вино «бабье» – красненькое лишь для разгона праздника и разжигления веселья.

К моей радости в гостях у швей оказались Шестопапов, Коля-азербайджанец и ещё кое-кто из наших. Были и незнакомые ребята, как попало и во что попало одетые. Все они держались стеснённо, жались по углам, не зная, что делать, понимая фальшь и неестественность той роли, какую они призваны были выполнять, роль мужчин на женском празднике! По принуждению!

Один Шестопапов чувствовал себя тут как рыба в воде, бодрил мужской род, прибывший на «прорыв», сообщил между прочим, что через два дня отправляется с маршевой ротой на фронт и Колю-азербайджанца берёт в свою команду, сделает из него совсем отчаянного солдата и вернёт в Акстафу усыпанного орденами, а может, и сам туда рванёт, потому что вина и девок там много, Коля говорит.

– Как же это вас Огния-то отпустила? – неожиданно перескочил он на другую тему.

– Скрепя сердце. Они, – кивнул я на девушек, суетящихся возле столов, – сулятся нового белья нашему госпиталю отвалить...

– А-а, бельишко и в самом деле – заплата на заплате. А как же? – Шестопапов хотел, видно, спросить, как же это отпустила меня Лида, но парень он хоть и шалопутный, да многое понимать умеет. Тут же захохотал, тут же сообщил весело, что они с Колей-азербайджанцем воспользовались «заборной книжкой» – ушли через забор пересылки.

Речь говорил директор швейной фабрики, мужик на костыле и с завязанным белой тряпкой глазом. Точнее, он не говорил речь, а только открыл торжество, понимая, что для парадных выступлений вид его не очень-то подхо-

дядя, и скорее передал слово секретарю профкома, крепкой, подвижной женщине – лучшей стахановке цеха массового пошива, как представил её директор, чем страшно смутил её и взволновал.

Говорила она без бумаги и начала довольно бойко: «Мы, советские женщины, тут, на трудовом фронте, не жалея сил...» А как дошла до тех, кто «проливает кровь там», «а мы собрались тут», – брызнули у неё слёзы, и речь продолжать она больше не могла. Девки многие тоже заплакали, и, горестно покачивая головой, директор фабрики поглядел на нас скорбным глазом и жестом пригласил всех за стол.

Само собой, распорядителем праздника оказался Шестопалов и, будучи великим знатоком душ человеческих, наклонностей их и запросов, довольно точно угадал, кого с кем рядом посадить.

Для меня, как для «своего парня», он постарался особо. Рядом со мной оказалась девушка в чёрном платье с глубоким вырезом, красиво открывавшим её длинную шею, напоминающую рюмку, на которой висела цепь с золотисто сверкающей штучковиной, блямбой назвали бы в детстве, – и в блямбе этой зелёным кошачьим глазом светилось какое-то ювелирное изделие. Длинные, орехового цвета волосы девушки, закруглённые на концах, волнами спадали на неё, эту замечательную шею, и приоткрывали плечи. Глаза у девушки были того же цвета, что и волосы, с коричневым отливом. Держалась она свободно, чуть свысока, умела, однако, не выделяться, и на шуточку Шестопалова такой спокойный и складный ответ дала, что он сразу укатился на дальний конец стола, заграбастал там пышную сероглазку, и та, бедная, не только пить или говорить не могла, у неё уж по всем видам и дыханье-то занялось.

А я держался скованно. Таких девушек, как моя соседка Женя (имя её мне мимоходом Шестопалов сообщил), я боялся, считал недоступными нашему простому сословию и вообще мечтал о том, чтобы поскорее «отбить положенное» и смыться отсюда на улицу Пушкина. Зайти в Лидин дом я, конечно, уж больше не решусь, но хоть возле него пошляюсь. А может, она по молоко пойдёт, по воду, да мало ли, зачем?..

– Вы что-то совсем за мной не ухаживаете, – оборвала мои раздумья Женя.

– Да вот... не умею... не приходились, – смутился я и торопливо налил ей и себе из пузатой

банки красного вина. – С праздником вас, с Женским днём!

– Вас также! – стукнула рюмкой об мою рюмку Женя и, улыбаясь мне игриво, медленно тянула вино из гранёной рюмки. А я выпил разом и вдруг сообразил: она же подъелдыкнула меня, она же вроде бы как и меня в женщины зачислила! Я покрутил головой и хотел придумать что-нибудь тоже ехидное, но в это время зазвучал баян, и все, сначала недружно, невпопад, но постепенно собирая силы в кучу, уже в лад пели на мотив танго «Брызги шампанского» знаменитую тогда песню: «Когда мы покидали свой любимый край и молча уходили на восток, над Тихим Доном, над веткой клёна, моя чалдонка, твой платок...»

Когда песня подошла к концу и накатили слова: «Я не расслышал слов твоих, любовь моя, но знаю – будешь ждать меня в тоске. Не лист багряный, а наши раны горели на речном песке», – то все уж бабёнки и девчата заливались слезами, иные из-за стола повыскакивали и бросились куда попало, в голос рыдая.

Ну тут всё понятно – у них мужиков и сыновей поубивало. С ними отваживались, отпаивали их водой и водворяли обратно за стол зарёванных, погасших, с распухшими глазами.

Моя соседка Женя сидела бледная, прямая, с плотно сжатыми губами и, не моргая, глядела куда-то остановившимися глазами. Я оробел ещё больше и не шевелился, даже и коснуться её боялся. Но сидеть всё время так вот тоже было невежливо. Я положил на тарелку винегрета, сверху плюхнул яблоко мочёное, поставил тарелку перед Женей и тронул её за плечо:

– Женя, покушайте, пожалуйста!

– А? Что? – вздрогнула Женя и возвратилась откуда-то, из далёкого далёка, слабо и признательно улыбулась мне:

– Спасибо, Миша! Я и в самом деле есть хочу...

«Вот это девка! – восхитился я. – Вот что значит культурное воспитание! Хочет есть и ест, а коснись деревенщины – изжеманится вся: "Да что вы! Да я не хочу! Да я вообще винегрет не употребляю...".»

– Если бы вы налили ещё и вина, вам бы цены не было, Миша!

– Вина? – Я сгрёб пузатую банку: – С полным моим удовольствием!.. – Я начинал чувствовать себя свободней и пытался изображать развязность.

– Если можно, покрепче, Миша.

Мы выпили по рюмке такого самогона, что у меня спёрло дыхание в груди, и если бы Женя не дала закусить от своего яблока, может, дыхание так бы и не началось больше.

– Вот, Миша, мы, как Адам и Ева, вкусили одного плода, – показала Женя на отхваченный мною бок яблока. И я ещё раз налил, и ещё раз куснул, а потом ударился в умилительные мысли: «Миша! Почему меня все зовут Мишей? Я здоровый, крепкого сложения человек, а Миша. Это, наверно, потому, что я слабохарактерный? А может?..» Но дальше думать о себе я запретил, поняв, что захмелел крепко, потому что дальше уж бог знает чего в голову полезло: «Может, я человек хороший, не злой», – ну и всякие такие пьяные глупости.

– Вы бы хоть развлекали как-то меня, Миша! – пьяненько жеманилась Женя, близко придвинувшись ко мне и опалая меня оголённым жарким плечом.

Многие солдатики уже сидели за столом свободно, гомонили, рассказывали что-то – и все в обнимку, все вплотную, а Шестопалов исчез куда-то со своей сомлевшей сероглазкой.

– Да я, – горло у меня ссохлось, – не умею я.

– Ну про войну, про героические подвиги что-нибудь сотрите.

Ну, это она зря! Войны она касается зря. Фронтовые окопные дела мало подходящи для пьяной застольной брехни. Из меня даже хмель начал выходить, и я сказал Жене строго:

– Война страшная, Женя. Не надо об ней шутить.

Она смешалась, нервно затеребила красивыми, но сплошь исколотыми иглой руками цепочку на шее и тут же, преодолев себя, с вызовом бросила:

– Тогда танцевать приглашай!

– А я и танцевать не умею. – И развел руками покаянно: «Видишь вот, какой тебе нескладный кавалер попался».

– Обманули нас! Сказали, самых боеспособных, самых героических выдадут, а налицо оказалось что? Мякина! Ну мы им за это кальсоны назад шириной понашьём!..

– Ох, Женька, Женька! – расхохотался я и подумал: «Вот была бы у меня сестра такая!..»

Но Женя опять не дала мне углубиться в мысли, вытащила из-за стола, заявила, что мужику в танцах главное – ногами переступить и стараться не уронить под себя на глазах у публики партнершу!

«Шпана! Детдомовщина! Наш брат – кондрат! И никакая она не интеллигенция!», – порешил я и закружился вместе с нею. Мы кого-то толкали, и нас кто-то толкал, было шумно и весело.

Тётка, что говорила речь, обхватив Шестопалова за шею, громко кричала:

– Дай я хоть от имени профсоюза швейников тебя поцелую!

Тут я вдруг вспомнил про Лиду, как целовались, вспомнил и потихоньку-полегоньку в кладовую умотал, где кучей были сложены шинелки и шапки «кавалеров», и долго не мог найти я незнакомую, напрокат выданную мне шинель и шапку из бывших в употреблении, решил уж надеть какую попало, лишь бы налезла на меня, как услышал:

– А чтой-то ты, брат Елдырин, бросил меня? – пойманный и уличённый, я только плечами пожал: – А помоги-ка, брат Елдырин, и мне одеться – чтой-то скучно мне на эфтом празднике издалось!

Ох, земля ты кубанская, пространственная, плоская, нашему брату-сибиряку непонятная, да и неподходящая.

Зимой моросило либо хлопьями снег валил, грязница по колению, да вязкая такая грязница-то! А вот в марте подморозило и даже снежок выпал, пока мы на швейной фабрике отплясывали. Да и сейчас рябит снежок, тихий такой, мирный, душу чем-то детским и далёким радующий.

Женя снежок скатала, лизнула его, как мороженку, и мне лизнуть дала. Сладко! Право слово, сладко!

Потом она этим снежком в меня запустила, но я не ввязался в игру. Мне почему-то не хотелось ни дуреть, ни играть после того, что поведала о себе Женя. Она здешняя, краснодарская, из семьи художника, и сама в изостудии занималась. Но потом война, эвакуация, и вся семья погибла под бомбёжкой, осталась Женя и два чемодана: один – с мамиными платьями и украшениями, другой – с папиными этюдами и рисунками. Теперь Женя бельё в массовке шьёт и лучших времен ждёт...

Хмель из моей головы весь почти испарился. Я шёл по тихому городу и курил толсто скрученную сигарку. А Женя прыгала впереди меня на одной ножке, палочкой трещала по штaketнику палисадников и что-то напевала. Длинный белый шарф (тоже, видать, от мамы оставшийся) крыльями подпрыгивал и мотался над её

плечами, и мне было так жалко эту девушку, так жалко!..

– Дай и мне покурить, сибирячок-снеговичок! – остановилась и протянула руку Женя, вынув её из тоже белой вязаной рукавички.

– Не дам! Не балуйся!.. И вообще не выкаблучивайся! – вздыбился я на неё и вправду что как старший брат. Женя изумлённо уставилась на меня:

– Да ты что?!

– А ничего! Вон какая девка! Красавица! Умница! На художника, может, выучишься!.. Я и сидеть-то сначала рядом боялся с тобой! А ты?..

– Ми-и-ишка, ты напился! В дребадан! Красавица! Умница! Художница-безбожница! Дай докурить! – Она вырвала у меня недокурок и несколько раз жадно и умело затянулась. – Ишь какой! – усмирённой буркнула она, – в богиню почти произвел!

– Чихал я на богиню! Девка ты мировая и не дешевись!..

– Ты чего орешь-то? Чего разоряешься?

– А ничего!

– Ну и всё!

– Нет, не всё!

– Нет, всё!

Она опять опередила меня, опять попробовала прыгать на одной ноге и, рассыпая искры от сигарки, напевала: «Слабый, слабый, слабый табачок, вредный, вредный, вредный сибирячок-снеговичок...».

Но уже не могла она попасть в прежнюю струю беспечного, праздничного настроения и, остановившись возле ворот общежития, церемонно подала мне руку рёбрышком и оттопырила палец каким-то фокусным фертом:

– До свиданья, милое созданье! Спасибо за кумпанью и приятственную беседу. В общагу не зову, поскольку приставать будете, а у нас этого девицы не любят и даже не переносят, поскольку обрухатеть можно! А абортник, он – э-ге-ге-ге! Копеечку стоит!..

– Я чем-то обидел тебя, Женя?

– Да! – сверкнула она глазами: – Гадость сказал!

– Га-ааааадость?!

– Твои благородные, красивые слова больше гадости! Ты ими брезгливость прикрываешь! Прикрываешь ведь? Даже поцеловать не попытался! Брезгуешь, да?! Брезгуешь?!

– Женька ты, Женька! Цены ты себе не знаешь...

– Цена мне четыре сотни и пятисотграммовая карточка! Ну, если не такой ископаемый, как ты, встретится – глядишь, покормит, попоит, четвертак отвалит.

– Будь здорова, Женя! Прости, коль неладное брякнул.

– Бог простит! – Женя вознесла руку к небу, принимая позу богини, но внезапно сникла вся, прикрылась концом шарфа и слепо бросилась в ворота.

Я свернул сигарку толще прежней, высек огня из трофейной зажигалки, прикурил, потоптался, удручённый, возле ворот общежития фабрики и подался «домой», в госпиталь.

Что я тут мог сделать? Чем помочь?

Час от часу не легче! Не успел я повесить на гвоздь в раздевалке шинель и шапку, как услышал за своей спиной свистящий, клокочущий, пронзающий, разящий, словом, самый грозный, самый потрясающий со дня сотворения рода человеческого шёпот:

– Ты где шлялся, медвежатник несчастный?!

Обернулся – за барьером раздевалки она, Лидка! Кулаки сжаты, лицо серое, глаза молнии бросают, и только деревянный барьер, разделяющий нас, мешает ей броситься и растерзать меня на куски.

– О-о! Мамзель! Моё вам почтение! – отвесил я земной поклон. – Не ожидал, не ожидал, понимаете ли, вас сегодня здесь повстречать! Такой приятный сурприз!

– Я тебе покажу мамзель! Я тебе покажу сурприз! Признавайся, где ты был?!

– На празднике. На Международном женском дне.

– И ты... и ты пил там?

– А как же?! – подныривая под барьер, развязно воскликнул я. – На то и праздник, чтобы петь и смеяться, как дети.

Лида была сражена. Рот её беззвучно открывался и закрывался, глаза угасали. Я уж хотел пожалеть её и перестать придуриваться, но в это время очень кстати появился «громоотвод» – приволокся тот артист с бородкой чего-то просить, и я догадался, что Лида на ночь подменила дежурную сестру.

– Отбой был?! – налетела Лида на «артиста». – Шагом марш в палату! Шля-а-аюются всякие-развсякие! – И тут же набросилась на меня, принялась тыкать рукой в грудь: – Сейчас же! Сейчас же! – Она задышалась от негодования, она обезумела, можно сказать. – Весь парад!

Весь! И в палату! Я приказываю! Я вам всем тут покажу! – Она даже ногой топнула.

– Ты чего пылишь-то?

Лида сгребла меня за грудки и стала трясти так, что все мои медали заподпрыгивали и забрякали.

– Ты провожал модистку, признавайся!

Я покорно склонил голову. Лида втянула воздух дрожащими ноздрями:

– Да от тебя духами пахнет! Дешёвыми! Пошлыми!

– Самогонкой от меня пахнет, не выдумывай!

– Нет, духами! Ты меня не проведёшь!

– Ну, может, и духами. Танцевал я там с одной...

– Ага! Ага-а-а! – с ещё большим негодованием восторжествовала Лида: – Танцева-ал! А танцевать-то ты не умеешь, несчастный! Я всё, я всё-о-о про тебя знаю! – Она притиснула меня к стене, да так сильно притиснула, что ни дыхнуть, ни охнуть. – Ты целовался с ней, целовался?!

И я тоже, гусь хороший, нет, чтоб честно всё рассказать и покаяться, давай её дальше дразнить да разыгрывать – опять удалую голову на грудь опустил.

– Сколько?

– Чего сколько?

– Сколько ты с нею лизался?

– Ну, сколько? – начал припоминать я, – может, полчаса, может, больше. Часов-то у меня нету...

Я уж надеялся, что после таких моих шуточек она придёт в себя и расхохочется вместе со мною, да не тут-то было. Она и в самом деле обезумела.

– А потом?

– Чего потом?

– Что было потом? Не скрывайся лучше! Признавайся, несчастный! Не то я тебе не знаю что сделаю!..

– Потом? Что же было потом? А-а, потом я вспомнил, что ужин пропадает, и скорее рванул домой.

Лида выпустила меня, уронила руки:

– Дядя шутит! Я тебя зарезу!

– Чем? Скальпелем или ножом? Лучше ножом. Скальпели уж больно тупые.

– Дурак! Медвежатник! Грубиян! Сибирская деревянная колода! Чурбан! И... и... Я плакала! Вот... Тут... Тут... – показывала она на кожаный диван, единственный в коридоре диван, истерзанный, мятый, дырчатый.

И как я представил, что она на этом диване, вжавшись в уголок, на пружинах этих жёстких, маленькая такая, в халатике... – так сгрёб её и прижал к себе:

– Балда ты, ей-богу!

– Конечно, балда, да ещё какая! – всхлипывая, прерывисто выговаривала она: – Разве умная стала бы из-за такого...

Я утёр ей нос концом её же косынки, глаза утёр и дунул в ухо.

– Ты, правда, не целовался? – жалко пролепетала она, глядя на меня глазами, все ещё полными слез.

– Ну ей-богу!

– Я ведь чуть не умерла. Правда-правда! Все меня обманывают. Все заодно. Я, как дура, по палатам шастаю, а мне говорят: к психам ушёл; в физкабинет подался; в шашки сражается... Потом эта ваша любимица-царица, процедурная сестрица: «Лидочка, ты кого ищешь? Мишу? А его сегодня не будет. Он к женщинам на праздник ушёл!». Представляешь?! Ы-ы-ых, я бы её так и разорвала! – И Лида в самом деле разорвала какую-то бумажку, попавшую в руки, избражая, как она управилась бы с Паней.

Я уткнул Лиду под барьер, в раздевалку, и там, закрытый одеждой и халатами, крепко-крепко её поцеловал. После чего она брякнула меня кулаком по голове:

– Вот тебе, враг такой! – и, совсем успокоившись, сказала: – Сколько ты моей крови выпил, кто бы знал!

О том, что днями будет комиссия и меня выпишут из госпиталя, и потому она выпрашивалась подменять сестёр и дежурила за них, забыв про сон и покой, чтобы только побыть со мною, она мне не сказала. Об этом я уже узнаю позднее.

Многого я тогда ещё не знал и не понимал.

Вот подошла и моя очередь покидать госпиталь. Меня признали годным к нестроевой службе. Предстояло ещё раз мотаться по пересылкам и резервным полкам. Мотаться, как всегда, бестолково и долго, пока угодишь в какую-нибудь часть и определишься к месту.

Лида осунулась, мало разговаривала со мной. Завтра с утра я уже буду собираться на пересыльный пункт. Эту ночь мы решили не спать и сидели возле круглой чугунной печки в палате выздоравливающих. В печке чадно горел каменный уголь, и чуть светилась одинокая электролампа под потолком. Электростанцию уже восстанови-

ли, но энергию строго берегли и потому выключали на ночь всё, что можно выключить.

Я пытался и раньше представить нашу разлуку, знал, что будет и тяжело, и печально, готовился к этому. На самом деле всё оказалось куда тяжелей. Думал: мы будем говорить, говорить, говорить, чтобы успеть высказать друг другу всё, что накопилось в душе, всё, что не могли высказать. Но никакого разговора не получилось. Я курил. Лида гладила мою руку. А она, эта рука, уже чувствовала боль.

– Выходила тебя. Ровно бы родила, – наконец тихо, словно бы самой себе, вымолвила Лида.

Откуда ей знать, как рожают? Хотя это всем женщинам, поди-ка, от сотворения мира известно. А Лида же ещё и медик!

– Береги руку. – Лида остановила ладошку на моей перебитой кисти. – Чудом спаслась. Отнять хотели. Видно, силы у тебя много.

– Не в том дело. Просто мне без руки нельзя, кормить меня, детдомовщину, некому.

Опять замолчали мы. Я подшевелил в печке огонь, стоя на колене, обернулся, встретился со взглядом Лиды.

– Ну что ты на меня так смотришь? Не надо так!

– А как надо?

– Не знаю. Бодрее, что ли?

– Стараюсь...

С кровати поднялся пожилой боец, сходил куда надо и подошёл к печке прикуривать. Один ус у него книзу, другой кверху. Смешно.

– Сидим? – хриплым со сна голосом полюбопытствовал он.

– Сидим, – буркнул я.

– Ну и правильно делаете, – добродушно зевнул он и пошарил под мышкой. – Мешаю?

– Чего нам мешать-то?

– Тогда посижу и я маленько с вами. Погреюсь.

– Грейся, – разрешил я, но таким голосом, что боец быстренько докурил папироску, сплющил её о печку, отряхнулся, постоял и ушёл на свою кровать со словами: «Эх, молодежь, молодежь! У меня вот тоже скоро дочка заневестится»... Койка под ним крякнула, потенькала пружинами, и всё унялось.

Близился рассвет. В палате нависла мгла и слилась с серыми одеялами, белеющими подушками. Было тихо-тихо.

– Миша!

– А?

– Ты чего замолчал?

– Да так что-то. О чём же говорить?

– Разве не о чем? Разве ты не хочешь мне ещё что-нибудь сказать?

Я знал, что мне нужно было сказать, давно знал, но как решиться, как произнести это? Нет, вовсе я не сильный, совсем не сильный, размазня я, слабак.

– Ну, хорошо, – вздохнула Лида. – Раз говорить не о чем, займись историями болезни, а то я запустила свои дела и здесь, и в институте.

– Займись, коли так.

Я злюсь на себя, а Лида, видать, подумала – на неё, и обиженно вздёрнула нравную губу. Она это умеет. Характер!

Я притянул её к себе, взял да и чмокнул в эту самую вздёрнутую губу. Она стукнула меня кулаком в грудь.

– У-у, вредный!

В ответ на это я опять поцеловал её в ту же губу, и тогда Лида припала к моему уху и украдкой выдохнула:

– Их либе дих!

Я плохо учился по немецкому языку и без шпаргалок не отвечал, но что значит слово «либе», всё-таки знал, – и растерялся.

37

И тогда Лида встала передо мной и отчеканила:

– Их либе дих, балбес ты этакий! – Она повернулась и убежала из палаты.

Я долго разыскивал Лиду в сонном госпитале, наконец догадался заглянуть всё в ту же раздевалку, всё в тот же таинственный, с нашей точки зрения, уголок и нашел её там. Она сидела на подоконнике, уткнувшись в косяк. Я стащил её с подоконника и с запоздалой покаянностью твердил:

– Я тоже либе. Я тоже их либе... ещё тогда... когда ты у лампы...

Она зарылась мокрым носом в мою рубашку:

– Так что же ты молчал столько месяцев?

Я утёр ей ладонью щёки, нос, и она показалась мне маленькой-маленькой, такой слабенькой-слабенькой, мне захотелось взять её на руки, но я не взял её на руки – не решился.

– Страшно было. Слово-то какое! Его небось и назначено человеку только раз в жизни произносить.

– У-у, вредный! – снова ткнула она меня кулачишкой в грудь. И откуда ты взялся на мою голову? – Она потёрлась щекой о мою щеку, затем быстро посмотрела мне в лицо, провела ла-

дошкой по лицу и с удивлением засмеялась: – Ми-и-ишка, у тебя борода начинает расти!

– Брось ты! – не поверил я и пощупал сам себя за подбородок. – И правда что-то пробивается.

– Мишка-Михей – бородатый дед! – как считалку затвердила Лида и спохватилась: – Ой, спят ведь все! Иди сюда!

Теперь мы уже оба уселись на подоконник и так, за несколькими халатами, пальто и телогрейками, прижались друг к дружке и смиренно сидели, как нам казалось, совсем маленько, минутки какие-нибудь. Но вот хлопнула дверь одна, другая, прошаркали шлёпанцы в сторону туалета, кто-то закашлял, потянуло по коридору табаком.

Госпиталь начинал просыпаться, оживать. Уже кличут из палат няню лежачие, и она с беременем посудин, зевая, пробежала по коридору, издали давая знать, что на посту была, ни капельки не спала, а только то и делала, что большим прислуживала да ублажала их.

Скоро и сестру покличут.

Окно за нашими спинами помутнело, сыростью тянуло от него. Лида всё плотнее прижималась ко мне, начала дрожать мелко-мелко и вдруг, словно бы проснувшись, начала озираться, увидела в совсем уже посветлевшее окно куривших в отдалении и на крыльце госпиталя ранбольных.

– Неужели и всё? Неужели сегодня ты уйдёшь? Ведь только вот сказали друг другу, и уже всё? Миша, что же ты молчишь? Что ты всё молчишь?!

– Не надо плакать, сестрёнка моя.

Лида встрепенулась и поглядела на меня потрясёнными глазами. Дрожь всё колотила её, а слёзы остановились и лицо сделалось решительное:

– Миша, не откажи мне! Дай слово, что не откажешь!

– Я всё готов... для... тебя...

– Я поставлю тебе температуру... ну, поднялась, ну, неожиданно, ну, бывает...

Я так и брякнулся с подоконника, встряхнул её за плечи:

– Ты с ума сошла?!

– Я знаю, я знаю, это нехорошо, нельзя. За это меня с работы прогонят. Из института прогонят. Ну и пусть прогоняют! Хочу с тобой побыть ещё день, хоть один день! Пусть же эта проклятая война остановится на день! Пусть остановится! Пусть...

– Лидка, опомнись! Что ты несёшь? Лида! Лида! – тряс я её, успокаивал. Мне было страшно. Мне жутко было. Меня озноб колотил. Я не знал, что она меня так любит. И за что только! За что? Ничем я не заслужил такой большой любви. Я простой парень, простой солдат! Боже ж ты мой, Мишка, держись! Раз любишь – держись! Не соглашайся! Ты сильный, ты мужик! Не соглашайся! Нельзя такую девушку позорить. Держись!

И я выдержал, не согласился. Я, вероятно, ограбил нашу любовь, но иначе было нельзя. Стыдился бы я рассказывать о своей любви. Я презирал бы себя всю жизнь, если бы оказался слабей Лиды.

Я в самом деле, вidać, был тогда сильным парнем.

Пересыльный пункт размещался в бывших складах «Заготзерно». Там уцелели полати для просушки зерна и не надо было делать нар, вот и приспособили «Заготзерно» под временное жильё, под перевалочную базу для людей. По старой привычке на склады залетали присмиревшие от недоедов воробьи. Солдаты щепками и складными ножиками выковыривали зёрна из щелей, обдували с них пыль и жевали, круто двигая челюстями. Щепотку-другую уделяли воробьям. Птички быстро и без драки склёвывали зёрна и ждали ещё, томительно следя за унылыми, медлительными людьми.

Эта пересылка была не хуже и не лучше других, по которым мне приходилось кочевать. Казарма не казарма, тюрьма не тюрьма. От того и другого помаленьку. Я думаю, что о таких вот запасных военных полках и о таких пересылках напишут ещё люди. Иначе наши дети не будут знать о том, сколько мы перенесли, сколько могли перенести и при этом победить. Дети наши приучены думать так, будто война – это только фронт, где мы лишь тем и занимались, что без конца совершали героические подвиги.

У меня же в этом рассказе совсем другая задача. Он же о любви. Только о любви. Могу лишь добавить, что за всё время воинских и госпитальных скитаний я побывал всё же на одной пересылке, где более или менее сносно кормили.

Там был хромой и очень строгий комендант, и он так следил за порядком, что поварам, пекарям, охранникам, интендантам не удавалось обворовывать постоянно меняющийся состав пересылки.

Но у этого коменданта была слабость – он любил марши. Жил он на территории пересылки в домике с балконом. И вот каждый вечер комендант выходил на балкон и наяривал на гармошке «Легко на сердце» и заставлял нестроевых солдат маршировать под свою музыку.

Что сделаешь, обожал, видно, человек парады, под музыку ходить обожал, а фашисты изувечили его на фронте.

На краснодарской пересылке никто маршировать нас не заставлял и делать ничего не заставляли. Нас просто никуда не выпускали с территории пересылки, и мы были круглые сутки предоставлены самим себе и ждали «покупателя». «Покупатели» – это представители нестроевых частей. Они выстраивали нас во дворе, устланном растрескавшимися булыжниками, и выбирали тех, кто годился ещё в охранники, в строители, и уводили с собой.

Здесь происходили частые встречи однополчан, знакомых по госпитальным палатам, и так же часто повторялись неизбежные разлуки.

Я отвоевал себе угол в дальнем конце склада и сидел там сутками, обняв колени. На меня напало какое-то оцепенение и тупое ко всему безразличие. На смотр «покупателей» я не выходил, в торговые сделки, которые совершались между солдатами, не ввязывался, увольнительную не просил. Да и бесполезно было её просить. Слишком много оказывалось желающих хоть на часок-два вырваться за ворота пересылки, загнать на базаре бельишко и купить семечек, еды или самогона.

И продавать мне было нечего.

Времени у меня было теперь дополна, всё я мог вспомнить и обдумать, в том числе и подробности разговора с Лидиной матерью. Ничего не скажешь, битая женщина! Всё знает, всё сумела угадать, что и как будет со мною, что с нами будет даже!

Вот он я, весь нестроевой, и ничего, ничего не могу изменить. Была радость, большая, оглушительная радость. Не хотелось ни о чём думать, и война вроде бы забылась, всё-всё забылось. И вот на тебе! Смотри, думай, оглядывайся, раз выбрел из тумана, который отгородил тебя от всего мира. В пересылке тумана не бывает. Здесь пыль, запах мышей и робкие, полублезлые воробьи. Солдаты в «очко» дуются; пользуясь «заборной книжкой», к бабам каким-то пикируют, и чего там сделают – не сделают, а уж наврут с три короба...

Однажды я вылез из своего угла, сходил в медпропускник, попросил, чтобы остригли волосы, – чего доброго, ещё и вшей разведёшь. Они особенно на тех, кто с тоски и горя доходит, насыпаются – это я по окопам знаю. Солдат, повязанный вместо фартука рюкзаком, быстро содрал тупой машинкой мой чуб, и голове сделалось легче. Я посмотрел на свои тёмные волосы, смешавшиеся на полу с рыжими, белыми, седыми...

И ушёл. На что они мне теперь, волосы? Чуб мой знатный?! Зачем попу гармонь, когда у него есть кадило!

Угол мой тем временем заняли. Я попросил вежливо освободить его. Белобрысый солдат было заартачился, но глянул на меня и быстро отодвинулся в сторону со своими вещичками. Если бы он ещё немного погрызался, я бы избил его.

Неподалёку от меня сидел в окружении хохочущего народа старший сержант, не только званием, но характером и повадками вылитый бродяга Шестопалов, и так же, как тот, травил анекдоты. Знал он их чёртову прорву. И вообще парень был из тех, что и в аду умудряются жить с прибаутками. Солдатня с любовью смотрела в рот рассказчику и взвизгивала, корчилась, утирала слёзы руками. Я тоже стал слушать:

– Н-да, и вот приходит, стало быть, старик Еремей с собранья, а старуха уж тут как тут: «Об чём собранье было? Чё постановили?» Ну, старик Еремей поначалу кураж напустил, потылицу чешет: «Да разве, говорит, скажут нашему брату, об чём оно, собранье-то, было!..» – «О-ой, старик, не лукавь! Всё ты понял, да мне сказывать не хотишь! Помучить меня жалаешь...» – «Ну уж, ладно уж, – вздохнул старик, – об мансипации собранье было, об равноправьи, значит. И вырешили: к каждой бабе прикрепить по два мужика». «Ну-к чё жа – собранье уж зря не постановит! Вот и будете оба-два, как сродные братья, жить...»

Пересылка содрогнулась так, что воробьи по ней заметались и в окна ударились, пыль взрывами из-под нар и углов заклубилась, солдатня повалилась кто куда.

– О-о-о-ой! – стонал и захлёбывался кто-то подо мной. – Как сродные братья, значит?! О-о-ой, не могу! О-о-о-ой!..

«Как бы мы жили? Как бы мы одолели врага, горести, беды и утраты, если бы не было у нас таких вот парней, как этот старшой?!» – ударился я в длинные размышления, которые неужи-

данно прервал окрик моего бывшего соседа по послеоперационной палате, пристроившегося вахтёром на проходной пересылки.

– Рохвеев е?

– Кто? Кто?

– Рохвеев е? – пытаю.

– Кто, кто? – ещё раз переспросили его сразу несколько солдат.

– Да Рохвеев, говорю! Там к нему пришлы.

Я почувствовал, как похолодело темя на стриженной голове, рванулся к краю нар.

– Может, Ерофеев?

– Осе, осе! – подтвердил солдат, – То ж ты, Мыха! – захлопал он глазами. – А я ж хвямил твою забув! – И пошёл со склада величественный, неприступно важный и оттого совсем уж глуповатый, осудительно глядя на валяющуюся по нарам публику, которая не выказывала никакого рвеня к службе. А так вот валялась, курила, трепалась и довольно терпеливо ждала подходящего «покупателя».

Я шёл и чувствовал, как тяжелеют мои ноги, как наливаются ёжистым страхом всё внутри и как сразу замерзла раненая рука, снова подвешенная на бинт, потому что вчера открылся на ране свищ. Я снял бинт, скомкал и сунул его в карман, застегнул и одёрнул гимнастёрку.

Возле ворот, притулившись к кирпичной стене, озеленелой снизу, на чахлой травке, каким-то чудом проросшей в камешнике, стояла Лида. Она была всё в том же жёлтеньком беретике, всё с той же жёлтенькой лисой, всё такая же большеглазая, хрупкая с виду девчонка. Она рванулась ко мне навстречу, и я рванулся было к ней, но вдруг увидел себя чьими-то чужими, безжалостными глазами, в латаных штанах, в огромных, расшлёпанных ботинках, в обмотках, в ветхой гимнастёрке, безволосого, худого.

Я остановился и, когда Лида подошла и не подала мне руки, а лишь испуганно глядела на меня, спросил, стиснув зубы:

– Зачем ты пришла?

Она чуть попятилась, оступилась на булыжнике, залитом рыженькой грязцой. Я поймал её за локоть.

– Зачем ты сюда пришла?

Она не знала, что сказать, и только глядела на меня с ужасом и состраданием. И это вот сострадание, которого я никогда не видел в её глазах, даже там, в послеоперационной палате, окончательно взбесило меня, и не знаю, что я

сделал бы ещё, но Лида вдруг выхватила из-за рукава конверт.

– Я... Вот... письмо тебе принесла.

– Какое письмо?

– От Рюрика. Я думала... оно три дня назад пришло... Я думала, зачем его обратно отсылать...

Она ещё лепетала что-то, и я видел, как наполнились слезами её глаза.

– Ничего девочка! – послышался сиплый голос сзади меня. Я обернулся. По двору шлялись и глазели на нас два расхлябанных солдата. Бывшие лагерники, видать, – то в карты играют, то дерутся и всё химичат чего-то, продают, покупают, меняют и с пересылки не уходят, прижились тут, на фронт не торопятся – там и убить могут.

Я придвинулся к Лиде, попытался загородить её грудью.

– Да, фигурёшник! Конфета!

– И везёт же человеку! Доходяга доходягой, а такую девку урвал.

– По нынешним временам не это главное. Главное, чтоб мужским пахло.

Я затравленно озираюсь по сторонам, а Лида презрительно сощурилась, как тогда, в госпитале, когда я ей сказал про лейтенанта. Да ведь тут презрительностью и всякими другими интеллигентскими штучками никого не прошибёшь! Тут потяжелее чего-нибудь требуется.

Солдат во дворе появлялось всё больше и больше. Иные из них выламывались, форсили, чтобы обратить на себя внимание. Были тут и из нашего госпиталя ребята. Они здоровались и быстро уходили, оставляя нас в покое, пробовали и тех двоих урезонить, да куда там! Они от уговоров только распаялись в поганстве своём, куражились и нагтели всё больше.

Я знал, чем всё это может кончиться. Я уже целился глазами на железную ось от телеги, стоящую в углу возле ворот. Лида обернулась, тоже увидела ось, бледнеть начала и шевелить губами беззвучно: «Не надо, Миша! Не надо!...»

Слава богу, постовой вмешался:

– Шо вы к человеку привязались, га? – заорал постовой на двух блатяг. – Ну, шо? Мабуть, у людей горе? Гэть до помещенья!

Солдаты начали неохотно расходиться. Те двое тоже пошли вразвалку, цыркающая слюной, почёсываясь и вихляясь.

– И шо тильки безделье з чоловіком не зробить! – как бы оправдываясь за всех, говорил

охранник, доверительно глядя на Лиду, а потом подумал и добавил уже строго-официально: – Дозволяю выйти за ворота на скамейку.

Я сидел на скамейке возле ворот пересылки, уставившись себе под ноги.

По улице густо валил народ, всё больше военный. Но уже и легко одетые девушки ходили. Какие красивые здесь, на Кубани, девушки, только полнеть начинают рано. Это от хорошей еды, наверное, от фруктов. Я когда-то успел сломить ветку с клёна, что рос над скамейкой. Почка уже клеилась к пальцам, и радио где-то, с какой-то крыши, играло про весну.

– Миша! – позвала меня Лида, но я не сразу услышал её, я где-то далеко от неё и от себя был, и она потрясла меня легонько за плечо: – Миша!

– А!

– Миша, что с тобой? Ми-иша! – Лида поднесла руку ко рту, закусилась пальцем, а потом опять принялась трясти меня: – Миша, скажи же что-нибудь! Родненький, скажи!

Но я не мог говорить. Я держался из последних сил. Я чувствовал, что если скажу хоть слово, то сейчас же разрыдаюсь и стану жаловаться на пересылку, скажу, что мне плохо без неё, без Лиды, и что рана у меня открывается, и что не таким бы мне хотелось быть перед нею, какой я сейчас. Мне хотелось бы быть тем красивым, удалым молодцем, о котором я всё время рассказывал ей в своих сказках. И если бы я в самом деле был им, этим сказочным повелителем, я бы велел всем, всем людям в моём царстве выдавать красивую одежду, особенно молодым, особенно тем, кто её никогда не носил и впервые любит... и если не навсегда, то хоть на день остановил бы войну.

Но я солдат, нестроевой солдат, остриженный, как и все солдаты, наголо, и сказки нет больше, сказка кончилась. Не время сейчас для сказок.

– Лида, тебе лучше уйти, – сказал я и поднялся со скамьи. – Привет матери передавай! Умная она у тебя женщина. И очень тебя любит. Береги её.

– Хорошо, хорошо, Миша, я уйду. Я сейчас уйду. Я ведь только письмо...

– Уходи, Лида!

Мы стояли посреди тротуара, и люди обходили нас, толкали. Лида что-то говорила или губы у неё дрожали: невозможно было понять. Я наклонился к ней, и до меня донеслось:

– Миша, я боюсь за тебя! Миша, я боюсь тебя тут одного оставить. У тебя в глазах что-то...

– Прошу тебя, Лида, иди! – Я отбросил завязанную узлом кленовую ветку, закусил губу и поднял глаза к небу. – Иди, ничего со мной не станется. Я ведь медвежатник, – попытался пошутить я. Но шутки не получилось, голос у меня осёкся, и я легонько повернул её от себя. – Прошу тебя...

Она послушно пошла от меня, по-старушечьи ссутулившись. Я почувствовал – Лида вот-вот обернётся.

– Пожалуйста, не оглядывайся.

Она шла медленно и услышала эти слова, тряхнула головой, согласилась... и всё-таки оглянулась. Своими яркими глазами, в которых стояла мука, она позвала меня.

– Да уходи же ты! – заорал я, оттолкнул постового и вбежал во двор.

Я залез на нары, наглухо укрылся шинелью и плакал молчком до тех пор, пока были слезы. Потом я лежал просто так, обессиленный слезами, и впервые в жизни узнал, как может болеть у человека сердце. Кто-то осторожно потянул с меня шинель. Я подумал, что её намереваются спереть два тех блатняка – они могут и последнюю шинель солдата на пропой пустить, – и резко поднялся.

– Курни, солдат. – Из темноты ко мне протянули светящийся окурок.

Я залпом выхлебал дым из бычка – ожгло даже губы.

– Убили кого-нибудь? – спросил меня из темноты тот, что давал докурить.

– Убили...

– Когда только и конец этому будет? – Вздох, молчание, а спустя время – тихий, добрый совет: – Спи давай, парень, если можешь...

Я снова завернулся в шинель, угрелся и где-то под утро заснул. Днём я вышел в строй и с первым попавшимся «покупателем» уехал на Украину. Оттуда было ближе добираться до фронта и отыскивать свою часть. В нестроевой части я, конечно, не помышлял оставаться – ещё могу пока бегать, стрелять, работать, а кирпичи таскать да рельсы либо мыло варить и без меня кому найдётся.

Ну вот и точка. Больше я никогда не видел Лиду наяву, и больше мне нечего рассказать о своей любви. В книгах часто случаются нечаянные встречи, а у меня и этого не было.

Закружила меня война, бросала из полка в полк, из госпиталя в госпиталь, с пересылки на пересылку. Постепенно приохла боль в душе, рассеялось и чувство подавленности, одиночества, всё входило в свои берега. В сутолоке военной и любовь-то моя вроде бы притухла, а потом, показалось, и вовсе истлела, навсегда, навсегда.

Но вот годы прошли. Многие годы. И война-то вспоминается, как далёкий затяжной сон, в котором действует незнакомый и в то же время до боли близкий мне парнишка, а я всё думаю: «А может, встречу? Случается же, случается!» И знаю ведь – ничего уже не воротить, не вернуть, и всё равно думаю, жду, надеюсь...

Я люблю родную страну свою, хоть и не умею сказать об этом, как не умел когда-то и девушке своей сказать о любви. Но очень уж большая земля-то наша – российская. Утеряешь человека и не вдруг найдёшь.

Но ведь тому, кто любил и был любим, счастьем есть и сама память о любви, тоска по ней и раздумья о том, что где-то есть человек, тоже об тебе думающий, и, может, в жизни этой сует-

ной, трудной и ему становится легче среди серых будней, когда он вспомнит молодость свою – ведь в памяти друг дружки мы так навсегда и останемся молодыми и счастливыми. И никто и никогда не повторит ни нашей молодости, ни нашего счастья, которое кто-то назвал «горьким». Нет-нет, счастье не бывает горьким, неправда это! Горьким бывает только несчастье.

Вот обо всём этом я часто думаю, когда остаюсь один, остаюсь с самим собой, думаю с той щемящей печалью, о которой Александр Сергеевич, незабвенный наш, прекрасный наш поэт, лучше, глубже и пронзительней всех нас умевший чувствовать любовь, уважать её и душу любящую, сказал так просто и так доверительно: «Печаль моя светла...»

В яркие ночи, когда по небу хлещет сплошной звездопад, я люблю бывать один в лесу, смотрю, как звёзды вспыхивают, кроют, высвечивают небо и улетают куда-то. Говорят, что многие из них давно погасли, погасли ещё задолго до того, как мы родились, но свет их все ещё идёт к нам, всё ещё сияет нам.

1960–1972 гг.

**Геннадий
КРУГЛЯКОВ**

**ЭШЕЛОНЫ
В ДАЛЬНЮЮ ГРОЗУ**

ЭШЕЛОНЫ

На возу холодном
Старый инвалид,
Станция Болотное –
Переезд закрыт.

Хриплых репродукторов
Траурный квадрат,
Тихо за продуктами
Школьницы стоят.

И везде не сладко,
Волгу враг бомбит...
Старая лошадка,
Старый инвалид.

Тонкий слой соломы
На худом возу...
Мчатся эшелоны
В дальнюю грозу.

Бледные, худые
Лица у солдат,
Едут – молодые,
Курыт – самосад.

Даль полуголодная,
Низкие стога,

Станция Болотное,
Станция Тайга.

А в названиях станций –
Зимний холодок,
Едут новобранцы –
Сохрани их Бог.

Мчатся эшелоны
В дальнюю грозу,
Едут «похоронные»
На худом возу.

Облака неплотные,
Чахлый свет луны.
Станция Болотное,
Станция Чаны...

ЗИМА

Вдали гремит война.
Безлюдье дышит мраком.
И лает тишина
Голодной собакой.
Усталый человек
С усталой печалью
Идёт сквозь мёрзлый снег,
Укутан старой шалью.

КРУГЛЯКОВ Геннадий Владимирович (1938–2008) родился в селе Пудино Томской области в семье спецпереселенцев. Рано остался без родителей, воспитывался приёмными, давшими свою фамилию и отчество. Окончил Томский политехнический институт. Геофизик. Принимал участие в разведке и освоении месторождений полиметаллов в Кузбассе, на Алтае, в Средней Азии. Первая книга стихов «Взмах крыла» вышла в 1967 году в Кемеровском книжном издательстве. Автор книг «Звёздная чаша», «Золотое руно», «Слушая реки и травы», «Пегие горы». Член Союза писателей СССР и России. Последнее время проживал в подмосковном городе Электросталь.

А сколько их – идут –
 По всей стране огромной,
 Приюта не найдут
 И ласкового дома...
 Я снова узнаю
 Недобрый этот кашель,
 И вижу мать свою
 Среди сугробов наших.
 В снегу легко уснуть,
 Идти уже немного.
 И надо отдохнуть
 Перед иной дорогой.
 И я не догоню,
 Не поверну обратно –
 К высокому огню –
 И мать свою, и брата...

СОЛДАТСКАЯ ТЕТРАДЬ

Пришёл солдат домой, принёс медаль с войны.
 Стал конюхом в милиции служить.
 Точнее – не домой, пришёл он сиротой,
 Израненный, больной – приехал к тётке
 жить.

Ему бы подыскать невесту по себе,
 Однажды в клуб сходить, на огонёк зайти,
 А он – стихи писать: о жизни, о судьбе,
 О прожитых боях, о пройденном пути.

Дитя и сирота жёг в доме керосин
 И складывал слова, и сам не знал – зачем?
 Он исповедь писал в заветную тетрадь.
 Ту исповедь понять могла лишь только мать.

Как на снегу он мёрз – не рассказать жене.
 Как трудно умирать с войной наедине.
 Учиться бы ему, да слаб здоровьем стал.
 На волховском снегу в шинельке он лежал.

Он так насквозь продрог на мёрзлой той
 земле,
 Что уж никак не мог согреть себя в тепле.
 Он мне давал прочесть заветную тетрадь –
 Про воинскую честь, про Родину и мать.

И я, как пионер, его стихи читал:
 И что-то говорил, и в чём-то поучал.
 Я Пушкина пример достойный приводил...
 Но что я городил? Но что я понимал?

В другом я мире жил. А конюх умирал...

ГВАРДЕЕЦ

Памяти поэта Н. Душкина

Он писал и рассказывал – Душкин,
 Как однажды в неравном бою
 У какой-то лесной деревушки
 Проявил вдруг сноровку свою.

В эти годы голодные стаи
 Ветер с запада нам понагнал,
 Ну, а Душкина вы не читали.
 Я его, как редактор, читал.

Он в далёкие юные годы
 Не пером по бумаге скользил,
 А в огонь и в студёные воды
 В рукопашную взвод свой водил.

На войне не всегда канонада,
 Свисты пуль, проливается кровь –
 Наступает пора листопада,
 А порой – расцветает любовь.

Лишь случится минутка затишья –
 На губах вновь травинки горчат.
 Распускаются белые вишни,
 И ручьи по оврагам журчат.

Уж такое оно, молодое,
 Это дело: война – не война.
 Но милуются праведных двое,
 Коль для них наступила весна.

Я не знаю, на что-то надеясь,
 Но шалеешь, – поют соловьи!
 Поздней ночью забрёл наш гвардеец
 В деревеньку, где вроде свои.

Обстановка меняется круто.
 Не поймёшь, где противник, где тыл?
 Но знаком хуторок почему-то,
 Будто в нём он с товарищем был.

Помнил: шёл по знакомой дороге.
 Лес. И вражьи постов не видать.
 Лишь набычился месяц двурогий
 Молодца в темноте забодать.

Тёмной ночью промок и продрог он,
 И во рту пересохло давно.
 Среди немногих темнеющих окон
 Лишь одно чуть светилось окно.

Видно, жгла там хозяйка лучину
И залётного друга ждала.
Да за эту любовь и кручину
Не такие осилишь дела!

Постучал – открываются двери.
На пороге – германский солдат.
Он глазам своим тоже не верит –
Друг на друга безмолвно глядят.

Помогла ли гвардейцу сноровка –
Я об этом судить не могу.
Но такая в бою установка:
Ускользнуть не позволить врагу.

Автоматного диска хватило
Навести там такой тарарам –
Побросав, что награблено было,
Побежали враги по дворам.

Убежали спросонья в чём были:
Кто в мундире, кто в нижнем белье.
Им казалось: повсюду их били,
Не осталось пришельцев в селе.

Ну а Душкин? Такое вот дело
(В двух словах не расскажешь всего).
Поначалу ему нагорело,
А потом наградили его.

Мне когда-то о нём говорили:
Мол, такой он мужик и сякой...
Ну а вы-то освободили
Дом один или приняли бой?

Что к зелёному этому змею
Равнодушия он не питал,
Осуждать его вовсе не смею –
Я ведь ту деревеньку не брал.

Нет и тех, что его осуждали –
Тех рассветов и тех петухов...
Но его ордена и медали
Ярче позднейших стихов.

* * *

Где вы, солдаты из Тахтоброта,
Те, что рожденья двадцатого года,
Те, что моложе, с двадцать второго,
Те, что лежат у Москвы или Пскова?

Или в местечках иных, без названий,
Где-то под Курском, под Обоянью,
Может, у леса, может, у пашни,
Или погибшие в рупокпашных?

Где вы, ребята из Тахтоброта,
Смелые люди крепкой породы,
И молодые, и пожилые,
Где на шинели вас уложили?

Кто на могилы цветы вам приносит?
Поле какое вокруг плодоносит?
Может, молдавское, может быть, польское
Или же светлое, как чистопольское?

72

НОСТАЛЬГИЯ

Давно покончили мы с реками
И с покореньем целины.
И про героев Дубосеково
Забыли граждане страны.
И, посинев от алкоголя,
Слезливо шмыгают носы.
Портреты нового героя
Блестят с газетной полосы.
Шумят ораторы другие.
И правда – с ложью пополам.
Но это – тоже ностальгия
По старым добрым временам.

**Татьяна
ГРИБАНОВА**
ТРИ РАССКАЗА

ЛЕСКОВКА

Восьмое октября. У нас Престол, Сергей Радонежский. Гости, понаехавшие из соседних деревень родственники, разомлели от гусиного холодца и забористой сливовицы.

Встали из-за стола, вышли на веранду. Тут же появилась выдавшая виды ливенка, и отец затыкнул: «Ой, Самара-городок...». И вот уже раскрасневшаяся мамина тётка отплясывает «Барыню», аж половицы гуляют. Пересыпает дробь частушкой, да такой, что мне, семилетней девочке, становится неловко.

Шмыгаю во двор, насыпав в карман горсть карамелек-подушечек. К нашему новенькому дому почти прилепилась бабушкина хата. Крыша её, покрытая соломой, кажется бархатно-изумрудной в лучах осеннего полуденного солнца. Мох расплзается вдоль и поперёк великолепными куртинами. Избушка почти вросла в землю, присев на левый бок. Входная дубовая дверь с дырочкой от выпавшего сучка в дожди покосилась. Отец снял её с петель, подпиллил одну сторону и водрузил на место. Сколько лет хате, никто и не помнит.

Неделю назад бабушка обновила полы, вымазала свежей глиной. Теперь они высохли, залубенели. Кажется, их только что выкрасили

специально в тон осени рыжеватой матовой охрой. Печку мы к празднику побелили, добавив молочка, чтобы не пачкалась.

А чугунок-сковородки отнесли на Жёлтый. Так ручей наш под Мишкиной горой называется. Выдраили утварь крупным песочком да вышелушенным подсолнухом, натёрли крапивой, сполоснули и на колья – сушиться. Оттого и холодец такой духовитый получился в чистых чугунах. И варенец с толстой-претолстой золотистой пенкой утомился потому, что кубаны долго прожарились на загнетке.

Над бабушкиной хатёнкой распластался такой же древний, как и она сама, клён. Раскинув по небу свою густую крону, он многие годы прикрывал избушку, хранил её от осенних ветродуев, оберегал от зимних затяжных вьюг.

Привязав к суку, нависшему над узловатой тропинкой, хоботные вожжи, положив старую фуфайку вместо сиденья, бабушка сладила мне качели. Подорожник под ними вытопан, земля до блеска натёрта моими сандалиями, испробовавшими огонь костра и воду Жёлтого ручья.

На этих качелях и прошло моё хуторское детство...

Взлетаю выше окон, на которые мы под праздник повесили нарядные занавески. На каж-

ГРИБАНОВА Татьяна родилась в деревне Игино на Орловщине. Окончила факультет иностранных языков Орловского государственного педагогического института. Работала преподавателем иностранного языка. Автор трёх поэтических книг «Апрель», «Прощёный день», «Сказ о Судбищенской битве», книги рассказов «Лесковка». Печаталась в журналах: «Подъём», «Наш современник», роман-журнале «XXI век», «Московский вестник», «Народное творчество», «Сельская новь», «Простор», «Лик», «Родная Ладога», «Славянин», «Странник», альманахе «Звезда полей», альманахе «Орёл литературный», в периодической печати Москвы, Орла и других городов. Член Союза писателей России. Лауреат Всероссийского конкурса «Звезда полей» им. Н. М. Рубцова (2012 г.). Живёт в Орле.

дой по центру ришелье – дырочки такие выбиты, а приглядишься – не дырочки это вовсе, а цветы, узоры всякие. По краю вышиты крестиком кисти красной смородины да листочки резные. А ниже, до самого подоконника, длинные кружева. Это бабушкина старшая дочка, моя тётка, мастерица-рукодельница, прошлой зимой постаралась.

Высмотрев меня за окном, бабушка стучит в стекло и манит меня зайти.

Я торможу, соскакиваю с качелей. Влетаю в низенькие сенцы. Проскакиваю светлицу, где всегда пахнет травами, собранными под Ивана Купала, где висят пучки калины, шалфея (коли зубная боль скрутит), пижмы (на случай, если корова не растелится). Охпками берёзовые веники, срезанные непременно на Троицу. В плетушках вылёживается, ждёт мочки антоновка. Мы для неё уж и соломки ржаной заготовили, и мятки кошачьей под кручей целую плетушку набрали. Дух от антоновки такой, что не могу не соблазниться и выхватываю на бегу самое крупное, в рыжих мушках яблоко. Не ем, а нюхаю, вдыхаю этот ни с чем не сравнимый запах.

Распахиваю двери в горницу. В Красном углу горит лампадка, у образа Сергия Радонежского – свеча. В крошечной махотке золотится Божья травка. У родника её видимо-невидимо, летом мы насобирали да в пучки повязали, а потом высушили в чулане, пригодится. Поверх образов – старинный, почти истлевший, но бабушке очень дорогой, рушник. На нём по краю – узорные крестики поблёкшими, но всё ещё алыми нитками: «СПАСИ И СОХРАНИ!»

Чисто выскоблен стол. Гора пирогов: с черноплодкой и сливой, с яблоками и капустой, с маком и печёнкой.

Обычно часа в три утра бабушка ставит тесто. И начинается волшебство. В это время сенцы закрыты на щеколду. Бабушка никого к себе не пускает, колдует одна. Обещает, как подрасту, и меня научить, рассекретить тайну своих знаменитых на всю округу пирогов. А пока я хватаю горяченький и не успеваю оглянуться, как рука уже за другим тянется. Набиваю карманы. От пирогов становится тепло в куртке и радостно на душе.

Отхлёбываю калинового морса из кубана, что в углу на липовой резной этажерке. У бабушки напитки вкуснющие получаются! А больше всего люблю её квас с мятой дикой, с хреном. Пьёшь и не напиваешься.

В фартуке с петушками, закатав рукава штапельной кофточкой, бабушка хлопочет у печки. На

лице её отражаются отблески пламени. Трещат вишнёвые дрова, даже в сенцах духовитый дымок. Старушка поправляет выбившиеся из-под ситцевого платка седые пряди, достаёт чипельником сковородку от двухведёрного чугунка. А на ней! Знает, хитрая, чем побаловать! Яблоками печёными. Да не просто яблоками, а «лесковкой с секретом». В каждой вынимается сердцевина, маленькой деревянной ложечкой накладываются засахаренные крупки липового мёда, а сверху громоздится орешек – лещинка. Бабушка целый пудовик наносила из Богачёва урочища. Вчера вечером готовилась, колола молотком орешки на камне у крыльца.

Налив из чугуночка горячего топлёного молока, ставит мою любимую зелёную кружку с узором из васильков да лупастых ромашек по краешку. На деревянный кружок водружает шипящую сковородку. Яблоки растрескались, пропитались мёдом, пузырятся.

– Ешь, голубушка, пока с пылу с жару, вишь, как подрумянились!

С тех пор минуло немало лет, но лучшего лакомства не приходилось пробовать. Я и сейчас ощущаю этот кисло-сладкий вкус печёной лесковки, вкус моего детства.

Секрет приготовления берегу. Пойдут внуки, стану запекать им яблочки да о прабабке рассказывать: о хате с глиняной завалинкой, о могучем клёне, с которого смотреть не насмотреться на потонувшие в калужнице приречные балки, на убегающие за дымный горизонт сосновые боры и перелески, на несущиеся за дальние дали белогривые табуны облаков.

ПОКЛОН ПРОСЁЛКУ

Чумазая, то бархатисто-пыльная, то натружено-мозолистая хуторская дорога вырывается, наконец, на волю – за Митрохину околицу. За корявый, в серебристо-плешивых рюшинах тёрень, за трухлявый, отдающий гречишной мякиной, расхристанный недавними вешними ветродуями стог.

Выбегает дорожка и сразу же, будто баба хуторская, собравшаяся погостить денёк-другой в райцентре у сына, причепуривается. А как же! Ни куда-нибудь в Сенькину балку или в дальние покосы, а к большаку спешит.

Нырять с горушки в низину и – напрямик к Жёлтому. Окунётся спозаранку, умоется. Водичка взбодрит путницу – ключики недалечь, а солнышко только проклюнулось – не прогрелся ру-

чей, студёный. Поплещется и по камушкам, по голышам-валунчикам, по скрипучей, прогибающейся до самой воды, обросшей склизкими тинами тесинке, – на тот бережок. Заскользит, зашуршит в полусонных тростниках нарядной малахитовой ящеркой. Без особого труда вскарабкается по крутому песчаному склону на Стешкин бугор.

Передохнёт на крутояре, полюбуется зорькой, что пролилась малиновым цветом за Сидоровым садом. Опять эта Сидориха варенье спозаранку стряпала да не доглядела. Убежали пенки розовыми туманами за порог, растеклись по пойме, клубят-кипят над продрогшей за ночь Кромой.

Опомнится просёлочек – даль-то ещё немалая! Задержался! И заскользит, обивая росу с барашковых тысячелистников по-над Плоцким логом, по самому краешку ячменного поля. Иногда, если просёлочек заступает, ячмень, словно ворчливый старик, которому отдавили застарелую мозоль, водит недовольно усами, волнуется и, шурша-пыхтя, выталкивает непрошеного гостя восвояси.

А ему, просёлочку-то, нипочём! Да на бровке не хуже! Кузнечики хрусткими ножницами утро кроют – любо-дорого! Цикорий голубыми мотыльками мельтешит. Вон русачок наперерез мотнулся, видать, к Савину логу в овсы торопится.

Перекинувшись через Закамни, дорожка вбегает в подсолнечник. Никак его не обойти – конца и края не видать. Пробирается просёлочек в зарослях чуть ли не двухметровых и чует, что дурманеет от духа терпкого, от жужжания пчелиного монотонного. Петляет, будто облудился. Знать, Лешак кружит-насмешается. Может, и впрямь здесь чертовщинка водится? Петруха навеселе с Казанской из соседней деревни шёл, двое суток выйти не мог. Бабка Михеевна с плетушкой боровиков из Копытец плелась, истоптала лощинку эту замороженную вдоль и поперёк, полдня плутала.

Не успевает притомиться дорожка, а тут и просвет в пяти шагах. Слава Богу! Не дал бевсовщине покуражиться. Отпустил Блуднехристь с миром. Испокон веку места эти шалят. Бегом-бегом от них подальше! И припускает, что было духу!

Обежав стороной сгоревший омшанник, останавливается просёлочка у родничка напиться, передохнуть. Оглядывается: кипрейник-погорелец склоняет вдогонку свои лиловые сул-

танчики, словно хочет рвануть следом, посмотреть, куда это просёлочек разбежался, не остановить. Что там есть такого, чего у нас не может быть? Что за Мишкиной горой, за Ярочкиным логом, в непроглядных от хутора краях, к которым год за годом бежит, не догнать, эта непоседливая полевая дорога? Даже облака за просёлочком не отстают, то забегают вперёд, то чуть замешкаются, а всё-таки рядышком.

Стелется половиком домотканым просёлочек, будто нарвала бабушка Анисья лоскутов-тесёмок и на стане, доставшемся ещё от матушки, наткала постилок. Вот они и разлеглись по луговинам да пригоркам. Ситцевый лоскуток – от внучковой рубашонки – жёлтыми да зелёными кружочками, – одуванчики придорожные. Штапельный лоскутик – пёстрый да весёлый – от платья, что Аксиньюшка в покосы по молодости наряжалась. На нём и васильки, и лютики, и купавки с лесными гвоздиками.

Из Савина лога выскакивает чуть приметная стёжка, привязывается, припутывается к просёлочку росстанью-петелькой. И – по следу, по следу за ним поспешает.

Пока просёлочек до большака добегаёт, сколько тропок-тропиночек за собой сманивает. Нацепляет их несчитано, будто репёв – Митрохина Найда, гоняясь по подгорью за сусликами.

Аистам, слетающим с гнезда в Гнилое болото за лягушками, видно, как по полям, долинам и холмам стекаются стёжки-тропы к просёлочку, будто к реке ручейки да малые речушки. Впитывает он мелюзгу и – вперёд, к большаку, к полноводной артерии, к главной районной дороге.

Перелесками да косогородами катит просёлочек без оглядки, а как заслышит на большаке хрипы стальных коней да учует зловонный бензинный дух, сбавит шаг, остепенится-заважничает. Мол, и мы не гляди, что из простецких, не лыком шиты, хоть и по сю пору лаптем грязь хлебаем. Знает счёт таким, как он. Сколько их, безвестных, шмыгает по землице нашей босыми ногами, кирзовыми да резиновыми сапожищами.

Порой не приметна просёлочка вовсе. По ней, может, всего-ничего и проехали-то за год. А всё-таки дорога!

Затеряет её, родимую, лихими метелями, ни пройти, ни проехать. Но остепенится непогодь, закалянеет наст, глядь, уж и следок санный обозначился. Не сбился, аккурат по занесённому просёлочку. Прокатит мужичок разок-другой, притрухнёт сенцом-соломою, яблоками конскими

разукрасит, и вот она, снова выказалась наша русская деревенская путь-дороженька.

Укатается за зиму, по весне уж и снега сойдут, а уезженный след всё тянется белёсыми пеньковыми вожжами через месиво полей, через оползающие от размашистых вешних дождей косогоры. Размоют апрельские проливни полёвку вдоль и поперёк, оголят пески и суглинки – нет хода.

Но к Пасхе, глядишь, потихоньку, помаленьку зарастёт она муравой, дикой геранькой да лопухами подорожника. Обочь её пробьются-рассинуются невыводимые в наших краях чертополошины, разбутонятся пурпурные татарницы.

Знойным летним полднем прокатит по просёлку на велике, рассечёт парное марево Миколавнин внучок Гошка, сосланный на каникулы под пригляд престарелой бабки. Подхлестнёт-прогонит дед Кит из Хильмечков блудную телушку Майку. Прошмыгнут бабы с кошёлками куманики, обсчёлкают проселушку конопляной шелухой. Проспешит Илья на косовицу. Вот и весь летний распорядок дорожки.

Ближе к осени, правда, наедут городские за опятами-рыжиками. Пофырчат-почадят «Жигулями», обегают перелески, накидают на привале бутылок-банок, и опять – ни души, только гуляй-ветер да мелкий нескончаемый ситничек.

Люба душе русской эта простенькая полевая дорожка. Нет лучше места для думок. Потоскуешь с отлётными птицами, промелькнёт месяц-другой, а там и опять смотри-радуйся: дичка приобоченная в цвету, васильки подмигивают задорными глазами, мол, не робей, сколько вёрст пройдено! Дай Бог, чтоб осталось побольше!

Приумолкли бы шоссейки-бетонки, исчезли незатейливые, неказистые, но такие живучие российские просёлки. Тянется испокон веку к большаку по горячей летней пыли, по вешней распутице, по осенним хлябям-рытвинам, по первопутку, по нескончаемым ухабам продукт деревенский: и сальцо, и хлебушек, и фруктово-овощ всевозможный.

Сколько нашенских вышло просёлками, по бездорожью, на широкие жизненные пути в науку, в искусство, да и в рабочую братию. Жаль только, несравненно меньше свернуло на полевую дорожку с большака. Заманили, увлекли в невозвратные дали бетонные трассы тех, кто однажды ступил на их жёсткое, бессердечное покрытие. Не вернули, затеряли – и след простыл.

Вывел просёлок на большую дорогу – ну и ладно, рванули, не обернулись.

Просёлок-то, он – родимый. Он забвение простит, как отец чаду своему. Он ведь помнит, как учил за ручку ходить, бережёт на обочинах памяти следы наших босых ног, не забыл и прощальный день. Простит... Только бы пути наши были праведные.

СМЕРТЬ КОНДРАТА

С тех пор, как не стало Серафимы, убедился в никчёмности утюга... Серафима не любила теперешних легковесных и по старинке держала в хозяйстве тяжеленный матушкин, на угольях. Пусть простит меня Сима... Приладил его в погребке вместо гнёта в кадушку с огурцами.

А нынче незадача получается. Тот самый случай, когда утюг позарез нужен. Каждый год, числа пятого-шестого мая, собираются у обелиска на митинг. Все как есть... от мала до велика. Как же в такой день и без нас? Без меня, Кондрата, без двух друзей моих – Миколы и Тихона? Как записались добровольцами в начале войны, так бок о бок до самого Рейхстага пёхом... до последней минутки...

Не стало на деревне нашей фронтовиков... ушли один за другим. Только мы, три кряжа, и остались. Может, потому и коптим ещё небушко, что всегда горой друг за друга: и под пулями, и хату поставить пособить, и бакшу вспахать.

Вчера вот Тишина Петровна причепилась, занеси да занеси рубаху. Выглядит, мол. А то как же на такой праздник да в мятой?

Чего утруждать? Пусть Тихона своєю обряжает. Сам справлюсь. Нехитрое дело... Утюг Петровна всучила. Полочки потру, а со спины и не видать – костюм надену.

Костюмчик у меня, конечно, знатный... Спасибо Ивану, сынку. Почитай, лет пятнадцать костюму-то? А то ещё поболее... Приехал как-то в отпуск, подарки выкладывает. Матери, Серафиме-то, – шаль закрудривистую пуховую – носи, не жалей. Сестре Людке – отрез букетистый крепдешиновый на платье. А мне – этот самый костюмчик. «Негоже, – говорит, – фронтовика, да с тремя орденами Славы, кой в чём перебиваться. Примерь-ка, батя!»

И надо же – в пору, как по мне шит! Сразу по душе пришёлся: иссиня-чёрный, в тонкую полобочку... А сын: прими, мол, от шахтёра-орденоносца. Он тогда уже орден Трудового Красного Знамени имел... И обувку мне справил. Премию

получил.... Как он там теперь? Почтальонша чтой-то не заглядывает. Дошла ли посылка-то? Как Тихон увидал его по телевизору у шахт на голодовке, притопали с Миколой ко мне тут же. Сидят, мол, горняки, касками об асвальт бьют, порядку требуют.

Собрали мы им посылочку... Всё домашнее: сальца, самосадику, первачку (не без этого) в бутылку из-под «Буратины» накапали. Петровна сушки какой-то насыпала, лепёшек наварнакала, в общем, по-свойски. И записочку прописали: «Держитесь кучнея, мы с вами. Кондрат, Микола и Тихон».

Ну вот... Рубаха на загляденье... Обувку ещё вчера надраил... Сима не преминула б шпильку вставить: «Аль на Красную площадь на парад нацелился?» А что? Мы ежели втроём... И по Красной пройдем, не стушуемся. Мы ещё о-го-го!

Ах ты, проказница Жулька! Ты как тут оказалась? Кто тебя впустил? Опять вертушок в сенцах подкусила? Ну ладно уж, коли такая смышлёная, проходи, чего уж там... Только сиди смирно, не шкодничай! Чтой-то ты вторые сутки не отходишь? То тебя не докличешься, а то ластишься, как котёнок. Ай, что у тебя неладно? Не захворала ненароком?.. И ночью спать не давала: то под дверьми скупила, то выть удумала... Накось жамочку. Тиша с району привёз... Мятная... Ешь, не кочевряжься. По нашим с тобой зубам, во рту тает...

Смотри, об утюг обожжешься. Вот лизнёшь не мою руку, а его... Что я с тобою делать стану? Поди, на половичок приляг, жамочку помумли...

Где он тута, костюмчик-то?.. Шкаф корочками апельсинными пропах... Сима моли не терпела. Не так свои кофтёнки берегла, как Иванов подарочек, костюм мой парадный. Под праздник, бывало, в саду на сучок повесит, проветрит, почистит... Награды фланелькой, смоченной в конопляном масле, натрёт – горят!

Господи! Да где ж они, ордена-то?.. Замест наград – три дырочки. Куды ж они запропустились?.. Ить я костюм с Симиных похорон не доставал, почитай что год... Сами-то они не сымутся... Кому они нужны?.. Кроме Миколы да Тихона никто и не заходит. А у них и своих хватает. И фронтовые, и мирные... Вот ведь остальные и у меня на месте. А трёх орденов Славы – как не бывало!

Жулька! Беда-то какая! Ну разве ж я фронтовик теперь? Средь мирного дня боевые награды

потерял! А ещё думал, перед смертью внуку, сыну Людкиному вручу. Пусть помнит, какой дед у него был, ровняется... Род-то наш бравый! У отца мова Георгиевские кресты имелись. В музей на сохранность передал ещё лет двадцать назад. А свои не сберёг... Горюшко-то какое! Как же я на митинг-то? Через час Микола с Тихоном зайдут. Что им скажу?

Чтой-то мне нехорошо, Жулька... жжёт в груди... Ух! Точь в точь, как у Симы на похоронах...

Ничего... пройдёт. За час отпустит... Пока побреюсь, оденусь, глядишь, и вспомню, куда ордена запропустились. Память, видно, совсем прохудилась... а штопать уж и некогда... Чужих с поминок не было... последними уезжали Людмила с сыном... Душно было... пиджак я снял... в шкаф повесил... Нет, не помню, чтобы награды прибирал с костюма... Раньше Сима их в шкатулке на Божничке держала... Пустая шкатулка-то...

Что ж так под сердцем печёт? Спасу нет! Счас... счас валидол под подушкой... Мне б только Ивана дожидаться. Обещался по весне подскочить. Холмик осел, пора Симушке памятник ставить... Да и Людмила, может, заглянет... Ох, и не по нраву мне этот её новый ухажёр. Больно прыток. Дела настоящего мужицкого не знает. «Я – коммерсант», – говорит. Какой ты, к такой матери, коммерсант? Спекулянт, самый наипервейший. И Людку с панталыку сбивает. Дома баба не живёт, снуёт с сумарями по Польшам-Турциям. Совсем Витьку-сына забросила. За ним глаз да глаз нужен – восемнадцать. Как без пригляду в большом городе?

Просил на лето ко мне спровадить, а она: «Хвосты телушкам крутить? Ему с друзьями тусоваться надо, а тут ни клуба, ни вечеринок, ни молодёжи». Избаловуха растит... Сама к лёгкой жизни тянется и сына туды ж... Боится, как бы дед в деревне малого работой не утрудил, не испортил. Бугай вон какой вымахал, а толку с того?

Муторно на душе... Хотел собрать всех на майские... Может, Иван повлиял бы на Витьку. У него-то хлопцы на загляденье: один – подводник, уж майор, другой – строителем будет, университет заканчивает. Правда, Людка и сама особо мало к кому прислушивается. Сколько Иван бился, чтобы образование получила... К себе на Украину забирал. Одевал, обувал... Тогда ещё зарабатывал неплохо... Бросит и бросит учёбу Людка. Похлопочет Иван, опять восстановит... Так и не дотянула до диплома... пустышка... Витьку родила. До школы Сима за им при-

глядывала, у нас был. Но Людмила наехала, не позволю, мол, чтоб телушкам хвосты крутил. И чего она к этим телушкам привязалась? Вон сколько ребятишек с нашей школы в люди вышло... Нет... Не легчает... И Жулька опять жмётся, скулит...

Ну, вот и нарядился... Только жжёт всё сильнее... как раз под тремя дырочками на пиджаке... А костюм-то выгорел... Там, где ордена были, ткань яркая... Дышать невмоготу...

Пойдём, Жулька, на воздух, под черёмушку... Скоро уж Микола с Тишей подойдут... в голове мельтешат какие-то обрывки мыслей... Не продыхнуть...

Словно из тумана выплывают две сгорбленные фигуры... приближаются к лавочке...

Что происходит? Зачем они тормозят меня?.. Почему я не слышу их голосов?.. Рты открывают, будто рыбы... Почему я не чую запаха черёмухи? Тихон плачет... и разом осунулся Микола... Не надо плакать! Мне легче... Я совсем не чую боли. Вот смотрите: встану, и пойдём к обелиску. Там, наверно, уже заждались...

Облокачиваюсь о плечо склонившегося надо мной Микола, и легко, как в молодости, делаю несколько шагов вперёд. Оглядываюсь... И вижу себя, сидящего на лавочке... в пахнущих ваксой ботинках, в выцветшем костюме. Отчётливо темнеют три дырочки на левой стороне пиджака. Внезапно обостряется слух, и я улавливаю дрожащий голос Микола: «Кондрат! Как же мы без тебя? Что же ты наделал, Кондрат!» Утирая слёзы рукавом, Тихон садится прямо на землю и всхлипывает: «Очнись же, Кондрат! Надо спешить! Нас ждут... Как они без нас?..»

Я всё-таки умер! Не дождался своих. А ведь как просил Иван: «Крепись, батя, скоро свидимся!» Оказывается, это совсем нестрашно: я ещё с вами, я тут. Я вас вижу, слышу, только не могу сказать: «Ну что, старые вояки, распустили нюни? Не к лицу вам это вовсе!» Да, голос пропал, зато слух какой, даже мысли читаю. Вот сейчас Микола подумал: «Всё кончено... Утрись. Надо похоронить как следно».

Через двадцать минут, наносив родниковой воды, Микола с Тихоном раскинули клеёнку в сенцах на полу. Сняв пиджаки и закатав рукава, товарищи обмыли меня. Вода у нас в ключах ледяная, аж до ломоты в зубах, но я совсем не почувял холода. Я уже остываю...

– Надо побыстрее одеть в чистое, – засуетился Микола.

– На нём и так всё чистое... праздничное, – всхлипнул Тиша.

Меня снова облачили в недоглаженную рубашу и в Иванов костюм.

С тех пор, как на фронте осколок задел позвоночник, у меня побаливала спина, а с годами мучения усилились. Когда-то я сколотил из сосновых тесин лежак, военврач предупредила: «Спать на жёстком!» Тихон вспомнил о нём и, вытащив из-под матраца, мужики водрузили щит посередь горницы на табуретки. Застелили покрывалом и уложили меня.

Тиша всё никак не мог связать мне руки на груди. Он постоянно утирался промокшим платком, отсмаркивался. Микола молча отстранил друга и закончил дело. Пока он занавешивал окна, Тихон отыскал в Симином сундуке какой-то чёрный подшалок и прикрыл им зеркало. Микола знал порядок в таких делах. Полгода назад схоронил Пантелеевну.

Подойдя к иконостасу, зажёл лампаду. В солонку насыпал соли и воткнул зажжённую восковую свечу. Покопавшись в карманах, отыскал столик и положил на тумбочку. Тихон, перекрестившись на Божничку, вынул ещё один и положил рядом... Вот ещё удумали! Свои ведь!

Смерть моя за какой-то час состарила и без того немолодых моих друзей. На мгновение они присели... Слышно было, как тяжело вздыхал один, как поминутно шмурыгал носом другой. «Ну, рассиживаться некогда», – скомандовал Микола, и они вышли... Я расслышал, как брякнула щеколда, и Микола сказал: «Я – к Петру, а ты – на митинг». Я догадался: отправился в столлярку гроб заказывать. А Тихон объявит сейчас прилюдно о моей смерти... прямо на митинге. Испортит праздник... Ну, такой уж он был всегда, День Победы. И радость, и слёзы вперемешку.

Оставили одного... Как знали... попрощаться без чужих глаз с хатой надо... Всё на месте... Прабабкины иконы в тяжелых окладах, пожелтевшие карточки в рамках под стеклом, вязаная с голубками скатёрка. Только Симы нет... Теперь и меня не станет... Тишина давит так, что если б был жив, наверно, разболелась бы от её гула голова.

Протяжно завывала Жулька. Её привязали за амбаром, чтоб не мешала, не путалась под ногами.

Послышались шаги, и горница начала заполняться людьми.

Народ, не закончив митинг, потянулся к моей хате. Односельчане входили с зажжёнными свечами, стояли некоторое время, выходили, на их место заступали другие. Старухи расселись по лавкам, помоложе – засуетились на кухне.

Часа через три на подводе подкатил Петро, привёз обтянутый алым сатином гроб. Принесли соломы, разбросали по полу. В гроб уложили тюфячок, тоже набитый соломой. Петровна, покопавшись в Серафиминых ларях, каким-то своим, бабьим, чутьём отыскала всё необходимое. Не могла уйти Сима, не сготовив смертное и для меня. Здесь было и белое церковное покрывало, и образок, и связка восковых свечей, и ещё куча погребальных принадлежностей. Казалось, Сима и с того света волнуется за меня, заботится обо мне по-прежнему.

– Май месяц, а лето летом, – шептались старушки.

– С похоронами не удержишься. Жара.

– Ивана бы дождаться. Людка-то опять в Турциях. Микола до Витьки дозвонился... прибудет.

Ну вот, даже проститься шепутная не явится. Может, хоть Витёк соизволит. Иван, конечно, с женой постарается. Только бы не закопали раньше срока. А с другой стороны – чего теперя меня беречь? Вон как припекает! Будь что будет, терять уже нечего, всё потеряно...

Жаль только, не успел узнать, куда всё ж таки ордена задевались. Как-то нехорошо... Будто я их сам перед смертью от глаз людских спрятал... застыдился ими. А стыдиться мне нечего! Вся жисть перед нашенскими на ладони. И на фронте, Миколай с Тихоном помнят, за мной ничего дурного не водилось. Вшей кормил, грязь хлебал, промерзал до самого сердца, пули не раз ловил вместе с ими...

Прожито много, но как подспеет весна, кажетя, всё вот-вот только и начнётся. И жисть будто целая ещё впереди. И помирать страсть как неохота! Май-то нынче какой! Сады в кипени, год урожайный, должно, будет. Эх, пожить бы! Ну ещё хоть годок-другой. Пусть даже печёт в груди и темнеет в глазах, всё равно – жить!

Проснуться от крика петушиного, от тьяканья Жулькиного, выйти с крыльца, вздрогнуть от утреннего холодка, пофыркать рукомойником, согнать Зорьку в стадо. Да мало ли что ещё! И

желания-то самые простецкие: пройтись с литовочкой по лугу росному, подышать цветом липовым, хрумкнуть яблочком яровым.

Писал же мне Иван: «Сходи к медичке. Пусть от сердца чего-нибудь пропишет». А что ходить-то? На девятый десяток перевалило... Видать, срок подоспел... Чего зазря лекарства изводить?

Давно в моей хате не было столько народу. Как дети разлетелись, мы с Симой словно сиротели, даже говорить стали вполголоса. Да нам и говорить не надо, с полвзгляда друг друга понимали, с полнамёка.

Вошла Никаноровна. Бабки потеснились, уступили местечко поближе к гробу. Никаноровна раскрыла «Псалтирь» и забубнила по привычке себе под нос. Никто на деревне не знает, сколько ей лет. Я ещё мальчонкой бегал, а уж она и тогда старухой была. Церкви у нас нет, потому и батюшки нет, отпевать некому. На случай похорон призывается Никаноровна со своей древней, как и она сама, «Псалтирю». Коли вздумает кто подтронуть над бабкой, мол, когда сама помрёшь, кто ж тебя, старая, отпевать станет? На это заготовлен у Никаноровны ответ: «Не дождёсси!» Назначенную самой себе службу старушка справляет добротнo. Знает, когда в течение ночного бдения разрешается покемарить, когда перекусить не помешает, когда свечки зажечь, когда погасить. На неё полагаются, и установленные ею порядки принимают за церковные.

Никаноровна прервала чтение, вспомнив о чём-то, всплеснула руками, мол, нехристи вы, нехристи, и приказала задвинуть Симины фикусы куда подальше – не место живым цветам у гроба.

Микола помогает бабам по хозяйству. Тихона спровадил в район за провизией и в военкомат за оркестром. Похороны будут скорые, назавтра передали плюс двадцать пять.

Ну вот... теперя точно Иван не успеет. Он же у нас за границей живёт! Когда это было, чтоб Украина чужой страной называлася? Таможня, граница... Тьфу ты! Разодрали страну на части, ни детям к родителям не добраться, ни родителям их не дождаться.

Односельчане идут и идут. И все ко мне... Даже как-то неловко. Не привык я к такому вниманию. Да и к тому, что умер, тоже пока не привык... Может, я просто сплю? Ведь вижу же я, как Сенька-баламут под шумок будильник мой с по-

доконника потырил и за пазуху пихнул. Вижу... точно вижу. Слышу, как плачет закрытая в будке Жулька. А поделать ничего не могу: ни Сеньку по рукам шлёпнуть, ни Жульку вызволить. Тело не моё, не подчиняется мне больше.

Видать, я всё же умер... Душа только никак не успокоится... А как тут успокоишься? И орден не сыскались, и с могилой не определятся. Места, сомневаются, рядом с Серафимой маловато. Ишь, чего выдумали! Не могу я вдали от жены лечь. В тесноте – не в обиде. Шестидесят годов под одной крышей теснились, а уж там Сима ради меня подвинется. И Ване полегшее будет... траты какие... Памятник уж теперь один на двоих поставит.

Вот Сима-то обрадуется... Дождалась-таки. Я как в холода её хоронил, места себе не находил. Сон последний год совсем пропал. Как вспомню, что одну в холодной ямине оставил!.. Всё просил гроб постилками шерстяными укрыть, не пожалеть, только потом уж землицей присыпать.

Хотел с Ваней потолковать... Оставался бы он дома. На кой ляд ему эта Украина, коли такой расклад у них пошёл? Никого своих там нету... Опереться не на кого. Дети далеко, в России. Переезжал бы уж на дедовский корень. И нам с матерью спокойнее б лежалось... под его приглядом... Шахты рушатся. Не ровён час, завалит... Вишь, правитель ихний никудышной какой... Напрочь с Россией расхристанья вздумал. От нас отбилси, а один не справляется. Мы рядышком, вот они, а Америка евонная, где это она? За морями-океанами. Когда-то помочи с неё дождётся.

За окнами стемнело. Зажгли ещё больше свечей. Тени расплзаются по стенам, снуют из кухни в сенцы.

Командует Тишина Петровна. Жарится, парится, готовится поминальный обед.

Последняя ночь дома... Как я буду без него? Сима же смогла... и я, наверно... смогу. Всю жизнь тянулся к ней... и за ней... Как увидел её в гостях на Казанскую, так и украла она моё сердце. Ни на кого никогда не взглянул... Куда им до моей Симы! Видать, и я ей приглянулся. Сватов заслал – не отказала. Правда, никогда не слышал от неё «люблю». Всё «жалкий мой» да «жалкий мой». Вон меж окон карточка довоенная. Я на стуле сижу, на руках Ванюшка годовая

лый, а Сима рядом стоит... Краше во всей губернии не сыскать.

Никаноровна помурлыкала, помурлыкала и прикорнула. А бабки наскоро пробежались по тем, кто не был рядом, быстрёхонько обсудили проблемы местного и международного масштаба.

Перемыли и постель, и косточки Лидкефельдшеричке. Мол, почему это на медпункте бесплатных лекарств для инвалидов и престарелых нет, а за деньги – бери любые.

Досталось и Сидоровне, что дурманит мужиков некачественным самогоном. Подсыпает димедрол. Того гляди, траванётся кто-нибудь.

Пробрали Стёпку-тракториста. Вспахал по пьяни «Дорогу жизни» – единственную шоссейку, ведущую в деревню. Теперь автобусник ездить отказывается, а ремонтник никто не собирается заниматься.

Иногда старухи вспоминали обо мне, притихали, крестились и сожалели, как тому и полагалось: «Хороший был Кондрат, царствие ему небесное!»

Ближе к утру, разобравшись с делами, к бабкам присоединились Микола и Тихон. Микола из нашей троицы – самый молодой. Тихон – самый добрый. А я... Я был на пару лет постарше.

Странно, почему, когда видишь себя в гробу, так остро хочется жить. А в запасе нет уже ни секунды, ни мгновения! Стою у черты... Передо мной, как в ускоренном кино, мелькает моя жизнь... Кадр за кадром, день за днём. Я не успеваю разглядеть картинок. В основном они чёрно-белые, лишь изредка – цветные.

Да, действительно, праздников было маловато... В большинстве – серые, беспросветные будни... Полугодовое детство... Война... Смерть трёх детей... Работа... работа... работа...

Лишь иногда вспышки... Отец вернулся живой с Финской (уже не надеялись, пропал без вести)... Сима, свадьба наша... Рождение Ивана... День Победы... И снова Сима... беременная дочерью... Вот, пожалуй, и все радости...

Светает... У крыльца резко тормозит легковушка. Слышится голос внука. Надо же... Не знал, что водит машину, да и вообще, что она у него есть.

«Витя, Витенька! – Петровна кинулась к двери. – Нету больше Кондратушки! Что ж, мамке-то

сообщил?» – «Где за ней угоняешься? В Грецию за шубами отбыла. Будет через неделю». Внук, задержав взгляд на моём пиджаке, на том самом месте, где должны были красоваться ордена, прошёл к иконостасу, поправил лампадку и поделовому, чего никогда за ним не замечалось, закомандовал похоронами.

«Жарень! Хоронить надо сегодня, часа в два. Дядька Иван всё равно не успеет», – Витёк заходил по хате, поторапливая баб со стряпнёй. Сам вызвался сколачивать с Тихоном столы во дворе. Поминать будут в саду под грушенкой.

А что? Место самое подходящее. Бессемянка в цвету, пчёлки жужукают, рай земной, да и только. Сады гудьмя гудят. Нынче мёд уже в мае качать можно. С вербы взяток хорош... теперь яблони пошли, вишни, груши, черёмуха. Только трудись, пчела. Да ей подсказывать не надо. Она, пронира, всё сама наперёд знает...

Да... что станется с моими улюшками?.. Может, Микола догадается, подберёт. Хотя... Ему бы со своими управиться. Вот Жульку Тиша точно не кинет. Он сердобольнай... С курями Петровна уже распорядилась – бабы щиплют. Ну и правильно, чего беречь-то? На помин души хозяйской пойдут.

Петровна – бабонька хлопотная. Стряпать умеет, хохлушка. Тихон её из Германии привёз. На работу немцы из-под Киева угнали. А как освободили, она в нашем эшелоне домой возвращалась. Пока ехали, обзнакомились они с Тишей, да и поженились. Свадьба у них на колёсах прошла... весёлая... победная...

Микола, тот всю войну по училке, что в сорочковом к нам в деревню прислали, сох. Вернулся и не отступил, будто прилип. Не устояла Елизавета Матвеевна. Трёх сынов ему родила, выходила. Только свили Миколины орлы не в наших краях гнёзда, не стало Лизы, доживает друг мой Микола в опустевшей хате со щеглом Фимкой да котом Филькой. Хоть с ими словом перебросится... Я его понимаю... От одиночества и онеметь не мудрено.

Сам, бывало, затоскую, впору Жульке подвывать. Сбирюсь... и к Миколу... Посидим... выпьем по стопочке-другой, помянем Симу с Лизой... потолкуем, вспомнить-то есть о чём, а там – и на печку пора.

Хорошо всё-таки, что Витёк подъехал. Вишь, как старается, организовывает. А то Микола с Тихоном из сил выбились, годы-то какие...

Привезли венки, расставили вдоль стен. Лесом запахло, смолой. Даже не ожидал такой красоты. Как магазинные. В сенцах от крышки и креста тоже свежей сосёнкой пахнет.

Бабки раскопали Симины рушники. Ещё из приданого. Вот ведь когда пригодились! Один завязали на крест. Отобрали самые длинные – гроб в могилу опускать... Там и останутся... Вот и ладно. Вышивала их Симушка. Опустятся на гроб, словно она руками ко мне на прощание прикоснётся.

Часам к двенадцати начал сходить народ. Откуда столько взялось!

Ах, да! Праздничные дни. Гости понаехали. Вот и привалили со мной проститься. Спасибо, конечно... только не по себе мне от этого... Да уж ладно, потерплю напоследок. И самому всех увидеть хочется... проститься...

Витёк весь день с телефоном ходит. Придумали же игрушку: без проводов, маленькая, карманная, а в дальнюю даль дозвонишься. Иногда Витёк кричит так, что слышно даже в хате. Вот опять: «Не торопи ты меня. Сказал – привезу, значит, привезу». Деловой Витька стал... Видать, поумнел... Даже радостно как-то... и помирать спокойнее...

Подошёл грузовичок. «Лапник, лапник тащите!» – поторапливает Витёк постовых-пионеров. Пристроившись на лавках в палисаде, военкомовский оркестрик настраивает инструменты.

К часу дня Витёк объявляет, что пора заканчивать прощание. Оркестр играет «Славянку». Гроб выносят из дома и ставят на грузовик.

Душа моя разрывается, мечется между осиротевшей, всхлипывающей сенной дверью, хатой и ещё не определённым на вечный покой, но уже готовым ко встрече с Господом и Симой телом.

На кузов поднимают крышку, венки и крест. У изголовья – Микола с Тихоном. Витёк усаживается в иномарку. Жители деревни идут следом пешком.

Кладбище наше – прямо за околицей. Грузовик еле ползёт вдоль улицы... и я... прощаюсь... с каждой хатой... с каждой ракеткой... с каждой скворечней.

Так муторно, а тут ещё этот оркестр! Как ударит своими тарелками! Кто только придумывает такую музыку... Так жалко вдруг стало себя... Поскорее бы, что ли, всё закончилось.

Хотя... Вот снова невыносимый приступ – нестерпимо хочется жить! Ещё чуть-чуть! Прокачаться с Витькой на его новой машине, повспоминать чего-нибудь из фронтовых передряг школярам. Да просто поболтать ни о чём с незнакомцем.

Встать бы сейчас и сказать во весь голос, прямо с машины: «Любите друг друга, прощайте друг другу, общайтесь, заботьтесь друг о друге! Нет ничего дороже этого. Потому что это и есть жизнь, и ничего нет прекраснее её! Даже самые невероятные жизненные тяготы – радость и счастье по сравнению с могильным покоем».

А Ивана так и нет... Может, телеграмму не получил? У них там стачки-забастовки. Досадно, не успел даже записку черкануть, чтоб ордена поискал. Не могли же они бесследно из хаты исчезнуть?

Людка возвратится, приедет на могилку, выть станет. А что теперь выть-то? Мы для неё обуза. Всегда старалась подальше держаться. Семьдесят километров до города, а приезжала в полгода раз, а то и реже. Какой ей от нас прок? Пенсия крошечная. Она за день такую сумму спускает. Научилась спекулировать у своо Вовки-Вольдемара.

У кладбищенских ворот притихшие было музыканты заныли снова, и бабы зашмыркали ногами. Мужики подхватили гроб и понесли через погост в дальний левый угол.

Душа моя вдруг почему-то заторопилась. Опередила односельчан, и, воспарив над погостом, наблюдала, словно старалась запомнить лица пришедших, расслышать их редкий шёпот, сосчитать их шаги до ожидающей меня со вчерашнего дня могилы. С высоты голубиного полёта ещё печальнее казалась поникшая толпа. Медленно, будто нехотя, пробиралась она меж покосившихся замшелых крестов, расшитых молодым земляничником, осыпанных, словно крошками пасхального кулича, первыми мать-и-мачехами могильных холмов туда, где совсем недавно сладил я тесовую лавочку, куда зачастил со дня Симиных похорон ... Под рябинку... Песню жена про неё всегда напевала...

Когда гроб поставили на табуретки, из могильной утробы потянуло отсыревшей глиной, дохнуло кладбищенской горьковатой слащавостью, и провожающие невольно отпрянули, видно, почуяли, как из глубины свежевырытой домовины на них взглянула вечность. Мне показалось, я даже вижу красную материю Симушкиного гроба. Стало спокойней... Значит, всё-таки бок о бок...

Как я и думал, выпятив пузо горой, председатель Прилепкин выступил вперёд и завёл тягомотину минут на двадцать. Даже я устал от его болтовни. Но тут выручил внук. Только Прилепкин надумал перевести дух, Витёк предоставил слово представителю военкомата. Тот был по военному краток. Щёлкнули затворы. Два бойца, приехавшие вместе с оркестрантами, произвели салют.

Гроб, наконец-то, начали опускать в могилу. Сильнее запахло сосновой доской... и бездной... Вдруг мне ещё раз захотелось взглянуть... в последний раз... на Божий свет.

Микола и Тихон уткнулись друг другу в плечо и беззвучно рыдали. Петровна обняла их обоих и прижала к себе. Я искал внука. Зазвонил телефон, Витек дёрнулся в сторону, и я услышал, как он в полголоса сказал: «Успокойся! Дай хоть закопать. Ордена получил, получишь и иконы. Я тебя когда-нибудь обманывал?»

Что он сказал? Ордена?! Так вот где взял паршивец деньги на иномарку! Надо что-то делать! Не могу позволить, чтобы в его руках оказался Симин иконостас!

Витёк, не дождавшись, когда засыплют могилу, рванул в деревню. Но где ему на своей жестянке теперь угнаться за мной!

Это только тело! Я слышал, душа, если дела земные не завершены, остаётся на земле до сорока дней. Не всё потеряно! Надо что-то придумать! Надо успеть!..

На крышку гроба глухо посыпалась земля. Очнулась Никаноровна: «Помяни, Господи Боже наш, в вере и надежди живота вечнаго предствавльшагося раба Твоего, брата нашего Кондратия, и яко благ и человеколюбец, отпускаий грехи и потребляий неправды, ослаби. Остави и прости вся вольныя его согрешения и невольныя, избави его вечныя муки...»

**Иван
ЩЁЛОКОВ**

**НЕ ВЫШЛО РОДИТЬСЯ
СВЯТЫМ, НЕПОРОЧНЫМ**

ЯБЛОЧКИ

*Напитые всё яблочки, яблочки, яблочки...
С красным боком, в полоску и просто зелёные...
Дышат солнцем и соками брызжут на ямочки,
На уста на девчоночьи, неокропленные.*

*Два красивых, упругих, похожих на мячики,
Оторвались от ветки, скатились за пазуху, 53
Вспыхнув краской в присутствии зреющих
мальчиков,
Онемевших в нелепой божественной паузе.*

*Напитые, греховные яблочки... К ямочкам
Август звёздами, шёпотом, клятвами
ладится.*

*Дозревают ночами волшебные яблочки –
Душно им от любви под приталенным
платьем.*

* * *

*Родина стареет вместе с нами,
Вместе с грушей в папином саду.
Ей не спится зимними ночами,
Долгими и злыми, как в аду.*

*Жить бы, ничего не опасаться,
Не зависеть сердцем от беды...
Вьюга за окошком скачет зайцем,
Путая от времени следы.*

*Родина стареет, как и мама,
С мыслями: у всех она в долгу...
До последней клеточки до самой
Горько, что ничем не помогу.*

*Лучше бы не видеть, не терзаться,
Зоркий глаз не пялить в зеркала.
Что там может в сумрак отражаться,
Кроме мглы от чёрного крыла?*

*От Камчатки до балтийской чайки,
До кремлёвских башен и зубцов
Я – свидетель и живой участник
Всех её случившихся рубцов.*

ЩЁЛОКОВ Иван Александрович родился 30 августа 1956 года в селе Красный Лог Каширского района Воронежской области. Окончил филологический факультет Воронежского государственного университета. В настоящее время – главный редактор литературно-художественного журнала «Подъём». Член Союза писателей России. Автор девяти поэтических книг. Печатался в «Литературной газете», альманахе «День Поэзии России», журналах «Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия», «Роман-журнал. XXI век», «Всерусский собор» (Санкт-Петербург), «День и ночь» (Красноярск), «Север» (Петрозаводск), «Огни Кузбасса» (Кемерово), и др. Заслуженный работник культуры РФ. Лауреат премий «Имперская культура» им. Э. Володина (2009), «Навстречу дня!» им. Б. Корнилова (2011), лауреат Всероссийского поэтического конкурса имени Сергея Есенина (2013). Живёт в Воронеже.

МОНОЛОГ ПОГИБШЕГО БОЙЦА НА БРАТСКОЙ МОГИЛЕ В БРНО

До России, как до звёзд, –
Тыщи вёрст.

И загробного пути
Не найти!

Всё в земле смешалось, брат:
Рай и ад.

Если б тридцать лет назад
Кто-то, брат,

Стал шутя пророчить мне
На войне,

Что в могиле возле Брно
Суждено

Сгнуть вдали от русских мест
(Вот те крест!),

Я б пророку в морду дал,
Чтоб не врал...

Эх, да что там говорить!
Мне бы жить,

Только б жить, а в отчий дом
Я б ползком

Тыщи вёрст в жару, мороз,
Но прополз.

Да пробита пулей грудь –
Не вздохнуть.

Медсестру зову в бреду.
«Я иду!

Потерпи, – кричит, – чуть-чуть:
Близок путь!»

Вслед ей эхо: «Путь, родной,
Вековой...»

Так лежу с друзьями здесь.
Нас не счесть.

Вместе легче, а тоска,
Брат, резка.

Эх, Россия – мать честна,
Ты мечта!

До тебя рукой подать,
Да не встать,

А загробного пути
Не найти!

г. Брно, 1976

* * *

На фоне чахлого разлива
И затянувшейся весны
Качают вербы терпеливо
Клоки лохматой тишины.

Гогочут гуси у соседа.
Толпятся зори у болот.
И я чуть свет куда-то еду,
Минуя нужный поворот.

Короткий сон, смешная трата
Ума и сердца... В колесе
Звучит гусиная соната
И глухнет в лесополосе.

ПОСЛЕДНЯЯ ПОЕЗДКА ЛЕРМОНТОВА НА КАВКАЗ. 1841 год

Пусты дороги Черноземья.
Печален юноша-гусар.
В походном скарбе – груз презренья,
В душе – священный неба дар.

Ужель поэт в России – странник?
Иль званья все в одном сошлись:
Избранник – то же, что изгнанник?..
Иных судеб не терпит жизнь!

Неспешна музыка степная.
И далеко ещё Кавказ.
И в небе тучка золотая
Торопит к югу тарантас.

«Прощай, немая Россия...»,
И степь лазурная, прощай!
Донской волной плеснул над синью
И скрылся в дымке милый край.

«Монго, Монго, мой друг прелестный!
Тоска на сердце, как свинец...
Ужели тучкою безвестной
Мелькну в лазури – и конец?!»

Весна не лечит ран душевных,
И даль теснит тревогой грудь...
«Монго, я – брат сих тучек бранных!»
Воронеж... Степь... Последний путь...

* * *

Хрупкость, нежность, чистота
Роз осенних. Дождик мгlistый.
Притаилась суета
В лепестках, бутонах, листьях.

Что я видел, чем я жил?
Всё куда-то мчался, рвался
Из последних сил и жил,
Ничему не удивлялся.

И почти не знал, что здесь,
Рядом, в шаге от дороги,
В хрупком, нежном чуде весь
Мир любви и мир тревоги.

И зачем куда-то вдаль?
И к чему о вечном споры?
Роз осенняя печаль.
Тихий дождик, вздохи, взоры...

* * *

Говорите, говорите,
Говорите, что не сказано.
Мы по бритве, мы по бритве
Наших чувств опасно лазаем.

Детский лепет душ не треплет,
Забавляет по-хорошему
Сказкой про Царевну Лебедь,
Про принцессу на горошине.

Мы не где-нибудь – в России,
В территории загадочной,
Где слова из уст – красивы,
Где поступки – непорядочны.

Говорите, говорите,
Саши, Пети, Коли, Вити,
Чтоб девчонки лупоглазые
Знали: главное не сказано...

* * *

Извлекаю, как флешку, тебя из сетей
виртуальности.
Слышу запах волос на ветру от лугов –
пахнут донником.
Я – не чудик, мой дух не помешан на знаках
сакральности...
Ты – не чудо, ты просто реальная в платьице
новеньком...

Извлекаю тебя из больничных палат цвета
солода,
Очищаю от привкуса йода и плечи, и талию.
Боже, как же уродливо в мире по файлам
рассованы
Чьи-то счастье, любовь, затажные дожди
из Италии!

Я, наверно, глупец, альтруист,
дон-кихотством страдающий,
Не желающий волосы путать с листвою
опалою...

Я себя извлекаю, как флешку...
Я – нас извлекающий
Из житейских лагун, расфасованных в памяти
файловой.

ПЕРЕЗВОНЫ

Перезвоны, перезвончики,
Первых заморозков звень.
Росных льдинок колокольчики
Выкликают новый день.
Из-за ёлки солнце радугой
Липнет к травам и кустам.
Две синицы, утру радуясь,
Превращают песню в гам.

Перезвоны, перезвончики
Слева, справа, от реки...
Сердце бьётся заговорчески
Всем рассудкам вопреки.
Что случилось с ним, что дается?
Из каких глубин восторг?

Алёна
ЖУКОВА

ВОЙНА, ЛЮБОВЬ И НАДЕЖДА

*Всем девочкам Великой Отечественной,
дожившим и не дожившим до сегодняшних дней,
посвящается*

Ещё с вечера прошёл слух, что в бухту вошла кефаль. Рыбаки всю ночь жгли керосинки возле сточных ям мясокомбината, где в изобилии водился мохнатый червь, только на него она и шла, и то не всегда. Но Василий был уверен, что на этот раз не упустит удачу, и полночи ворочался от рыбацкого возбуждения, представляя тугую и толстенькую кефальку, бьющую о дно лодки хвостом и судорожно хватющую ртом смертельный для её существования воздух. Жена Люба, тяжело повернувшись, ругнулась спросонья и приказала лежать смирно, иначе отправит его прямо сейчас на баркас, чтобы он уже, наконец, успокоился и дал ей спокойно поспать. Вася, скрипнув кроватьным железом, встал и пошёл попить воды.

Напившись из-под крана, глянул за ширму, где вытянулась на узенькой кровати голенастая Надька.

«Надо же, – подумал, – здоровая уже, считай через год-другой, невеста, а ноги опять не вымыла. Вон, колени аж коркой покрылись, а пятки-то – ужас, как сажа».

– Рота, подъём! – скомандовал Василий, это у него получилось профессионально – комисса-

ром прошёл Гражданскую, теперь руководил кинофабрикой и в глубине души считал, что в искусстве, которое Ленин назвал важнейшим, самое главное – это порядок и партийная дисциплина. Даже статисты на съёмочной площадке вели себя прилично, зная, что у Василия есть именной наган и орден Красного Знамени.

Женщины вскочили, перепугавшись. Надька сразу схлопотала по шее и поплелась мыться. Люба, посмотрев на часы, в сердцах выругалась. Было четыре утра. Сердце заколотилось, потом провалилось в живот и заныло. В ушах гремел командирский голос мужа. На душе было беспокойно. Спать не хотелось.

Побурчав немного, она поплелась на кухню собирать еду для рыбалки. На баркасе в море должны были выйти трое. Лодку они в складчину с Фёдей-оператором и Мотей-гримёром справили в тот год, что «Кармелюка» снимали. Тогда леса от декораций осталось много, выкупили и сами построили. Назвали красиво – «Апассионария». Это была Мотькина идея. Все вокруг думали, что это про музыку, а уж Люба точно знала, что никакая это не музыка, а баба. Испанкой она была. Погибла, а мальчонку её, Родригеса, от смерти спасая вместе с сотней таких же, в их го-

ЖУКОВА Ольга Григорьевна (псевдоним – Алёна Жукова) родилась в Одессе, работала на Одесской киностудии. Вице-президент, программный директор Фестиваля российского кино в Канаде – Toronto Russian Film Festival (TRFF-2010, TRFF-2011), программный директор Дней канадского кино в Москве «Канадская Мозаика-2009». Писатель, сценарист, кинокритик. Член Московского отделения Союза писателей России, сотрудничала со многими журналами и газетами Канады, США, России, Украины (публикации рассказов и статьи об искусстве). Автор книг «К чему снились яблоки Марине» и «Дуэт для одиночества». В 1994 году эмигрировала в Канаду. Живёт в Торонто.

род привезли. Уже несколько лет живёт он в Мотиной семье, и теперь его Родькой зовут. Хорошенький, сил нет, чернявый, всё в кино лезет сниматься. На груди его медальон с маминной фотографией. Красавица, что сказать, вроде как на флаконе духов «Кармен».

Люба, думая о своём, перемыла помидоры, лук и молодой чеснок. Вынула из банки малосольных огурцов, наварила картошки и яиц. Солнце всходило под робкое чириканье воробьёв. Начинаясь воскресный день.

Надька с дворовой ребятей побежала купаться и встречать возвращающиеся с рыбалки лодки, а Люба затеяла стирку. Уже в цинковом корыте намокло пересыпанное щёлоком бельё, и на плите закипала полная выварка кипятку, как на входную дверь обрушился грохот ударов. Люба не разобрала, что кричат, но ноги подкосились, и промелькнула мысль: «Вася утонул». Она распахнула дверь и услышала, как простучали по ступенькам чьи-то каблук, как ухнуло сквозняком входную дверь подъезда и как в гулком эхе повисло стоном: «Война-а-а».

На лестничную площадку вышел хромой скрипач Миша. Он продолжал держать скрипку между щекой и плечом, но смычок беспомощно повис. За его спиной из открытой квартиры доносился голос диктора: «Сегодня в четыре часа утра немецко-фашистские войска...»

Люба, не дослушав, вытирая о фартук мыльную пену с рук, понеслась вниз с лестницы, а потом через двор, улицу, через рельсы, наперерез трамваю, через ограждения и заросли пыльной акации к морю, туда, где муж и дочь, которые ещё ничего не знают.

На берегу, возле лебёдок и куреней, было людно. Горячий воздух гудел как улей. Весть уже долетела сюда, и люди, в основном женщины, искали детей, всматриваясь в море и стараясь разглядеть на его спокойной глади тёмные точки рыбацких лодок. Надька увидела мать и, громко стрекоча, налетела, как чайка, которую нечаянно вспугнули. Люба, враз обессилев, опустилась на песок, усадила рядом дочь, и так они просидели до того, как вдали показались тёмные силуэты лодок, медленно идущих с большим уловом.

Причаливая, мужчины не могли понять, отчего так много народу собралось на берегу. Лиц было не разглядеть – солнце садилось за их спи-

нами, и, казалось, уже не люди, а их тени колыхаются в предзакатном мареве.

Но рыбу этим вечером всё же чистили, мыли, жарили и варили. Это был последний большой улов жаркого лета 41 года.

Василия призвали на фронт. Проводив мужа, Люба решила пока погодить с эвакуацией. Война ещё не докатилась до города, она шла где-то рядом, и даже детям пока было совсем не страшно. Надька со школьными друзьями бегала по крышам и сбрасывала на землю «зажигалки». Мальчишки, вместо казаков-разбойников, стали играть в войну, которая быстро заканчивалась победой Красной Армии, поскольку фашистами быть никто не хотел. Светило солнце. В палисаднике зацвели георгины, а воробьи дружно клевали перезревшую вишню, но уже всё чаще докатывался гром канонады. Когда над городом нависла угроза оккупации, поговаривали, что зайдут румыны, и это лучше, чем немцы, и что при них вполне можно будет выжить, Вася прислал категоричное письмо семье с приказом срочно эвакуироваться. Ещё он пытался втолковать жене, что румынская сигуранца не простит Наде её комсомольского прошлого, а Любе – мужа члена партии. Люба подчинилась приказу безоговорочно, как того требовали законы военного времени, но в мирное она бы сделала всё наоборот, чтобы лишний раз напомнить красному командиру, кто в доме начальник. Как вольнонаёмная, начала работать санитаркой, и в конце лета вместе с Окружным военным госпиталем они с Надей покинули город. Их увозили в глубокий тыл на восток.

Войне шёл второй, а Наденьке – шестнадцатый год, когда она получила диплом медсестры. В Самарканде их госпиталь объединился с Военно-медицинской академией имени Кирова, и Надюша смогла осваивать азы медицины под руководством тогдашних Пироговых. Академия была эвакуирована из Ленинграда перед самой блокадой и в срочном порядке готовила врачей для фронта. Учебными пособиями были тяжёлые ранения, и материала было – хоть отбавляй. Когда студенты и профессура, обессилев, сдавались, Наденьке приходилось, привязав к трупу номерок с именем и фамилией, вносить в медицинскую карту не только причину смерти, но и подробное описание диагноза и лечения. У Надюши был каллиграфический почерк и лёгкая

рука. Лучше неё никто не делал уколов, а уж внутривенные – был её конёк. Голубоватые, слабо проступающие на обескровленных телах вены она находила безошибочно и точно вонзала иглолку. Сильные мужики, измученные болью, радовались, когда приходила со шприцом именно Надя. Может быть, потому, что Наденька была просто прелесть как хороша в беленьком халате с передничком, в крахмальной крылатой косынке с красным крестиком посредине. Эту форму прислали американцы, но казалось, что она была скроена по её стройной фигурке. Надя выпускала из-под косынки пару завитков и становилась похожей на актрису.

Особенно ей нравилось участвовать в финальном обходе, что-то вроде выпускного экзамена. Тогда она чувствовала себя на сцене. Старалась держать спину прямо, подбородок чуть вверх.

Утром выстраивалась колонна. Впереди шёл профессор генерал-майор Апратин, за ним по ранжиру следовали полковники, подполковники, майоры и капитаны, а потом она с белым вафельным полотенчиком. Она всякий раз подавала его генералу после осмотра. Фронтные врачи держали экзамен на умение быстро поставить диагноз и дать рекомендации по лечению. Вот на одном из таких обходов Надя заметила на себе взгляд Феде Ступова, не то чтобы в первый раз, он давно заигрывал, но кто этого не делал. Надя была самая красивая девочка госпиталя, а может, и не только госпиталя. Когда она, например, ходила с мамой на базар, то старые узбеки, жёлтые и сморщенные, как их дыни, говорили Любе, что такое лицо, как у Наденьки, надо прятать и до, и после свадьбы, чтобы беды не было. Но ничего плохого пока не случилось. Она была девочка серьёзная, скромная и кокетничала только со своим отражением в маленьком зеркальце.

Но Федя в этот раз смотрел так, словно ждал от неё помощи. Ей сначала показалось, что он не знает ответа и надеется на подсказку, но он спокойно ответил на вопрос генерала, диагностировав гангренозный процесс в отмороженных пальцах обеих рук молодого лейтенанта. Генерал принял ответ и отдал приказ готовить к ампутации. Ступов попросил разрешения взять в качестве операционной сестры Надю. Она была опытной помощницей, но в этот раз, когда Федя кусачками стал отщипывать один за другим фиолетовые пальцы, ей стало дурно. Заметив осе-

дающую по стене Надю, он выволок её на воздух.

– Ты чего это, – рассмеялся, – мне ребята говорили, что ты кость пилила, а тут пальцы, и на тебе.

Надя, дрожа, не могла отогнать видение изгибающихся, как червяки, пальцев, ей казалось, что их было гораздо больше, чем положено.

– Всего десяточек, – хохотнул Федя и прижал к себе Надюшу. – Тебе холодно? Идём в ординаторскую, согреемся.

Они сидели вдвоём на дежурстве. Федю завтра отправляли в часть. Тишину самаркандской ночи, чёрной и холодной, разрывали стоны раненых: «Сестричка, воды...»

Надя вскакивала и убегала. Возвращаясь, она садилась рядом с Федей, и он опять грел её холодные руки. Он дышал теплом на её пальчики, легонько целовал, это было так хорошо. Федя рассказывал о родителях, сестре, написал их адрес, чтобы не потеряться. Он смотрел на неё и молчал, осторожно прикасался к волосам, словно боясь обжечься, а потом привлёк к себе и поцеловал в губы. Надя задохнулась, закрыла глаза и попыталась высвободиться, но неожиданно для себя обвила его шею руками и навзрыд запричитала, как взрослая.

– Как же я без тебя? Почему завтра? Я буду ждать, вот увидишь...

Федя держал крепко, тычась губами в шею, плечи, но не удержал. Один из раненых, страшно матерясь, орал, что помирает. Федя разомкнул объятья. Надя бросилась на крик. Раненый хрипел, бредил и терял сознание. Видимо, открылось внутреннее кровотечение и начался перитонит. Надя позвала дежурного врача. С Федей они договорились утром встретиться, а сейчас ему лучше было уйти, чтобы не попасться на глаза командиру. Дежурство оканчивалось в шесть. В семь тридцать Федя должен был прибыть к пункту отправления. Всю ночь она провела возле больного. Операция не помогла, ближе к утру он умер. Нужно было, как всегда, привязать табличку к ноге, заполнить бумаги, снести в морг, и только после этого можно было подумать о том, что в шкафу висит платье, сшитое из парашютного шёлка. Из рваного немецкого парашюта получилось два платья. Одно для себя, другое для мамы. Своё она подкрасила красным стрептоцидом, и получилось ярко и нарядно.

Надюша, держа в руках туфли из боязни потерять прохудившиеся подметки, бежала босиком, стараясь не думать, что опоздала, что уже не увидит Фёдора, что надо было прямо из госпиталя. Но платье... Так хотелось, чтобы он увидел и запомнил её красивой.

Когда Надя добежала до конторы, машина уже почти скрылась из виду. Она без сил осела в пыль посреди дороги, глядя на дымящую вдаль точку. Платье надулось и опало, как парашют. И её саму словно сдули. Она сидела, плавая под солнцем, потеряв надежду проститься, но уже вынашивая новую. Это была надежда опять встретить Федю и опять целоваться и даже, может быть, выйти за него замуж. В голове крутилось одно: «Только бы его не убили, только бы вернулся, только бы кончилась поскорей война».

Но война продолжалась. Пришёл 43-й и принёс Любе и Наде плохие вести о Васе. Нет, не похоронку – как павший в бою он не числился – просто пропал, пропал бесследно. Если он в плену, думала Люба, то обязательно выживет, а то ещё, может, сбежит, как от батьки Махно когда-то. Он тогда своих охранников переагитировал. Ещё Люба знала, что он вёрткий, что пуля его не догонит.

– Господи, да чем же этот немец поганый сильнее, – уговаривала она саму себя, – мой Василий, считай, уже двадцать лет как воюет, то там, то тут. А сколько раз его ранило, сколько он испытаний прошёл голодом и холодом. Нет, если в плену и жив, обязательно вернётся.

Вскоре произошёл перелом, и война медленно и тяжело покатила на Запад. С Востока началась эвакуация, и Кировская медицинская академия должна была вернуться в Ленинград.

Наденька рвалась туда, хотела учиться дальше, стать врачом. Люба была против, но решила, что без Василия лучше жить там, где паёк и работа. Тем более что Люба давно заметила, как подполковник Шахов, талантливый хирург, черноусый красавец и шутник, засматривается на Надю. Он овдовел ещё в начале войны. Его жена была на сносях, когда разбомбили эшелон. Не доехала, значит, к нему, погибла вместе с ребёнком. С тех пор он пить начал, себя не жалел и других. Злой был, угрюмый. А теперь вот, как Надежду заметил, подобрел. Говорит, не отпущу, научу всему, а война кончится – пусть

решает. У него в Ленинграде до войны была квартира большая в центре. А пятнадцать годков разницы, так оно бабе всегда в плюс. За ним будет как за каменной стеной. Только вот та вбила себе в голову: Федя – жених. Дело большое, целовались, так что ж теперь, ждать его, что ли? Ничего, кончится война, заживём хорошо, вот тогда и будет время подумать про женихов, а сейчас нечего.

Завтра эшелон под белыми флагами с красными крестами должен был начать свой долгий путь на запад, увозя из Самарканда госпиталь и Ленинградскую академию.

Госпитальная кухня перед прощальным ужином напоминала кладбище черепах. Особенным любителем черепахового супа был генерал Апрятин, он всегда посмеивался над Надюшкой и, закладывая салфеточку за воротник, обращался к ней с неизменной фразой:

– Отведайте деликатесного супчику, сестричка. Поверьте, такого даже в дорогих ресторанах Парижа не подают.

Она, зажмурившись, съедала, но знала точно: если бы не голод, то ни за что в жизни. У них в школе до войны был кружок юннатов. Надя в него записалась и взяла шефство над маленькой черепашкой. Подопечного своего она очень полюбила и стала читать всё, что могло помочь правильно растить рептилию. Теперь сказывались последствия изучения и обычная брезгливость. Самаркандские черепахи были большие, всегда грязные и отвратительно пахли.

Надя уже собиралась встать из-за стола и пойти собирать личные вещи, как вдруг подполковник Шахов попросил передать ему гитару. Все с удивлением затихли. Капитан Гаврилов перестал играть и протянул её через стол. Все знали, что Шахов не прикасался к инструменту со смерти жены. Гитара, простонав, легла в его руки легко и свободно. Он провёл рукой по крутому изгибу гитарного бедра, легко нащупал колки. Пальцы, щекоча, пробежались по струнам, и она, как истосковавшаяся женщина, бурно и несдержанно ответила. Шахов пел, не отводя глаз от Нади. Она краснела, глупо улыбалась и мечтала поскорее уйти. Потом ещё долго в её голове крутилась мелодия романса и хорошо знакомые с детства строчки: «Я встретил Вас, и всё былое...» Только теперь это каким-то образом имело отношение к ней, и как себя вести, она не знала. От Феди после долгого молчания пришло

коротенькое письмо-поздравление с Новым, 1944, годом, но адресованное не лично ей, а всему госпиталю. Там, правда, был особый привет медсестре Наде Ярцевой с пожеланием здоровья и счастья, и всё, но Надя умудрилась между строк прочесть большее и продолжала считать Федю своим женихом.

Путь в Ленинград был долгим, мучительным, а Надя вдобавок ещё и простудилась.

Здание Ленинградской академии было частично разрушено, и предстояло много работы по восстановлению. Всюду сновали разжиревшие на трупах крысы. Они уже давно перестали бояться живых людей, просто забыли об их существовании. Каждое ночное дежурство оборачивалось для Наденьки кошмаром. Раненые звали сестру, а она, сидя на столе, не могла двинуться, глядя, как под ногами колыхается чёрный поток крысиной стаи. Обычно на крики прибежал кто-нибудь из охраны, но однажды, расстреляв всю обойму, к столу прорвался Шахов. Он снял дрожащую девочку со стола и на руках перенёс через кроваво-липкое месиво. Ей было плохо, она почти потеряла сознание. Он отнёс её в ординаторскую, положил на диван. Она горела, лоб был мокрый, а на щеках проступили красные пятна. Надя закашлялась, в последнее время она часто покашливала, а тут вдруг на подушке, в которую она уткнулась носом, осталось пятнышко крови. Доктор Шахов нахмурился и приложил фонендоскоп к её спине. Всё, что он услышал в глубине её щупленькой грудной клетки и предположил в процессе исследования, подтвердилось. У Нади нашли открытый туберкулёз, и речь уже шла не о работе и учёбе на врача, а о том, что надо отправляться на юг к солнцу, серьёзно лечиться и надеяться только на то, что организм молодой и может справиться с болезнью.

Шахов неожиданно и как-то в спешке сделал предложение. Надя отказала. Незадолго до этого она получила, наконец, ответ на десяток своих писем Фёдору, в котором он написал, что, как кончится война, поедет в Ленинград доучиваться на хирурга. Она уже даже не очень помнила, как Федя выглядит, просила прислать фотографию. Шахова теперь избегала, но он всё равно казался ей красивым и очень добрым. Даже после отказа он с ней шутил, подкармливал сахарком из пайка, а однажды принёс виноград и бутылку кагора. Сказал, что это лекарство для са-

мого красивого пациента. Он прописал ещё морской воздух и солнце и помог организовать срочный отъезд Наденьки и Любы в родной город.

Люба резко постарела за последний год. О Василии ничего не было слышно, теперь и жизнь дочери висела на волоске, но согревало душу предчувствие конца войны. Ей было жаль Шахова. В день их отъезда на нём лица не было. Полюбил он Надюшу сильно, а она оказалась верной слову.

– И откуда на нашу голову этот Федька взялся с его поцелуем?

Когда Люба пыталась поговорить с Надей о Шахове, дочь всегда резко обрывала.

– Мама, сколько можно повторять, я же обещала Феде, что ждать его буду. Как же я могу обмануть?!

– Ох, девка, – вздыхала Люба, – не пожалей.

Весть о Победе застала их по пути в родной город. Поезд остановился в степи. Люди посыпались из вагонов, крича, смеясь и плача. Военные палили в воздух, гудел паровозный гудок. Надя подпрыгивала и кружилась. Чьи-то руки оторвали её от земли и подкинули высоко. Она, хохоча, взлетела в небо. Раскинув руки, как крылья, она вдруг почувствовала, что теперь уже не умрёт от какой-то глупой болезни, что больше не будет вокруг смертей, что вернётся Федя, найдётся отец, и заживут они счастливо. А как же иначе, ведь больше не будет войны.

Война давно прошла, но счастье не наступило, по крайней мере, для Любы и Надюши.

Главной бедой стала судьба пропавшего без вести отца. Прошло много времени, пока прояснилось, что Васю, полуживого, освободили из плена поляки. Он, умирая от истощения, долго добирался к своим. Но его, выжившего в немецком плену, осудили как предателя и отправили в сибирский лагерь, где в конце концов расстреляли при попытке к бегству. Люба чуть не тронулась умом, когда узнала, что её муж, неуловимый и дерзкий комиссар, легенда Гражданской и Финской, орденносец и коммунист Василий Ярцев, погиб не от вражеской пули, а был расстрелян своими. Надя держалась и старалась хоть как-то утешить мать, но вскоре и её настигла потеря, правда, не такая серьёзная, но это – как посмотреть. Федя через несколько месяцев по-

сле окончания войны прислал письмо, в котором сообщил, что просит его не ждать и не писать родителям письма, так как собирается жениться на другой женщине – его боевом товарище, которая прошла с ним рядом последние годы войны, и теперь они ждут ребёнка. Надя рыдала, а Люба, жалея доченьку, думала только об одном: скорее бы её вылечить, на ноги поставить, а там за Шахова выдать... Но Люба ещё не знала, что полковник Дмитрий Сергеевич Шахов после их отъезда запил. Потом, вроде, завязал, но опять сорвался и в момент белой горячки вскрыл себе вены. Спасти его не удалось.

Почти до конца шестидесятых Любовь и Надежда Ярцевы жили вдвоём. Мать и дочь, вдова и невеста – таких, как они, было много. Постепенно жизнь взяла своё. Надя выздоровела, округлилась и повзрослела. Долго не выходила замуж. Только к сорока, наконец, сошлась с

каким-то «отставником», но прожила с ним недолго. Люба считала его контуженым и всячески способствовала разводу. Свою личную жизнь она тоже не устроила. Состарилась быстро, надорвала здоровье, работая за двоих всё той же санитаркой в больнице. Ноги отекали, из бугристых синих вен сочилась жидкость. Еле ходила, а в ночные дежурства даже не думала прилечь. Больные детишки её обожали, а она их. А вот своих внуков Господь не дал. Надюша горевала, что бездетная, но вокруг неё тоже детей было хоть отбавляй. Она на детского доктора выучилась и целыми днями то в поликлинике, то на вызовах – ветрянки, ангины, коклюши. А по ночам им с мамой часто снилась война, но не такая, как в кино и книгах, и не та, что обездолила. Это была война их молодости. В ней осталась их красота, их мужчины и нерождённые дети. Всё осталось там, кроме них самих – Любви и Надежды.

**Анатолий
ИЛЕНКО**

**ЧТОБЫ МЕСТО
ПОД СЕРДЦЕМ ОСТАЛОСЬ**

* * *

*Поле скошено. Запах пшеницы
Долго кружит над тёплым жнивьем.
Этим воздухом можно напиться,
Принести под рубахую в дом.*

*Он под крышей легко приживётся,
За семейный опустится стол,
Доброй песней в душе отзовется,
Что в заботах житейских нашёл.*

*Пахнет хлеб... Разве есть что дороже?
Каждый колос в цене, каждый грамм.
Только взгляд мой с годами всё строже:
Плуг свой в поле кому передам?*

* * *

*В поздних сумерках деревни
Тишина и благодать.
Беспокойные деревья
Уложили листья спать.*

*Рядом ветер лёг уставший
Прямо в сонную траву.
Скрип калитки припоздавший,
Потревожил синеву.*

63

*В переулке бродит тайна
Робкая, рука в руке,
И тропинкою случайной
Затерялась вдалеке.*

*Звёзды дальние уснули.
Лишь серьёзная луна,
Словно сторож в карауле,
Чутко бодрствует одна.*

* * *

Л. М. Гержидовичу

*На рассвете туманно и сыро
В потаённом распадке бору.
Ночь под кедром, – тут вам не квартира, –
Тут озноб пробирает к утру.*

*Через силу себя растолкаю,
Сушняку для костра принесу,
Заварю со смородиной чаю –
Лучше снадобья нету в лесу.*

*Робко солнце сквозь хвою пробьётся,
Смачно фыркнет медведь у ручья,
И душа к небесам обернётся
От тревожного треска сучья.*

ИЛЕНКО Анатолий Павлович родился 20 августа 1941 года. Детство и юность прошли на Волге, в селе Кашпир Самарской области. Окончил Безенчукский сельскохозяйственный техникум. В 1960 году в числе группы выпускников-добровольцев приехал на работу в Сибирь. Окончил Новосибирский сельскохозяйственный институт, позже – Новосибирскую высшую партийную школу. Работал управляющим Верхотомского отделения, директором Щегловского совхоза Кемеровского района, первым секретарём Тисульского райкома партии. Член Союза писателей России. Публиковался в журналах «Наш современник», «Москва», «Сибирские огни», «День и ночь», «Огни Кузбасса», «Южная звезда». Автор пяти книг стихов. Живёт в Кемерове.

Собираю опавшую шишку –
Самый спелый и крупный орех.
Бурундук – полосатый воришка
Тащит с рук, не считая за грех.

– Вот бери из мешка, – предлагаю, –
Если что, помогу шелушить.
Одному тебе трудно, я знаю,
Предстоящий мороз пережить.

* * *

На рябиновую ветку прилетел скворец.
Вот бы взять мне на заметку, как он спел,
стервец!
До него никто в округе так ещё не пел,
Что-то главное подруге он сказать хотел.
Чувств таких, поверь, не знает ни одна
струна.
Рядом скворушка летает, всё поймёт она...

* * *

Мечты, мечты... Приятно помечтать.
Сажу в тени, а в голове игрушки.
А кто капусту будет поливать
Из Александров – Невский или Пушкин?

Нет, не придёт ни тот и ни другой,
Они своё сполна отполивали.
Бери ведро, мечтатель дорогой,
И веселей на грядки пошагали.

* * *

С утра привёл дела в порядок:
Для бани наготовил дров,
Скосил траву промежду грядок,
Сражаясь с тучей комаров.

Затем полил капусту, свёклу,
Поправил кое-где забор.
К полудню небо вдруг промокло,
Пришлось на место класть топор.

Подумал, как же мало надо
Тем, кто порядок чтит во всём:
В своей душе, в родной ограде,
Где по-хозяйски крепкий дом.

Такие вспашут и посеют,
До колоска всё соберут.
Себе лукавить не посмеют –
За ради этого живут.

* * *

Памяти В. Баянова

Его нам горько стало не хватать,
Да и тогда, при жизни, не хватало.
Поэтов много – некуда девать,
Таких, как он был, к сожаленью, мало.

Доверчиво вплелась его строка
В венки судьбы признательной России.
Надёжная рабочая рука,
Глаза зеленовато-голубые.

Белёсый чуб. В парнях гордился им
В ревнивом балалаечном угаре.
Но после, став известным и седым,
Сомненья ведал в снизошедшем даре.

Совсем не для себя писал стихи
Промытыми живой водой словами.
Прощал оплошки наши и грехи,
Чтобы потом порадоваться нами.

Лишь только время в силах осознать
Всю глубину постигнувшей потери.
Он что-то нам хотел ещё сказать,
Чуть постояв у приоткрытой двери.

* * *

Запах вспаханного поля
Кружит, голову пьяня,
И уводит поневоле
За околицу меня.

Мимо сонных скирд соломы,
Вдоль озимых зеленей.
И чем дальше я от дома,
Тем он ближе и родней.

* * *

Какая даль... Какая ширь...
Над ними – высь без края...
Европа, матушка Сибирь –
Страна моя родная.

Покой раздолья, синева,
Печальная отрада.
Тревожно морщит лоб Москва,
Ей крепко думать надо.

Как повести дела и речь,
Их в суете не скомкав;
И душу Родины сберечь
Для страждущих потомков.

* * *

Пытаюсь понять, отчего так всё было,
Хотя так совсем не должно было быть.
Ведь Ева Адама, конечно, любила,
Кого ж ей ещё оставалось любить.

Адам, по всему, был примерный товарищ,
В Писании, правда, о том тишина.
С другой стороны, тут за кем приударить,
На свете из женщин лишь Ева одна.

Всегда на столе у них мясо и щавель,
Воды родниковой хватало вполне.
В любви вырастали и Каин, и Авель,
Святыни семейные были в цене.

Далёкие предки не ведали злата,
Не портил их даже квартирный вопрос.
И всё-таки руку поднял брат на брата,
С несчастного Каина зло повелось.

Не в бездну упало исходное семя,
Крапивой живучею всходы пошли.

Не властны над ними ни люди, ни время
Во всех уголках терпеливой Земли.

Вначале с дубинками шли друг на друга,
Подняли до атомных бомб ремесло.
Застыли глаза у детей от испуга,
Страданье веков людям впрок не пошло.

Вы спросите, что будет дальше? Не знаю.
Возможно, на небе найдётся ответ.
Рубаха, что ближе, и хата, что с краю, –
Причина минувших и завтрашних бед.

* * *

Как же мало нам всё-таки надо –
Булка хлеба, стакан молока.
И в душе чтоб покой и отрада,
На болезни б смотреть свысока.

От детей чтоб хорошие вести:
Есть работа, внучата растут.
Собираться почаще бы вместе,
Словом, жить, как все люди живут.

Только есть одна малая малость,
Без которой житьё не в житьё.
Чтобы место под сердцем осталось
Для России... Куда без неё...

**Марина
ЧЕРНОСКУТОВА**
СМОТРЮ И ВИЖУ

Рассказы

НА ПОКОС!

– На покос! На покос тебя надо! – так всегда восклицала моя тётя, когда я жаловалась на учителей, подруг, очередь в магазине, противных пацанов или ещё какую беду.

Приговор «На покос!» выворачивался иногда в самых неожиданных местах. Телевизор у неё в доме появился перед самым XXV съездом КПСС. У людей было горе: смотреть нечего, один съезд... Для меня же этот съезд остался самой весёлой телевизионной программой, какую я только видела в своей жизни.

Она смотрела СВОЙ телевизор...

Съезд смотрела впервые. К соседям ведь ходили только на «Семнадцать мгновений весны».

Когда она увидела эту прорву народа в бескрайнем зале, то в первое мгновение аж вздохнула с каким-то всхлипом и невидимым всплеском рук. А потом с сожалением заправского бригадира сказала: «Во, народу-то на покос...»

А потом она комментировала всё, что видела на экране: «Это ведь сколько просидеть надо! Как жопы целы? А если приспичит?» И она бралась рассуждать о том, как выбраться в туалет человеку из середины зала. Потом неожиданно прерывала свои рассуждения, увидев на экране, например, дядьку с длинным носом. «О! Глянь! Нос-то – хрен прирос!» – кричала она, тыча пальцем в телевизор, и так зарази-

тельно смеялась, что не смеяться с ней было невозможно.

Потом, уже дома, моя совесть проснётся и начнёт нудить, что смеяться над чужими недостатками плохо. Но я найду на совесть управу, спросив, почему она мне об этом при тёте не напомнила. И моя совесть сознается, что связываться с тётей Машей и учить её жизни – всё равно что сразу броситься на рога её коровы.

66 Ко второму дню съезда тётя уже освоилась в ритуалах. Когда выходил президиум, командовала: «Подъём, народ! Хлопать пора!» Один раз Леонид Ильич вышел не первым. «А Лёничка где?» – запричитала тётя. – Куда Лёничку дели?» Потом пустилась в артистический восторг по поводу его появления и в долгие размышления о том, на что могут пригодиться его брови.

Я, конечно, не могу вспомнить этих размышлений, а придумать за неё моя скудная фантазия и десятой доли не сможет. Да и ни к чему, наверное, помнить. Когда мне плохо, я беру лопату и иду чистить дорожки. Или посуду мою. Или... В общем – НА ПОКОС!

ВИТАЛИЧ

Это сейчас чинно едут ребятишки на соревнования в школьных автобусах. Ильич, как сумасшедший, с ватагой мал-мала-меньше и поленицей лыж штурмовал рейсовые. Водители ворчали, пассажиры, бывало, и материли, запи-

ЧЕРНОСКУТОВА Марина родилась в посёлке Кузедеево Кемеровской области. Окончила Тайгинский техникум железнодорожного транспорта и филологический факультет Кемеровского государственного университета. Работала электромонтёром на ПО «Азот», учителем русского языка и литературы, редактором детской газеты «Свежий ветер». В настоящее время – педагог дополнительного образования. Живёт в Кузедеево.

наясь о наши лыжи. Редкая поездка проходила гладко. То мы опаздывали, то автобус ломался, то кто-то ссорился, то попадался на гаданья цыган... Но зима, хоть и отяжеляла багажом лыж, была всё же надёжнее, чем весна и осень.

В распутицу правдами и неправдами добравшись, наконец, с какого-нибудь районного кросса домой на последней электричке, мы решали стратегическую задачу всех великих военачальников России всех времён: как форсировать реку? Моста через Кондому ещё не было. Не было и великого изобретения человечества – сотовых телефонов. Виталич находил знакомых, знакомые находили своих знакомых, знакомые знакомых находили лодки, переплывали нас к родному берегу, и мы, уставшие, голодные, сонные, топали по темноте около десяти километров через всё село с твёрдым решением «больше никогда». А утром вспоминали у спортзала вчерашние мытарства, хохотали и думали уже о следующих соревнованиях.

Знакомые у Виталича были везде. Однажды мы сидели на рюкзаках в посёлке Майна Красноярского края, дожидаясь конца неожиданной встречи, и Вадик Власкин глубокомысленно предположил:

– Если пойдём в поход по Сахаре, Виталич Ильич встретит там знакомого верблюда.

А вечером у костра, когда Виталич запел незатейливую походную песенку: «Один верблюд идёт, второй верблюд идёт, третий верблюд идёт, и весь караван идёт», мы катались по траве и сквозь смех пытались перекричать друг друга: «Он встретит караван знакомых верблюдов!»

Сейчас те походы и поездки кажутся дикими. Мы, как правило, ночевали в школьных спортзалах на матах. Однажды во Фрунзе коротали ночь в дебрях вагонного депо в купейном вагоне. Это было лучше, чем скамейки вокзала, и дешевле, чем комната отдыха. А ездили мы тогда на Иссык-Куль в военную часть Панфиловской дивизии. Один из легендарных героев панфиловцев, Трофимов, – наш земляк. Побывали в музее, где собраны все виды стрелкового оружия Великой Отечественной, как русского, так и немецкого.

Виталич был страстным краеведом. Он прошёл с учениками за два лета по местам боевой славы 237-й стрелковой Пирятинской Краснознамённой орденов Суворова и Богдана Хмельницкого дивизии, один из полков которой формировался в Кузедеево. Прошёл до самой границы

с Чехословакией. О войне ученики узнавали из рассказов ветеранов. И рассказы эти были не приглашенные для праздника выступления, а воспоминания встретившихся однополчан: «А помнишь?...» В ночи, у костра они иногда забывали, что много лет прошло и что чужие люди есть рядом. Вспоминали, что было и как было.

От тех походов осталась куча фотографий и почти ничего оформленного в краеведческий материал. Виталич Ильич многое делал и совершенно не умел потом «показать товар лицом». Потому, наверное, и не очень отмечен официальными наградами.

Виталич был лучшим учителем всех времён и народов. Официально такого звания нет. Но каждый из нас даёт это звание своему любимому учителю. И оно неоспоримо.

ЗЭКИ

После ледохода на реке начинался бревноход. Если где-нибудь ниже по течению случался затор, брёвна пёрли на берег, часто ломали изгороди в огородах и потом, когда вода спадала, оставались хозяевам. Владельцем любого бревна на берегу был тот, кто его первым возьмёт. Позже, по малой воде, на реке появлялись отражатели – узкие, в два бревна, трапы, скреплённые скобами, плавно уходящие от берега вниз по течению почти до середины русла. Они направляли плывущий лес в течение Кондомы, не давая забиться в заводи.

Их обживали рыбаки и ребяташки. У нас был свой отражатель. Самый длинный. Он прибывал брёвна к противоположному берегу, где впадала Курья. Там работали зэки. Сортировали лес, скрепляли плоты и отправляли дальше по течению. Мы наблюдали, прижавшись холодными мокрыми пузами к горячим брёвнам, как мужики орудуют баграми. Они ничем не отличались от других рабочих мужиков. И никогда не заходил при мне разговор, что это за бригада. Слово «зэк» долгое время для меня оставалось чем-то вроде названия профессии: тот, кто ширяет багром брёвна на реке. Мы приходили на речку – они уже работали, мы уходили – они ещё работали.

Лес перестали сплавлять где-то в 74–75-м, незадолго до моего первого класса. Отражатели летом ещё выставляли года три. Одиночные брёвна вылизывало течением из укромных мест, и они ленивыми крокодилами лежали в воде. Были и утонувшие крокодилы. В зелёной тине, мохнатые, скользкие... Мы визжали от страха и восторга, наступив или запнувшись.

Как-то само собой ушло слово «зэк» вместе с молевым сплавом.

Вернулось оно ко мне в пятом классе. Виталий Ильич привёз нас на Мустаг. Мы шли к подножью своей первой большой горы, вершина которой до середины лета оставалась белой. Всё, что рядом, не очень занимало. Смотрели наверх – там снег! Суетились от нетерпения, донимали Виталича вопросами: «А далеко ещё? А это сколько по времени? А там жарко или холодно?» И весь этот гомон вдруг прервал короткий, тихий, но какой-то испуганный возглас: «Зэки!»

Я искала глазами воду и потому увидела их последней. Вдоль железнодорожной насыпи, через которую мы уже собрались было перейти, шла колонна тёмных угрюмых мужиков. Молча. Шурша щебнем. Они не смотрели на нас. Только один успел спросить у Виталича: «Курево есть?» Виталич сочувственно развёл руками и как-то сокрушённо вдохнул. Выдохнул, когда они прошли: «Знать бы...» Лёха нерешительно протянул Ильичу «Приму»: «У меня есть... Догнать?» Виталич засмеялся: «Вот это ты засыпался!» – и забрал пачку. А потом всю дорогу донимал Лёху:

– Цибарку-то дать?

Лёха перепробовал за время похода все варианты ответа: и отшучивался, и злился, и от-малчивался... «Цибарки» неизменно возвращали нас к зэкам:

– А почему у них только один охранник?

– Конвоир, – поправлял Виталий Ильич. – Да куда они денутся? За побег срок прибавят. Хорошо, если не убьют...

– А почему убьют?

Ильич усмехался задумчиво:

– Шаг влево, шаг вправо... – и переводил разговор на Лёху. – Лёха, вот тебе конвоир-то прикирил бы!

– Чо я-то опять? Вон у Петьки тоже есть.

– Ну ты, стукач... – толкнул его Петька в спину.

Ильич остановился:

– А что это значит, знаешь?

– Ну, ябеда. А что?

– Да нет, ничего... – и мы пошли дальше.

Но что-то в этом было. В интонации что-то у Ильича было непривычное.

А потом появились новые впечатления, новые слова: курумник, черемша... мы-то её колбёй всегда называли.

А снег в жару? Какие там зэки? Вспомнили мельком на обратном пути, переходя насыпь.

Потом, после школы, я начну для себя открывать, что живу на земле Шорлага. Непонятное слово «Олп», которым называется район в соседнем посёлке Малиновка, расшифровывается как «отдельный лагерный пункт». Есть там и район Собачник. Зэков на Курью привозили оттуда. Здесь до сих пор под водой остались сваи и какие-то перемишки от прибрежных сооружений лесосплава. Купаться глубоко и страшно.

А потом будет книжный бум. Будут Шаламов и Солженицын... Но не они мне расскажут самое важное о зэках. Самое важное я узнаю раньше, когда в гонке за словарями куплю однажды Словарь тюремного жаргона. В нём почти не будет незнакомых слов...

КОСМИЧЕСКОЕ

В тот день объявили штормовое предупреждение. Нас впопыхах забирали из детского сада. Говорили тревожно, почему-то почти шёпотом. А мы пытались понять, что ж это такое – штормовое предупреждение. На улице была метель. Ну метель и метель – такие часто бывают. Сногшибательный тёплый ветер и липкий снег.

Мать торопила: «Надо успеть!» Зачем успеть? Весело же! Тропинки на нашей Болотной улице уже замазало свежим набелом. Вешки, торчащие из сугробов, в этом месиве надо ещё разглядеть. Мама то и дело срывалась по пояс в снег с натоптанного. Я пыhtела позади, подгоняемая где уговорами, где матом. А около дома мне, вынь да положи, захотелось поиграть в пещерах. Ходов и укрытий накопили в огороде за зиму, как кроты. Но мама меня так тщательно и крепко обмела веником, что я не стала настаивать. Отогревшись и забыв про веник, заскучала. Метель звала. Дом, казалось, взлетит вот-вот. И я затянула шарманку: «Хочу гулять, хочу гулять, хочу гулять...» Глядя на своего младшего сына, начинаю понимать, почему мама чашенько не могла выдержать моих «закидонов» и сдавалась. Валька меня иногда так достаёт, что я его и в пасть крокодила отпустить готова.

В общем, меня одели и выпустили, полагая, наверное, что испытаю счастья по полной – желание гулять пропадёт. Хватанула, конечно. Сначала – ужаса. На веранде так выло и дуло изо всех щелей, что я сразу вцепилась в ручку двери, но... герои не сдаются! Повернула к выходу, открыла щеколду – и дверь ахнула мне навстречу пастью снежного дракона. Какое там глаза открыть, я вдохнуть не могла. Ветер остервенело рвался внутрь, разозлившись, что

есть ещё где-то спокойное незанятое пространство. Дверь с веранды на улицу была напротив двери в дом. Я заорала от ужаса, что не смогу ни закрыть одну, ни открыть другую. Меня услышали. Открыли, втянули, встряхнули... Брат выскочил и кое-как закрыл дверь на веранде.

– Нагулялась?

– Там ветер дерётся!

– Тогда раздевайся.

– Аааа! Гулять хочу!

И так с полчаса без особых вариаций....

Первым не выдержал Серёга и достал противогаз из своих тайников:

– Всё! Будешь космонавтом!

Мама слабо пробовала противостоять этому безобразию:

– А если хобот забьёт? Задохнётся же.

Но брат уже вошёл в раж испытателя, поэтому был убедителен, как Королёв:

– Трубку под пальто спрячем, не забьётся.

– Да я её трясти буду, – заверила я, боясь, как бы не передумали меня обрядить в космонавты.

Вас когда-нибудь готовили к выходу в открытый космос? О, это торжественный обряд. Это одевание и одновременное продумывание внештатных ситуаций: «А если за шиворот... а мы шаль сверху... трубка всё равно из-под пальто торчит... нет заправлять нельзя – дышать нечем будет...» И меня одели! Поверх противогаса – цигейковая шапка из тех, что завязывались под подбородком, а поверх – шаль, концами скрещенная на груди и собранная сзади на поясе узлом.

И я вышла! И было совсем не страшно – я же космонавт. Попробовала искать вход в пещеры. Бесполезно, всё затянуло снегом. А классно в «скафандре»: тепло, ветер по лицу не хлещет... Я вскарабкалась на сугроб и, перекачиваясь с боку на бок, докатилась до конца огорода. Оглянулась на дом – ничего не видно. И что-то мне стало скучно. Тоскливо так, до слёз. Покатилась назад, но почему-то поворачиваться плохо получалось, сил не хватало. И тут до меня стал доходить смысл слова «задохнётся». Я так напугалась, что завертелась буквально веретеном. Ровная поверхность сугроба кончалась обрывом у дома. Скатилась, а дальше снег рыхлый, крутиться по нему бесполезно. Здесь мы обычно просто добредали по поясу до крыльца. Но встать я не могла. Попробовала стянуть противогаз. Куда там... Он же под шапкой, а шапка завязана. Попробовала дотянуться до подола пальто, чтобы трубку потрясти...

Попробовала варежки снять, чтобы шапку развязать... Не знаю, пробовала ли на самом деле или только думала, что пробую. Вообще-то руки замёрзли, значит варежки всё-таки снимала. Исходя из инструкций подводников, я, оказывается, сделала самое правильное, что нужно сделать: перестала сопротивляться и тратить попусту кислород. Лежала и думала: «Вот умру и меня заметёт... А весной меня найдут...» Представляла, как меня будут хоронить. Как все будут плакать, вспоминая, какая я была хорошая. И мама скажет, что я была самая маленькая и самая послушная в семье... И сестра скажет, что я была лучше Серёжки... И Серёжка... Он будет такой виноватый, что придумал этот скафандр...

И тут я услышала его смех:

– Чо, загораешь?

Рванулась изо всех сил, чтобы встать, но подняла только голову и клюнула в снег. Он подбежал и дёрнул противогаз с подбородка – в нос, в глаза, в грудь шибануло болью!

Я проспала, говорят, больше суток. Серёжка где-то в снегу потерял тапки и притащился со мной домой босиком. Пока мама выясняла, живая ли я вообще, раздевала, укладывала, плакала и думала, что делать (даже если сам доберёшься до соседей, чтобы позвонить, ни врач, ни скорая всё равно не доберутся до нашей бездорожной Болотной), Серёжка спрятал противогаз и срочно уснул.

Летом он на мне этот противогаз испытал ещё и в качестве акваланга. Ну, там только кашлем обошлось. Он меня моментально за шланг вытащил. Захлебнуться не успела.

ПЕРВЫЙ ПРОТЕСТ

Мы учились во втором. Последними уроками всегда были либо рисование, либо физкультура, либо труды, либо пение. В общем, отдых для мозгов. Все эти предметы, как и основные, вела Амалия Михайловна. Так уж повелось, что она их часто заменяла русским или математикой, особенно перед концом четверти. Да все учителя начальных классов так делали. Никто не то чтобы не возмущался, никому даже в голову не приходило, что это неправильно. Авторитет учителя настолько силен в начальных классах, что даже подумать о его неправоте было святотатством. И вот нас в очередной раз обломили с физкультурой. Не знаю, чего нам с

Людкой взбрело в голову пойти к директору. Скорее всего, старшие наши братья и сёстры втемяшили в наши отчаянные головы какие-то мысли о расписании уроков. Так или иначе, но пошли. Отрепетировали речь, чтобы не мямлить и праведно заявили:

– Амалия Михайловна опять нам заменила физику русским языком, – это я сказала.

– Разве можно нарушать расписание? – это Людка.

Антонина Афанасьевна нахмурилась и сокрушённо покачала головой:

– А-я-я-й, девочки...

Мы с Людкой растерялись: «Что ж не так-то?». Директор выжидательно на нас смотрела, как бы спрашивая: «Неужели не понимаете?» Мы, конечно, не понимали, но под этим взглядом сделали повинные лица и опустили головы. По всему выходило, что мы чего-то важного не знаем, а туда же...

– Ябедничать на учительницу... – и она опять осуждающе на нас воззрилась. – А вы у неё спросили, почему она так делает?

Мы ещё больше скукожились под её взглядом:

– Нет...

Ох, как хотелось исчезнуть или хотя бы заплакать. Мы хоть и не спрашивали, но Амалия Михайловна сама всегда говорила: «Не успеваете. Надо догнать программу. А как контрольную делать будете? А если комиссия приедет?» Мы ожидали подтверждения этих слов, но услышали другое:

– Если вы стали уже настолько взрослыми, что видите нарушения, будьте настолько же взрослыми отстаивать свои права.

Ну, такое во втором классе с первого раза понять трудно. Наверное, очень явно это было видно на наших мордах. Антонина Афанасьевна пояснила:

– О нарушении расписания заявляете, как взрослые, а ябедничаете, как дети. Бойтесь сказать Амалии Михайловне – терпите, не хотите терпеть – идите и скажите.

И мы пошли терпеть. Не знаю, дозрели бы мы до «идите и скажите», но уроков нам с тех пор не подменяли. И другие учителя не подменяли.

ВАХОНЯ

Она явилась к нам в шестом классе. Учить биологии. И географии. Эхма – бп (биология – большая перемена)!!! Ухма – география ещё одна большая перемена!!!

Нет, сначала-то всё чинно было, как положено: она – учитель, мы – ученики. Первые минут пять. Почему-то дурака сразу видно. Урока три-четыре мы изучали её реакции, проверяли: с какого оборота заводится. Потом ещё урока два следили за ней по учебнику, подсказывали, если где слово забудет или попутает. Это было забавно и даже как-то удивительно: надо ж – учить наизусть каждый параграф к каждому уроку... Потом урока два устраивали тотализатор на то, сколько раз она запнётся. Потом изучать в ней стало нечего, ржать над одним и тем же надоело.

Класс распался на малые группы и отдельных индивидов. Мы просто как бы перестали её замечать. Началась театральная практика. Народное признание получал всяк по-своему. Отличиться в препирательстве: «А чо сразу я? Я же в прошлый раз отвечал. А две двойки подряд нельзя!», конечно, было легко. Здесь и «Пошла ты» невнятно можно сказать. Публика будет в экстазе. Но платить за популярность придётся двойками. А отвечать за них – классухе Надежде. Не, нехорошо заканчивается такая причинно-следственная цепочка.

70 Вот тут я и свершила своё первое открытие на благо народа. Для психологии это, конечно, не открытие, но о такой науке я тогда не подозревала, а потому отстаньте, открытие вполне себе самостоятельное. Открытие о силе уверенной интонации! О!

Тут главное, чтобы массовка ответственно балдела и горлопанила. Вахоня вызывает к доске, задаёт вопрос, а сама, даже несколько слов не выслушав, начинает на кого-нибудь орать. Так вот не надо замолкать и ждать, когда она о тебе вспомнит, надо уверенно и громко без вопросительной интонации повторить её вопрос, а дальше так же уверенно нести пургу. Пятёрка обеспечена.

Сначала я, конечно, жадничала, открытием не делилась. Но ведь гению нужно признание. Оно как-то даже приятнее пятёрок. Но мне просто так не поверили, затребовали доказательств на практике.

Первопосвящённых было двое: подружки Танька и Светка. Они сели за первую парту. Я исправно тянула руку. Вахоня спросила только к концу урока.

– Покажи, где находится Западная Сибирь.

Народ, как назло, чего-то не сильно шумел. Спасла логика – мы ж здесь живём! – и начала я показывать родной Кузбасс и соседние области. Народ понял, что спектакля не будет, немного разочаровался и вернулся к своим занятиям, обеспечив, наконец, требуемое шумовое сопровождение.

– Какие земли в Западной Сибири?

– Земли в ...

– Актайкин! Сядь на место!

– А чо она у меня ручку стянула?

– Гете! Отдай ручку!

– Какую ручку? Да он врёт! Актайкин! Ты чего врёшь?

– Ага, врёшь! Вон за спиной прячешь!

– Так! Гете! Актайкин! Так! Хватит уже на уроке баловаться.

А я в это время:

– ...в Западной Сибири серо-буро-малиновые!

Бац – Танька уходит лбом в парту, Светка в голос ржёт.

– На этих землях растёт всякая всякость: пшеница и морковь, кустарники и лук, бывает, вырастает...

На следующий урок Людка со Светкой успешно воспользовались моим открытием. Но позднее оказалось, что не все владеют уверенной интонацией. Наглости, оказывается, тоже нужно учиться.

БАБА ЛЕНА

Что было у нас в головах? Почему нас занесло с тимуровским порывом к этой бабке? Буквально ночью мы лазили к ней в огород за викторией. Тем же составом: Людка, Светка и я. Лето. Никто помогать старикам не направлял. Чего, спрашивается?

Она сидела на лавочке у крыльца. На наше предложение – может, помочь чего – спокойно ответила:

– Да чего помочь? Сама справляюсь ещё. Грядки полила. Ягоду ребячёшки ночью потоптала, так поправила...

Людка по-хозяйски (ей бы в собесе работать) заглянула в открытую дверь:

– Пол можем помыть.

– Да что я, сама не управлюсь? – улыбнулась бабуля, приглашая сестр рядом.

Мы следом за Людкой глянули мимоходом в дом. Делать там действительно было нечего –

чистенько и просто: печка, стол, две табуретки да кровать. На полу в оконном солнечном пятне – кошка с котятами.

– Пионеры, значит?

– Ага... – тоскливо отозвались мы.

Как-то настроение сразу испортилось, как будто нам конфетку не дали или обломали на гостинец. А бабуся гостинец-то как раз и – нате вам – викторию... Видать, собрала, что после нашего нашествия осталось.

Людку осенило:

– А может, забор подправить? Чтоб не лазили? – и встретив её сомневающийся взгляд, заветила. – А что? Я умею. Где у Вас молоток?

– Да нет. Пусть уж в свой лаз ходят. А то совсем сломают. Ветхий забор-то.

Ветхий! Мы отвернулись, чтоб не засмеяться: слово-то какое – ветхий! И очень подходящее. Здесь всё было ветхим. Сама бабка, если бы не доброе лицо, чисто Баба-Яга с клюкой.

– Бабушка, у Вас пенсия есть? – критически оценив окружающую убогость, спросила Людка.

– Есть. Как же? Пять рублей получаю.

Мы опешили:

– Как же Вы живёте?

– Хорошо живу. Хлебушек есть. Войны нет, – вскинула на нас, поднявшихся уходить, прозрачные уже, старческие доверчивые глаза. – Хорошо живу.

Кажется, это самое страшное из всего, что я знаю о войне.

ХЛЕБ

Сестра меня отправила за хлебом. Долго объясняла:

– Если серый хлеб, дашь вот эту, вот эту и вот эту копеечку. Поняла?

Я стараюсь запомнить: самая маленькая жёлтенькая, самая большая жёлтенькая и маленькая беленькая – киваю, поняла.

– Если белый хлеб, дашь вот эту и вот эту, – показывает на большую жёлтенькую в моей ладошке и даёт ещё большую беленькую. – Запомнила?

Так, там три монетки, тут – две, большая жёлтая и туда и туда идёт.

– Запомнила.

В магазин я иду не первый раз, но тогда мне давали рубль. Я отдавала его тётке Зое, она мне – хлеб и сдачу. А сегодня рубля нет. Деньги последние.

Хлеб летом привозят только в обед. К вечеру его уже разберут, мама после работы не купит.

Я занимаю очередь на улице, жду, когда займут за мной, и иду играть к Наташке. Она живёт сразу за магазином, отсюда видно, когда приедет хлебовозка.

Пока хлеб разгружают, народ не без ругани разбирается в очереди и ждёт. Я оказалась внутри, а не в хвосте на улице, значит, ждать не очень долго.

Ждать тяжело. Тесно. Сумка Ненашихи воняет селёдкой. От деда сзади несёт самосадам, потом и чем-то кислым. Сбоку меня подпёрло мягкое и шёлковое. Противно. Я боюсь повернуться, потому что вдруг это задница. Поднимаю голову вверх и смотрю в потолок, так легче.

Возле прилавка толкаются и ругаются. Кто-то опять встал не в свою очередь. Вдруг понимаю, что рядом говорят про меня:

– А это чья?

– Да это ж Валькин суразёнок.

Слова этого я не знаю, но говорит тётка обидно, типа – да так, дерьмо, не обращай внимания. Я мысленно пересказываю им все маты, которые знаю. Пусть не обзываются.

Наконец, меня вытаскивает к прилавку, и теперь можно дышать свободно. В нос шибает парной хлебный запах. И тут я понимаю, что не знаю, серый это хлеб или белый... Смотрю на копейки и, блин, я забыла, какие с какими давать. А очередь так быстро приближается. Белый или серый? Маленькая беленькая и большая беленькая? Нет, беленькие были по одной. Надо жёлтенькие распределить. Серый или белый? И, как назло, сегодня отпускает тётя Надя, а не тётя Зоя. Она протягивает руку за деньгами, и я наконец решаюсь: маленькая беленькая и маленькая жёлтенькая!

– Такого хлеба нет...

На меня все смотрят! И все торопятся! Я меняю маленькую жёлтенькую на большую и смотрю на тётю Надю.

– Такого тоже нет, – колюче говорит она и берёт деньги у деда.

Меня толкают уходящие от прилавка, а тётя Надя ко мне не поворачивается. Я перекидываю все деньги в одну руку, протягиваю над прилавком на сколько могу далеко. Я долго так стою. Она, наверное, про меня забыла, народу-то много.

Я видела, как она бросила взгляд на мою руку и тут же отвернулась. Кажется, она усмех-

нулась. Но ведь должно хватить! Может, я потеряла? Смотрю на деньги: две беленькие и три жёлтенькие. Вроде бы, столько и было.

Около Наташки я понимаю, что дома мне будет нахлобучки. Мы же без хлеба остались. Женька будет дотошно выспрашивать, что я сказала, и что мне ответили.

Наташкина мать вышла на мой рёв, а может, уже с обеда на работу побежала. Кое-как поняла сквозь всхлипы, что мне хлеба не дали. Пересчитала деньги.

– Всё хватает. Почему не дали-то?

– Не знааааюююю...

– Ах, ты ж лярва трёпаная! – это она тётя Наде. – Ладно, давай деньги. Я в буфете у Веры выпрошу, передам Валентине.

Я отдаю тётю Оле деньги и смотрю ей вслед. Она идёт, время от времени всплескивая руками, и я слышу: «От ить сучка!»

ДЯТЛЫ

Роза Антоновна вела у нас цветоводство. Она была уже на пенсии, а немецкий в школе вели теперь её дочери, Ирина и Роза Николаевны. Вообще-то, настоящее их отчество Готлибовны, но кто ж это выговорит? Да и, даже не сомневаюсь, ходило бы среди школяров множество вариаций в произношении непривычного батюшкиного имени.

Дочери владели одинаково хорошо как немецким, так и русским. Не знаю, как остальные внуки, но мои одноклассники, Пашка и Иринка, мучились со спряжениями немецких глаголов наравне с нами. А вот Роза Антоновна частенько не могла найти подходящих русских слов. «Коровин муж» – самое памятное определение, которое она, забыв слово, выдала ребятишкам на уроке. А в этом классе как раз учился Вовка Коровин. И сначала одноклассники повернулись к нему, недоумевая, почему он вдруг стал мужем. Довели до слёз несчастного Коровина, до крика – ничего не понимающую Розу Антоновну, и только потом кто-то подумал в другую сторону и неуверенно спросил: «Бык, что ли?» И ответ Розы Антоновны: «Бик! Бик! Я-я, бик!» утонул в общем хохоте.

И вот теперь она вела в Доме пионеров кружок цветоводства. Грузная, круглолицая, вечно с тележкой, сооружённой из рамы детской коляски и цинковой ванны для стирки, она каждый день от весны до осени шла к сотворённому ею же цветнику у обелиска. Мы помогали ей, но отлынивали, конечно. Весной и осенью, пока учились, приходили чаще, а летом работать никакого па-

триотизма не хватит. Грядки в своём огороде надоедали. Какой уж там цветник! А вот когда нужны были добровольцы в зачёт отработки на пришкольном участке, мы без удовольствия, но шли. Без удовольствия, потому что у Розы Антоновны работать надо, не побегаешь и просто так четыре часа вместо отработанных двух в дневник не получишь.

Мы пропалывали цветы у обелиска. У ограды остановилась Федосиха. Долго стояла и молчала. Мы посматривали на неё и пололи. Когда солнце палит, трава не выдёргивается, а до конца участка – хоть помри, тогда вольный наблюдатель злит. Вот чего пялятся? Цирк ей тут?

– А хорошо, Роза Антоновна, цветочки-то на русской земле растут? – наконец спросила она то, для чего остановилась.

Роза Антоновна встала, недобро посмотрела на Федосиху, потом на нас, махнула на неё, дескать, иди:

– Растут, растут... – и перешла на противоположную сторону.

– А-а-а... Уханькали народу, а теперь цветочки садите, – шипела Федосиха. – Будто встанет кто от ваших цветочков.

Федосиху мы знали. Разорётся – не остановишь. Не выдержала Людка:

– Тётя Лен, ты чё, совсем? – покрутила пальцем у виска.

Федосиха сбавила обороты, для порядку, типа «русские не сдаются», пробурчала ещё: «Немчура проклятая» – и свалила.

– Ага, мамка тебе покажет немчуру. Придётся ты сегодня за молоком, – ворчала Людка, яростно дёргая траву.

Но мать Людкина наш праведный гнев не разделила и ругаться с Федосихой не собиралась:

– Дурра – она и есть дура.

Людка попробовала ещё воззвать к справедливости:

– Ага, а наше немецкое молоко ей нормально пить?

Тётя Варя нахмурилась:

– Вы это бросьте... Тоже мне... русское, немецкое... Мне четыре года было. Я вон от Османа сюда, в Кузедеево, ходила... с санóчками... милостыню просила... И ведь давали. Своих мал мала меньше... Кто-то, конечно: «Гитлер подаст»... самим же есть нечего... Ой, идите, – тётя Варя что-то осерчала на нас. – Дураков везде хватает. Роза без ваших соплей понимает. Защитники, тоже мне.

Может, и понимает, но мы-то видели, что Роза Антоновна плакала. Отвернулась к кустам сирени и так и просидела. И «руссишшвайн» мы тоже слышали.

Можно было, конечно, напакостить Федосихе чего-нибудь в огороде. Только ей от этого ни жарко ни холодно. Она в свой огород заходила весной посадить, потом один раз прополоть, а там, что вырастет.

И мы придумали месть дятла. Берёшь леску, сантиметрах в десяти от одного конца привязываешь гайку, конец этот где-нибудь на оконной раме за гвоздик цепляешь, а второй конец тяни хоть на противоположную сторону улицы. Потом приходи, дёргай за длинный конец, и пусть она выскакивает сколько угодно среди ночи, орёт и ищет, кто ей в окно стучит. Даже сейчас не могу вспоминать это без смеха и злорадства. Ох, и поизмывались мы над тёткой!

Правда, много кто в то лето из-за нашего изобретения плохо спал. Мы ведь сами-то дятла Федосихе на окно побоялись зацепить, брата моего попросили. А брат мой дельную вещь оценить умеет. У него аж глаза заблестели. Но не будет же он с малявками по ночам шастать. У него своя компания была. А дальше пошло-поехало. Так что главным событием лета восьмидесятого года в нашей стране, может, и Олимпиада была, а в Кузедееве – дятлы.

ПОСЛЕДНЯЯ ПРОГУЛКА

Даже собственное тело её не слушалось. Все жалели и перешёптывались: «Хоть бы прибрал уже Господь, чтоб не мучилась». С алкоголиком-мужем жили на одну её пенсию. Сёстры звали к себе, где будет хороший уход, чистая постель, баня по выходным... Она не соглашалась. Спрашивала: «А как же Юра?» Сёстры отворачивались и вздыхали.

После инсульта она тянула уже седьмой год почти недвижимая.

Я приехала её навестить. Срослось: погода хорошая, она неплохо себя чувствует, Юра трезвый. Вынесли мы её с ним на крыльцо и усадили в кресло, чтобы выветрить да отмыть...

Время от времени я выходила спросить, не устала ли и сколько ещё продержится. Она всякий раз отвечала, что всё хорошо, и зря я sueчусь – всё равно Юра не разувается, и завтра будет такая же дорога. Но мне было 17 лет. Лег-

че мыть, тереть и тихо материть Юру, чем просто сидеть и говорить с ней.

Наконец, я устала и водрузилась рядом на табурете. Она улыбалась и смотрела куда-то в пространство. Или не смотрела?..

– Птички поют... Спасибо, Марин...

– Да ладно... Чего там...

Она блаженно втянула носом воздух и мечтательно выдохнула:

– А пожить-то ещё хочется!

ФАРТУК

Всё началось с погоды. Август стоял жаркий, а как первого сентября проснулись – об-ца-ца!!! Дождь... И лил он, похоже, с вечера, потому что грязь и лужи на нашей Болотной улице – просто непроходимы.

И началось! Мама мне – плащ и сапоги, а я – в истерику: некрасиво... Всё утро она меня уговаривала и объясняла, что в школе мы переобуемся, снимем плащ, и буду я раскрасивая-красивая.

Ревела я долго, но даже у таких остолопов силы когда-то кончаются. А может, и несколько шлепков по заднице дошли, наконец, до головы. На сапоги я всё-таки уговорилась. На плащ – частично. Застёгивать его – ни в какую, потому что тогда мой красивый новый белый фартук никто по дороге не увидит.

И пошли. Я зарёванная, но всё ж счастливая, что хоть фартук видно и букет у меня большой и ароматный. Мама искренне счастливая – наконец-то ребёнок перестал орать.

Всю дорогу мама следила, чтобы я шла аккуратно и не забрызгала колготки. Ближе к школе красавцев, таких же, как я, стало прибавляться со всех проулков. Я украдкой их рассматривала. Интересно же, у кого какой букет. Ну и дорассматривалась...

Поскользнулась... Мама очень быстро среагировала, успела ухватить меня за плащ, но он ведь был расстёгнут.

– Еп... понский городской! – всплеснула руками мама и подняла меня на ноги.

Эх, мой красивый новый белый фартук... Я стояла, расставив ноги, раскинув руки, и в буквальном смысле обтекала.

Первый раз в жизни я испытала это странное состояние: как будто смотришь на всё со стороны, как будто это всё не с тобой. Я даже не ревела, просто слёзы текли сами по себе.

Фартук с меня, конечно, сняли. Кое-как привели в божеский вид и поставили во второй ряд. И была я чёрной вороной среди белых. Но линейка проходила в школе из-за дождя. В коридоре было сумрачно и тесно. Всё равно меня никто не разглядывал.

НЕ БУДИ

Парень как парень: джинсы, куртка, телефон... Весь в меру. Высокий, но не длинный. Стройный, но не худой. Наверное, даже и симпатичен, но лицо у него несколько подпорчено свежей царапиной через всю щеку. И пьяноватый он. Опять же где-то на середину: чуть меньше бы – не заметишь, чуть больше – не доедет.

А едет он в Белово. У автобуса в Новокузнецке – целая делегация. Похоже, пограницы после светлого дня омовения в фонтанах провожают армейского товарища. Не домой провожают. Из переговоров по телефону понятно, что в Белове гостя примут те, кто на праздник в Кузню не попал. Им передают по ММС фотографию гостя на фоне автобуса, попросив пассажиров освободить пространство. Тут главное, чтобы номер автобуса в кадр попал.

Компания шумная, но благостная. Народ оглядывается и улыбается. Особенно мужики: в глазах чертенята – эх, были когда-то и мы рысачками!

Место у парня в конце салона. На радость соседям, два места из пяти свободны. У одного окна сидит молодой азиат. Коренастый, аккуратный, интеллигентного вида. У другого – тётка непонятного возраста, от тридцати до пятидесяти. Уткнулась в электронную книжку. Парень как шёл по проходу, успев по дороге помочь бабушке угнеститься и сумку пристроить в ногах, так и сел посередине, через кресло от обоих соседей.

Душа его просит общения. Посмотрел на тётку – не собеседник. Посмотрел на азиата, невольно поморщился и отвернулся. Увидел, что впереди девушка тщетно пытается закрыть окно.

– Тут мужская сила нужна, – размашисто встаёт, так же размашисто задвигает форточку. – Вот так. Порядок.

Автобус вырывается за город и, резво рыкнув, входит в плавное монотонное плавание, погружая пассажиров в дремотное умиротворение.

Я сижу впереди перед тёткой, поэтому, о чём бывший пограничник разговаривает с азиа-

том, почти не слышно, только отдельные реплики. Выяснил, что сосед киргиз. Тому разговаривать неохота, но терпит, отвечает.

– А мне что киргиз, что француз, – это он уже к тётке обращается. – Оккупанты. Все они русских не любят. А мы им всё равно... Русские всех побеждают. Знаете ракетные установки у нас какие?

И он начинает рассказывать о военной технике, размахивая руками.

Меня пробивает на хи-хи. Хорошо хоть немца рядом не случилось или Познера какого-нибудь. Тётка молчит. Мне жутко любопытно, как она там себя чувствует, как реагирует, но повернуться неудобно.

Парень толкает задремавшего киргиза:

– Ты чего спишь? Ты мужик или размазня?

Киргиз сердится:

– А что ещё в автобусе делать?

– Нельзя мужику спать. А вдруг беда какая?

Я еле сдерживаю смех. Вспоминается конь Юлий из мультика «Алёша Попович» с фразой: «А вдруг война, а я не спамши».

Тесно парню в автобусе. Через каждые минут двадцать спрашивает у кого-нибудь впереди, долго ли ещё до Белова. Ему отвечают, но сдержанно. Так, чтобы в разговор не увязнуть. И он отпускает, не привязывается. Снова толкает киргиза. Киргиз, наконец, выходит из себя:

– Ты чего ко мне привязался? Сядь уже и успокойся!

Эх, парень встрепенулся:

– Ты с кем разговариваешь, тварь чернокопая? Да я тебя урою, макака!

Он разворачивается и нависает всем телом над сжавшимся киргизом. Но, надо сказать, киргиз старается не труситься, смотрит прямо. Мы с бабушкой, которая через проход от меня, тоже развернулись, готовясь хотя бы криком вступить за несчастного киргиза.

Я не вижу из-за спинки кресла тётку, но вижу, как она кладёт руку на колено парню. Парень резко оборачивается от неожиданности и меняется в лице. Размягчается. Наверное, она улыбается ему.

– Не надо. Зачем он тебе? – слышу я тихий грудной голос.

Мы с бабушкой тоже расслабляемся. Кажется, пронесло.

Парень ерепенится:

– Бить их всех, гадов, надо. Понаехали. Знаете, как они наших у себя гнобят? – и деклами-

рует, передразнивая кого-то. – Дуй на своя Россия!

– Не надо ругаться.

Парень шкодно закрывает ладонями рот и, изображая повинность, весело скосив глаза на молодую соседку, кивает головой:

– Точно, не надо! – но тут же спохватывается. – Живи пока, киргиз. Щщазз меня парни встретят, мы тебя замочим, – и смотрит в сторону тётки. Она отвечает на его взгляд:

– И чем вы тогда лучше?

Парень на мгновение озадачивается:

– А? Подобное подобным? Читал. Психология... А сколько в месяц Ваше чтиво выходит?

– Это не интернет. Это читалка. Просто скачиваешь из компа тексты – и всегда с собой. Удобно.

– А? Мне тоже такую надо.

– В общем-то недорого. Такая – две с половиной. Можно, конечно, и на шесть выпендриться. В зависимости от наворотов.

– Ну да. Недорого. Чего сейчас тыща?

Автобус втиснулся в узкие улицы Белова. Пробка. У парня появилось занятие. Он комментирует нетерпение ушлых иномарок:

– Вот куда, придурок, лезет? Не успеют они.

Ехали бы все спокойно, так бы тихо-тихо ленточкой и доползли без дёрганья. В этих пробках только сцепление гробить.

У вокзала нетерпеливо выглядывает в окна. Наконец, кого-то видит:

– О, мужики! – он весь как-то теплеет и светится. Замечает, вставая, киргиза. – Ладно, не дрейфь, не тронем мы тебя.

На площадке раскидывает руки и кричит в открытую дверь:

– Слава русским пограничникам!

С улицы слышны ответные возгласы:

– Лёха! Сержант поганый! Доехал?!!

ИЛЬНИЧНА

Сетевики меняли опоры по улице Пихтовой. Одна из опор пришлась точненько к углу огорода Ольги Ильничны Шубиной. Мужики собрались вокруг бурояма, перекуривая и рассуждая, сколько ещё успеют до конца дня. Из калитки вышла Ильнична, прошла мимо мужиков и, резко развернувшись, вскинула бензопилу. Мужики невольно отпрянули. Потом вспоминали, что так и подумали: дёрнет сейчас за тросик, заведёт и пойдёт на них. А она просто встала

на выбранный ею пост и очень спокойно, тихим мягким своим голосом сказала:

– Поставите здесь опору, я её спилю.

Да кто бы сомневался и кто бы стал спорить? Мужики оценивающе посмотрели на огромный ствол сосны во дворе Ильиничны. Она больше похожа на пальму. Далеко в небе пышным венчиком покачивается крона, а боковые ветви, нижние – так в обхват, спилены. И спилены они обычной ножовкой. Бензопилы у Ильиничны тогда ещё не было. Кузедеево этот факт давно обсудило и прикинуло в объёме и опасности. Даже теоретически никто не похвастался, что мог бы такое повторить. Присвистывали, восторгались и сдержанно в кулак улыбались, потому как грех смеяться над больным человеком. И вот тут уж я вам не могу сказать, то ли это суеверность, то ли набожность в кузедеевцах. Церковь-то вон она, на горушке. Во все века там стояла. Никакие революции её не пошатнули. Хоть и не ходил в неё раньше никто, кроме старушек, а всё ж вдруг он и есть, Бог-то.

А спорить с Ильиничной... Как бы вам это сказать? По меньшей мере странно. Никому это в голову не придёт, потому что проверено ещё ...дцать лет назад – дело тухлое. Бригадир стал звонить начальнику: приезжай, думай, решай... Мужики тем временем беседовали с воительницей. Интересно же узнать хотя бы, чем человеку опора не угодила. Старая-то в двух метрах стоит. Подошла соседка-дачница, просительно попробовала увещевать:

– Оля, ну зачем ты мешаешь? Быстрее поставят, хоть свет нормальный будет. Всем же лучше.

На что Ильинична спокойно и рассудительно ответила:

– Мне всё равно, какой свет. Вам она через дорогу не мешает, а мне вид из окна на разные стороны делит.

Молодой электромонтёр возвел очи к небу, развернулся и отошёл, тихо матерясь.

Приехал начальник участка. Владимир Ильич. Не Ленин. Всего лишь Сапов. Но, по всему, Ленина с пионерских соплей последователь. Мужики его вообще-то любят, но стишок «Нам солнца не надо, нам партия светит. Нам хлеба не надо, работу давай» при всяком удобном случае вворачивают, говоря о начальнике.

Ильич выслушал бригадира, посмотрел на Ильиничну, как, наверное, американцы смотрят на свою статую свободы, тоскливо – на сосну, и, не то спрашивая, не то вслух рассуждая, повернулся к бригадиру:

– Чтобы через проулок кинуть, на максимум сколько пролётов надо увеличить? Опор пять переburить?

И тут всё, что не высказано было Ильиничне, обрушилось на голову Ильича:

– Ни хрена себе!

– Это ж день работы!

– Я тебе козёл, что ли, просто так скакать? – забухтел пожилой машинист бурояма.

– Да давай забурим, и всё! – трибунно заявил молодой. – Чего она сделает? Это ж под-судное дело.

Эти слова как-то сразу навели тоску на остальных. Все замолчали. Буроямщик, заку-рив, поставил точку:

– Только давай уж завтра тогда, Ильич...

– А кто говорит про сегодня? – успокоил тот работаг.

Ильинична всё это время невозмутимо стояла на своём месте и бережно, как ребёнка, держала на руках пилу.

Слышно было, как монтеры, сгружая инструменты в УАЗик, подначивали молодого:

– Дурак ты, Ванька...

– Да чо? Подумаешь...

– Хто ж её посадит? Она же па-мят-ник...

Заржали. Хлопнули. И уехали.

ГУСИ И ПУЗО

Гуси на улице Сибирской достали всех. Гусак и три гусыни. Ближних соседей они, конечно, не трогали. Народ ближайших окрестностей ходил параллельной улицей, благо, что по расстоянию разницы нет, где ходить. Под раздачу попадали ребятишки да редко сюда заглядывающие граждане. Хозяев дома, как правило, нет. Люди они работающие, вечно на смене. Дочь выросла, с родителями уже не живёт. А гуси – это же сторожевые псы: от дома далеко не уходят и каждого проходящего подозревают в посягательстве на их владения.

Отбивал несчастных прохожих обычно Сания – сосед напротив, угрюмый пятидесятилетний мужик.

Так и жили, пока гуси не напали на пацана при Грише, хозяине. Гриша в это время бетономешалку на гараже загружал. Выбежал Саня на гусиный гогот и вопли, гусей отогнал, да тут и Гришу увидел, наблюдающего с гаража за происходящим.

– Ты какого хрена омовцев своих распустил? И смотрит, главно.

А у Гриши настроение ни к месту было благодное. Решил отшутиться:

– Так, Сань, ты с ними, смотри, за лето как пузо подобрал.

Саня крикнул и ничего не ответил. А утром Гриша нашёл в стайке своих гусей без голов, ещё тёплыми, аккуратно сложенными вниз кровотоющими шеями (это чтоб кровь стекла и мясо «правильным» было).

СТРАСТИ ПО УГЛЮ

У Серёги беда. Пошёл к бывшей жене денег попросить (полгода как выгнала), а она сказала, чтобы углярку вычистил, уголь в неё скидал, тогда даст денег в качестве честного заработка. Поворчал Серёга: «Бизнесменша хренова. Магазины вместе поднимали, а теперь денег фиг выпросишь». Позвал друга, и пошли они зарабатывать.

Открыли углярку, а там прошлогоднего угля ещё месяца на два. Но, кто платит, тот и музыку заказывает. Вычистили, как велено, скидали пять тонн угля, пошли за деньгами.

Вера – баба дотошная, явилась работу принимать. Ахнула: уголь в соседней углярке. Обматерила и сказала, пока уголь на месте не будет, денег не получают.

Сосед посочувствовал, разрешил перегородку сломать, уголь перекидать, но чтобы и перегородка и его собственный уголь на месте были.

Друган на такой заработок плюнул, а Серёга второй день лопатой машет и всем прохожим на жену жалуется.

ТАКОВЫ ТЕПЕРЬ ПИОНЕРЫ

Он был хорошим нейрохирургом. К нехватке денег и бытовой неустроенности относился спокойно. Всё это покрывалось осознанием важности своей профессии. Он считал себя ответственным за что-то большое, как в фильме «Офицеры», «Есть такая профессия – Родину защищать».

А потом, капля по капле, это чувство важности стало размываться.

И однажды упала последняя капля. Упала нечаянно. В дискуссии по телевизору он услышал фразу молодого бизнесмена: «В этом размежевании общества нет ничего страшного. Всё же естественно: умные и успешные поднимаются просто потому, что умнее и успешней. Я понимаю, что у остальных положение работающих нищих, но каждый выбирает себе дорогу сам в силу своих способностей... И в силу самоуважения. Если они не уважают себя настолько, чтобы работать за эту зарплату...»

Жена выключила телевизор:

– Козлы... Слыхал? Мы работающие нищие... Урод. Ублюдок. Когда мы выбирали? – она распалилась вроде, но увидев, что муж её не поддерживает, как обычно, проворчала, сворачивая этот частый для них в последнее время аутотренинг. – Кто, козлы, ваших детей учить и лечить будет, если все умные выберут за вами подниматься?

Он усмехнулся:

– Действительно, надо сделать выбор. Я умный. И я себя уважаю.

Жена посмотрела на него поверх очков долгим вопросительным взглядом, но ничего не спросила. Он ничего не ответил.

Да, если честно, у него осталась ностальгия по работе, что нет-нет да и вспомнит он о высокой миссии и ответственности врача перед обществом. Однако соцреализм умер вместе с социализмом.

Он был хорошим нейрохирургом. Он стал хорошим бизнесменом. Сеть магазинов и бензоколонок... Он оживил сдохшую местную пекарню, и снова приезжают к нам горожане за вкусным хлебом.

ПЛЕМЯ МОЛОДОЕ

День выдался тёплый, а в автобусе не отключили обогреватели. Это стало понятно сразу же. Автобус ещё не вырлил с посадочной площадки, а пассажиры уже начали возиться.

– О! Отопление не выключили, – проворчал парень, пытаясь убрать ноги от потока горячего воздуха. Печка оказалась как раз под сиденьем впереди него. Он поднял повыше букет и как-то растерянно посмотрел на него, оценивая, что будет с цветами через час.

Старушка-соседка посмотрела на парня, как будто собственного сына по головке по-

гладила, улыбнулась куда-то далеко внутрь себя.

– Красивый букет. Подружке везёшь?

– Жене, – гордо ответил парень и тоже улыбнулся, поправляя на коленях коробку.

«Кукла, наверное, – подумала Анна Ивановна и внимательно посмотрела на парня. – Интересно, сколько ж тебе лет, пострел?»

Он был не так молод, как показалось на первый взгляд. Обветренное лицо, несколько глубоких морщин на лбу... Но большие голубые и такие ясные лучистые глаза притягивали к себе и отвлекали от этих признаков совсем не юношеского возраста.

– Попроси, чтоб выключили. А то утром я уже ругалась с ними. Скажут, опять этой старухе жарко.

Парень, говоривший до этого вполголоса, приподнялся и обратился к кондуктору:

– Отопление отключите, пожалуйста!

Анна вздрогнула от неожиданности:

– Тебе бы в церкви с таким голосом...

– Ага, – он широко улыбнулся. – Мне всё время это говорят.

– А кем работаешь?

– На КамАЗе, – ответил гордо и основательно и снова улыбнулся её очередному удивлению.

Кондуктор в это время о чём-то перебросилась с шофёром несколькими фразами. Отопление продолжало жарить.

– А зовут тебя как?

– Иван.

«Как папу... Много сейчас стали называть простыми русскими именами», – хотела сказать она, но промолчала, потому что сосед достал телефон и уже набирал номер.

– Здравствуйте. Это отдел эксплуатации?.. Скажите, а у вас в автобусах отопление от температуры на улице зависит или просто от времени года?.. Ну, в смысле, если октябрь, то будут отапливать, даже если на улице тепло?.. Потому что попросил шофёра отключить печку, а он не отключает. Утром, вот бабушка говорит, уже ругалась с ним по этому поводу – бесполезно... Сто семьдесят первый... В четырнадцать тридцать... Хорошо. Всего доброго.

Анна Ивановна сидела, как громом поражённая, вспоминая утреннюю ругань и испорченное на целый день настроение.

– А откуда ты знаешь, куда звонить? И номер помнишь...

Теперь Иван удивлённо смотрел на неё:

– Так вон же номера написаны, – показал на перегородку водителя.

У водителя зазвонил телефон:

– Да, Вер... Так они бы ещё ватники надели!... Хорошо, сейчас отключу.

Пассажиры, слышавшие оба звонка, одобрительно заулыбались такой оперативности.

А шофёр ворчал:

– Во люди! Уже наступали!

– Это кто наступал? – Иван повысил голос, и в нём послышались недобрые нотки. – Я Вас просил отключить? Вам лень до переключателя руку протянуть.

Кондуктор посмотрела долгим пристальным взглядом на Ивана и промолчала.

Автобус то деловито урчал, поднимаясь в гору, то весело срывался вниз. Иван дремал, бережно положив букет поверх коробки. Анна теперь без стеснения рассматривала его и думала: «Вот уж точно, племя незнакомое. Дрыхнет, как будто и не было ничего».

НОВОГОДНЕЕ

Верку взяли в магазин с испытательным сроком. Очень уж она вертлявая, несерьёзная, бесшабашная... А хозяйка – баба дотошная и честолюбивая. Магазин открыла недавно. Очень ей хочется быть лучшей. Всех козырных деревенских продавцов перебрала, никто ко двору не пришёлся. Сама у прилавка стоит, но всё равно перебирает. И вот Верка появилась. Перед Новым годом. Народ по деревне судачит:

– Довыбиралась...

– Да кто к ней пойдёт? Запросы-то о-ё-ёй...

– Ну с Веркой-то к образцовой торговле придёт, чо!

– Да Новый год перезимует да выгонит. Самой-то за прилавком праздновать не охота.

А Верка и торгует – так же бесшабашно. Зашёл городской-спесивый. Хозяйка было сама к прилавку поднялась, да ноги у неё большие, Верка её опередила. Хозяйка губы поджала, осела, руки на груди скрестила, но молчит, одёргивать или учить при чужих не в её правилах. Верка недовольство хозяйки и не заметила. Какие там оглядки, когда тут такая удача перед чужаком повыпендриваться? Сально

этак мужику улыбается и дурашливо спрашивает:

– А чего желаете? Внучатам гостинца или чуда новогоднего ?

Мужик на шутку не поддался. Хмыкнул только.

– Колбасы взвесь.

– Да это всегда пожалуйста. Варёной, копчёной, дорогой, дешёвой, или много, или мало?

Мужик Верку взглядом удостоил. Опять хмыкнул, типа что за выкрутасы? Юмор, тоже мне, лапотный. И чтобы охолонуть девку, заказал:

– Вон той, Таллинской... 102 грамма.

Верка, кажется, даже обрадовалась и засмеялась удивлённо:

– Ровно 102?

Да так искренне засмеялась, что мужик тоже улыбнулся и залихватски подтвердил:

– 102!

У него, кажись, даже шапка на затылок подембельски взмыла. Не иначе вояка в отставке.

Верка достала колбасу из прилавка-холодильника, картинно одной рукой положила на доску, другой размашисто полосанула по батону ножом, ловко этак руку – в мешок, вуаля! – уже колбаса внутри мешка и завязана. При этом – мужику в глаза глядя и улыбаясь лукаво. Колбасный бармен, ага.

– 102 так 102! – и колбаску на весы.

Мужик аж присвистнул и шапку в самом деле на затылок сдвин ул:

– Во даёт!

Ровнёхонько 102 грамма отвесила Верка и сияет во всю свою круглую мордаху!

– Как у тебя это получилось? – спросила почти шёпотом и так же, как Верка, сияя, хозяйка, когда мужик вышел.

Верка развела руками, одновременно выпятив живот и выпучив глаза:

– А хрен знает! Нечаянно!

Хозяйка от души засмеялась:

– Ну ты даёшь! А если бы не получилось? Ты так уверенно – 102 так 102!

– Ха! Ну сказала бы – ой чо-то я сегодня невесомая. Ну, или чо-нить другое... Откуда я знаю, чего бы я сказала?

Виктор ТРЕТЬЯКОВ

ПОДВИГ ТАНКИСТА

Участнику Великой Отечественной,
механику-водителю танка «Т-34»
Басырову Георгию Васильевичу
посвящается

Я водил «тридцатьчетвёрку»,
Много раз в боях бывал,
Но такую перетёрку
Больше, братцы, не видал...
Наша танковая рота,
Огибая фланг врага,
Угодила в край болота,
Словно к чёрту на рога!
«Сел» в трясине танк-разведчик,
Мы – к нему, решив помочь,
Вслед – другой, вдвоём-то легче
На трассах его волочь.
Дёрг-подёрг, и мы застряли...
А пехота помощь ждёт!
И пока мы буксовали,
Танков клин ушёл в обход.
Вдруг фашисты артналётом
Нас накрыли на беду...
Мы – как мухи в блюдце с мёдом,
Копошимся на виду!
Фрицы, лесом прикрываясь,
За снарядом шлют снаряд –
Мы, в трясине оставаясь,
Отвечаем наугад!
Танку быть мишенью худо,
А на привязи – вдвойне,

Ведь снаряды – больше пуда! –
Бьют по танковой броне!
С танка командира взвода
Сбили башню, как кочан!
А второй, кричит наводчик,
Задымил и «замолчал»!
И по нашей башне фрицы
Бац сквозной! Дыра – с кулак!
Не успел пошевелиться,
В люк мой тр-рах! И полный мрак...
Я очнулся. Крышку люка...
В пять сантиметров брони!
Словно бритвой снёс, подлюка...
Нет у крышки у меня!
Экипажа тоже нету:
В танке тягость тишины.
Хлопцы сгнули со свету
В пасть прожорливой войны!
Сам-то жив, но тело – вата.
Кровь с плеча и ноет бок!
Буркнул всё же: «Фрица-гада
Мы согнём в бараний рог!»
Чей-то говор... Разбираю:
Панцер, Руссиш, Транспорт, Гут...
Холодея, понимаю:
Как трофей поволокут!
Слышу, длинный трос мотают,
Чтобы с берега тянуть,
И тягач свой подгоняют...
На душе – унынье, муть.

80

ТРЕТЬЯКОВ Виктор Иванович родился 25 ноября 1946 года в г. Шадринск Курганской области. Учиться начал в Кургане. В 1958 году переехал с родителями в Юргу.

После службы он еще 15 лет работает бортрадистом стратегического бомбардировщика. Возвратился в Юргу. Известный в городе политик, депутат, автор двух сборников стихов: «Радуга» и «Капель».

Залатают там «подранка»...
 Снова в бой, но против нас.
 Кто ж судьбу – мою и танка –
 Сможет разрешить сейчас?
 ...Зацепили, потащили
 Танк мой задом наперёд.
 И тягач, что есть в нём силы,
 Танк со мной на Запад прёт...
 Тут меня вдруг осенило
 Злую шутку им сыграть!
 Только бы хватило силы
 Рычагами управлять.
 Если первою попыткой
 Танк удастся запустить,
 Он рванёт тягач тот хлипкий,
 Чтоб обратно потащить.
 Оборвётся трос, возможно,
 От могучего рывка...
 Вот тогда-то будет можно
 Дать нам с танком драпака!
 Я сказал себе всего лишь:
 «Ну, Егорушка, держись!
 Либо ты их объезоришь,
 Либо потеряешь жизнь!»
 Сердце ухнуло куда-то,
 Кровь, как молот, в жилах бьёт:
 Будет мне конец, ребята,
 Если танк мой подведёт.
 Запуск, выхлоп дымом чёрным
 Фрицам сразу даст сигнал,
 Что на танке побеждённом
 Кто-то против них восстал!
 Если запуск вдруг прервётся...
 Стоп, тягач! И в каждый люк
 Танка моего ворвётся
 Много фрицев, и... Какую!
 Говорят, не знает страха
 Тот, кто смело в бой идёт.
 Страх у всех трепещет птахой,
 Но смельчак его зажмёт!
 Ну... Дай, Боже, мне удачи!
 Отжимаю фрикцион...
 И на первой передаче –
 Стартер дизеля... Включён!
 Сунул газу до отказа,
 Фрикцион пошёл ва-банк...
 Встрепенулся, ожил сразу,
 Зарычал мой славный танк!
 На свободу он стремится,
 И пошёл, рванув «с плеча»!
 Вот бы видеть рожи фрицев,
 Экипажа тягача!

Оказались слишком прочны
 Трос и крюк. Хоть волком вой!
 По нагрузке чую: точно!
 Тащим тягача с собой!
 Передачи выше, выше...
 Танку я кричу: «Лети!»
 Разбегаются, как мыши,
 Фрицы с нашего пути!
 Мы их пушку мимоходом
 «Раскатали», словно блин,
 И летим свободным ходом
 До своих. Маршрут – один!
 То-то радость в поздравленьи
 И в расспросах: «Что? Почём?»
 При внезапном появлении
 Танка с «пленным» тягачом.
 Дали мне награду даже!
 Я бы мог счастливым быть,
 Если б хлопцев экипажа
 Смог поднять и оживить!
 Если б всех, кто за Отчизну
 Храбро жизни положил,
 Оживить, не правя тризну...
 Эх! Какой бы праздник был!

Послесловие.

87

БАСЫРОВ Георгий Васильевич родился в деревне Теплая речка Ижморского района Кемеровской области. В предвоенные годы семья проживала в поселке Речном Юргинского района.

Трудовую деятельность Георгий Васильевич начал с 1940 года, работая заведующим Юргинским мясобойным пунктом. Когда началась война, добровольно пришёл в военкомат и попросился на фронт. Ему ещё не было и 18 лет, поэтому направили в Ачинск, где он окончил полковую школу по специальности «истребитель танков». Боевое крещение Георгия Васильевича состоялось в октябре 1942 года под Сталинградом в составе 52-й армии. В одном из боёв он подбил два вражеских танка и три бронемашины, за что был награждён орденом Славы III степени. После завершения Сталинградской битвы Г. В. Басыров окончил корпусную танковую школу во Владимире и механиком-водителем Т-34 участвовал в боях на Орловско-Курской дуге. В 1944 году сражался за Белоруссию. В одном из разведывательных боёв под Бобруйском танк Георгия Васильевича получил повреждение. Когда к месту сражения подошли основные силы 9-го танкового корпуса, ни Басырова, ни его товарищей по разведгруппе на поле боя не оказа-

лось. Родным были отправлены сообщения о том, что они пропали без вести. К счастью, экипаж танка и Георгий Васильевич остались живы. За этот бой он получил орден Славы II степени, за боевые действия в Польше – орден Славы I степени, став полным кавалером ордена Славы.

Вернувшись после демобилизации в родной город, Георгий Васильевич устроился на маши-

ностроительный завод сначала слесарем-сборщиком, а затем мастером механосборочных работ. После выхода на заслуженный отдых он активно участвовал в мероприятиях по военно-патриотическому воспитанию молодёжи. Посещал учебные заведения города, встречался с молодёжью на предприятиях, работал в городском совете ветеранов войны и труда. К боевым наградам прибавились медали «За трудовое отличие», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина». В 2005 году Георгию Васильевичу Басырову было присвоено звание «Почётный гражданин Кемеровской области».

В январе 2007 года скверу около ДК «Победа» дано наименование «Сквер имени Георгия Васильевича Басырова, полного кавалера ордена Славы, Почётного гражданина Кемеровской области, Почётного гражданина города Юрги», сокращённое наименование – «Сквер имени Георгия Васильевича Басырова».

В январе 2009 года в честь 60-летия города Юрги Георгий Васильевич был первым награждён Почётным знаком «За вклад в развитие города Юрга».

Несколько лет назад, поздравляя с Днём рождения, я долго расспрашивал Георгия Васильевича о деталях одного из его героических поступков в годы войны. Мне хотелось описать это событие рифмованными строчками в надежде, что кому-то они понравятся и запомнятся больше, чем проза. Так сложилось, что исполнение обещания всё откладывалось, вызревало, а жизнь Георгия Васильевича, к глубочайшему сожалению, оборвалась... Позже мне в меру своих способностей удалось передать его воспоминания. Должен сказать, что изложение в стихах не является строго документальным, но, видит Бог, сделано это исключительно для большей наглядности его подвига.

82

Сергей ПОБОКИН

МАЙОР УВАРОВ

Примостился возле речки Искитимки и глянул на холодную свинцовую рябь.

Здесь, у знакомого заворота реки, плавают дикие утки, а на берегу мирно расхаживают голуби. Утки не летят на юг. Зачем?

От сточных вод тепло, а сердобольные зрители подкинут и подкормку. Эдак лет сорок с гаком назад мы, беззаботные мальчишки, ныряли здесь, словно вот эти утки, а потом наволочками ловили гальянов и пескарей. Сейчас, по слухам, эти рыбки не живут в Томи, в Искитимке – тоже!

Берега тогда были повыше. Кособочились частные домишки, а весенние воды основательно подмывали берега. Здесь погиб друг детства Валера Ковелев: кромка берега, на котором стоял, обрушилась...

Незабываемое время послевоенного детства, где перед глазами мелькали гимнастёрки, мундиры, шинели с погонами. Людные общественные места – базары, бани. В банях суровые татуированные дяди, хлебнувшие лиха на войне и в лагерях, жарко парились! Блаженствуя, обливались из тазиков, а потом, одевшись, выпивали в буфете сто граммов, закусывали квадратиком сала, да и шли с успокоенной душой в казённые бараки. Утром рано вставать на работу. Дисциплина была железная даже здесь, в Сибири.

ПОБОКИН Сергей Степанович родился в 1945 году в городе Кемерове. Окончил машиностроительное отделение Анжеро-Судженского горного техникума. Работал на химических и машиностроительных предприятиях области. Его стихи публиковались в альманахе «Огни Кузбасса», журнале «Молодая гвардия», коллективных сборниках. Автор поэтических книг «Улица Синего плёса», «Русь в берёзовой сорочке», «Летний снегопад».

Член Союза писателей России. Живёт в Анжеро-Судженске.

Запиться, ведь горя и обид хватало? Такого не слыхивали! Опоздать на работу – да это же подсудное дело!

53-й год. Смерть Сталина. Заискитимские – прозвище накрепко закрепилось за жителями этой части Кемерова, – как и вся страна, с тревогой думали: «Как жить дальше, кто его заменит?». Он, безмолвный, в мундире генералиссимуса лежит в Колонном зале. Оставил минимум личных вещей: подшитые валенки и шубейку из овчины. И страну с рейтингом на мировой арене, какой ей не снился никогда.

А тем временем, прервав мои воспоминания, появился военный в погонах майора. Слово шагнул из того времени. Мы взглянули друг на друга, и мне всё стало ясно. Вижу, мучается человек: внутренности горят, но не толкаться в очереди кавалеру боевых орденов в офицерской форме! Нужно выручать мужика. А вид у него – врагу не пожелаешь. Лицо землистого оттенка, большие руки трясутся, говорит с отдышкой:

– Слушай, солдат, вот тебе деньги, офицерское удостоверение. Тебя как зовут?

– Сергеем.

– Лети, Серёжа, по-быстрому, времени мало. Мне лекарство положено бесплатно, но вдруг не завезли или мало ли что... Купи тогда за деньги. – Он сунул мне рецепт, добавил:

– И, главное, шприц, шприц не забудь – этот, одноразовый! Куда это моё лекарство запропастилось? Забыл или выронил, но это уже не важно.

Он тяжело опустился на скамейку. Его тело словно потеряло свои очертания. Ошибся я, подумав, что он жаждет похмелиться. Иногда первое впечатление обманчиво. Я быстро купил нужное лекарство и поспешил к новому знакомому, который представился майором Уваровым. Он с нетерпением уже поглядывал на меня. Помог расстегнуть ему шинель и китель. Офицер сам профессионально быстро сделал инъекцию. Не стал расспрашивать о болезни – их у ветеранов хватает. Вероятно, это был сахарный диабет. Старый воин словно заново народился на свет. И мне показалось, что даже и снежинки сверкают веселее. Будто гора свалилась с моих плеч.

Перед нами на небольших, оборудованных для этих целей площадках разместились военная техника: истребитель – примерно шестидесятых годов, танк – ближе к современной технике. Вдали виднелась гаубица времён Великой Отечественной войны. А мы, как старые знакомые, беседовали на военную тематику. И Уваров задал мне каверзный вопрос:

– Есть противотанковая пушка. Точно такая по калибру и длине стоит на танке. Стреляет на пятнадцать километров, а другая – на двадцать. В чём тут дело? Думай, рядовой, думай!

Я не мог ответить навскидку и подумал, что это шутка вроде школьной «А и Б сидели на трубе...» Нет. Была реальная причина. Подивился её простоте. А мой собеседник, по его словам, выиграл таким манером не одно пари. Вышло: стволы-то одинаковые, да пороховые заряды разные. У традиционного противотанкового орудия они объёмнее. А в танке места мало, крупных снарядов много не возьмёшь, поэтому они меньше. И попутно Уваров ещё поведал, как офицеры оберегаются от морозов... Развязывать и опускать клапана ушанок не позволяет офицерская честь или гордость, одним словом – нельзя! Они на глазах рядовых и младшего командного состава. С них берут пример. Поэтому офицеры смазывают открытые части лица тонким слоем вазелина. Вот такая офицерская находчивость.

Кадровые военные не любят рассказывать о военных буднях, смертельном риске, связанном с выполнением боевого задания, спасением жизни своей и своих товарищей в критических

условиях. Ведь, как говорят сами вояки: «Смел, кто остался цел!».

А майор много пережил, испытал. За колючей проволокой попал он как-то в карцер. В конце рабочего дня его вывели на свежий воздух. Бригадир подвёл его к огромной ели. Приказ был лаконичен. Вот тебе лопата и топор, и через час чтобы дерева тут не было. Так расправлялась администрация лагеря с неугодными им заключёнными. И бригадир ушёл вдвоём с автоматчиком. Время пошло, время неуклонно отстукивало секунды, словно обухом по нервам...

Майор поглядел на ель и подумал: «Шлёпнули бы уж сразу. Зачем этот маскарад?» Убрать такую лесину явно одному человеку не под силу. Видать, нельзя так просто убить человека, так выдумали такой дикий повод...

Ну вот, можно часок отдохнуть от лагерной жизни. Этот час, пусть и последний, но его, он сам себе хозяин. Прислонился спиной к дереву, вынул надёжно запрятанные трофейные часы. Наметил ту черту, за которой он уже не будет существовать, и приготовил хорошую закрутку из махры. Что её жалеть, она больше не пригодится!.. На него навалилось непривычное спокойствие и равнодушие. Не торопясь затянулся горьким дымком. Да, это эрзац – не деревенский самосад, даже настоящего табаку не выкурить в последний час. Вспомнил эпизоды своей жизни. Были ли в ней удачи? Перебирал год за годом. Спорный вопрос – что считать за удачу?

Майор окончательно смирился с участью и, кажется, даже вздремнул. На нарах не уснёшь: каждый заключённый дремлет вполглаза. Но его словно толкнули в бок. На него шёл танк – ему мерещилось во сне. Танк с нарисованным крестом, заляпанный глиной и грязью, уверенно управляемый экипажем за полуметровой во сне привидевшейся бронёй, шёл на майора. Вдруг сутулая, словно согнувшаяся от удара, пушка майора кашлянула огнём. В танке не ждали этого и не думали, что есть кто-то живой из расчёта орудия. Как раненый зверь, закрутился танк на одной гусенице. Бока уже лизали хищные языки пламени, повалил густой дым. Майор остался жив.

– Да что ж это я! Размечтался, словно маршал за чаем! – Он вдруг увидел выход из создавшейся ситуации. Хватал куски глины, молот их в ладонях и отсыпал вокруг дерева. Делал он это машинально, всё как в бою, мозг работал чётко, подавая команды. Нужно торопиться, времени оста-

лось мало. Вот стоит лесина – вершина в облаках, узловатые корни толщиной в руку. Не подступись! Это ещё похлеще того танка... Майор выбрал самый толстый корень, быстро его обкопал, и корень повис в воздухе. Он обрубил его у основания ствола, а потом у черты, отсыпанной глиной, и такую процедуру проделал с другими корнями по всему кругу. Когда привычно вытер пот со лба, в сторонке набралась небольшая кучка из корней. Земля под корнями мягкая, крупчатая, а потом и совсем пошла глина. Майор уже знал – он на верном пути. Скоро основание ели напоминало плохо зачищенный карандаш, поставленный стоймя. Уваров постарался его раскачать, и дерево словно ждало этого. Оно затрещало, майор отскочил в сторону. Ломая подлесок, дерево тяжело рухнуло на землю. По лесу прокатилось эхо. Обрубить ветки не составило труда: у ели они были некрупные. Набрав сухих сучьев, он положил их в основание костра, а сверху навалил корни и зелёные ветки. Яму быстро заровнял землёй, зажёл костёр. Вот и всё. Дерево лежало по всей длине, теряясь вершиной где-то вдали. И только вверх подымался дым, как из того танка. Вот и опять он спасся!

Я слушал, с трудом сдерживая чувства. С одной стороны, была гордость за русского человека, за его смелость, находчивость. А с другой – и чувство досады. Как мало ему нужно лично для себя! Не положено это по уставу – нельзя! Он офицер, спасший чуть ли не весь мир от нашествия. И предки его спасли мир и от татарского ига, и французского порабощения, тевтонских рыцарей и кого ещё? Русские косточки разбросаны по всему свету. И никто почему-то в мире об этом не говорит.

А Уваровым нужна самая малость: корректное, вежливое отношение лично к ним и заслугам. Такие мысли возникли у меня при общении с майором...

По лицу его я видел: он недоволен собой. Разболтался, как желторотый лейтенантик! Сколько их прошло через его судьбу и кануло в вечность!

Он растворился в серости наступившего дня так же неожиданно, как и появился. Осталось пронзительное осознание подвига военного поколения – его величие и бессмертие...

Да хранит тебя Бог, майор Уваров!

2012 г.

Олег КОСТЮНИН

ЖИВ В НАШЕЙ ПАМЯТИ СОЛДАТ

Воин из Кузбасса Николай Масалов был знаменщиком 220-го гвардейского Запорожского полка, сражался в Сталинграде, форсировал Днепр, Днестр, Вислу, Одер. При штурме Берлина наш земляк спас из-под огня немецкую девочку. Н. И. Масалов послужил прототипом при создании всемирно известного памятника советскому воину-освободителю в берлинском Трептов-парке.

В послевоенные годы Николай Иванович жил в посёлке Тяжинском Кемеровской области, вёл большую переписку, встречался с молодёжью и трудовыми коллективами. Ветерану неоднократно предлагали поселиться на германской земле, но солдат всегда был верен своей Родине. Сегодня на ярком примере гуманизма русского солдата воспитываются новые поколения кузбассовцев.

НАЧАЛО ПУТИ

Николай Иванович Масалов родился 10 декабря 1922 года в селе Вознесенка Тисульского района Кемеровской области. Он появился на свет в семье выходцев из Курской губернии, переселившихся в Сибирь в поисках лучшей доли. Прадед, дед и отец Николая Масалова были потомственными кузнецами, мастерство которых высоко ценилось по всей округе. В крестьянской семье Маса-

Дом семьи Масаловых в посёлке Тяжинском

ловых было шестеро детей – четверо мальчишек и две девочки.

Деревенские ребяташки сызмальства приучались к труду: водили коней на водопой, возили копны сена, пропалывали грядки. Коля был настоящим добытчиком. Весной отправлялся в лес за колбой, летом – за ягодой и грибами, круглый год ловил рыбу. Николай Масалов умел многое – без опаски передвигаться в тайге, по болотам, метко стрелять. Односельчанин Пётр Березуцкий вспоминал: «Как только научился на лошади ездить, школа тут же заканчивалась. Давали нам групповода и отправляли в поле. Там целую неделю бороним. Ребятам помладше поручали подчищать бороны, тем же, кто постарше, доверяли стоять за плугом. С нами работал и Николай Иванович, трудился он всегда в полную силу, от души».

До четвёртого класса Николай учился в сельской школе, потом с ним случилась беда – по первому льду пошёл на рыбалку и провалился. После этого долго болел, когда поправился, сверстники уже заканчивали шестой класс. Понимая, что отстал от них, в школу идти наотрез отказался, постыдился сидеть за одной партой с младшими. Сначала паренёк помогал родителям по дому, а потом для него нашлось в колхозе посильное дело. В 1936 году мальчишка поступил на работу в колхоз «Новая жизнь». Любое задание выполнял одинаково добросовестно – ходил со стадом, работал на лобогрейке. В 1939 году по оргнабору Николай пошёл учиться на полугодовые курсы трактористов при машинно-тракторной станции и затем снова стал работать в родной деревне. Николай Масалов сумел наладить старенький трактор и вскоре своим трудолюбием прославился на весь район.

В ГОДЫ ВОЕННОГО ЛИХОЛЕТЬЯ

В 1941 году Николай Масалов был призван в ряды Красной Армии, едва ему исполнилось восемнадцать лет. Свой трактор он оставил односельчанке Анастасии. Призывников эшелонам доставили в Томск, где формировалась воинская часть. Двухгодичный курс солдатских наук сибиряки освоили за одну зиму. Николай быстро втянулся в жёсткий учебный распорядок. Занятия продолжались с 7 утра и до 11 вечера: многокилометровые маршброски, атаки по пояс в снегу, рытьё окопов в промёрзшей земле и боевые стрельбы.

Освоив воинскую специальность миномётчика, Николай Масалов принял боевое крещение на Брянском фронте, под Касторной. Вспоминает ветеран Великой Отечественной войны Николай Александрович Тарманов: «С Николаем Масаловым мы выросли в одной деревне. В дружках ходили – и работали вместе, и на охоту ходили вместе, и в армию

Благодарность Верховного Главнокомандующего

нас призвали в один день. Попали с Николаем в группу миномётчиков. Помню, разгрузили нас на станции Касторная. Только окопались – бой. Было, кряхтело и лопалось всё кругом, даже снег протаял под жарким огнём. Глаза застилал чёрный дым. Вот где пригодилась силища Николая. Крутится с миномётом во все стороны, палит по врагу. Сколько дней и ночей мы, не спавши, бились – не подсчитано...»

Затем полк, где служил Николай Масалов, перебрасывали с места на место: Курск, Елец, Орёл. На одном из рубежей сибиряки окопались и стойко держали оборону. От рассвета до позднего вечера отражали атаки вражеской пехоты и танков. Гитлеровцам удалось прорваться на левом фланге, и воины-сибиряки попали в окружение. Николай Иванович Масалов так вспоминал об этих боях: «Еды у нас почти не оставалось, так мы натрём зёрнышек из колосьев пшеницы и кушаем. Командиром батареи у нас был Иван Васильевич Подушка – бывалый вояка, герой боёв на Хасане. Подойдёт к нам и говорит ободряюще: «Что кушаем, ребята? Ну ничего, будем живы – не помрём, повоюем ещё». Иногда с самолётов нам сбрасывали несколько мешков сухарей, но мы всё отдавали раненым. Перед последним прорывом мы собрали всё съедобное из вещмешков и покормили их.

На привалах мы, земляки, собирались вместе, тянуло нас поговорить, вспомнить родные места. Обращались друг к другу, конечно, не по фамилиям, а по имени. Командиры сначала удивлялись: откуда, мол, всех знаете? Как не знать, когда из одной

нашей Вознесенки было больше десятка человек. Почти все они остались в тех полях. Из 18 земляков с войны вернулись только четверо. Когда выходили с боями из окружения, погиб и мой лучший друг Иван Сучков. Я плакал над ним. Не знал, что впереди ещё доведётся увидеть много смертей...»

Полк четырежды вырывался из вражеского окружения. Пробивались штыками, потому что приходилось беречь каждый патрон и каждый снаряд. Николай Масалов научился метко бросать гранаты и ходить в штыковую атаку. Полк вышел из огненного кольца окружения в районе Ельца. В тяжелых боях воины-сибиряки сохранили полковое знамя, которое им было вручено ещё в городе Томске.

После переформирования полка Николай Масалов участвовал в обороне Сталинграда. Воин-кузбассовец сражался на Мамаевом кургане в составе легендарной 62-й армии генерала Чуйкова. Под шквальным артиллерийским обстрелом противника миномётный расчёт Николая Масалова дважды засыпало в полуразрушенном блиндаже. Позже он делился: «У входа в траншею гребу под себя землю, а второй дальше в блиндаж прогребает. Уже больше чем наполовину заполнили его землёй, одежду хоть выжимай, а сверху всё валится и валится земля. «Уже некуда прогребать», – прошептал рядом паренёк. Стало как-то обидно: живые ведь и невредимые даже, и вот так умирать здесь под завалом...» Однако судьба хранила солдат, в последний момент, когда уже трудно было дышать, бойцов находили и вызволяли из-под толщи земли боевые товарищи.

Николай Иванович Масалов так вспоминал о тех незабываемых днях: «Сталинград я защищал от первого дня и до последнего. Город от бомбёжек превратился в пепел, мы в этом пепле и воевали. Снаряды и бомбы перепахивали всё вокруг. Нашу дивизию пополняли людьми и техникой. Мы снова заняли оборону. До Волги было полтора километра, до противника же всего 40 метров. Всем нам было ясно, что отступать некуда. За Волгой земли для нас не было. Немцы занимали высоту, и нам приходилось трудно, но парни у нас были надёжные. Много горячих гостинцев отправили мы фашистам из миномётов. Забрасывали и гранатами. Наконец, немцы не выдержали – сдали высоту. Мы заняли её, но немцы начали нас «обтекать» с флангов, поэтому мы снова отошли вниз, а потом опять отвоевали эту высоту. Так повторялось несколько раз».

За бои в Сталинграде 220-й полк получил гвардейское знамя. Николай Масалов был назначен в знаменный взвод. Тогда он и подумать не мог, что ему, парню из далёкой Сибири, будет суждено нести боевое знамя до самого Берлина. Полк шёл на запад, и вместе с ним шагал Николай Масалов. Боец из Кузбасса форсировал Дон, Северный До-

нец, Днепр, Днестр, Вислу. За годы войны не раз смотрел смерти в глаза – трижды был ранен и дважды контужен.

Из первого состава полка в столицу фашистской Германии вступили только двое – знаменщик Масалов и капитан Стефаненко. Особенно тяжёлое ранение Николай Иванович получил в Польше, под Люблином. Две пули из крупнокалиберного пулемёта зацепили ногу, одна попала в грудь. Масалов делится: «Лежу оглушённый под открытым небом на ржаном поле, солнце в глаза светит, хлебушко будто головой кивает. Вокруг так тихо, будто изломанный тяжёлой работой на тракторе прилёг я отдохнуть на родном поле. Уже стемнело, и тогда я подумал, что ведь здесь наши меня просто не найдут. Пополз, сколько мог. Когда руки отказывали, делал остановки». Превозмогая боль, Масалов сумел к утру доползти до расположения части.

Через полтора месяца Николай Масалов выпущен из госпиталя и на попутных машинах отправился догонять свой полк, стоявший у Вислы. Прибыв на место, он был назначен знаменщиком 220-го гвардейского Запорожского полка, с которым прошёл всю войну. Берлин был уже совсем близко, и советским войскам приходилось отвоёвывать каждый метр немецкой земли, закованной в железобетон. Перед решающим штурмом Зееловских высот 16 апреля 1945 года командир отдал Николаю приказ пронести гвардейское знамя полка по траншеям, в которых были сосредоточены штурмовые группы: «Завтра в пять часов утра после артподготовки пройдёшь с развёрнутым знаменем по флангам, чтобы этот священный символ воинской силы и славы видели все солдаты – и те, кому суждено не выйти из пекла боя, и те, кому выпадет жить».

Знаменосец шёл в полумгле, чётко печатая шаг. Встречные бойцы отдавали честь боевому знамени. Пулемётная очередь со стороны вражеских позиций

скосила ассистентов знаменосца. Ему спасла жизнь каска, выдержавшая звенящий удар пули. После штурма Зееловских высот Николай Масалов был представлен к ордену Славы III степени, ему было присвоено очередное звание – старшего сержанта.

Братья Николая Масалова тоже воевали. Андрей с тяжёлой артиллерией дошёл до Европы, Василий стал танкистом, Михаил сражался на Северном фронте в пограничных войсках. За годы войны Николай Иванович Масалов стал опытным воином, многие обращались к нему не иначе как по имени и отчеству. Он в совершенстве владел оружием, умел предугадать место возможной засады, успевал опередить вражеских пулемётчиков. Солдат не раз проявлял бесстрашие, но бездумного лихачества не терпел. Покладистый по характеру, сибиряк не ленился отрыть окоп полного профиля и уложить на крышу блиндажа дополнительный ряд бревенчатого наката. Он оберегал гвардейское знамя и не имел права умереть, не защитив святыню полка.

Маршал Советского Союза Василий Иванович Чуйков так писал о сибиряке в своей книге воспоминаний «Конец Третьего рейха»: «Боевая биография Николая Масалова, как в капле воды, отражала историю 8-й гвардейской армии... На его долю выпало быть вместе с нами на направлении главного удара немецких войск, наступавших на Сталинград. Масалов сражался на Мамаевом кургане рядовым стрелком, в дни боев на Северном Донце стал пулемётчиком, при форсировании Днепра командовал отделением, после освобождения Одессы его назначили помощником командира комендантского взвода, на Днестровском плацдарме был ранен, через четыре месяца при форсировании Вислы – снова ранение, но гвардеец остался в строю и весь путь от Вислы до Одерского плацдарма шёл с забинтованной головой».

В апреле 1945 года передовые части советских войск вышли к Берлину. Оказавшись в огненном кольце окружения, столица Третьего рейха превратилась в гигантское поле боя. В те дни 220-й гвардейский стрелковый полк 79-й гвардейской стрелковой дивизии наступал по правому берегу реки Шпрее, по направлению к имперской канцелярии. Гвардейцы знали, что перед ними находится главная цитадель германского фашизма. Именно здесь, на острове Тиргартен, были главные правительственные учреждения фашистской Германии. Здесь в бункере укрывался безумный фюрер, доживавший свои последние часы. Здесь же находился главный узел связи, откуда главари Третьего рейха продолжали руководить остатками своих войск, вынуждая их вести кровопролитные бои, уже лишённые всякого смысла.

Воинам-гвардейцам армии генерала Чуйкова предстояло сразиться с отборными нацистами –

Солдатское счастье – жить за себя и за того парня

батальоном СС особой бригады лейб-штандарта «Адольф Гитлер».

От передовой советских войск до имперской канцелярии оставалось не больше четырёхсот метров. Немцы проявили особое упорство при обороне этого важного сектора у реки Шпрее. Под ураганным огнём противника у горбатого моста пехотинцы вынуждены были залечь в развалинах домов. Чтобы избежать больших потерь, командование решило после мощной артиллерийской подготовки форсировать канал небольшими группами.

В этот ответственный момент знаменосца Масалова вызвал к себе командир полка и приказал, чтобы он с боевым знаменем части находился в боевых порядках полка. За час до начала артподготовки Николай Иванович в сопровождении двух ассистентов принёс полковое знамя на берег Ландвер-канала.

Вспоминает маршал Советского Союза Василий Иванович Чуйков: «До атаки осталось минут пятьдесят. Наступила тишина, как перед бурей, тревожная, напряжённая. И вдруг в этой тишине, нарушаемой лишь треском пожаров, послышался детский плач. Словно откуда-то из-под земли, глухо и призывно, звучал голос ребёнка. Плача, он повторял одно понятное всем слово: «Муттер, мут-тер...»

– Кажется, это на той стороне канала, – сказал товарищам Масалов.

Оставив у знамени ассистентов, он пришёл к командиру:

– Разрешите спасти ребёнка, я знаю, где он.

Приближаться к Горбатому мосту было опасно. Площадь перед мостом простреливалась огнём пулемётов и автоматических пушек, не говоря о минах и фугасах, запрятанных под коркой асфальта. Застреливали пулемётные очереди. Сержант Масалов полз вперёд, как лист, прижимаясь к асфальту, временами прячась в неглубоких воронках от снарядов и мин. Не забывал ощупывать каждый бугорок, каждую трещину на асфальте, чтобы не нарваться на мину».

Позже он рассказывал: «Бегу и сердцем чувствую, что сейчас меня прошьёт автоматная очередь. И точно: в каком-то метре левее строчкой прошли фонтанчики пуль. Я упал на асфальт и замер. В ушах по-прежнему звучал детский плач. Секундная передышка будто влила в меня свежие силы. Приподнял голову, увидел совсем близко воронку от бомбы и рванулся к ней. И только успел укрыться, как сверху снова ударили немецкие автоматы».

Вот смельчак пересёк набережную и укрылся за выступом бетонированной стенки канала. И тут снова услышал ребёнка, который звал мать жалобно, настойчиво. Он будто торопил Масалова. Тогда гвардеец поднялся во весь рост – высокий, могу-

*Н. И. Масалов (крайний справа)
с боевыми товарищами, 1945 год*

чий. Блеснули на груди боевые награды. Такого не остановят ни пули, ни осколки. Сибиряк одним махом перекинулся через барьер канала. Прошло ещё несколько минут. На миг смолкли вражеские пулемёты. Затаив дыхание, гвардейцы ждали голос ребёнка, но было тихо. Ждали пять, десять минут... Неужели напрасно рисковал Масалов?

Комиссар 220-го полка Иван Григорьевич Падерин знал, что Николай Иванович пользовался среди однополчан заслуженным авторитетом. Боевые друзья уже готовы были броситься на выручку товарищу. Из воспоминаний Ивана Григорьевича: «Назревала стихийная атака, а это, как правило, лишняя кровь, да ещё в самом конце войны. Масалов будто почувствовал нашу тревогу. Вдруг подаёт голос: «Я с ребёнком. Пулемёт справа, дом с балконами, заткните ему глотку». И полк без всякой команды открыл такой яростный огонь, что я, по-моему, за всю войну не видел такого напряжения».

Николай Иванович Масалов так вспоминал об этом моменте: «Под мостом я увидел девочку лет трёх, сидевшую возле убитой матери. У малышки были светлые, чуть курчавившиеся у лба волосы. Она всё теребила мать за поясик и звала: «Муттер, муттер!» Раздумывать было некогда. Я девочку в охапку и скорее обратно. Тут-то она и заголосила! Я её на ходу и так, и эдак уговариваю: помолчи, мол, а то откроешь меня. Фашисты и впрямь начали палить. Спасибо нашим ребятам – выручили, открыли огонь со всех стволов».

Орудия, миномёты, автоматы, карабины прикрывали Масалова сплошным огнём. Гвардейцы русицельно били по огневым точкам противника. Русский солдат встал над бетонным парпетом, закрыв собой немецкую девочку. В этот момент поднялся диск солнца, ослепив на некоторое время вражеских стрелков.

Одновременно командующий артиллерией армии Николай Митрофанович Пожарский дал команду: «Натянуть шнуры!.. Огонь!» Началась артподготовка, орудия и миномёты открыли шквальный огонь по врагу. Тысячи снарядов и мин прикрывали выход советского воина из зоны смерти с трёхлетней немецкой девочкой на руках. Казалось, что весь фронт салютует подвигу русского солдата, его человечности, которую он не растерял на дорогах войны.

При спасении немецкой девочки Николай Масалов был ранен в ногу, но никому не сказал об этом. Из его воспоминаний: «Перебрался я через нейтральную зону. Заглядываю в один, в другой подъезд домов – чтоб, значит, сдать ребёнка немцам, гражданским. А там пусто – ни души. Тогда я прямым ходом в свой штаб. Товарищи окружили, смеются: «Покажи, что за «языка» раздобыл». А сами кто галеты, кто сахар девочке суют, успокаивают её. Сдал её с рук на руки капитану в накинутах плащпалатке, который воды ей из фляжки давал. Девочка светленькая была, русоволосая, в цветастом сарафанчике с ляпочками через плечи, в ботиночках. Было ей годика два-три, так мне тогда показалось».

Затем Николай Масалов вернулся в ряды атакующих гвардейцев. Он шёл впереди со знаменем полка на штурм имперской канцелярии. Шёл не пригибаясь, и казалось, что на руках у него по-прежнему находилась спасённая немецкая девочка.

Воин из Кузбасса шагнул под пули, когда до Победы оставались считанные метры, – поистине этот поступок достоин памятника.

Сержант Масалов прошёл этот путь и затем прожил долгую жизнь. После его смерти у того самого моста, Потсдамер брюке, была установлена мемориальная доска, посвящённая подвигу советского солдата. Такое решение было принято администрацией берлинского района Митте по представлению германо-российского музея «Берлин Карлхорст».

В столице фашистской Германии ещё гремели кровопролитные бои, а советские воины демонстрировали всему миру великий гуманизм, спасая немецких детей. Автоматчики сержанта М. М. Даринкова 27 апреля с риском для жизни спасли из верхних этажей горящего дома более 20 женщин и детей.

Военный корреспондент и писатель Борис Полевой стал свидетелем подвига старшего сержанта Трифона Андреевича Лукьяновича. День в день с Масаловым он совершил точно такой же подвиг – спас немецкого ребёнка. Советский воин, не раздумывая, бросился спасать маленькую немецкую девочку, плакавшую возле убитой матери прямо на передовой. Однако на обратном пути его настигла вражеская пуля. Трифон Лукьянович погиб, спасая немецкого ребёнка, а в Минске фашисты уничто-

жили всю его семью. Спасённую девочку воины передали местным жителям, находившимся неподалёку. Теперь на том месте находится мемориальный камень.

Исторические документы подтверждают факт освобождения советскими солдатами целого бункера-бомбоубежища, заполненного ранеными, больными, потерявшими родителей детьми. Немецких ребятишек, обязанных своим спасением воинам-освободителям, было очень много. Вспоминает бывший командир 11-го гвардейского танкового корпуса, впоследствии маршал бронетанковых войск Амазасп Хачатурович Бабаджанян: «В разрушенном городе не действовал водопровод, не было электроосвещения. Для спасения мирного населения мы организовали специальные команды. Они извлекали из-под обломков людей, оказывали им первую медицинскую помощь. Немало при этом гибли советских солдат, противник заминировал всё, даже жилые кварталы. Я собственными глазами видел, как наши солдаты заботливо помогали немецким женщинам переносить детей в безопасное место, как отдавали при этом свой солдатский паёк малышам».

В Берлине Николай Масалов насмотрелся на страдания. Жители германской столицы голодали. Немецкие дети лезли к танкам, под пулемётный огонь и артиллерийские снаряды, лишь бы добраться до русских военно-полевых кухонь. Ими двигала надежда получить кусочек хлеба, ложку супа или каши. Они робко подходили к русским солдатам и молча протягивали пустые консервные банки или просто исхудавшие ручонки. Советские воины давали им хлеб, колотый сахар, а то и усаживали худющую компанию вокруг своих котелков.

После окончания войны воинская часть, в которой служил Николай Масалов, осталась в Германии, в городе Йене. Тогда в полк приехал скульптор Евгений Викторович Вучетич, разыскал Масалова. Дождавшись окончания политинформации, он попросил Николая Ивановича задержаться в ленинской комнате и подробно расспросил его о том, как он спасал девочку. Об этом подвиге он узнал из армейской газеты. Сделав несколько набросков, распрощался. Встреча эта не была случайной, Вучетич выполнял задание фронтовой газеты, подыскивая типаж для плаката, посвящённого Победе советского народа в Великой Отечественной войне.

Впоследствии эти эскизы и наброски пригодились Вучетичу, когда он приступил к работе над проектом знаменитого монумента советскому воину-освободителю в Берлине. После Потсдамской конференции глав союзных государств Климент Ефремович Ворошилов предложил приступить к подготовке скульптурного ансамбля-памятника, посвящённого Победе над фашистской Германией.

Ещё только отгремели последние залпы войны, ещё шли похоронки семьям погибших, а правительство уже поручило скульпторам и архитекторам увековечить память павших советских воинов. В первый послевоенный год Военный совет группы советских оккупационных войск в Германии объявил конкурс на проект памятника советским воинам в Берлине.

В то время среди отдельных слоев немецкого населения бытовало мнение о том, что имевшиеся в наличии ограниченные средства нужно было в первую очередь использовать для восстановления разрушенного жилья, а не для сооружения памятника. Комендант Берлина генерал Котиков достойно ответил на эти настроения берлинцев: «Ничего, даже самого ценного материала, самой лучшей земли, самых огромных усилий не жалко, чтобы поставить памятник сыновьям советского народа, которые пожертвовали своей жизнью, освобождая вашу родину от германского фашизма. Мёртвым, лежащим здесь, в чужой земле, война была не нужна, но они отдали свои жизни, а дома у них остались жёны и дети. И этот памятник послужит для живых предостережением того, чтобы больше не было войны. За мир надо бороться, трудиться не жалея себя. И не завтра или послезавтра, а сегодня, сейчас».

Вспоминает Евгений Викторович Вучетич: «Главную фигуру ансамбля смотрели художники, скульпторы. Хвалили, восхищались. Но я испытывал неудовлетворённость. Надо искать другое решение. И тут я вспомнил советских воинов, которые в дни штурма Берлина выносили из зоны огня немецких детей. Метнулся в Берлин, побывал в гостях у советских солдат, встречался с героями, сделал зарисовки и сотни фотографий – и вызрело новое, своё решение: солдат с ребёнком на груди. Вылепил фигуру воина метровой высоты. Под ногами его – фашистская свастика, в правой руке – автомат, левая придерживает ребёнка».

Пришло время продемонстрировать оба проекта под светом кремлёвских люстр. Первоначально предполагалось поместить в центре композиции бронзовую фигуру Сталина с изображением Европы или глобусным полушарием в руках. И так, на первом плане – монумент вождя...

– Слушайте, Вучетич, вам не надоел этот, с вами? – Сталин указал мундштуком трубки в сторону полутораметровой фигуры.

– Это пока эскиз, – попытался кто-то заступиться за скульптора.

– Автор был контужен, но не лишён языка, – отрывисто бросил Сталин и посмотрел на вторую фигуру. – А это что?

Памятник советскому воину-освободителю
в Трептов-парке

Вучетич поспешно снял пергамент с фигуры солдата. Вождь осмотрел его со всех сторон и скупо улыбнулся:

– Вот этого солдата мы и поставим в центре Берлина, на высоком могильном холме. Только знаете, Вучетич, автомат в руке солдата надо заменить чем-то другим. Автомат – утилитарный предмет нашего времени, а памятник будет стоять в веках. Дайте ему в руку что-то более символичное. Ну, скажем, меч. Увесистый, солидный. Этим мечом солдат разрубил фашистскую свастику. Меч опущен, но горе будет тому, кто вынудит богатыря поднять этот меч. Согласны?

На рассмотрение конкурсного жюри было представлено 52 проекта из многих стран мира, в том числе немецких, французских, американских авторов. Среди проектов преобладали сооружения, лишённые образной выразительности – обелиски, башни, колонны, каменные кубы и пирамиды. Многие из них поражали грандиозностью размеров, достигая трёхсотметровой высоты. В конечном итоге лучшим был признан проект мастеров советского искусства – народного художника Евгения Викторо-

вича Вучетича и архитектора Якова Борисовича Белопольского.

Двадцать лет спустя в одном из интервью Е. В. Вучетич отметил: «Необходимо было создать такой образ, который стал бы воплощением Победы, но не просто выражением триумфа над поверженным врагом. Монумент должен был восприниматься не только с чувством глубокой скорби о погибших, но и одновременно полным оптимистической силы, уверенности в будущем. Девочка на руках солдата пережила войну, и воин, спасший человечество от коричневой чумы, несёт её на встречу новому миру».

ПОД МИРНЫМ НЕБОМ

После демобилизации в 1947 году Николай Масалов вернулся в родные места. Всем четырём сыновьям деревенского кузнеца выпало счастье вернуться домой с фронта. Большая крестьянская семья снова собралась за праздничным столом, но уже вскоре братья разъехались по стране. Старший Андрей – на Дальний Восток, Василий – в Туркмению, младший Михаил обосновался в городе Тихорецке.

В родной Вознесенке Николай Иванович попытался снова сесть за рычаги трактора – не получилось, сказались фронтовые раны. Много профессий перепробовал, прежде чем нашёл дело по душе. Трудился весовщиком, мотористом на элеваторе, конюхом. В 1954 году, переехав в Тяжин, Николай Иванович Масалов стал работать завхозом в Тяжинском детском саду-яслях № 2.

Засучив рукава, он взялся за дело. Высаживал в палисаднике берёзки и черёмуху, зимой заготавливал в лесу дрова, в любую погоду привозил ребятишкам на подводе флягу свежего молока, воевал в парткоме, доказывая, что новый детский сад – самая главная стройка. Тогда же в семье Масаловых родилась единственная дочь Валентина. Подрастая, девочка всегда удивлялась, как хорошо отец знает географию Европы: реки, города и даже деревни.

Вспоминает бывший секретарь Тяжинского райкома партии Евгений Яковлевич Макаров: «В детском садике ребятишки тянулись к дяде Коле. Несколько лет провёл он с детьми. Потом перешёл на работу комендантом в райком партии. Как-то во время дежурства Николай Иванович получил сигнал из областного центра: потерялась тяжинская девочка, прибывшая из «Артека». Звонила мать, опоздавшая встретить дочь на аэродроме. Как тут быть? Если девочка самостоятельно села в поезд, то найдёт ли путь, ведь ехать надо с пересадкой в далёкий посёлок на северо-восточной окраине Кузбасса. Николай Иванович взялся решить эту проблему. Он вышел к поезду вместе с женой и дочерью Валей.

Из вагона выскочила белокурая девочка и сразу же оказалась в руках у Николая Ивановича. Когда мать вернулась домой, то была несказанно обрадована, увидев дочку. На вопрос, кто её сюда привёз, девочка ответила кратко: «Дяденька, добрый».

Николай Иванович Масалов всегда отличался личной скромностью, не терпел бахвальства. Односельчанин из Вознесенки Алексей Назаров так рассказывал об этом в интервью корреспонденту областной газеты «Кузбасс»: «Он уже в Тяжине жил, когда я узнал про подвиг его, про памятник. Да и то из газет. Сам-то Николай Иванович мало что рассказывал про войну, а уж про себя на войне – тем более. Скромным был, скромно жил. И в Германию, где ему многое обещали, не уехал жить. В гостях там бывал, а вот чтобы остаться – ни-ни. Наш человек!»

Земляки запомнили Николая Ивановича Масалова как трудолюбивого и принципиального человека. На сенокосе, если видел плохо смётанное сено, подходил и прямо говорил: «Пропадёт такой зарод, надо переделывать». Без лишних слов показывал, что и как нужно сделать. При этом ещё успевал поставить шалаш, обеспечить ночлег, отбить косы, да так всё умело – по-солдатски!»

Вспоминает депутат Совета народных депутатов Кемеровской области Галина Михайловна Соловьёва: «Это был простой, добрый, искренний человек. Николай Иванович отличался немногословностью. К людям, которые ему нравились, в которых он видел истинных товарищей, относился трепетно. Николай Иванович показывал мне все поздравительные открытки, приходившие от канцлера из Берлина. Однажды из Германии в его адрес поступила большая праздничная телеграмма, и Николай Иванович с какой-то застенчивой улыбкой протянул её мне. Будучи человеком, не избалованным судьбой, он очень дорожил тем, что где-то о нём помнят».

Строительство монумента советскому воину-освободителю в Берлине приравнивалось к заданию чрезвычайной важности. Ведь это не просто памятник, это символ победы над врагом, развязавшим самую жестокую войну в истории человечества. Для его выполнения даже было создано специальное строительное управление. Работы начались в 1947 году и продолжались более трёх лет. Здесь была задействована целая армия специалистов – семь тысяч человек. Мемориал в Трептов-парке раскинулся на огромной площади в 28 гектар. Здесь в братских могилах под старыми платанами и курганом главного монумента покоится более пяти тысяч советских воинов. Всего же при штурме Берлина погибли двадцать тысяч наших солдат.

Заявка на необходимые материалы озадачила даже Москву – чёрные и цветные металлы, тысячи

кубометров гранита и мрамора. Складывалась крайне затруднительная ситуация, и тут помог счастливый случай. Вспоминает заслуженный строитель РСФСР Георгий Кравцов: «Ко мне пришёл измождённый немец, бывший узник гестапо. Он видел, как наши солдаты выбирают в развалинах зданий куски мрамора, и поспешил с радостным заявлением, что в ста километрах от Берлина, на берегу Одера, есть потайной склад гранита. Он сам разгружал камень и чудом избежал расстрела. Оказывается, что эти груды мрамора, по заданию Гитлера были припасены для строительства памятника победы... над Россией. Вот ведь как получилось. Но историю не обмануть!»

Пьедестал этого зловещего памятника должен был представлять колоссальное строение длиной и шириной по 300 метров. На нём – зал-купол высотой в 220 метров. Общий размер этого сооружения должен был составить 20 миллионов кубических метров. На вершине купола – огромный орёл, вонзивший когти в земной шар. В купольном зале планировалось разместить 180 тысяч человек. Перед такой аудиторией Гитлер мечтал выступить с победной речью. Для грандиозного памятника было уже всё готово. Не хватило лишь одного – победы.

Но Победа пришла, Победа советского народа над немецко-фашистскими захватчиками. Пришла не сама по себе, её добыли в жестоких боях воины с красными звёздами на пилотках. И заготовленный гранит пошёл по другому назначению – в Трептов-парк, из него был воздвигнут величественный мемориал в память о советских воинах-освободителях.

Подобный памятник также был установлен в подмосковном городе Серпухове на 1-й Московской улице, в сквере у больницы имени Семашко. Характерно, что это место выбрал сам автор монумента. Небольшой памятник повторяет центральную фигуру берлинского мемориального комплекса в Трептов-парке. Этот 2,5-метровый макет был создан Вучетичем ещё до основного монумента. Серпуховский памятник воину-освободителю пришлось реставрировать, из-за того что безвестные выродки отломали у фигуры меч, чтобы сдать на металлолом такому же отребью. Теперь меч – лишь копия. После реставрации в 2010 году воин был установлен на Соборной горе в мемориальном комплексе воинской славы. Есть монумент воину-освободителю и в городе Советске (Тильзите) Калининградской области.

Вопрос о прототипе всемирно известного памятника – не из самых простых. Чаще всего упоминаются имена трёх советских бойцов – Николая Масалова, Ивана Одарченко и Виктора Гуназа. В разное время с ними встречался Вучетич, и воины позировали ему. Скульптор до последнего момента

продолжал искать монументальный образ. Это подтверждает тот факт, что серпуховский воин отличается от берлинского, главным образом, чертами и выражением лица.

Виктор Гуназа прошёл боевой путь от Днепра до Австрии. Известие об окончании войны застало 20-летнего старшину стрелкового взвода в австрийском городе Марицель, раскинувшимся в предгорьях Восточных Альп. Воин был ранен, заслужил главный солдатский орден – Славы III степени. Высокую награду Виктор Гуназа получил за подбитый в Венгрии немецкий танк, прикрывавший отступление фашистов и мешавший советским бойцам подняться в атаку. С этим орденом он не расставался, как и с двумя медалями «За боевые заслуги». Одну из них 19-летний солдат получил, когда вынес на себе из окружения тяжелораненого начальника политотдела дивизии Белова. После окончания войны Виктор Гуназа стал кадровым военным и прослужил в армии 32 года.

Знакомство «модели» со скульптором произошло вскоре после Победы. В тот вечер старшина Гуназа, прогуливаясь по палаточному лагерю, заметил показавшегося подозрительным человека в штатском с военным планшетом, остановил его и проверил документы. Вучетич оценил бдительность бойца, увидел какую-то особую располагающую изюминку в его лице и пригласил попозировать для будущего памятника.

93

Виктор Михайлович Гуназа вспоминал, что именно во время сеансов, на которых в качестве зрителей, критиков и советчиков присутствовали и его сослуживцы, родилась окончательная композиция монумента. Первоначально Вучетич предполагал, что на руках боец должен держать мальчика. Гуназа возразил – девочка будет лучше, всё-таки продолжательница человеческого рода. Правда, позировал он без ребёнка, где его было взять в военном лагере. Левую руку боец старательно держал так, будто на ней примостился малыш. Правой рукой Гуназа сжимал рукоять меча, выструганного из сосны.

Полковник в отставке Виктор Михайлович Гуназа, живший после демобилизации в городе Днепрпетровске, ушёл из жизни в 2006 году, спустя некоторое время после супруги Майи Васильевны, о которой ветеран заботился на протяжении двадцати лет, пока она была парализована. Трое их сыновей так же, как отец, стали профессиональными военными. В последние годы жизни Виктор Михайлович жил в Днепрпетровске один, превратив свою небольшую квартиру в штаб местной ветеранской организации.

При создании монумента натурщиком также послужил рядовой Иван Одарченко. Восемнадцатилетний юноша на фронт попал в 1944 году. Освобождал Венгрию, Австрию, Чехию, войну закончил

под Прагой. После Победы нёс службу в Берлинской военной комендатуре. В августе 1947 года состоялась историческая встреча со скульптором Евгением Викторовичем Вучетичем. Работа длилась почти полгода. Торжественное открытие мемориала в Трептов-парке состоялось 8 мая 1949 года.

Вспоминает Иван Степанович Одарченко: «В день физкультурника я бежал кросс на стадионе, пришёл третьим, переоделся в форму и сию себе на трибуне, смотрю соревнования. Тут ко мне подходит представительный мужчина и приглашает пройти на верхнюю трибуну, где сидели генералы. Я удивился, но пошёл, а там уж он мне представился и спросил, соглашусь ли я позировать ему для основной скульптуры мемориала в честь погибших воинов. Конечно, я раздумывать не стал. Через месяц меня откомандировали в распоряжение скульптора Вучетича. Второй моделью стала трёхлетняя Света – дочь коменданта Берлина генерала Котикова. В другой руке у меня был настоящий двухпудовый меч. Мне очень неудобно за то, что я стал натурщиком для этого монумента. Я же на самом деле никого не спасал. Настоящим героем был Николай Масалов».

Кстати, меч в руке у воина-освободителя представляет собой точную копию меча первого псковского князя Гавриила – внука Владимира Мономаха. Вместе с Александром Невским он сражался против тевтонских «псов-рыцарей». Некоторое время Иван Одарченко нёс караул в Трептов-парке возле памятника с его чертами лица, чем привлекал внимание наблюдательных прохожих.

В 1949 году Иван Одарченко демобилизовался, вернулся на родину и почти четыре десятка лет проработал токарем на тамбовском заводе «Автотрактордеталь». Ивану Степановичу сейчас перевалило за восемьдесят, после смерти жены он живёт в частном доме на окраине Тамбова. Он всегда участвует в парадах и других праздничных мероприятиях, посвящённых Великой Победе. На груди ветерана ордена Отечественной войны I степени и Трудового Красного Знамени. В мае 2010 года в Тамбове появился памятник ветерану-победителю. Бронзовый солдат с маленькой девочкой на коленях устроился на скамейке в Парке Победы. Иван Степанович стал прототипом новой композиции, над которой работал скульптор Виктор Кулаев. Этот небольшой памятник стал символом связи времён и поколений.

Бывший командир военного строительного отряда, полковник в отставке Владислав Германович Дубровский так вспоминал о возведении мемориального комплекса в Трептов-парке: «Стройка была грандиозной, забот хватало всем с утра до ночи. Главкомандующий маршал Соколовский внимательно следил за ходом строительства, посвящал

ему специальные совещания. Особенные трудности были у нас с облицовкой бронзовых фигур. Владельцы заводов Западного Берлина, принявшие заказ на их изготовление, под разными предлогами срывали выдачу изделий. Узнав об этом, Соколовский сказал: «Памятник солдату-освободителю ни в коем случае в Берлине не заказывайте. Ищите исполнителей в Советском Союзе». Вучетич срочно отправился в Ленинград на завод «Монумент-скульптура». Здесь ему не пришлось тратить время на разговоры и объяснения».

Вучетич лично принимал участие в изготовлении гипсовых моделей для отливки. В конечном итоге ленинградцы выполнили заказ намного раньше срока. 10 апреля 1949 года доставленная из города на Неве бронзовая скульптура, кольцеобразно разделённая на фрагменты (иначе невозможно было её транспортировать), была установлена в Трептов-парке. После того как один из лучших немецких литейщиков осмотрел безупречно выполненную скульптуру, он поцеловал монумент и воскликнул: «Да это же русское чудо!»

Николай Иванович Масалов о памятнике в Трептов-парке узнал случайно: «Спички в магазине купил, на этикетку глянул. Прочитал – памятник воину-освободителю работы Вучетича. Вспомнил, как он делал с меня набросок. Я никак не подумал, что в этом памятнике запечатлён тот бой за Рейхстаг. Потом уже узнал: рассказал скульптору о случае на Ландвер-канале маршал Советского Союза Чуйков».

Герой не любил распространяться о своих подвигах на фронтах Великой войны. И всё же в середине 1960-х годов к Николаю Ивановичу Масалову пришла известность. О нём рассказывали в центральных советских газетах и журналах, а также в зарубежных средствах массовой информации. В апреле 1965 года Н. И. Масалов побывал на студии «Мосфильм», где принял участие в съёмках киножурнала.

Фронтвик так вспоминал об этой поездке: «Только приехал на студию – звонок, маршал Советского Союза, бывший командующий легендарной 62-й армией В. И. Чуйков пригласил меня к себе. Едем к маршалу. Он встретил меня как старого знакомого, обнялись. В кабинете маршала был командир моей 79-й гвардейской дивизии Герой Советского Союза генерал-майор В. И. Вагин. Василий Иванович долго расспрашивал меня, как живу, как здоровье, о семье, о посёлке Тяжинском, о Сибири. Здесь же, в кабинете маршала, и состоялась съёмка киножурнала. В Москве мне передали приглашение ребят из города Куйбышева. Восьмилетняя школа № 129 этого города участвовала в походе боевой славы 62-й армии, 79-й дивизии, нашего 220-го полка. Один из пионерских отрядов школы носит

моё имя. Конечно, встреча наша была очень радостной».

Тогда же советские и германские кинематографисты сняли полнометражный документальный фильм «Парень из легенды». Большая часть киноленты была посвящена дружбе Николая Масалова с воспитанниками железнодорожного детсада, где он работал. Особенно удачными получились кадры, где Николай Иванович дарил детям живую белку. В феврале 1982 года на украинском республиканском телевидении состоялась премьера документальной ленты «Право на вечность» студии «Укркинохроника». Автор сценария и режиссер фильма Г. Шкляревский встретился с Н. И. Масаловым у него на родине. Удалось найти и комиссара И. Г. Падерина, служившего с Николаем Ивановичем в одном полку.

В канун 20-летия Победы Н. И. Масалов впервые после войны побывал в столице Германской Демократической Республики. Тогда бронзовый памятник и его прототип впервые встретились. В 1969 году Николай Иванович Масалов стал почётным гражданином города Берлина. 10 мая 1970 года в Кемерове делегация из ГДР вручила Н. И. Масалову диплом почётного гражданина города Вайсенфельс. А в Тяжине методом народной стройки земляку-герою построили новый добротный дом. Николай Иванович Масалов является почётным гражданином посёлка Тяжинского и Тяжинского района.

Впоследствии легендарный солдат много ездил, выступал, принимал журналистов из разных точек земного шара. В июле 1984 года у него побывали выпускники факультета журналистики Берлинского университета, супруги Луц и Сабина Декверт. Им удалось осуществить свою давнюю мечту – взять интервью у легендарного русского солдата: «Я видел виселицы с телами казнённых женщин и детей на Украине и в Польше. Это страшное зрелище. Но мы, солдаты, знали, что фашизм и немецкий народ не одно и то же. Характерно, что, освободив Германию, Советская армия сразу позаботилась об оказании помощи детям, женщинам, старикам. Для них организовали бесплатное питание. И в тот момент я не раздумывал, потому что понимал – ребёнок ждёт помощи».

Н. И. Масалов не считал спасение немецкой девочки подвигом. Он был убеждён, что так поступил бы каждый советский солдат. В 1975–1978 годах по инициативе Николая Ивановича в центре посёлка Тяжинского был возведён мемориальный комплекс памяти земляков, погибших на фронтах Великой Отечественной войны.

Вспоминает бывший заместитель председателя Тяжинского райисполкома Роберт Леонидович Хюссон: «Однажды перед Днём Победы Николай Иванович сказал: «Хорошо бы нам память о погибших земляках оставить». Идеей загорелись все, ребяташки обошли каждый двор, записывая имена

Поездка в Берлин, 1967 год

всех, кто не вернулся с войны. И вот она – память. На мраморных стелах выбито 3 495 фамилий тяжинцев. У подножия обелиска – цветы, по традиции их приносят сюда молодожёны. На центральной стеле – барельеф, повторяющий в миниатюре монумент советскому воину-освободителю в Берлине».

В 1999 году в Тяжине на доме Николая Ивановича Масалова была установлена памятная мемориальная доска как дань признательности благодарных земляков. Уже выйдя на пенсию, он продолжал вести большую военно-патриотическую работу – выступал перед призывниками, школьниками и молодёжью местных предприятий, вёл большую переписку. В Тяжинском районе был учреждён приз имени почётного гражданина города Берлина Н. И. Масалова. Им награждались победители соревнования за лучшую организацию оборонно-массовой работы среди коллективов промышленных предприятий, колхозов и совхозов района.

Николай Иванович Масалов был награждён орденом Славы III степени, а также 22 медалями: «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «Борцу против фашизма 1933–1945 гг.» и др. В дни празднования 20-летия Великой Победы Николай Иванович Масалов был награждён орденом Отечественной войны II степени. В апреле 1985 года Н. И. Масалов был удостоен ордена Отечественной войны I степени.

В дом Николая Ивановича Масалова письма приходили практически каждый день. Корреспонденцию из Германии Николаю Ивановичу помогали переводить на русский язык его юные друзья – ребята из клуба интернациональной дружбы «Глобус» Тяжинской средней школы № 1. Во всех посланиях были слова признательности за совершённый в годы войны подвиг.

Узник Бухенвальда Иосиф Аргиров из Болгарии не знал адреса легендарного солдата, поэтому написал

на конверте: «СССР, Сибир, Вознесек, Масалов Николай Иванович». И это письмо нашло адресата! Безвестный почтальон, пересылая его из села Большой Барандат Тисульского района, сделал пометку: «Знаменитый всему миру человек Масалов Николай Иванович в Вознесенке не проживает, он живёт в Тяжине. Б-Барандатское отделение не знает улицы. Дошлите в Тяжин, там найдут. Ведь ему пишут со всего мира. Такие письма должны найти адресата».

Из письма Г. Обрадовича (Ленинград): «В ту ночь я с батальоном снимал баррикады и пропускать танки по мосту, под которым, очевидно, была спасённая тобою немецкая девочка. В этот момент я исполнял обязанности командира сапёрного батальона. Во время нашего боевого пути от Сталинграда до Берлина мы, очевидно, не раз встречали друг друга! Я горжусь тем, что подвиг, отмеченный скульптором и ставший известным всему миру, совершил мой однополчанин. Крепко тебя обнимаю и горячо жму руку скромному, но смелому и великодушному воину, достойному уважения гражданину».

Из письма М. Рихтер (Германская Демократическая Республика): «Вчера в газете «Юнге Вельт» я прочитала статью о спасении Вами немецкой девочки. В то время, весной 1945 года, мне был всего один годик. Меня глубоко потрясла эта статья. Ведь и со мной могло бы случиться то же, что случилось с той девочкой. Мы сделаем всё, чтобы найти спасённую Вами девочку».

В. Иванов из Ленинградской области писал Николаю Ивановичу: «Представил Ваше душевное состояние, когда вы спасали ребенка, – конец войны, по-

следние залпы, а Вы ползёте спасать дитя, отцом которого был немец, возможно, участник похода против нашей страны. Не каждый способен на это. Даже храбрый из храбрых. Спасибо Вам! Прошло 40 лет, а подвиг Ваш – как сегодня. Он укрепляет в человеке человеческое. Вы должны долго и счастливо жить. Люди с такой душой должны быть вечными!»

Письмо из города Донского Тульской области от Е. Н. Андреевой: «Я уже предельно стара, глаза плохо видят, и теперь я читаю только выборочно. Высылаю вам стихи старой матери о бронзовом солдате в Трептов-парке:

*Уже давно стоит он в парке... Грустно.
Ему – так хочется домой,
Хоть на часок домой!
Он на чужой земле, но
Наш он – русский,
С душой доброй,
Гордой и прямой».*

«Я – лектор, – сообщал старому солдату А. А. Викторова из Омска. – Рассказывая слушателям об историческом подвиге советского народа, всегда привожу в числе других в пример и Вас... Образ русского солдата, который не пожалел своей жизни во имя спасения немецкой девочки, будет жить в веках!»

96

«Наш город недалеко от столицы республики, – писали ребята «Клуба интернациональной дружбы» одной из болгарских школ, где преподавание велось на русском языке. – Мы всегда помним о подвигах советских солдат, которые спасли и наш городок Мездра, и нашу любимую Софию, и всю нашу страну, и весь мир».

Перечитывая трогательные по своей наивности строчки, выведенные детской рукой, Николай Иванович не смог скрыть растерянности, встречая слова «совершил», «отважный», «замечательный человек». Одно из писем солдат выделял особо и даже держал его отдельно от других: «Дядя Коля, обещаю, что буду учиться только на «отлично» и стану вести себя хорошо. Витя Масалов, 6 «Б» класс 2-й школы города Мары Туркменской ССР».

Старый солдат бережно хранил каждое письмо. Получив очередное послание, он подолгу перечитывал обращённые к нему строчки. В такие моменты Николай Иванович заново переживал волнующие эпизоды своей военной биографии. Вот он опять, глотая слезы, хоронит своих товарищей на Мамаевом кургане... С ликующим криком, будто мальчишка, выбегает на берег Чёрного моря, чтобы попробовать, правда ли морская вода солёная... Видит медленно оседающий столб речной воды от разорвавшегося вражеского снаряда на том месте, где только что была лодка, куда он усадил девчужку

Корреспонденцию Масаловы разбирали всей семьей

с трогательными косичками-хвостиками... Вновь и вновь он переживал торжественный момент встречи с союзниками на Эльбе. Снова расстраивался от того, что никак не мог выполнить просьбу американского солдата – подарить ему на память медаль.

Немецкие комсомольцы пытались разыскать девочку, спасённую Николаем Масаловым. «Разыскивается девочка с памятника» – под таким заголовком в июле 1964 года в специальном воскресном выпуске молодёжной газеты ГДР «Юнге вельт» была опубликована целая страница о подвиге воина-сибиряка Николая Масалова. Журналисты обратились к населению за помощью в розыске девочки, спасённой советским солдатом. Все центральные газеты ГДР, а также многие местные издания поместили сообщения о розыске, объявленном «Комсомольской правдой» и «Юнге вельт». Со всех концов республики приходили письма, в которых немецкие граждане предлагали свою помощь. Людям очень хотелось увидеть ту, ради которой советский воин рисковал своей жизнью в последние дни войны.

Первое письмо написала в редакцию Аннероза Вильвок из города Волдаст: «Я мать маленького мальчика, у которого только-только прорезались зубки. Именно поэтому подвиг Масалова меня глубоко взволновал. Какой благодарности достоин тот, кто так самоотверженно спасает маленькое, беспомощное существо! Он достоин именно такого величественного памятника, какой стоит в Трептов-парке».

Вскоре в редакцию пришли важные вести. Женщина из Эрфурта написала, что её родственники в Берлине приютили спасённую советским солдатом трёхлетнюю девочку. В этот же день журналисты отыскали в Берлине семью Бутт, о которой шла речь. Они увидели 22-летнюю Инборг Бутт. Советский солдат нашёл её возле мёртвой матери, он спас и выходил девочку, а затем передал на воспитание немецкой семье. Вот только спасена была Инборг не в Берлине, а в Восточной Пруссии.

Другое сообщение пришло в редакцию «Юнге вельт» от Клары Гофман из Лейпцига. Она писала о белокурой трёхлетней девочке, которую она удочерила в 1946 году. Если эта девочка из Лейпцига и есть именно та, которую спас Масалов в Берлине, то не ясно, как она попала в этот город. Жительница города Каменца фрау Якоб рассказала в письме, что 9 мая 1945 года на границе с Чехословакией, где-то около города Пирны, она встретила моторизованную советскую воинскую часть. В одной из машин солдат держал на руках двух- или трёхлетнюю белокурую девочку, закутанную в светло-зелёное одеяло. Фрау Якоб спросила солдат по-русски, откуда у них ребёнок. Последовал ответ: «Мы нашли девочку в Берлине. Она поживёт пока у нас, а в Праге мы её кому-нибудь передадим».

Дальнейшие поиски прояснили общую картину. Действительно, как раз в это время соединения Первого Украинского фронта под командованием маршала Конева продвигались из Берлина через Дрезден к Праге, чтобы завершить разгром остатков фашистской армии. Девочку, удочерённую Klarой Гофман, перевезли в лейпцигский детский дом из больницы, что в Карловых Варах. Это как раз те самые места, через которые проследовала походным маршем воинская часть в сторону Праги. Здесь-то и была замечена девочка в светлом одеяле.

Удалось выяснить и ещё один факт. Житель Западного Берлина господин Циeman, который после окончания войны работал в конторе по розыску потерявших друг друга родственников, также сообщил о спасённой маленькой девочке. Его история почти полностью совпала с рассказом фрау. Возможно, что между этими двумя сообщениями была какая-то связь.

Немецкий журналист Руди Пешель так вспоминал об этих поисках: «Всё лето прошло то в радостных ожиданиях, то в разочарованиях. Иногда мне казалось, что я напал на горячий след, но потом на месте выяснялось, что это всего лишь недоразумение. Позже в моих руках оказалась фотография, сделанная в 1945 году на бывшей молодёжной турбазе Острау. Почти все изображённые на ней 45 малышей, мальчиков и девочек, были спасены воинами Советской армии. Таким образом, в одном только этом, маленьком уголке ГДР я нашёл подтверждение тому, о чём говорили десятки писем. Детей, обязанных русским парням своим спасением, было много, очень много». Немецкая журналистка Б. Цайске рассказывала, что тогда откликнулись 198 человек, которых спасли от голода, холода, пуль советские солдаты только в Берлине.

К сожалению, спасённую Николаем Масаловым девочку разыскать так и не удалось.

В мирное время на примере подвига солдата из Кузбасса и других его боевых товарищей воспитыва-

Н. И. Масалов даёт интервью немецкой журналистке Б. Цайске, 1987 год

лись молодые воины – наследники боевой славы отцов. Рядовой Пётр Максимчук, служивший в составе Группы советских войск в Германии, ценой своей жизни спас тонущую в канале немецкую школьницу. Находившийся в увольнении советский воин, выйдя из городского парка, вместе со своими товарищами повернул к каналу и миновал мост через шлюз, у которого клокотала и пенилась вода. У плотины шлюза Пётр Максимчук заметил тонущую девочку и, не раздумывая ни секунды, бросился в воду. Солдат огромным усилием вытолкнул девочку из воды в руки подоспевших товарищей, сам же, захваченный водоворотом, погиб. Так ценой своей жизни Пётр Максимчук спас немецкую школьницу Каролу Феттер.

Правительство ГДР отметило подвиг воина-героя, посмертно наградив его медалью, центральное правление Общества германо-советской дружбы удостоило его Почётного золотого знака. Его именем была названа пионерская дружина школы, где училась девочка. Подлинное мужество проявил ефрейтор Алексей Сельцов. Находясь в рейсе на транспортной машине, он заметил отблески пожара и услышал детский крик. Он спас из пожара пятерых ребятишек, а затем стал тушить огонь вместе с подоспевшими пожарными. Рядовой Евгений Демченко, действуя смело и решительно, спас двух провалившихся под лёд немецких школьниц.

ЖИВ В НАШЕЙ ПАМЯТИ СОЛДАТ

Николай Иванович Масалов умер 20 декабря 2001 года. Последние годы он с трудом поднимался с постели – давали о себе знать осколки вражеских снарядов, глубоко засевшие в ногах и груди. Похоронен герой на кладбище посёлка Тяжинского. Земли свято хранят память о герое минувшей войны. О подвиге воина-сибиряка в Тяжинском районе выпущена книга Олега Викторовича Костюнина «Человек из легенды», выдержавшая два издания. В районном историко-краеведческом музее развёрнута обширная экспозиция памяти героя-земляка.

В Нововосточной средней школе создана пионерская дружина имени Н. И. Масалова. На знамени вышит девиз пионеров: «За родину, добро и справедливость!». Ребята собрали большой материал о легендарном воине-кузбассовце, оформили пионерскую комнату и отрядные уголки.

Представители старшего поколения хорошо помнят Николая Масалова. Для многих людей строчки из стихотворения, написанного Георгием Рублевым, незабываемы: «И в Берлине в праздничную дату / Был воздвигнут, чтоб стоять века, / Памятник Советскому солдату / С девочкой спасённой на руках». Во всём мире Масалова считают настоящим Героем. В наши дни неравнодушные люди решили ещё раз напомнить землякам о легендарном солдате Великой Отечественной войны.

Для многих людей оказалось важно, чтобы не угасла память о легендарном кузбассовце, воине-освободителе со спасённой немецкой девочкой на руках. Поэтому 9 мая 2012 года в парке Победы имени Г. К. Жукова города Кемерово стартовала гражданская инициатива по сбору подписей под обращением к Президенту Российской Федерации В. В. Путину о присвоении Николаю Ивановичу Масалову звания «Герой России» (посмертно). К инициативе кузбассовцев присоединились люди из других регионов нашей страны.

Когда о подвиге Николая Масалова узнал кемеровский фотограф и руководитель историко-просветительского проекта «Имя в Кузбассе» Игорь Курасов, то включил легендарного солдата в памятный список наравне с известными всей стране выходцами из Кузбасса, такими как космонавт Алексей Леонов. Также он организовал автопробег «Путь солдата», маршрут которого пролегал по боевому пути Николая Ивановича Масалова: Волгоград – Курск – Брест – Варшава – Берлин.

Игорь Курасов специально приобрёл два автомобиля «УАЗ» и оборудовал их колонками, для того чтобы в пути транслировать песни военных лет. Одной из автомашин – 22 года, что символично, ведь именно столько лет было легендарному воину-освободителю весной 1945 года. На капотах машин были закреплены флажки России и Германии, а на крыше – флаг Кемеровской области.

92 Два отечественных внедорожника начали свой долгий путь 20 октября под звуки марша «Прощание славянки». Трое кузбассовцев преодолели более семи тысяч километров по территории России, Украины, Белоруссии, Польши и ФРГ. В автопробег отправились Игорь Курасов, руководитель фотостудии «Пионер» и проекта «Имя в Кузбассе», Роман Кондратьев, водитель-механик из «КузбассУАЗцентра», Алексей Притупов, руководитель фотоцентра «Fantazy».

По дороге они собирали подписи под обращением к Президенту России о присвоении Николаю Масалову звания «Герой России». Также активисты распространяли листовки с информацией о нашем герое и различные сувениры. В «узловых» населённых пунктах участники автопробега оставляли кубки с кузбасской землёй. На трёх сторонах каждого из них выгравированы слова о подвиге Николая Ивановича Масалова на русском, немецком и польском языках. По всему пути следования кемеровчанам оказывали всяческое содействие байкеры и журналисты.

Игорь Курасов рассказал представителям средств массовой информации: «Мы хотим показать всем, что русские люди – это не Иваны, не помнящие родства, а совсем наоборот. Мы хотим, чтобы Россия и Европа увидели, почувствовали, что наш народ хранит память о своих героях... В Берлине мы найдём то самое место, где Николай Ивано-

вич спас девочку и вошёл в историю. Возложим цветы у памятника воину-освободителю. И, конечно, есть в сердце надежда, что найдётся та самая немецкая девочка, давно уже выросшая и ставшая бабушкой».

В столицу ФРГ кузбассовцы привезли капсулу с землёй, взятой в родной деревне легендарного солдата. Также они подарили городу один из «уазиков» на память об автопробеге в честь Николая Масалова. Теперь на нём будут катать ребяташек, приходящих на экскурсию в Трептов-парк. Ключи от машины передали директору германо-русского музея «Берлин-Карлсхорст» Йоргу Море. Каждый год 8 мая в Берлине вспоминают жертв войны и устраивают парад ретроавтомобилей. Теперь в этом параде будут принимать участие и кузбасский «уазик».

С чувством исполненного долга кузбассовцы передали в приёмную Президента России гражданскую петицию, ратующую за присвоение Николаю Масалову высокого звания «Герой России». Сегодня русских, немцев, белорусов, украинцев и поляков объединяют пять тысяч подписей под обращением, собранных в ходе автопробега.

В Тяжинском районе 2012 год был объявлен Годом 90-летия Николая Ивановича Масалова. Во всех школах района прошли выступления пионерской агитбригады с постановкой о жизни и подвиге всемирно известного земляка. В образовательных учреждениях оформлены уголки Н. И. Масалова. Памяти героя посвятили круглый стол, конкурс видеороликов среди школьников и фестиваль молодёжного творчества «Эхо войны». На традиционной краеведческой конференции «Живи, Тяжинская земля!» ребята представили исследовательские материалы по новому разделу – «Герой-земляк».

Разработан и маршрут Масалова, по которому уже прошли сотни молодых людей. Начинается экскурсия в центральной районной библиотеке, которая носит имя героя. Следующий пункт – мемориальная стела памяти земляков, погибших на фронтах Великой Отечественной войны. В музее Тяжинской средней школы № 1 воссоздана обстановка дома Николая Ивановича. Здесь бережно сохранили мебель, предметы быта, личные вещи. На столе разложены письма, будто старый солдат только вчера перечитывал их. Завершается маршрут у могилы Николая Ивановича Масалова, где ребята возлагают цветы и останавливаются почтить память героя минутой молчания.

В память о нём проходят спортивные соревнования: районный блиц-турнир по шахматам, областные турниры по волейболу и вольной борьбе. В день рождения Н. И. Масалова во всех учреждениях культуры провели единый клубный день «Человек из легенды». Районная газета «Призыв» посвятила Николаю Масалову литературно-поэтический конкурс.

Николай Иванович Масалов – Герой Кузбасса

В управлении Пенсионного фонда России по Тяжинскому району открылся уголок памяти легендарного земляка. В экспозиции была представлена книга «Человек из легенды» и дело персонального пенсионера Николая Ивановича Масалова. Работая конюхом в детском саду, он ежемесячно получал зарплату около 50 рублей. Содержать на эти деньги большую жену и маленькую дочку было затруднительно. Когда о подвиге Николая Масалова узнали во всём мире, в Тяжин устремились сотни людей. Все хотели встретиться с человеком из легенды. По русскому обычаю Масаловы оказывали гостям радужный приём. Но это обстоятельство окончательно подорвало и без того скудный семейный бюджет.

По ходатайству земляков в 1965 году Н. И. Масалову была назначена персональная пенсия местного значения. Начальник управления Пенсионного фонда России по Тяжинскому району Наталья Александровна Степанова подчеркнула, что выставленные в юбилейной экспозиции документы открывают малоизвестные факты из послевоенной жизни легендарного солдата: «О назначении Николаю Ивановичу Масалову персональной пенсии ходатайствовали маршал Советского Союза Чуйков, районные и областные власти. Подвиг нашего земляка известен достаточно широко, но его пенсионное дело с редкими документами и свидетельствами, содержащимися в нём, мало кто имел возможность подержать в руках».

В 2012 году активисты Совета ветеранов Тяжинского района обратились к народным избранникам с предложением присвоить Николаю Ивановичу Масалову звание «Герой Кузбасса» (посмертно). В день памяти и скорби, 22 июня, губернатор Аман Гумирович Тулеев объявил о присвоении Николаю Ивановичу Масалову высшей награды Кемеровской области – звания «Герой Кузбасса» посмертно.

В день, когда Николаю Ивановичу Масалову исполнилось бы 90 лет, к памятнику воину-освободителю цветы несли с раннего утра. В Берлине, где уста-

новлен всемирно известный монумент, так же почтили память солдата из далёкой Сибири. В Тяжине у мемориала воинам-тяжинцам, погибшим в годы Великой Отечественной войны, прошёл митинг. Прозвучал троекратный воинский салют, в небо взмыли воздушные шары. Участники мероприятия возложили живые цветы к подножию памятника. Представители местных властей, общественности, ветеранов и молодёжи побывали на могиле Героя. Организатор автопробега «Путь солдата» Игорь Курасов передал районному историко-краеведческому музею кубок с кузбасской землёй, побывавшей в Берлине, и кубок с землёй из Трептов-парка. Они очень различаются, чернозём Кузбасса и глинистая германская земля, красноватая, будто от пролитой крови советских солдат-освободителей.

В районном Доме культуры «Юбилейный» прошёл вечер памяти Н. И. Масалова с участием школьников и людей, лично знавших легендарного земляка. В фойе была развёрнута выставка музейных материалов, документов и фотографий. В этот день во всех школах Тяжинского района занятия начались с урока, посвящённого жизни и подвигу Николая Ивановича Масалова.

...И по сей день стоит на немецкой земле бронзовый русский солдат. На фасаде Пушкин-аллеи на двух языках, русском и немецком, выведены слова: «Великие подвиги ваши бессмертны. Слава о вас переживёт века, память о вас навсегда сохранит Родина». Здесь спят вечным сном бессмертные сыны народа. Для этих русских солдат немецкая земля стала последней колыбелью. Неподдалёку растут смоленские берёзки как напоминание о далёкой родной стороне.

В берлинском Трептов-парке находится один из самых величественных символов Великой Победы. На кургане возвышается воин-освободитель с немецкой девочкой в руках. Этот 13-метровый монумент

действительно стал эпохальным. Миллионы людей, посещающие Берлин, стараются побывать именно здесь, чтобы поклониться великому подвигу советского народа. Здесь воздавали воинские почести погибшим боевым товарищам ветераны войны, сюда приходили почтить память героев минувшей войны представители разных профессий, дети и руководители государств.

Во времена Германской Демократической Республики мемориальный комплекс в Трептов-парке служил местом проведения различных официальных мероприятий. Уже давно исчезли с политической карты мира СССР и ГДР, но для немцев история победы над нацизмом неприкосновенна. Они скрупулёзно соблюдают международный объединительный договор «два плюс четыре» от 1990 года, заключённый между ФРГ, ГДР и державами, одержавшими во Второй мировой войне победу над нацизмом. По нему немецкая сторона взяла на себя обязательства по уходу и необходимой реставрации памятников и захоронений советских воинов, имеющих на территории ФРГ. Что и выполняется самым наилучшим образом.

В Берлине к воину-освободителю отношение бережное и уважительное. В отличие от эстонских властей немцы не собираются сносить памятник в Трептов-парке. Здесь никому не приходят в голову бредовые идеи об уничтожении памятников как свидетельств «советской оккупации» тоталитарного коммунистического прошлого. Вот уже 60 лет монумент содержится в идеальном состоянии. В объединённой Германии не пытаются переписать историю, хотя военный караул памятник больше не охраняет. Более 40 лет перед монументом в Трептов-парке нес службу почётный караул, и только 22 декабря 1990 года пост был снят. Теперь о мемориале заботится городская администрация. За 1995–2006 годы на работы по реконструкции Трептов-парка было выделено шесть миллионов евро.

Скульптуру, которая качалась на ветру из-за проржавевших креплений, демонтировали и отвезли для капитального ремонта на остров Рюгген. Поставили новые стяжки и заново покрыли патиной. Гарантия на все работы – полвека. Сегодня сложно усомниться в том, что, когда пройдёт это время, солдата и девочку так же разберут и с немецкой аккуратностью отремонтируют.

Пройдут годы, а монумент воину-освободителю по-прежнему будет стоять в Трептов-парке, обращённый лицом на Запад, с мечом, разрубающим свастику, и немецкой девочкой на руках. Будто напоминание: «Кто с мечом к нам придёт – от меча и погибнет» и ещё о том, что русские солдаты с детьми не воюют.

Тяжинский побратим берлинского монумента в Трептов-парке

Константин ЯЦЕНКО

ЗАПИСКИ КАПИТАНА МЕДИЦИНСКОЙ СЛУЖБЫ

Константин Родионович Яценко родился 1 ноября 1915 года в селе Кузедеево Кузнецкого уезда Томской губернии. После получения среднего образования в городе Кузнецке поступил в Томский зубоврачебный институт, по окончании которого направлен в Горно-Шорский район, село Кузедеево. Работал стоматологом, но ассистировал и на полостных операциях, его всё более захватывала хирургия. Он отправился учиться искусству врачевания в Одессу. Из черневой тайги к Чёрному морю. Сибирского паренька без экзаменов зачислили на лечебный факультет Одесского мединститута, который он окончит только после войны. В 1939 году Константина призвали на военно-медицинский факультет мединститута в Харькове, откуда военфаковцы в 1941 году были направлены зауряд-врачами на фронт. Все годы войны Константин, делая периодические записи, вёл дневник, что было очень рискованным в то время. Поскольку он овладел скорописью, текст весьма труден для чтения. Многие пытались расшифровать «восточную вязь», но попытки были тщетными. Лишь только сын Константин был обучен этой грамоте. Сегодня бесценные дневники находятся в семейном архиве, требуют кропотливого изучения и напряжённого труда. Из записей взяты эпизоды 1-го периода Великой Отечественной войны. Сведения исходят от участника событий, сверены с другими опубликованными документами, публикациями о работе отечественной медицины в годы войны. Некоторые фамилии участников событий изменены по этическим причинам. Считаю, что самоотверженный труд медицинских работников, особенно тех, кто был на передовой в те тяжёлые для нашего народа дни, до сих пор не получил должной оценки. В значительных событиях истории войны, особенно 1941–1942 годов, существуют и по сей день огромные пробелы. Записи в дневниках капитана медицинской службы К. Р. Яценко искренни и без прикрас подвиги наших военных с медицинскими эмблемами. Они побуждают к познанию правды о той войне, которую пронёс сквозь себя человек, находясь в тяжелейших условиях одного из самых несправедливых явлений, когда люди убивают друг друга, но при этом нужно спасать их жизни ради жизни на земле.

О. Яценко

23 сентября 1939 года меня вызвали в военкомат города Харькова и в связи с финской кампанией отсрочку от призыва в армию ликвидировали. Нас выделили из студентов в отдельную группу, обозначив её № 6. Испытываем дополнительные неудобства. Все кафедры медицинского института в Харькове разбросаны на разные больничные базы, а у нас добавилась нагрузка по военному делу, и далеко ездить. А надо ещё после занятий попасть в библиотеку имени В. Г. Короленко, чтобы посидеть за столом в тишине, изучая литературу.

17 декабря в Харькове холодно, неожиданно выпало много снега. Не ходят трамваи. Голодные студенты добираются до места учёбы пешком. Успешно сдал зимнюю сессию 1940 года.

28 апреля направили на военную комиссию для учёбы на военном факультете Харьковского мединститута. Перед членами комиссии признался, что я сын белого офицера. Ответили, что знают, но это не мешает служить мне в Красной Армии.

29 апреля – институтский вечер в доме Красной Армии. Слушаю «Чио-Чио-сан» Пуччини. Ходили вместе с будущей женой Ией. Она студентка. Родилась и выросла в большой шахтёрской семье в Донбассе. Ей остаётся год до окончания медицинского института.

Из писем от матери. В феврале мама переехала жить из Кузедеево в село Зырянское Томской области. Работает поваром в больнице.

К весенней сессии готовимся вместе с Ией в парке. Тихо и спокойно. Поют птицы. У нас на родине, в Кузедеево, лучше. Затосковал...

1 июля зачислен на 4-й курс военного факультета. Внезапно пригласил на собеседование заведующий кафедрой военно-полевой хирургии Станислав Иосифович Банайтис. Он из моего личного дела узнал, что медицинское образование у меня уже есть, по стоматологии. После нашего разговора предупредил, чтобы я готовился работать на кафедре челюстной хирургии, так как нет специалистов этого направления, тем более в военной медицине, и он планирует оставить меня.

15 сентября в Украинском драматическом театре смотрю «Лесную песню» Леси Украинки. Посетил концерт Любови Орловой в театре оперы и балета.

19 сентября получили новое обмундирование на зиму. Сдал пальто, купленное ещё в Томске, в комиссионку. Есть средства на посещение театров.

29 сентября 1940 года в торжественной обстановке принял воинскую присягу. До 1 октября у нас военно-строевая подготовка.

3 ноября очень расстроился, узнав о постановлении правительства, что студенты должны платить за учёбу 400 рублей и лишаться стипендии при наличии троек. Начались самоубийства среди студентов. Есть случаи ухода из жизни и у медиков. Печально. У подавляющего числа студентов одни штаны, рубашка, пиджак или куртка. Жизнь впроголодь, но великая жажда знаний. Харьков – это город студентов. Всё на виду. Голодную, но всегда весёлую компанию студентов можно узнать сразу. У нас, военфаковцев, стипендия 600 рублей.

Лекции по военно-полевой хирургии читает профессор С. И. Банайтис. Смотрим на него, как на живую легенду, героя, человека прошедшего финскую войну, на груди орден Красной Звезды. Лектор с богатым опытом по организации медицинской службы в боевых условиях. Его знания мне очень пригодятся. Приводит много примеров из практики ведения боевых действий, медицинского обеспечения при наступлении и обороне. Успеваю всё записать, даже его воспоминания о ликвидации басмаческих банд.

16 декабря – дежурство по акушерству. Под руководством проф. Хожинского впервые принимаю роды. Гречанка родила двух мальчиков, а с меня пот градом...

1 января 1941 года – новогодняя елка до 3.00. Лениво бродим с Ией по центральным улицам ночного Харькова. На душе как-то неспокойно.

16 марта – посещение Харьковского крематория. Трупы при сжигании становятся как живые. Корчатся, прыгают, бьются друг о друга. Неприятное зрелище. У трупов изначально сокращаются под воздействием электрического тока мышцы, и они прыгают, а затем мгновенно всё превращается в пепел.

31 марта вступил в брак с Ией. Медовый месяц на ходу!

13 июня организованно выходим на лагерные сборы под город Змиев. Расположились в сосновом бору на берегу реки Северный Донец. Вспоминаю наш кузедеевский бор – и никакого сравнения. Даже запах другой. В каждой палатке по четыре человека. Подъём в 5.00, отбой в 22.00. Строевой командир – Байда. Отшлифовываем санитарную тактику, строевую и огневую подготовку, эпидемиологию, военную гигиену, сортировку раненых, учим и повторяем устав. Много времени уделяется физической подготовке, особенно верховой езде. Мне с детства привычно, а многие свои мягкие места сбили до кровавых мозолей. Обучаю коллег, как нужно ездить на лошади, чтобы потом им не ходить раскорячившись

и не смешить командиров. Ия пишет, что совершенствует врачебную практику в больнице города Николая.

14 июня – опровержение ТАСС в отношении войны.

17 июня внезапно начался невиданный ливень да такой, что на расстоянии руки ничего не видно. У нас уплыли сапоги от палатки.

22 июня с раннего утра начали практическую отработку задачи – полк в наступлении. Его медицинское обеспечение. Практические занятия внезапно прерваны. Нас срочно отозвали к зданию столовой. Слушаем по громкоговорителю речь В. М. Молотова, что нам объявили войну. Вероломно напала фашистская Германия. В сосновом бору, где мы молча стоим, тишина после дождя с пробивающимися лучами солнца. У природы полное отрицание войны. Мысли о матери, живущей в Томской области. Наша встреча отодвигается на неизвестное время, а может, и не состоится. С утра, когда ещё не знал о войне, отправил ей письмо. В нас наши командиры вселяют уверенность в скорой победе Красной Армии. Какое-то непонятное состояние душевного подъёма с мобилизацией сил, и при этом – неопределённость, а сможем ли мы справиться, хватит ли нам, будущим врачам, знаний.

22 июля – письмо от матери. Они всей больницей в 5 утра провожали на фронт главного врача Д. Ф. Веникова. Мать живёт надеждой, что вдруг мы с ним встретимся. У нас приём экзаменов по военной гигиене и санитарной тактике, провели на месте, в лагере. Все сдают немецкий язык. У кого была двойка, усиленно готовятся к пересдаче. В лагерь специально привезли преподавателя немецкого языка.

29 июля полевая практика окончена. Быстро свёртываемся и при полном вооружении под ливневым дождём движемся в сторону Харькова. Форсируя разлившийся Северный Донец, чуть не обронил в суматохе снятый затвор от винтовки, но вовремя поставил на место, что спасло от больших неприятностей. Приступив к занятиям, проносимся галопом по предметам.

4 августа во время лекции по глазным болезням профессора Меркулова зам. начальника факультета Петров объявляет, что, по распоряжению Наркомздрава, наш курс завершён. Выпускники получают удостоверение зауряд-врачей с присвоением воинского звания. Я получил удостоверение, что окончил учёбу с отметкой «отлично» и мне присвоено звание военврача 3-го ранга. Нас уверяют, что окончим институт и получим дипломы после скорой победы над Германией. Но как трудно что-либо предсказать, да и сколько нас останется после войны? Острая нехватка гражданских врачей по всей стране, а уж нас, военных, очень мало. Думаю, что

наш досрочный выпуск военврачей 1941 года назовут когда-нибудь огненным и непременно – героическим. Нас, 60 человек, направили в распоряжение Северо-Кавказского военного округа (г. Ростов-на-Дону).

5 августа – проводы эшелона с Южного вокзала города Харькова. Мы погружены в товарные вагоны. Прощание у военных с родственниками и знакомыми тяжёлое, как будто уходят в неизвестность. На лицах людей, как военных, так и гражданских, неуверенность, что когда-нибудь увидятся. Жуткое ощущение этой неизвестности, определяемой словом «война». Я оставляю жену беременной, а в городе очень неспокойно. Провожают меня супруга и её сестра Ольга, на ходу записываю их адрес в городе Красный Луч, так как они собираются туда, к родственникам.

17 августа, до прибытия в Ростов, проезжали станицу Ялованскую. Остановились на короткое время и помылись в Азовском море. Слышим и видим, как немцы бомбят Ростов, а мы спокойно продолжаем двигаться в город.

В тот же день мы в Ростове. Штаб Северо-Кавказского военного округа. Распределение по военным частям. Остаётся немного времени, и мы осматриваем город, фотографируемся на память в центральном парке.

22 августа прибыл в Ворошиловск (Ставрополь). От вокзала шёл пешком. Живу в общежитии комсостава. Получил назначение: старший врач 1155-го стрелкового полка 343-й стрелковой дивизии 56-й армии. Командир санитарной роты – Полещук В., младший врач – Марков. Младший врач – молодой фельдшер. Весь наш полковой медицинский пункт: старший и младший врачи да санитары-девичата, наспех набранные из медсестёр. Людских медицинских резервов нет. Пополнения не будет. Получил 900 рублей. Оформил отправку жене 500 рублей в г. Красный Луч.

Обнаруживаю, что даже личный состав завшивлен. Угрожающая эпидемией сыпного тифа обстановка. Противоэпидемические мероприятия нужно проводить срочно. Берём всё на себя. Беседуем с каждым бойцом. Пищеблок в порядке, повара все взяты из курортов. Наш комиссар больше боится диверсий (отравлений), чем вшей, и каждый день даёт чертей персоналу по соблюдению бдительности.

19 октября – вновь, но после формирования в Ставрополе, прибыли в Ростов. Приказ двигаться в сторону Таганрога. Разворачиваем на ходу полковой медицинский пункт (ПМП), не доходя до станции Крымская. Первый раненый с травматической ампутацией плеча. Провожу противошоковые мероприятия, обработку раны, отправляем его на уходя-

щей в тыл машине. Раненые начинают прибывать нарастающим потоком.

В первую ночь при освещении немецкой ракетой бежали от страха в ров, так как решили, что она летит на нас и взорвётся. Во время войны страх часто овладевал мною, но научился быстро справляться с ним, чтобы работать.

18 ноября вошли в станицу Крымская. ПМП развернули в школе. Готовим помещения для раненых. У нас есть возможность давать раненым шампанское. Его в избытке. Неожиданная и нужная помощь. Все раненые при отсутствии противопоказаний получают по стакану хорошего вина. Плохо с санитарным транспортом. Санитарные двуколки для транспортировки раненых – это посмешище. Но мы привыкаем, довольствуемся и малой помощью. Неожиданно на ПМП появляется представитель Ставки маршал Г. И. Кулик и застаёт нас в окружении бутылок шампанского. Докладываю, что это для раненых солдат. Однако он не обращает внимания. Спросил что-то об обстановке и отбыл в молчаливом сопровождении свиты. Мне кажется, что маршал не понял, куда попал и где находится. На скором совещании тема у нас одна: как спасти раненых. Эвакуация затруднена. Приказов нет. Неразбериха. Обидно и больно до слёз смотреть на погибающих от ран бойцов, которым нужна медицинская помощь сейчас, но не в наших условиях. Решили делать всё, что можем. Довести сведения о ситуации до командования? Но где оно? Никто не знает. Отправляем вестовых, но они не возвращаются.

24 ноября наш полк отступил в неизвестном направлении, оставив нам раненых. Самостоятельно продвигаемся в Ростов и входим в город в сумерках. Видели уничтоженную немцами санитарную роту, добытых раненых. Разместились на окраине Ростова. В хаосе и неразберихе кто-то отдал такой приказ, не думая о непригодном расположении. Санитарная рота начала работать с ходу, а немцы в это время заняли господствующую высотку и стреляют по красным крестам, как по мишеням.

В ночь на 25 ноября Ростов горит. В сторону вокзала двигаться нельзя, можно только к берегу Дона, с надеждой на переправу.

26 ноября под утро, ещё в сумерках, ПМП, перегруженный ранеными, выходит на одну из узких улиц Ростова. Не знаем, где мы. Не знаем, куда двигаться. На соседних улицах, сзади и впереди, слышится немецкая речь и автоматные очереди. Кругом немцы. Вдруг шум танка позади. Мгновенно мысль, что это всё! Погибли. Раздавит нас, наши повозки вместе с ранеными. Танк неожиданно оставлен. Откидывается люк, и оттуда родная русская речь: «А вы кто такие, в зебры вашу мать!» Отвечаю, что старший врач ПМП 1155-го полка

343-й дивизии Яценко с ранеными. Меня спрашивают: «Какого чёрта вы здесь? Город взят немцами. Мы сами пробиваемся из окружения». Команда отойти в стороны и прижаться к стенам домов, а затем следовать за ним. Танк прогрохотал, и мы бежим следом. На улицах трупы военных и гражданского населения. Видно, что немцы безжалостно добивали раненых и гражданских, убегающих от них и пожаров. На рассвете мы, окутанные едкой дымовой завесой и пылью, ориентируясь на спасительный грохот танка, неведомой силой выталкиваемся из окружения. Вылетели на подпрыгивающих повозках, заваленных ранеными и умершими. Бойцы, кто в силах был бежать, поддерживать соседа, все в грязи и крови, спасались от гибели.

Сколько осталось их безвестными лежать на булыжных мостовых города, беспомощных и не способных на сопротивление? Кто не погибнет от ран, тех, как мы узнаем потом, добьют немцы. Я бежал, держась за сбрую лошади, а за мной, вцепившись друг в друга, ещё несколько человек. В эти минуты нет званий и рангов. Все уравниены страхом перед смертью и жадной жизнью. Взаимная помощь спасает нас и даже тех, кто борется за себя на последнем дыхании. Надежда на себя, на наш русский танк, а у всех стремление быть вместе, что добавляет силы и спасает от отчаяния товарища. ПМП вышел из окружения. Минуем (удивительно, но немцы в нас не стреляют, хотя мы их слышим) какой-то стадион и выскакиваем на улицу Ленина, а затем мчимся к мосту через реку Дон. Что нас спасло и кто на этот вопрос ответит? Повезло! Иначе, как русским словом – «драпали», и что есть силы, спасая раненых и себя, всё это не назовешь. Сохранен ПМП и медицинский персонал. Однако нам перед въездом на мост отдают приказ возвращаться в город, так как мост будет взорван. Вокруг паника, крики: «Мост сейчас взорвут!» Это не организация отступления, а паническое бегство. Поток людей, наплыв раненых ростовских ополченцев, а в городе немцы. На ходу к работе с ранеными присоединяется санитарный взвод, оставленный без команды неизвестно куда девшегося 1153-го стрелкового полка. Работать нечем. Мы без перевязочных средств, обезболивающих и всех необходимых для оказания первой медицинской помощи медикаментов. Через реку, отделяющую нас от левого берега, перебираются люди на подручных средствах. Сплошной поток кровавой жижи из ран погибающих, которых спасали товарищи, подбирая на улицах, вытаскивая из Ростова. Многие забрала в себя вода Дона. Какой-то имеющий опыт борьбы с паникой командир с несколькими бойцами зычным голосом умело организует проход, сталкивая танком с моста громоздкие вещи и всё, что мешает движению. Сбивает толпу в колонну, устанавливает очерёдность движения.

Пропускает людей партиями. Свои команды подкрепляет выстрелами из пистолета. Наш ПМП замыкает, поднимая упавших. За потоком военных, женщин и детей мы с ранеными оказываемся на спасительном левом берегу Дона. Последние наши повозки немцы всё-таки успели обстрелять, легко ранили младшего врача полка. Вернётся в строй.

По прибытии в свой, оказывается, сохранившийся 1155-й полк я узнаю, что командование начало собирать оставшихся медиков из других изрядно потрепанных частей, чтобы комплектовать новый ПМП. Все считали нас погибшими, так как полк оставил Ростов и переправился на противоположный берег ещё три дня назад, пока наш ПМП находился в самом пекле. Мы оказались последними, кто вырвался из Ростова, причём организованно. Случайность? Вновь развёртываем ПМП, но уже у города Батайска. Нас непрерывно бомбят. Чёрные вороны кресты без жалости расстреливают красные кресты на белом фоне. По-моему, это очередное нашествие никто не остановит, кроме могучей русской силы. Мы начинаем привыкать работать под бомбами, свистом пуль, теряя товарищей и раненых. Все наши батальонные медицинские пункты (БМП) расположили в траншеях на берегу Дона и там же, но у железнодорожной насыпи, сделали передовой пункт ПМП. На нас смотрят зияющие окна гостиницы «Ростов». На той стороне Дона немецкий духовой оркестр играет нашу «Катюшу». Сволочи, убийцы, садисты издеваются над нами. В душе моей плещет через края ненависть к ним. Все мои предки защищали Россию от всяких пришельцев. И эти ещё получают, что уже заслужили. В свободные минуты, которых и нет, читаю конспекты лекций. При этом думаю о том, что моя скоропись, испортившая почерк, помогла сохранить знания преподавателей, которые так необходимы ежеминутно. Не успели до конца развернуть ПМП, освоиться, как получаю приказ о подготовке к сборам. В Ростове немцы грабили, убивали беззащитных людей с 21 по 29 ноября, а 1 декабря город был вновь взят нашими войсками. В центре удара по немцам наша 343-я дивизия, вернее, что от неё осталось, ополченцы и войска НКВД. Откуда бойцы берут силы? Стоят сильные морозы. Трупы наших бойцов никто не хоронил.

При отступлении враг бросает технику и имущество. Но немцы отходят организованно, не бросают своих раненых на произвол судьбы. Первые ощущения победы у меня и у многих моих товарищей. На улицах Ростова появились вышедшие из развалин жители. Рассказывают о зверствах фашистов и ищут своих родственников среди оставшихся живыми ополченцев. Жители Ростова дрались за свой город отчаянно, дерзко, не жалея себя. Считаю, что битва за Ростов показала немцам, что у нас дерутся

до последнего вдоха не только солдаты, но и мирное население. Желание взять рупор и кричать в их сторону: «Куда влезли? Это же Ростов!.. Ростов!!! Допиликаетесь на губных гармошках».

Запомнился раненый, когда сортировали живых и мёртвых из повозок. Младший командир, моего возраста, оказался из села под Новосибирском. Смотрит на правую руку, оторванную по локоть. На ней жгут. Всё в грязи. Возможна газовая гангрена, а он переживает, что остался без руки и не сможет воевать. Удивительный героизм солдат. Но рассказывает, что его хотели пристрелить наши санитары, когда тащили на плащ-палатке в городе, он умолял их, мол, один у матери. Донесли и бросили к нам на повозку, а сами исчезли. Более ничего не помнит. Разные люди на войне, но большинство из них выпрямляет война на защиту Отечества. После обработки раневой поверхности и перевязки немедленно отправляю раненого командира в тыл. Появилась у нас, возможно временная, вероятность эвакуации. Надежда, что сибиряка довезут, как и многих других. Он минует все этапы, а после операции выживет. Хотя руку ему необходимо ампутировать по плечо, и как можно раньше. Работаю, храня в душе подарок от танкиста – наше русское и кровное, родное сердцу «в такую мать», что, наверное, запомнится на всю жизнь. Для русского человека слово «мать», как бы её ни вспоминали в трудные минуты, – надежда на спасение и продолжение жизни. Фамилия танкиста, спасшего нас, осталась неиз-

105

вестна, но, возможно, подобных случаев было очень и очень много. Было такое месиво, что и не воспринимается правдой! Мы выскочили, а многие остались там, в Ростове, и погибли. Делаю вывод, что нельзя отрываться от своих основных сил. Но как с обозом раненых и без боевого охранения, которое нам сегодня не положено? Я из пистолета защищу раненых. Для немцев мы как беззащитные подранки, которых безжалостно добивают. Нужно менять тактику: ПМП в отступлении, чего мы вообще не касались на занятиях, а только и преимущественно при наступлении полка, немного в обороне. Имеем знания, думаю, не хуже, чем у немцев, по хирургии, эпидемиологии и всему, что относится к медицине, но нет организации медицинской помощи на первых этапах, соответствующей требованиям, которые неожиданно предъявила нам эта война.

Не вышел из города ПМП 1151-го полка. Командир ПМП Борис Соксонов. Старшим врачом полка назначен Попович Миша. Когда наши войска отбили Ростов, мы на железнодорожной насыпи при въезде в город обнаружили трупы товарищей. Среди них сразу же узнал Бориса Соксонова. Он попал с санитарной ротой в плен. Мужчин расстреляли, а девушек изнасиловали и застрелили. Возле насыпи навалены грудой и разбросаны одиноко трупы до-

битых раненых красноармейцев. Проведено демонстративное убийство медиков, военнослужащих женщин. На такое способны только преступники, извращенцы, подлежащие уничтожению. В сибирской тайге голодный зверь побоится напасть на человека, а волки, так те – только в стае. Опытный человек застрелит того, кто ведёт стаю, и остальные уже менее опасны. Разбегутся, поджав хвосты. Трупы молодых женщин лежат с раскинутыми ногами. Издеваясь, немцы задрали им юбки, оставив наготу напоказ. Видимо, это зверства эсэсовцев. Среди женщин опознал единственный труп. Фельдшер Фаина. Она не только изнасилована, её тело изуродовано. Узнал её по пышному огненному волосу. Фамилию не помню. Она запомнилась мне ещё во время формирования в Ставрополе. Очень красивая молодая женщина, к которой обращались просто – Фаня. В то время мы были так далеки от глубокого внутреннего восприятия безжалостности войны. Попрощался я с бывшим однокурсником, лежавшим на насыпи с другими погибшими. Хорошит некогда, очень быстрое продвижение вперёд. Мысль одна: нужно сообщить родным, где погиб их Борис. Единственное, что мы успели сделать, – прикрыли наготу женщин, а нам нельзя отставать, и только вперёд, снова в Ростов. На ходу сделал запись в тетрадке (Nota bene!), чтобы не забыть сообщить родне Бориса Соксонова, где он погиб, документов при нём не оказалось. Застреленные немцами девчата попадут в список пропавших без вести? Найду ли родственников погибших, восстановлю ли их фамилии после войны? Останусь ли жив и я?

Удивительно, но при всей неразберихе получил письмо от жены. 12 декабря в городе Красный Луч родился сын, назвали Вадимом. Жена решила остаться с младенцем на зиму в родительской семье. Боюсь за них. Дальнейшая связь потеряна. Узнаю, что Красный Луч занят немцами.

Мы радуемся победе под Москвой. Укрепляются немцы, укрепляемся мы. Взаимные перестрелки. Периодические бомбёжки и обстрелы. Наша артиллерия бьёт не столь часто и сильно, но это уже ответ. Боевые действия меняются неожиданно, как погода. Соответственно, и количество раненых. Стоит пронизывающая сыростью зима. Есть отморозения. «Окопная стопа» для нас не нова. Знакома из истории 1-й Империалистической войны. Главное – проводить профилактику. Судя по пленным немцам, у них дела обстоят в этом отношении плохо. Резко ослабло их тыловое обеспечение. Острая нехватка медикаментов и тёплого обмундирования. Нашу «Катюшу» больше не играют. Иногда слышим губные гармошки, но слишком заунывно звучат мелодии. Мы кое-чему научились. Немцы, по-моему, всё глубже вязнут в России. Былого пыла у них нет.

Они перешли к обороне, но, несомненно, что-то готовят. У нас появилось время для анализа и отработки медицинской тактики с учётом предыдущего опыта, взаимодействия с другими подразделениями.

Весной 1942 года наши войска, встречая ожесточённое сопротивление противника, ведут бои в Изюмо-Барвенковском направлении. Сплошной линии фронта с немцами нет. Это стало невозможным для них, а мы, несмотря на подкрепления, знаем только ближайших соседей справа и слева. Научились чётко эшелонироваться. Мне рассказал старый солдат, а я записал его рассуждения. У него есть своё мнение о ситуации: «Мы и они, как два разных сорта горячей каши, вылитые с противоположных краёв в одну глубокую тарелку. Поддавливаем, смешиваемся и наползаем друг на друга. Они строят из себя удобоваримую для них манку на нашей земле, а мы, как и вся наша жизнь, – русская гречка, которой можно закрыть и накормить весь земной шар». Слушая мудрость солдата, возможно, он контужен, вспоминаю, какие у нас в окрестностях Кузедеево всегда богатые урожаи гречихи. Богатый с её цвета медосбор у пчёл! Солдат продолжает: «Вот эти две половинки должны упорядочиться, отделиться друг от друга, как жизнь и смерть, они не совместимы, постепенно должны встать напротив и потом единым краем давить. Манка – она жидковата и расплзается, а вот гречка – она край удерживает и горой наваливается». Понимаю, что в его больных размышлениях есть какой-то смысл. Тем более, что он прошёл Первую мировую войну. Говорит: «Я немца знаю. Его если ловко по морде стукнуть, чтобы с копылок улетел, то он порядочно дисциплинированным и услужливым становится. Любят они, сволочи, порядок. Я под командованием генерала Брусилова служил». Фамилия случайного собеседника – солдат Иванов. Брусиловский прорыв мы на военной подготовке изучали.

Мой ПМП на окраине г. Изюм. Доставляют раненых военнослужащих, обращается очень много гражданских лиц, получивших ранения от бомбёжек авиации противника. Мирное население гибнет. Во время обходов для оказания хоть какой-нибудь медицинской помощи находим среди деревьев в садах тяжёлых, умирающих раненых стариков, женщин, детей с газовой гангреной и столбняком. Весенний воздух задушен запахом гниющих живых тел и трупным. Умерших очень много.

Попытался курить. Бросил. Не помогает. Спиртное тоже, да и не переносу это, надо трезво мыслить. Немцы не прекращают наступательные броски, но затем отходят. Возможно, ведут разведку.

12 апреля командирован в город Изюм на конференцию хирургов фронта, которая проходила до 16 апреля. После обсуждения докладов сделал вы-

вод, что все проблемы, поставленные войной перед медициной, следует тщательно анализировать и принимать практические решения самому, и чаще на ходу. Возвращаюсь в полк, который под натиском противника, неся большие потери, отошёл к станции Уразово Курской области. По пути в полк успеваем омыться в реке Оскол.

23 июня получил письмо от матери, где она сообщила, что вернулась в Кузедеево. Живёт по ул. Партизанской, 38. На фронт забрали её брата, моего дядю, Первалова Осипа Матвеевича. Работают днём и ночью. Население обязали собирать шиповник и другие ягоды для фронта. Дерут лыко с деревьев, заготавливают хвою. Мёд с кузедеевских пасек идёт в госпитали. Получили особое задание по заготовке цвета с нашего кузедеевского липового острова. Всё под строгим контролем. Писать мне ей нет времени. Отсылаю трофейные немецкие открытки с фронтовым приветом. Главное, что я жив.

На 1 июля мой 1155-й полк находится во втором эшелоне обороны. В первом эшелоне 1153-й полк, где старший врач – однокурсник Ситниченко Александр. Немцы после массированного артобстрела начали наступление. Поток раненых. Командир полка убит или ранен, неизвестно. Найти дивизионного врача невозможно. Неожиданно появился политрук полка и отдал команду передвигаться к указанному им пункту назначения, в сторону села Ольховка. Боевого охранения нет. Команда отступать, но где наш полк? Ростовская история повторяется! Мы потеряли полк? Или они нас оставили? Выполняем приказ политрука. Перегруженные ранеными больше всего, медленно тянемся в тыл. Вокруг тишина. Где наши? Слышим только скрип колёс повозок и стоны. Наш обоз продвигается по просёлочной дороге, периодически выкатываясь на поля. Это очень опасно. Открытая местность. Углубляемся в лес. Выходим на поляну. Неожиданно со всех сторон от деревьев немецкие мотоциклисты. Как будто ждали! Я, кажется, впервые оцепенел, но собираюсь, когда слышу выстрелы. У нас на ПМП оказался предатель, неприметный санитар, указавший на комиссаров, коммунистов и комсомольцев среди раненых. Их расстреляли при нас, добились и тех, кто не мог идти, сбрасывая с повозок. Отделили прибывших к нам женщин, детей и увели вместе с пустыми повозками. Успеваю незаметно спрятать документы, глубоко засунув их в сапог. Подходит немец с бляхой СС. Направил мне в грудь автомат. Осматривает меня, вглядываясь в лицо. Говорит: «Arcina! Com... com... Ich nehme es». Забирает у меня пистолет, вытаскивает из кармана пачку писем от матери и бросает в люльку мотоцикла. «Arcina», – и толкает автоматом в общую колонну. Возможно, письмо от матери было последним для меня. Но в голове проносится мысль, что сверху писем были документы

на лошадь и прочее, а основное у меня. Нас конвоируют до села Второе Октябрьское Ольховского района Харьковской области. Остаётся около 60 человек раненых. Обессилевших людей, кто не мог идти, немцы пристрелили по дороге. Однако разрешают оставшихся разместить в местной больнице и оказывать им помощь. Нас проверяет вернувшийся на работу главный врач больницы Куликов. Имеет удостоверение от немецкой комендатуры. Он служит немцам. Он мне глубоко противен, но вида не показываю. Спрашивает у меня документы, но я говорю, что их забрал офицер СС. По инициативе Куликова начинается отправка раненых и нашего медперсонала в лагерь военнопленных.

15 июля утром операционная сестра больницы Топская С. А. во время перевязки раненого шепчет мне на ухо, что завтра ваша очередь. Будут отправлены в концентрационный лагерь все оставшиеся военные медики. Не знаю, кому довериться, особенно после неожиданного предательства моего подчинённого. За всё это время более надёжным человеком, перенёсшим все тяготы со времени формирования ПМП, проскочившего сквозь ростовское пекло, является санинструктор Дуся Говорухина, подходит для побега. Ей я доверяю. Незаметно в ночь мы уходим из села. Пробыли в плену 14 суток. Решили пробираться к своим. Дуся сумела переодеться и мне принесла гражданскую одежду, которой её снабдила кастелянша больницы Попова Александра Фёдоровна. Отмечаю, что в 107 период нахождения в селе раненых в активном их лечении помогали военфельдшер Цюринов, который был угнан в лагерь военнопленных вместе с пленёнными бойцами. Из медицинских работников сельской больницы нам помогала кроме названных медсестра Щербина Елена.

Вот уже 10 суток, как продвигаемся по оккупированной территории Донбасса в сторону города Красный Луч. Спим в скирдах, обходим полевую жандармерию. Оккупированное население оказывает помощь, но мы очень осторожны. Люди говорят, что мы не одни, многие пытаются пробраться к своим, но не всем удаётся. Население настроено против немцев и ждёт Красную Армию. Случай. Посоветовала крестьянка ночевать у старосты деревни, уверив, что это надёжно, и мы рискнули. Попал на организационное собрание сельских жителей в доме старосты, которые решали, как организовать сопротивление немцам. Разговор – среди мужчин, женщины не присутствовали. Моя мать в Кузнецово, наверное, получила известие о гибели сына или как о пропавшем без вести. Ночью пробрались в город, благо, дом тестя на окраине, среди терриконов. На калитке забора Ия написала крупными буквами на латинском: «Tifus». Немцы боятся и не заходят. По ночам вообще не суются в этот район.

Хозяйничают в центре. Все мужчины-родственники ушли в шахтёрское ополчение. Их судьба неизвестна. На шахтах немцы заставили работать пленных и тех шахтёров, кто не ушёл из города. Родственники говорят, что людей уводят в шахты и оттуда они не возвращаются. Свояк Ии бежал, пробирался несколько недель по заброшенным штольням и чудом спасся, увидев выход. Ночью вылез через провал шахты в поле. Добрался домой и рассказал о зверствах немцев. Пленные работают до полного упадка сил. Потом их оттаскивают полицаи в заброшенные штольни и там добивают. Затем спускают в шахту очередную партию военнопленных. И так каждый день. Со слов родственника жены, шахты завалены трупами. Муж двоюродной сестры Ии, спасшийся от немцев, забранный в шахту и чудом избежавший гибели – красноармеец, пробившийся из окружения. Он подговаривает меня на переход линии фронта. Но и ему я не верю. В городе спекуляция. Некоторые русские бабы гуляют с немцами и, не стесняясь родителей, ведут их домой.

Больше всех возмущён «новым порядком» тесть. Он воевал в гражданскую войну с белыми. Был машинистом на бронепоезде. После ранения, потери зрения на один глаз демобилизовали. С тех пор работает электриком на местной железнодорожной станции. Ему удаётся доставать продукты для нас. Говорит о том, что немцы отбросили наши войска до Дона и подходят к Волге. Надо ждать! В то же время вижу, что он боится за детей из-за нас. Расстрелять могут всех. Я рискнул выйти в город, но прервал свою попытку, увидев на улице офицера в немецкой форме, поразительно похожего на курсанта Харьковского военфака. Рассказываю о неожиданной встрече и что меня не узнали жене. Она его помнит, но не хочет верить. Решила незаметно наблюдать. Ия узнала его. Рассказывает, что видела, как он свободно входит в здание немецкой комендатуры. Подъезжает на машине. У него есть охрана. Видимо, у немцев он не простой человек! Значит, у нас на военном факультете учился немецкий шпион? Нужно уходить, но только одним. Жена описала трагическую картину, как они пытались всей семьёй эвакуироваться. Их бомбили, обстреливали подозрительных им людей, развернули оставшихся и отправили в обратную сторону. По дороге всей семьёй отделились от основной массы бредущих людей и пошли в сторону Красного Луча. Завидели колонну немцев и успели забраться в кукурузное поле. Немцы проходят рядом. Слышно, как разговаривают, но в это время, кажется, все понимают необходимость тишины. Не плачет даже младенец Вадим и не шелохнётся уложенная на землю корова. Малейший звук, и немцы стали бы стрелять из автоматов. Положили бы всех. Пронесло. Был и

обыск гестапо в их доме. Ия подобрала листовку и принесла в дом. Читали об успехах Красной Армии. Листовку сложила пополам и положила на подоконник. Неожиданно днём нагрянули немцы и оцепили их район. Переворачивали всё. После обыска в доме немецкий офицер подошёл к окну, оперся рукой на подоконник и, задумчиво смотря в окно, постучал пальцами по листовке. Все побелели от страха. Конец. Но немец поворачивается и отдаёт команду уходить. Что это? Везение? Его рука была на листовке. Стоило взять и открыть. Всех бы расстреляли.

22 февраля 1943 года узнаю от тестя, что освобождён город Антрацит. Идёт наступление наших войск. Немцы отступают. Тесть, по-моему, тоже что-то обдумывает, но молчит. Я же считаю, что пришло время переходить линию фронта. Мы нужны там! Принял решение уходить. Предупредил только тестя. Никаких прощаний. Никому нельзя доверять! Переходим в черте города, поэтому меня старается методично отстрелять снайпер. Делаю петли, как сибирский заяц, спасаясь от удара пуль. Прыгая, думаю, что не доставлю удовольствия немецкому снайперу убить меня, выросшего в тайге. Санинструктор бежала, но ему был интересен прыгающий я. Наверное, опять повезло, так как вышли на штаб дивизии, а не полка. Иначе бы свои шлёпнули.

Военврач Яценко по приказу № 227, который был отдан 28 июля 1942 года Верховным, оказывается, должен был застрелиться, а не попадать в плен. Но я был нужен как врач и не мог оставить раненых. В то время как он подписал приказ, мы продвигались по оккупированной территории в надежде выйти на своих, не ведая о его решении. Кому нужны эти оправдания? Только мне! Есть приказ! Мне проводят специальную проверку в особом отделе, где рассказываю всё, как было. Проверяют документы, мои данные, показания. Уж очень долго, а мне хочется на фронт. На душе тревожно и тоскливо. Наверное, подтверждает мои сведения и мой санинструктор. Мы не можем подвести друг друга. Слишком много пережили и врать ни к чему. Очной ставки с санинструктором нет. Встретимся ли мы? После изнурительной проверки меня направляют в Ворошиловград. В армии острая нехватка военных медиков, тем более имеющих боевой опыт. Врача, да ещё умеющего оказывать медицинскую помощь в условиях войны, за несколько месяцев командирских курсов не подготовишь. Прибыл в Ворошиловград с временными документами. Встал на учёт в особом отделе.

Неожиданно меня вызвали, и я получил назначение: старший врач 1003-го полка 279-й стрелковой дивизии 30-й армии под командованием генерал-майора Д. Д. Лелюшенко. Возвращены документы, звание, но теперь я в погонах капитана, и, оказыва-

ется, мне положен адъютант. Оправдан я, восстановлен и даже непривычно в погонах. Я – офицер нашей русской армии. Чем и горжусь. Вспоминаю фотографии отца в офицерской форме, на которых он стоит гордо, опрятный, чистый, в до блеска начищенных сапогах. Прежде всего требования к себе, я пример для подчинённых, а потом к ним. Считаю, что опрятность – начало дисциплины. ПМП развернули в селе Вороново, где жили родственники отца К. Е. Ворошилова. Мы отдалены от полка на три километра. Понимаю, каким строгим стал порядок взаимодействия. Чётко определена тактика медицинской службы. Появилось и дисциплинированное отношение к медицинскому обеспечению. Выдвинули БМП и средства доставки раненых с передовой. Докладываем в штаб дивизии о готовности ПМП. Вижу, что в нашей армии на высоком уровне находится дисциплина, а порядок оказания медицинской помощи поднялся на более высокий уровень. Чувствуется высокий моральный дух солдат. Дивизия занимает оборону по реке Северный Донец.

13 мая 1943 года. Уже 10 месяцев и 13 дней не имею связи с матерью. Жена не знает о моей судьбе. Перешёл ли я линию фронта? После побега из плена и спецпроверок часто возникают боли за грудиной. Мучают постоянные перебои в сердце. К тому же периодически трясут приступы малярии. Акрихин в дефиците. Заболевших малярией людей много и среди военнослужащих. С трудом, но удалось добиться доставки акрихина. Первое письмо от матери получил 18 мая. В нём сомнения: жив ли её сын?

Командование ко мне присматривается с подозрением. Понимаю, что я был там, где не должен был быть. Я теперь под особым вниманием как возможный засланный враг, хотя в звании и должности восстановлен. Второй виток проверки принимает провокационный характер. Особенно старателен по отношению ко мне замполит Гойфман. Выискивает во мне врага, мешает работе, которой уйма. По ночам таскает к себе контрразведка. Интересуются, повторяя вновь и вновь, и так до изнурения, как я попал на должность старшего врача полка. В особом отделе досье полное, что сын белого офицера, попадал в плен, долго был на вражеской территории. Стали приходить мысли о самоубийстве, которые отбрасываю. Не для этого я карабкался по знаниям, живя в нищете, а мать помогала мне учиться! И всё-таки как несправедливо всё на земле! При очередном ночном вызове в контрразведку не выдержал и сказал надменному начальнику особого отдела, что если ещё раз вызовешь, то я тебя застрелю, а потом и сам застрелюсь. Майор особого отдела вдруг успокаивается и почему-то больше не вызы-

вает. Пролетело несколько дней и ночей напряжённой работы. Вдруг появился противный майор, от которого постоянно пахнет невымытым телом, и отводит меня к траншее. Говорит в страхе, что заразился гонореей от гражданской женщины. Боится попасть под трибунал! Просит не сообщать. Даю лекарство. Он сообщает мне: «А ты не болтай лишнего. У вас есть командир санроты Валька Ермоловская, а она на нас работает и каждый вечер приносит сведения, а в них всё, что ты сказал за день». Чёрт его знает, что я говорю под разрывом снарядов, спасая раненых? Никогда бы не подумал, что эта активная, склонная к болтовне женщина, которой интуитивно сторонился, в то же время стукалка. Я думал, что она наивная, развратная трескунья. Одни мужики на уме. Через два дня после нашего разговора приехали и забрали особиста, как и из соседних полков. Причину не знаю, как и их судьбу. У них свои, неизвестные нам, порядки. В середине мая получаем трагическое известие, что бывший командующий нашей дивизией полковник Герасим Васильевич Мухин погиб. Солдаты уважали его. Перевели его от нас командовать корпусом, но был ранен, когда осматривал позиции. Умер от газовой гангрены. Командующим дивизией назначен генерал-майор Потапенко Владимир Степанович.

26 мая ПМП развернули в селе Вороново. Встреча с дивизионным эпидемиологом Людвигой Ивченко (Вронской). Вместе планируем и проводим противозидемические мероприятия. Вижу, что она принципиальный, деловой организатор. Санитарная обстановка в дивизии на достойном уровне.

17 июня наш 1003-й полк проводит первое успешное форсирование реки Северный Донец у села Белая Гора, а у села Тишковки – 1005-й стрелковый полк. Наши заняли небольшой плацдарм – «пяточок». Отличилась санинструктор Таня Иванова, помогая переправлять боеприпасы через реку Донец, а затем подняла залегших на «пяточке» солдат в атаку. В октябре наша «уралочка», как звали ее бойцы, была ранена и попала в плен. Немцы, наслышанные о ней, издевались над любимицей бойцов, изрезали ножами тело, оставив умирать в мучениях. Об их злодеяниях донесла полковая разведка. Похоронили её в селе Привольном. Наши солдаты между собой решили мстить за «уралочку» и в плен немцев не берут.

23 июня ПМП дислоцировано в село Асколовка. Большой наплыв раненых.

16 июля убит эпидемиолог Ивченко вместе с начсанкором. Прямое попадание снаряда в блиндаж ПМП 1001-го полка. Погибли все, кто там был. Погибших похоронили в селе Смоляниново.

16 июля наведывался начальник МСБ Лев Константинович Северов. Начсандива Орлянского, почему-то наигранно заботливого и персонально ко

мне, переводят начсанкором. Его сменяет Нестеренко Сергей Тимофеевич, родом из Саратова. Знакомимся. По-моему, порядочный человек. Узнаю о гибели Миши Поповича. Он был ранен летом 1942 года осколком в живот, а при окружении его немцами застрелился. Не дал им издеваться над собой, хотя, видимо, понимал, что он обречён на смерть. Запомнил его как человека с умными и светлыми мыслями. Жаль, что теряем таких нужных людей. Сколько бы он смог ещё сделать добра людям! Сердечная о нём у меня память. Мне поручена организация ПМП 1001-го полка как старшему врачу 1003-го полка, имеющему опыт. Отмечу, что в среде медицинских работников, тем более на передовой, когда каждый из нас может погибнуть, сложился особый мир отношений, взаимной поддержки. Подлостей не замечаю, но можно нарваться.

18 июля – очередное прибытие пополнения санинструкторов. Наспех обученные, необстрелянные девчата. Все предыдущие выбиты. Отвел их, чтобы привыкали, на «пяточок». Даю указание солдатам, хотя они всегда хорошо относятся к ним, чтобы берегли. Все готовимся к наступлению. Отрабатываем тактику.

2 сентября началось упорное наступление наших войск. Давят немцев. Они бегут, бросая всё и даже своих раненых. Прибавилось работы по оказанию первичной медицинской помощи и врагу. Город Лисичанск освобождён. 8 сентября дивизии присвоено звание Лисичанской Краснознамённой. Штудирую инструкции по военно-полевой хирургии главного хирурга РККА Бурденко Николая Ниловича. Его труд – незаменимое руководство по хирургии для нас, находящихся на передовой врачей. Узнаю, что еще 23 августа 1943 года нашими войсками взят Харьков.

При форсировании реки в районе Пашкино был ранен командир полка Ленивый. Много пил. В пьяном виде бросал солдат в бессмысленные атаки. Но этими бестолковыми атаками почему-то радовал командование. Видимо, мои отклики на бессмысленные потери и попадали в особый отдел. Алкоголик, сумасброд. Приставал, пугая послать в бой, вновь прибывших санинструкторов, молодых девчат. В пьяном виде нагло предлагал переспать с ним понравившейся ему девушке: «Я тебя сейчас пошлю в бой, а там смерть!» Прибывшие санинструкторы не знают, что при выносе раненых с поля боя противник выбьет их почти всех за редким исключением. Новый бой, и смена санинструкторов. Сколько погибло молодых девчат? Известно! Заменял надоевшего нам сумасброда Ленивого Пётр Алексеевич Городилов. Пьянки среди командиров, приставания к женщинам прекратились. Видеть трезвого командира полка, верить ему, вести с ним обсуждение действий и планиро-

вать меры оказания необходимой помощи – это великое дело.

С 3 по 7 сентября наш полк выбивает немцев из Пролетарска, а 6 сентября было освобождено село Верхняя Дружковка. Получил письмо от родственника, Володи Мезенина из Таштагола. Полностью восстановлена связь с родственниками и регулярная – с матерью. Оказывается, она получила похоронку на меня в 1942 году. Видимо, ошибка писаря. Затем получила уведомление, что пропал без вести. Досталось ей, как, впрочем, и всем матерям России. Моя мать росла без отца, потеряв его в детстве. Погиб в 1919 году в бою на гражданской войне её муж, мой отец. Ему было 27 лет. Окончил Омский кадетский корпус. Арестован и замучен белой контрразведкой в Троице-Савской тюрьме Забайкалья родной дядя мамы, член 1-го Кузедеевского Совдепа Перевалов Иван Петрович, участник Первой мировой войны, георгиевский кавалер. Он принял в свой дом мою мать, когда она осиротела. В то время, когда мои близкие родственники били друг друга за Россию, мне было пять лет. Матери было очень тяжело в кошмарные годы братоубийственной войны и после, мы перебивались с хлеба на квас. А тут известие, что и меня, единственного сына, нет на этом свете. В Кузедеево сейчас, наверное, стоит золотая осень. Заскучал я по нашим местам. Хочется сходить за грибами, побродить по знакомым до боли с детства местам. Нужно составлять документы по санитарной службе.

К 21 сентября замучила малярия, периодически валяюсь в бреду, вдобавок фурункулёз. В бреду вижу картины из кузедеевского детства. Какие-то страшные видения, что веду бой с немцами в сибирской тайге. Убиваю, убиваю их, а они лезут и лезут. В конце октября наша дивизия прорывает немецкую оборону в Запорожье. Ожесточённый бой за Зеленый Гай и Васильевку. Много раненых.

1 ноября получил письмо от матери с поздравлением по поводу дня рождения. Мне 28 лет. Настроение хорошее, о своих болячках забыл, но в 9.00 неожиданно налёт немецких самолётов. Обстреляли из пулемётов и сбросили бомбы. За годы войны вой летящих бомб стал для меня непереносим. Слушать свист пуль легче. Убит любимец полка фельдшер Ваня Лещук, спрятавшийся от налёта в стогу сена. Осколок снаряда попал ему в печень. Умер сразу. Я находился в доме, лежал на полу, рядом с ребёнком хозяйки. Мальчишку убило осколком, влетевшим через окно. Погибло много медсестёр. Раненые лошади лежат на земле и плачут крупными слезами. Умные животные. С ними у меня столько связано воспоминаний. За каждую лошадь я в ответе, и за её слёзы. За время войны их было много. У каждой свой паспорт с именем. Безропотные труженицы войны. Когда-нибудь человек пой-

мёт, что слёзы раненой, умирающей лошади вызывают страшную, до глубины души, жалость, и поставит памятник раненой, пытающейся подняться, плачущей лошади. Слёзы из её умных больших глаз – как тоска по ушедшим безвременно людям войны.

Сегодня меня наградили медалью «За боевые заслуги». Вспоминаю санитарного инструктора Говорухину. Это и её награда. Заслуженная, ещё за Ростов. Где она? Как после проверки сложилась её судьба? Наверное, погиб Саша Ситниченко, когда мы угодили в плен из второго эшелона, а его ПМП был в первом.

10 ноября неожиданная встреча с санинструктором Самойловым, сыном кузедеевского пчеловода. Редкими бывают встречи земляков на фронте. Вспоминали Кузедеево. Говорили о знакомых и их судьбах. Небывалый душевный подъём, и так хочется ощутить запах, идущий из омшаника, послушать гудение пчёл в улье. Поспать на соломенных матах, пропитанных ароматом сибирского разнотравья. Письмо от жены. Живёт в Красном Луче. Работает врачом. Сын растёт и крепнет.

18 декабря – ПМП в селе Большая Белозёрка. Село было освобождено ещё в конце октября. Командир санроты – Ермоловская Валентина. С ней нужно быть настороже! Младшие врачи – Разумовский Сергей и Лельчук Юрий. Внезапно – массивный налёт авиации противника. Ранены врачи из МСБ. Тяжёлое ранение у Валентины Белозёровой, моей землячки со станции Тайга. Отправляем в тыл. Выживет ли? Необходимо сообщить её супругу Солдатенко И. С. Адрес есть. Мосты до МСБ разбиты, солдаты переправляют раненых, идя по грудь в ледяной воде, выносят на вытянутых руках носилки с ранеными. Именно в это время Ермоловская устраивает свои именины. Опьянев, привязывается к врачу Фельдману А. Д. Он, человек достаточно корректный, незаметно уходит. Совсем сдурев, переключается на меня с претензиями, что я плохо вылечил Ленивого от триппера, а у них была сильная любовь. Но его ранило. Он в тылу. В полк не вернётся. Если бы не начальник штаба, то погибла бы и она. Но её полюбил начальник штаба, однако обещал застрелить, так как считает, что она, Ермоловская, заразила его гонореей. Пошли они к чёрту, Ленивого я не лечил, а когда давал лекарство особисту, никто не видел. Чёрт их разберёт, и ничто их не берёт. Порядочные люди гибнут, а эти пьют, развратничают, пишут доносы. За время боёв я наблюдал искренние чувства людей, мужчин и женщин. Их прочность и надёжность проверялась тяжёлыми испытаниями войны. Влюблённые на войне напоминали мне пары лебедей. Погибнет один – и второму не жить. Выживут оба – это их

великое счастье. Любовь на войне – особый, недоступный, отрезанный для многих людей мир.

Немцы отмечают Пасху. Устроили массированный артобстрел. На ПМП вылетели все стёкла.

Составляю план санитарно-эпидемиологического обследования полка, привлекаю фельдшеров Тирон, Калининских, Грибова и санинструктора Шмелёва.

С 23 по 28 января – ПМП в селе Балка. Неожиданно нагрянул из корпуса на ПМП начсанкор Орлянский и заявил: «Я приехал для официального разговора». Провокационная беседа и не более. Спрашиваю: «А кто вас уполномочил разговаривать со мной?» Куда исчезла его прежняя слащавая лезть? Орлянский безжалостно бьёт меня словами, напоминая о плене. Но я не в его подчинении. Послал его подальше. Мог, не сдержавшись, и застрелить его. Видимо, напугался моего вида и стремглав вылетел из блиндажа. Пусть доносит. У меня всё в порядке. А он – сволочь, каких и в мирной жизни много встречал, а на войне его судьба определится. Они, эти гнусные людишки, всегда почему-то находят друг друга, мешают выполнять свой долг тем, кто сохранил в чистоте свою совесть. Ермоловская, Ленивый, Орлянский и так далее. Список небольшой, но от него очень дурно пахнет. Притронешься и пальцы замараешь. Нет дезраствора от человекообразных микробов, и люди его никогда не изобретут. Руки врача, хирурга должны быть всегда в чистоте. Всякая, даже гнойная, инфекция во время работы на них садится, но обречена на гибель. Ловлю себя на мысли, что становлюсь несколько суеверным, но тотчас отбрасываю её. Меня ждут раненые.

19 февраля 1944 года я награждён орденом Красной Звезды. Событие произошло в селе Крачек Запорожской области. Смотрю на орден, а вспоминаю оборону и взятие Ростова.

20 февраля – погрузка на станции Поповск у Запорожья.

21 февраля – Мелитополь. Нас перевели в 51-ю армию. Вижу, что готовимся к очередному удару по немцам. Это уже не 1941-й и не 1942 годы. В нас всё более крепнет уверенность в победе, в превосходстве над немцами, румынами, не говоря уже об итальянцах. Все начинают ощущать победу, нашу, русскую, а враги – тем более. Что впереди? Нужно вышибить немцев из Крыма!

22 февраля мы у Сиваша. Готовимся форсировать! Кто там нас ждёт, знаем, а вот что предстоит?..

КРЫМ

22 февраля 1944 года. Наши сосредоточились вдоль берега Сиваша. Собрана огромная сила, поднявшаяся и зависшая над Крымом. Вскоре она об-

рушится, не выдержав собственной тяжести, разнесёт, разбросает и поглотит бесследно пучина незваных врагов. Память восстанавливает трагические эпизоды из картин уроженца Феодосии, великого художника Айвазовского. Немцам предстоит узнать не только «Девятый вал», но увидеть и «Последнюю волну».

Обхожу полк. Люди разных национальностей со всего бескрайнего Союза обсуждают предстоящее наступление. Слушаю разговоры солдат. Многие испытывают страх перед водой, объясняя боязнь неумением плавать. Одни рождены в горах, другие выросли в степях, третьи – среди бескрайних песков. Реки и озёра переплывали преимущественно русские солдаты. При этом в подавляющем большинстве деревенские жители, научившиеся плавать с малолетства. Всех нас, готовящихся к форсированию, настораживает безмолвная водная пустыня, в болотную тяжесть которой нам необходимо ступить. Пугающее впечатление. Солдаты не понимают, как ни объясняй, что означает прилив, а что отлив. Попробуй объясни солдату из Средней Азии, что Сиваш – это не Амударья. Как их ещё стрелять научили? Если бы нас ждала лишь солёная вода и грязь, затрудняющая предстоящий путь, но в Крыму засел враг, который может навсегда прикрыть каждого из нас серым гниющим покрывалом.

Огромная помощь нам: бойцы 51-й армии предварительно захватили участок земли на Перекопском перешейке, назвав его Сивашским плацдармом. Внимание немцев там, где солдаты и моряки упорно держат оборону, не сдают укреплённый пятачок. Может, и проскочим, проползём незаметно в темноте. Один из солдат шутит, что ему повезло, и он своих будущих детей будет закалять при форсировании. Охладит и подсолит для крепости в воде Сиваша своих живчиков, а вернётся домой – родной бабе не даст загрустить. Солдаты хохочут. Один из них подшучивает: «А если пересолишь, или совсем оторвёт немец хозяйство? Давай договаривайся заранее с ребятами. Пока есть время, записывай адреса. Кто-то из нас живой и при сохранной мужской снасти останется. В одном полку служили – значит, уже близкая родня. Следовательно, и дети тоже твои будут. Велика наука нам, мужикам, детей наплодить. Бабу свою в письме предупреди, чтобы не думала кочевряжиться, а смиренно готовилась, раз её мужик пустой стал». Вновь хохот. Незатейливые солдатские шутки бодрят простых людей. Сколько мужиков останется после войны? На два десятка детородных женщин – один, и то, может быть, калека. От кого же рожать? Война повыбьет самого крепкого русского мужика, деревенского работника. Брось его одного в лесу – вы-

живет и других спасёт, тогда как городской в истерике среди трёх сосен блудить будет.

Получил письмо от дяди Вениамина Попова. Демобилизовали по причине ранения. Пишет, что в Кузедеево бабы без мужиков совсем с ума сошли. Вернулся он в село, а дома пусты. Все в поле работают. Пошёл искать свою Таисию. Вышел из черёмушника на поле, а там боевая баба Нюрка, подвывая морковку к животу, мужика изображает. Гоняется за бабами по полю, а те от удовольствия визжат. Нюрка поймает, завалит, подомнёт под себя и тычет через юбки очередной бабе между ног морковкой. Хохот с мужицким матом стоит! Очумели бабы. Работают от зари до темноты, а по мужику, видимо, до невероятной страсти соскучились. Церковь в селе вновь открыли. Да разве избавишь здоровых сибирских женщин молитвой от лукавого? Так мой дядя и рассудил. Почесал затылок, плюнул, «пятнай их мать», и пошёл домой, чтобы не нарушать игры. Пожалел только, что бич не взял, а то бы в миг бабью дурь содрал...

Вспоминаю историю. Легендарный Михаил Фрунзе. Красноармейцы гражданской войны до нас сумели форсировать, как и до них русские солдаты, проклятый водный перешеек. Подбадриваю бойцов, рассказывая историю Крыма от скифов и греков. Потом хозяйничали хазары. Золотая Орда посадила своего хана. Всех выгоняли русские. Турки с помощью англичан и французов пытались вернуть ханство. Вновь пришлось их бить русскому человеку. Солдаты понимают и говорят, что ныне у немцев с головой беда вышла. Решили устроить себе на крымской земле курорты и поселиться на века. Огромная нация сошла с ума под влиянием пропаганды. Старые солдаты отшучиваются, что если и придётся погибнуть в водах Сиваша, то солёная и гнилая пропитка законсервирует тела. В газете, мол, писали ещё до войны, что был обнаружен на топком дне погибший красноармеец времён гражданской, якобы сохранилось даже обмундирование. Тело передали родственникам спустя десятилетия для захоронения. Рассказ солдата действует на многих успокаивающе. Видимо, среди них есть верующие. Всматриваюсь в глаза людей, пытаюсь понять их мысли. Да, люди изменились. Это уже не те глаза, что в 1941–1942 годах, наполненные неведением и растерянностью. У людей, готовых драться, теряя свою жизнь, появилось понимание ценности их предназначения и оправданности, случись такое, собственной смерти.

У молодых ребят, внимательно слушающих рассказы бывалых бойцов, что успели повоевать, а порою не на одной войне, солдатское умение и боевые навыки вызывают восхищение, хотя и они не ожидали такой огромной силы и самоуверенного напора немцев. Неожиданность, превосходство в

вооружении. Начавший вторую войну против нас немец отличался от германца предыдущей мировой надменной безжалостностью, гонором. Молодые бойцы, впервые столкнувшись с немцами, принимали поведение захватчиков как их истинное внутреннее содержание. Сегодня ситуация не в пользу немца. Он думал, что всё будет продолжаться, как в Европе. Ан нет, бьёт и очень даже больно его русский мужик мозолистым кулаком. В медицине известно, что с помощью боли можно мгновенно остановить любой психоз. Тем более – манию величия. Но в медицине это делается с помощью лекарств, дозированного тока и т. д. А на войне надо уметь бить так, чтобы мозги переворачивались, и на место вставало выскользнувшее из тайной ниши мозга самомнение. Немец ныне стал пуглив. Не говоря уж о союзниках. Наш солдат стоек, набрался опыта в ходе страшных боёв. Замахнулись на русского человека, посчитали недостойным его славянское имя и получили то, что сами и навязывали. Всё перечисленное идёт от мыслей наших бойцов.

Мне после того, что пришлось испытать самому, без разговоров с солдатами жизнь на войне не представляется полной. Я врач, и с каждым раненым у меня доверительные разговоры, и намного по времени больше, чем у замполита. Потребность беседовать с солдатами в меня въелась. Молодой врач в звании капитана и старый военнослужащий беседуют при перевязке на житейские темы. Если бы записать всё то, что слышал от солдат. Стараюсь суммировать мысли о войне, услышанные от простых людей, в общее представление. Русский человек мудр, и при всей его доступности и простоте в общении – очень сложное явление.

Сколько я потерял санитаров, санинструкторов и других медицинских работников, на которых просто ушли похоронки с записью: «Погиб героически». Не понимают или не хотят понять, что медицинские работники не второстепенны, они всегда на переднем крае – между жизнью и смертью. Думаю, что логичного подхода здесь никогда не будет. Чтобы понять хоть что-нибудь, нужно привыкнуть, если это удастся, купаться в гнойных ранах, сделать столько оборотов кровавыми бинтами, что весь земной шар охватят, ползая, искать раненых, а потом волочить их назад в траншею. Вся эта работа, вернее, искусство жить, спасая себя, а через это – жизнь другим, не имеет никакого отношения к слову «убивать», тут всё сосредоточено вокруг слова «жизнь». Считаю, что в этом понимании нашу работу невозможно измерить.

За моими разговорами с солдатами, как всегда, следят «добрые» люди. Можно нарваться на неприятности от замполита, но я врач и обязан готовить бойцов полка, укрепляя их дух. И они тянутся к нам, медикам. Кто, как не мы, окажется рядом в опасную

для них минуту. Заполнит их от гибели не спасёт. Хотя и мы не всеильны.

С Гнилого моря дует прохладный ветерок, приносящий противный запах тления. Мерзкие места. Воздух ползёт под шинель и бельё могильной сыростью. В Сибири морозы сухие, бодрящие, а здесь – холод болотной тины. В мирное время не рискнул бы бродить здесь. Неизвестно, от чего помрёшь, и на вскрытии не определят. У солдат, не смотря на проводимые нами мероприятия, начали появляться фурункулы. Плохой прогностический признак. Фурункулёз указывает на то, что мы находимся в весьма нездоровых условиях. Защитные силы организма слабеют. Начинаем проводить солдатам, помимо вскрытия гнойников, аутогемотерапию. Я полностью согласен с бойцами, что скорее бы в бой. Организму нужна встряска. На одних фурункулах можно дивизию потерять. Докладываю в дивизионную эпидслужбу, довожу до сведения командира полка. Ответ один: ждите общего приказа, а пока выполняйте свои обязанности. Ранений нет. Подумаешь, гнойники! Думаю, вот бы у замполита или особиста между ног фурункул соскочил. Посмотрел бы я, как бы они раскоряченно передвигались. Бравую и задиристую спесь на мордах перекорёжит, когда на заднице гнойник. Сутки вскрываем у солдат гнойники. Объяснять каждому, что нужно взять у него кровь из вены, и полный шприц, а потом ввести и обязательно только в заднее место, нет возможности. Боюсь, что у нас инструментария и шприцов на всех не хватит. Не успеваем мыть и стерилизовать. Соответственно, начинаем экономить. Картина невесёлая. Там, наверху, у штабных, фурункулы пока не завелись. Возможно, головы у них ясные, и им виднее. У моих медработников, постоянно окунающихся в гной, тоже начали появляться гнойники. Перед глазами неменяющаяся, но изматовшая нервы и так надоевшая свинцовая пелена. Нам уже всё равно, гостеприимно ли встретят нас. Предвижу, что даже лёгкие ранения, царапины и ушибы могут осложниться гнойными процессами. Не избежать и гангренозных состояний, ведущих к гибели. Серьёзно и ответственно готовим профилактические мероприятия. Обсуждаем предстоящие проблемы с коллегами. Медикаментов достаточно. Медперсонал полностью укомплектован. Чётко определены пути эвакуации и сортировки раненых. Но все неожиданности на войне не учесть. То медико-санитарного батальона, а то и госпиталя на указанном месте может не оказаться. Разбомбит или вообще исчезнет в неизвестном направлении, как было в первый период войны. Договариваемся объединять усилия при большом поступлении раненых.

Вступила 51-я армия на землю Крыма практически без потерь, но основные проблемы ждали солдат впереди. То, чего мы боялись, не случилось. Во

всяком случае, никто не утонул. Прошли в отлив, утопая сапогами по щиколотку в грязи.

Подхожу к группе матросов-черноморцев, державших оборону Севастополя, оставивших город только после приказа уходить из Крыма. Разговариваю с участниками легендарной обороны. Морские пехотинцы и жители города 250 суток героически защищали Севастополь от захвата немецкой армией Манштейна. Говорят, что история не знает примеров подобной стойкости.

Сегодня герои в чёрных бескозырках с нетерпением ждут приказа о наступлении. Для матросов приказ об освобождении Крыма – знак, что можно ворваться на залитую их кровью землю и без жалости мстить за погибших. Для них выбить немцев из Крыма означает не только выполнение приказа, прежде всего это восстановление матросской чести и напоминание всем о героической истории России. К врагу морская пехота относится пренебрежительно. Все уверены, что сбросят немцев с полуострова и утопят в Чёрном море. За годы войны я не встречал подобной единодушной ненависти, с началом боя переходящей в ярость. Черноморские моряки – это люди с каким-то, присущим только им бесстрашием, переходящим в отвагу. Очень уважают свою форму, особенно ленточки на бескозырке и пряжку на поясном ремне. Идя в атаку, закусывают ленточки, а матросский ремень, когда кончатся патроны, наматывается на руку, при ударе им по голове слышен весьма неприятный хруст проламываемых костей, что приводит немцев в ужас. Работу доканчивает матросский нож, заточенный под финку. Нож носят за голенищем сапога. Форма на матросе всегда чистая, а пуговицы и пряжка на ремне начищены до блеска и сверкают искорками даже в тени. Если наши матросы относятся к смерти с пренебрежением и юмором, то немцы бегут от них, предвидя рукопашную схватку, чтобы не остаться лежать клейменными трупами. Говорят, что у матросов обратная сторона пряжки свинцом залита. Получается оригинальная плоская гирька с острыми углами и краями. Силу удара придаёт рычаг ремня. Приходилось осматривать трупы немцев после «прогулок» моряков. Кроме ножевых ранений я находил глубокие воронкообразные вмятины в височной области, незаметные на первый взгляд. Чтобы попасть метким ударом в наиболее опасную для жизни зону, нужны длительные тренировки. Солдат не научишь. Лихо работают ножом и ремнём русские матросы. Причём секреты свои держат при себе, как и известный только им морской узел. Знаю, что одна сторона пряжки заточена под бритву. Матросы сказали мне: «А ты, доктор, после нашей атаки сходи и догадайся, для чего. Для медицины полезные выводы сделаешь». Вновь специально осмотрел убитых немцев с непонятной ра-

ной в области сонной артерии, как будто бы угол стекла аккуратно воткнули, сделав зияющую рану, и вынули из шеи. Края раны ровные, а вся кровь наружу. Понятно, что мгновенно были разрезаны мышцы шеи, которые поддерживают голову. Мышцы сократились. Рана огромная. Из сосудов организма, прежде всего головы, вся кровь в несколько секунд выбрасывается наружу. Моментальная смерть. Выходит, что матросики убивают весьма гуманно, не мучают врага ранами.

Матрос посмотрел вскользь на мой орден Красной Звезды и медали, говорит: «Эх!.. Товарищ военврач! Я защищал Севастополь до последнего патрона, бил и резал гадов иногда тем, что в руки попадёт, а завтра возвращаюсь туда, где погибли мои братья. Мне не жалко жизни, я оставил её там, когда пришлось уйти из Севастополя. Мне прощения нет и наград не надо. Севастополь – это и есть моя родина, если не дойду и погибну, то похороните меня головой в сторону родного города, чтобы был ближе к товарищам. Если искалечит шибко, а сам застрелиться не смогу, то не спасайте. Прежде чем погибнуть, я немчуру, десятка два, и не менее, на тот свет утащить должен». Яростная убежденность матроса вызывает подъём уверенности у солдат: врага нужно бить безжалостно.

Зависть к морякам у солдат заметна. Выскажется матросик, а потом выдаст весьма обоснованно такой залихватский русский мат в сторону немцев, что молодые солдаты оторопеют от неведомой им логики нецензурного убеждения. Просыпается зависть и у видавших виды стариков. А моряк спокойно пошёл, метя клёшами землю, поправив автомат на плече. Такого складного мата я в Сибири не слышал. Ведь у нас даже одно бранное слово, да в присутствии женщин и детей, могло лечь позором на того, кто его произнёс. Осудит общество сквернословя, и годы не будет ему свободного хода среди людей. До тех пор, пока не усовестится при обществе либо не совершит поступок, оправдывающий его в глазах всех.

Назвали немцы матросов правильно и на свою голову «чёрной смертью». Моряки объединены друг с другом одной целью: «Даёшь Севастополь!». Не признают они военных трибуналов по отношению к пособникам фашистов из местного населения, добивавших раненых и обессиленных матросов. На решение этого вопроса у них своё мнение. Уходя из Крыма, покидая Севастополь, израненные, без патронов, порою в одиночку и насколько хватит им воли, матросы на последних силах пытались добраться через полуостров до своих. Добивали крымские татары беззащитных, бросая растерзанные тела на кустарники, чтобы было видно всем, как мумифицируется русская доблесть. «Мы их на месте кончать будем. За одного братана, которого они

тяпками и мотыгами добили, ответ держать все до последнего будут. Надо сегодня делать так, чтобы их потомки, если от нас какие гады и успеют уползти, помнили, что прощения и для них не будет. Ответ они должны держать так, чтобы другим не повадно было» – решение морской братвы неоспоримо и передаётся солдатам. Об этом знают все: наши особисты, немцы и крымские татары, которых защищать никто не намерен. «Чёрной смерти» побаиваются даже собственные спецотделы. В одиночку матросики не ходят, попробуй их возьми. Даже если одного кто-то вздумает приостановить, тут же неожиданно рядом другие окажутся, потребуют объяснений. И не дай бог, они невнятными окажутся. Живыми, как известно, моряки не сдаются. Это особая категория людей. И отбор в эти войска особый, да и на кораблях намного больше, чем в общевойсковых соединениях, сохранились традиции от прежних поколений. Порвут за матросскую честь хоть кого, тронь только человека в тельняшке. Однако морскому офицеру сквернословить не в честь. Анархии в советском военно-морском флоте нет.

Сегодня немецкие войска заперты в Крыму 51-й армией. Видим, как вглубь полуострова пролетают наши самолёты. Враг прячется за оборонительными сооружениями в области южной гряды гор, покрытых лесами. С моря им не даёт покоя наша корабельная артиллерия.

Немцы пытались деблокировать Крым морским путём, но их тяжёлые удары сразу же заглохли под налётами авиации и ударами торпед с подводных лодок. В связи с предстоящим наступлением у нас, медиков, много работы, которую мы называем между собой «военными мемуарами», но без неё никак нельзя. Составляем планы: спецподдержка ПМП, карточка инфекционного заболевания, карта эпидемиологического наблюдения случаев заболеваний сыпным тифом. Намечаю план мероприятий на возможные непредвиденные ситуации, а они часты, порою непредсказуемы во время боя. Сегодня мы научились предвидению. Позволяет накопленный опыт. Карты оформляю не я – не поймут мои каракули. Как положено в чистописании, красивыми буквами заполняет тетрадки писарь Ваня Бронников.

6 марта вошли в село Нижне-Николаевское, а от него спокойно и без шума уходим в воду. Зигзаг приличный по Сивашу. Объясняют необходимостью маскировки. Нас перебрасывают в другое место, как мы поняли, поближе к противнику. Пройти тихо можно, но создав себе неудобства, так как водный край Сиваша никак не минуешь, иначе противник заметит. В кромешной темноте, в холодной и вонючей воде вязнем, выползаем из вязкой тины, натываемся друг на друга, но без единого крика, даже шёпота не слышно, бредём по краю Сиваша. Види-

мо, попали на прилив. И другое его название становится для нас сегодня более убедительным – Гнилое море. Второй раз идём. Без той боязни, что уже испытали, но ощущение мерзости не уменьшилось. Первый раз хотели проскочить незаметно и замазали только сапоги. Сегодня попали в вязкий, засасывающий до колен, плавающий вокруг отвратительный мусор – останки погибших обитателей моря. Ноги поднимают на поверхность воды пузыри. Они лопаются, обдавая брызгами солёного смрада.

К 22 марта на ещё недавно, казалось, недосыгаемом берегу Сиваша всё полностью подготовлено не только к обороне, но и к наступлению. Проведено распределение войск, сил и средств для мощного удара. Противника нет. Немцы не учли наш опыт в Гражданской войне, да и силёнок у них маловато для навязывания боёв. На открытой местности северной части Крыма эшелонированной немецкой обороны не встречаем. Так, мелкие стычки. А мы брели, заходя с фланга, потом дислоцировались в общий эшелон. Может, этот обман противника намного правильнее моих размышлений, поскольку манёвры нашего полка обошлись без потерь.

Немцы спохватились, когда мы влились в общевойсковую территорию и спокойно готовимся к боям. Летала над нами периодически немецкая рама, передавая сведения, видимо, на мыс Херсонес. Там засели немцы среди крепостей древних греков. Враг вяло и бесцельно лупит из дальнобойных орудий, вспахивая гнилую воду Сиваша, не нанося урона. Фурункулы тоже пошли на спад. Успели, окопались, ушли в землю. Возможную ситуацию предвидели в штабе, а создавать ненужную панику среди личного состава – дела прошлые. Каждый из нас по вою летящего снаряда определяет, где он разорвётся, предвидеть своё положение и его последствия научились сами.

Солдаты поют песню о Севастополе. Устраиваем массовую помывку военнослужащих. Греем воду в бочках. Солдатам выдаём свежее нижнее бельё. Люди попали на освобождение Крыма из разных мест нашей Родины. Преимущественно, более 80 процентов, это люди из сёл, но они говорят, что из Ташкента, Хасавюрта, Еревана, Баку, Тбилиси, Цхинвале, Степанакерта, Донбасса, Томска, Иркутска, Хабаровска и т. д. Настроение у всех боевое. Деревенские жители разных национальностей легко находят общий язык. Их разговоры объединяет основная тема – труд. Люди тесно объединены в невидимую связь товарищества и братства, когда надо бить общего врага. Нарастили неимоверную силу, костяк которой – русские люди, многие из родной мне Сибири. Периодически, по случаю, ишу земляков. Им холодная вода Сиваша, да и болота были нипочём. Смотрю на огромную многонациональную массу людей и думаю, что всем россий-

ским миром решили давануть большим пальцем сжатого кулака по Европе, чтобы выдавить из неё давно назревший гнойник. Собрать заразу в один тампон и сжечь, а рану после него мыть и мыть антисептиками, чтобы не один воинствующий микроб не зацепился. Сомнений нет, что немцы, румыны и итальянцы не выдержат и попытаются удрать из Крыма. Кого-то оставят воевать, а начальники, как всегда, чего-нибудь прихватив из ценностей, потихоньку уберутся восвояси. Может, выловит их наш солдат, когда придёт в Европу, но наши начальники тоже хватят. Отберут у солдата, и ничего ему не достанется кроме славы, как живому, так и мёртвому. Разве трофейные осколки да пули вражеские в теле. Конечно, почёт со стороны односельчан, особенно от женского и ребячьего коллективов. Невозможно представить нашего крестьянина, у которого в сельской избе висит картина знаменитого художника, хотя бы далеко отстоящего от Микеланджело. Но ведь итальянец. Иконы и георгиевские кресты отобрали, и вдруг – какая-нибудь женщина по имени Даная. Живая русская баба несколько не хуже, а намного лучше и слаще, а основное её преимущество, что свежим молоком пахнет. Зачем нам итальянские и французские копии. Немки – безобразны. Так мне разъяснил истинную телесную привилегию русской женщины над другими один из старых солдат, который за свою жизнь обласкал женщин многих национальностей. При этом знает, как он говорит, «скус» каждой. Трофейную итальянку, немку или француженку в объятиях победителя ещё могу представить, но чтобы мировые ценности музеев в частных руках? Это достояние всего мира.

Немцы сосредоточились на юге, особенно на обороне городов. Им важны сегодня порты. Берлин мы брали. Париж брали. Свои города, конечно, вернём. Взятые у них их же столицы мирно возвращали, а нашу историю более в обиду не дадим. Возвращали им города, чтобы жили народы в мире, но проходило время, а они вновь на русского человека с огнём шли. В размышлениях своих не могу найти ответа на вопросы: почему проиграли войну с японцами в 1905-м и в Первой мировой не отличились? Были же таланты. Пример – Брусилов. Несмотря на огромные потери в Гражданскую войну, последующие годы. А к началу этой войны вообще готовы не были, но, нарастая, неожиданно собралась великая сила. Если наш народ душой может подняться над злом, ему противостоящим, то сломать его, преодолеть великую духовность невозможно. Если представить, что наш народ станет бездушен, то его не будет. Его место без войны займёт кто-то другой. Исчезнем, как Римская империя и многие подобные и могущественные. Но для этого надо уж слишком обнищать духовно. Способны ли мы на это? Нет! Мне понятны итальянцы, румыны и даже

турки, как и другие национальности. В русском языке выражение есть в отношении несообразительного человека: «Ты что, турок?». Но немцев не могу понять. Считаю их великой нацией, несущей великую культуру как в искусстве, так и в медицине. Мировую медицину по костяку сегодня можно назвать немецко-русской или русско-немецкой. И вдруг вчерашние камрады закручиваются в свой кокон педантичности, исполнительности, точности, мрачности и т. д. У них радость жизни и та – какая-то холодная, расчётливая, манерная, не искренняя. Мы, русские, – полная противоположность им. У нас – простор, и душа всю жизнь, пусть даже в мыслях, но на свободе летает. До тошноты противен мне немец и всё их немецкое, а понять и объяснить себе, почему это во мне, не могу. Могу слушать их музыку, читать книги, но через несколько минут общения с немцем мне он становится противен, пусть даже это человек с высоким интеллектом. Почему?

28–29 марта – северное побережье Сиваша. Много зайцев. При беспорядочной стрельбе по бегущим зайцам есть случаи ранения среди военнослужащих. Неожиданно разразился небывалый для этих мест снежный циклон, окопы завалило на полтора метра снегом. Есть отморожения у солдат в соседних полках, требующие хирургического вмешательства. Вот она, непредсказуемая неожиданность на войне. И в мыслях не было. Из своего затасканного чемодана, перекладывая книги, достаю драгоценную тетрадку лекционных записей по мероприятиям при отморожении и мерам профилактики. Немедленно в действие, к практике. Удивительно, что мельком прочитываю – и всё восстанавливается в памяти. Даже ход лекции вспомнил.

Действовать необходимо очень быстро, пока у меня в полку кто-нибудь не попал в беду. Развернули палатки для обогрева. Организовали раздачу горячей пищи. Осматриваю у солдат руки и ноги. За отморожения, что случились в соседних полках, солдат таскают в спецотдел. Предупреждаем солдат нашего полка о том, чем это может кончиться. Все понимают, что отморожение накануне всеобщего наступления особый отдел притянет к самовредительству. Приходит приказ: создать специальные бригады по оказанию помощи и предупреждению отморожений. Опоздали. Погода восстановилась. Однако приказ должен быть выполнен. Формирую на ПМП бригаду. Назначаю ответственных: Решетникова, Лазовскую, Смирнову, Брусовину. Плохо сработал фельдшер Павленко. За опоздание с мероприятиями по профилактике отморожений получает пять суток ареста. Иначе нельзя. Хорошо, что мы организовали профилактические мероприятия ещё до приказа, и не было ни одного случая отморожения. Иначе Павленко попал

бы под трибунал, а не на пять суток. А у нас придраться не к чему. Отморожений нет. Профилактические мероприятия провели заранее, а фельдшер сидит за то, что бумаги во время не оформил.

8 апреля в 8.00 начато генеральное наступление на Крым. Придан 19-й танковый корпус противотанковой истребительной бригады 4-го Степного фронта.

11 апреля 1944 года освобождён Джанкой. Встреча с командующим фронтом маршалом Советского Союза Ф. И. Толбухиным. Наша 279-я Лисичанская стрелковая дивизия пересажена на автомобили и брошена в рейд по тылам противника. Боевая задача: уничтожить остатки баз противника, его тыловые части, всех пособников фашистов и тем самым обеспечить быстрое наступление основных сил для освобождения Симферополя. Передовой отряд ПМП в первом эшелоне, в 3-й линии после разведки и штаба. Наша задача не отрываться от полка, в бою своевременно оказывать медицинскую помощь и осуществлять быструю эвакуацию. За всё несую особую ответственность, то есть если что-то пройдёт не так, как задумали высшие чины, то под трибунал пойдёт капитан Яценко. Особая и первостепенная задача – своевременная эвакуация раненых. Мы предупреждены о возможных и неожиданных встречах как с нашими партизанами, так и разрозненными группами противника. Попробуй разберись: свои или переодетые. Матросы были правы, так как среди полян, как распятия, останки наших моряков. Изорванные в клочья тельняшки с костями подвешены на колючие ветки кустарников. Невиданные зверства могли совершить только существа, находящиеся на самом низком уровне развития. Не вижу разницы в злодеяниях эсэсовцев и крымских татар. Те и другие подлежат уничтожению, ведь они, находясь на самой низкой ступени развития, не поддаются коррекции, перевоспитанию.

В Крыму леса чистые, дороги каменистые. Приятно отдыхать на этой земле, вдыхать запах моря. Невольно сравниваю. У нас в Горной Шории тайга непроходимая. Дороги, если и есть, то петляют между гор, как правило, топкие и непролазные в низинах. Наша природа могучее и красивее, хотя и очень сурова. У нас быстрой эвакуации по тайге не организуешь. Но Крым мне по душе, и природа этих мест всё равно ближе к нашей.

13 апреля 1944 года ПМП расположили в селе Азит. Из-за большого количества и скопления раненых вокруг ПМП вынуждены остановиться. Справляемся, работая без перерыва сутками. Валимся с ног. Делаю операции, будто во сне. Постоянно пью очень крепкий чай. Сердце готово выпрыгнуть из груди. Проведена очень тревожная рабочая ночь в окружении отступающих немцев и румын. Наши ча-

сти давно ушли вперёд, а эти идут за ними, и куда? Организуем охрану ПМП. Заняли круговую оборону. Послал легкораненых на защиту. Уходят все, способные держать оружие. Немцы, тем более румыны в бой с нами не ввязываются. Понимаю, что их задача убежать как можно быстрее, спастись, при этом каждый из них лелеет надежду, что останется жив в этой ненужной ему войне. Но чудеса сегодня для них исключены. Утром авиация эвакуировала раненых, а мы быстро догнали свою часть и, не встретив ни одной группы противника, вошли в столицу Крыма Симферополь.

Пока не могу разобраться, но такого в моей практике ещё не было, массовое поступление раненых с травмами нижней челюсти, даже с её отрывом. Поступают только солдаты, и среди них нет ни одного морского пехотинца. Хорошо было бы провести занятия по рукопашному бою накануне наступления, пригласив матросов. Механизм травмы мне непонятен. Ясно, что повреждения челюсти получены в рукопашном бою. Солдаты говорят, что когда у немцев кончаются патроны, они начинают махать автоматами. Дерутся до последнего солдаты войск СС, так как в плен их брать не будут. Уничтожают на месте. Последний курорт за все «заслуги» перед фюрером заканчивается на крымской земле. У убитых немецких офицеров находят открытки с изображением русской актрисы Любови Орловой, танцующей на пушке, и немецкой Марики Рок. Простые солдаты и офицеры других родов войск без сопротивления и безропотно сдаются в плен. Всем хочется жить. Навоевались.

13 апреля 1944 года мы оказывали помощь раненым в Симферополе, а 19 апреля ПМП прибыл в Бахчисарай. Среди солдат массовое отравление молоком, которое «гостеприимно» подносили крымские татары. Проходя через территорию Крыма, мы видели зверства татар. Но это не влияет на доверчивость русских мужиков. Молоко – это же не водка! Разве непонятно, что местное население ненавидит нас. После совещания в особом отделе приходим к выводу, что солдаты и сами виноваты, реагируя на поддельное гостеприимство. Если бы они были голодными, тогда вина за нами! Все предупреждены о возможных отравлениях и нападениях на отбившихся от группы солдат-одиночек. Мы встретились с глупыми, но, как это и бывает в природе, – хитрыми зверьками, прислужниками фашистов, которые удосужились избрать в Крыму своего очередного хана. У бойцов закипает ненависть, но татар убивать запрещено. Ими занимаются особые отделы. Нам спокойно там, где прошли моряки. Совершенно пустые сёла, чистая вода. Нет ни трупов, ни жителей.

Получаю повторно приказ: не допускать контактов с местным населением, не пользоваться про-

дуктами местного производства, не брать воду из колодцев и не поить лошадей. При заходе в сёла (аулы) готовим оружие к бою. Нам приданы взводы автоматчиков. Все хитрые повадки местного населения изучены. При малейшем подозрении – арест, доставка в особый отдел или расстрел на месте. Дальнейшая судьба тех, кого увели под конвоем, нас не интересует. Крымские татары, как и турки, сотней человек на одного пойдут, а вот десятью уже побоятся. Льстивы, а глаза искры ненависти мечут. Вот Вам, уважаемый Александр Сергеевич, и «Бахчисарайский фонтан». Забуду ли я, слушая классическую музыку балета и видя танцы, то, что запечатлела моя память, до конца своих дней? Нет! Очень хочется пить, но бережём воду для раненых. Колодцы отравлены.

15 апреля вышли к внешнему оборонительному обводу Севастополя. Вижу контуры легендарного города.

16 и 17 апреля – ПМП в селе Антоги. Нам показывают фильм «Два бойца». Смотрим кино. На войне – не как в кино. Но поразил нас Марк Бернес. В памяти звучит песня: «Бьётся в тесной печурке огонь...».

18 апреля – ПМП в селе Бейок-Атарской. Кое-что скопил из продуктов, и ординарец Иван увёз в Симферополь. Его встретит сестра жены Ольга. Увезёт семью жены. Пусть едят американскую тушёнку, а то нас от «второго фронта» уже всех тошнит. Что-то, а тушёнку, кто бы её ни сделал, наверное, всю жизнь не смогу есть. За войну до тошноты наелся. Смотреть на неё не могу.

19 апреля при проезде по дороге через Мекензевы горы, на спуске с сопки – неожиданный налёт самолётов противника. Вылетели из-за горы внезапно. Откуда взялись? Мы о них стали забывать. Наши самолёты их давно уже не пропускали. Где-то пропустила наша разведка замаскированный аэродром. Обычно у нас гордость за наших лётчиков. Помним, как немцы гонялись за нашими героическими одиночками в начале войны. И вдруг тут такая трагическая неожиданность. Самолёты сбрасывают на нас бомбы на низком полёте, проносясь над санитарными машинами. В суматохе кого-то успели сбросить, столкнуть с машин, оттащить за камень. Не запомнишь, когда рвутся бомбы и над тобой пролетают осколки, останки человеческих тел, заваливают камни. Почти все снаряды с прямым попаданием. Многих раненых добила осколками. Лежим среди больших камней с ординарцем Ивановом. Я из пистолета, а он из автомата стреляли по самолёту. Вижу физиономию немецкого лётчика, который смотрит на меня и смеётся. Ударил по нам пулемётной очередью. Пули бьют цепочкой рядом, по камням. Мелкие осколки породы царапают кожу. По-моему, немец пьяный. Им с начала войны не

привыкать бить по санитарному транспорту. Сегодня в большой бой они ввязаться не могут. У нас безвозвратные потери почти всех раненых. Большие потери среди личного состава. Вокруг искорёженный металл, догорающие остатки машин, кровавое месиво. Из боевого охранения остались живыми три человека. Двое из них ранены, но могут передвигаться самостоятельно. Посмотрели с Иваном на камни, среди которых мы упали. Смотрим друг на друга. Невозможно уместиться в такой нише даже одному человеку. Война. Сердце обливается кровью, хотя ею залито вокруг всё. На ветках деревьев – останки людей. Спасать некого. Собираем уцелевшее оружие, сохранившиеся документы и пешком продвигаемся дальше, направив оружие в сторону леса. Сколько времени идём? Спросить бы Ивана, да язык разбух и онемел. Также полная потеря слуха. Наверное, контузило или чем-то ударило по голове. Не помню и плохо соображаю. Наконец-то встречаем наше подразделение пехотинцев. Пытаюсь объяснить обстановку лейтенанту. Помогает мой ординарец, поскольку своей речи я не слышу. Необходимо прислать людей для очистки дороги и погребения мёртвых останков в могилу. От родного мне ПМП осталось немного людей. Если собрать медиков из БМП, батальонов полка, то можно укомплектоваться. Или прибудет пополнение? В голове нарастает гул и качается под ногами земля. Потом Иван сказал, что я терял сознание и нёс всякую чепуху.

С 21 на 22 апреля пасхальная ночь сопровождается непрерывной артиллерийской перестрелкой с противником. Солдаты шутят, что немцы баловством занимаются, поскольку не видят результата, однако на ПМП доставляют раненых с оторванными конечностями, а некоторых при сортировке приходится относить ещё живыми в овраг как безнадежных. Понимаю, что некоторых из них можно спасти, но для того нужны время и условия. У меня нет ни того, ни другого. Буду спасать тяжёлого – потерю лёгкого или средней тяжести ранения. Моя же задача – как можно больше вернуть раненых бойцов в строй. Иначе сам буду в трибунале за несоблюдение медицинской доктрины. Особенно жалко раненых в живот, когда кишки порваны, а человек в сознании. У некоторых типичный шок, описанный великим хирургом Пироговым во время Севастопольской кампании прошлого века. Легче отрезать болтающуюся на лоскуте руку и ногу, наложить жгут и, обработав рану, эвакуировать. Может, не погибнет от газовой гангрены. Останется жив. С ранениями в грудь тяжело, но в сортировке легче. Главное, профилактика пневмоторакса и остановка кровотечения. Можно успеть эвакуировать, а дальше зависит от искусства наших врачей и сил раненого, а вот развороченный живот... Многие раненые просят пристрелить. Каких только случаев не рассмотрел на войне.

Из накопленного опыта оказания медицинской службы можно писать научные труды.

28 апреля слушаем в ночи непонятный шум в районе Сахарной головки. Утром узнаём, что матросы-добровольцы и казаки взяли первые позиции немцев на горе, считавшиеся непроступными, особенно укрепленными, причём без лишней пальбы. Матросы и казаки ночью просто вырезали немцев первой линии обороны. Наверное, подобрали для крутого дела опытных людей со всей 51-й армии. С утра началась атака наших войск, а к вечеру все немцы были уничтожены. Сахарная головка наша. Все обсуждают победу и особенно то, что было ночью. Иван говорит мне: «Товарищ капитан, а ведь и шуму особого не было, а всю немчуру вырезали, а их там, в траншеях да дзотах, не меньше тысячи было, а то и больше». Обращается ко мне ординарец, как будто я знаю, сколько там немцев прирезали. С подобными удалцами знаком по Кузедееву. Они любители медведя завалить. По тайге без шума ходят – ветка не треснет. Могут спокойно голод переносить. Один из них, мой родственник – охотник с детства. Где-то воюет Пашка Попов, которого так просто враг не возьмет. Его свалить может только весьма непредвиденная случайность. Ему подобных людей в разведку берут. Помню, что с детства дерзкий был и без боязни боли рос. Отвага – от предков по казацкой линии. Начал вспоминать земляков-кузедеевцев. Каждый род свои заботы умением решал. На фронте сибирская хватка весьма пригодились. В памяти всплывает детство. Уважительное отношение к роду Ананиных, особенно Изоту. Спокойный и выдержанный человек. Он любого медведя завалит. К тому же на все дела мастер. Наши кузедеевские шорцы, по моему мнению, наверное, лучшие снайперы на фронте. Если белку в глаз бьют, то фашисты для них, что куры на шесте. У немцев подобных не найдётся.

6 мая – ПМП в селе Черкез-Кермен. Обход передовой с полковым инженером. Впервые за годы войны встречаюсь с назначенным к нам в полк инженером. Находится в звании майора. Оказывается, задача инженеров изучить укрепрайоны противника и доложить в ставку. Назначенный к нам майор осматривает и планирует укрепление наших позиций. Объясняет нам, что немцы построили свою оборону амфитеатром по линии скалистых высот, которые не смогут взять наши танки. Уточняет все детали и про мои ПМП, и БМП. Рассчитывает время отступления, эвакуации. У него все расчёты на карте, вплоть до мелочей. Крепка наша армия, если военной математикой обеспечена. Идём с майором вглубь и неожиданно, как будто нас ждали, попадаем под огнём противника. Бьют из-за скал. Вреда они нам не принесли. Никто не пострадал. Но впервые испытали ощущения от огненного жара.

Ежели бы по нам врезали из пулемёта, то конец расчётам. Опробовали на нас огнёмёты? Для нас это происшествие осталось загадкой. Да мало ли их на войне, этих ребусов и кроссвордов. После войны столетиями будут великие умы разгадывать и спорить до тошноты. Но! Самое ценное – жизни человеческие, и исковерканные судьбы спорами не вернёшь. Майор инженерных войск сообщает, что для разработки операции прибыл к командующему фронтом Ф. И. Толбухину маршал А. М. Василевский. Среди солдат разговоры, что эти два друга еще в Сталинграде немцев били, а из Крыма за шиворот выкинут и в море утопят.

7 мая 1944 года в 10.00 после полуторачасовой артподготовки при массивной поддержке авиации фронта начался генеральный штурм севастопольского укрепления. Задача – овладеть Сапун-горой, где расположена многоярусная линия вражеских укреплений со сплошными траншеями, 36 дотов и 27 дзотов. Нет сравнения с Сахарной головкой. Нам предстоит очень большие потери. Рассчитать даже приблизительно количество убитых и раненых не представляется возможным. Однако мы должны быть готовы к медицинскому обеспечению, объём которого не представляем даже приблизительно. Можем и не вернуться из такого месива. Главное, двигаться вслед за нашими бойцами, чтобы вовремя оказать медицинскую помощь. Самое основное – остановка кровотечений вовремя, иначе потеряем солдата.

В небо взвиваются красные ракеты. Началось! Девять часов непрерывного штурма показали мне бесконечностью. ПМП – в траншее на склоне горы. Изначально на нас обрушился шквал огня и камней. С первых минут оглохли от грохота и не видим, казалось, ничего в пыли. Груды трупов. Наши и немцев. На каждом уступе, за каждый камень идёт рукопашный бой. Наши солдаты, а особенно матросы беспощадны к врагу, как и немцы к нашим. На моих глазах происходит подвиг, на который способен, как всегда бывало в истории, только мой народ. Чтобы защитить и спасти раненых, обкладываем траншею наваливающимися сверху трупами. Их всё больше и больше. Отдаю приказ поднять уровень трупами выше, так как не хватает места для раненых. Драка идёт жестокая. Драка озверевших людей, готовых зубами и ногтями рвать друг друга. Оказывать на ходу помощь просто невозможно. Люди обезумели, уничтожая друг друга. Трудно ориентироваться, так как продвигаемся по трупам, а под ними могут быть раненые. Сколько их? Траншеи завалены трупами, и как определить среди слоев наваленных друг на друга убитых, свои или чужие под ними шевелятся и стонут? Скорее, свои, так как немцев живыми не берут, тем более матросы. Раны у немецких трупов ножевые, штыковые, и

разбиты головы. Разъярили до крайностей нашего мужика. У него сегодня одно в голове: если он не убьёт, то его убьют. Сколько времени длится рукопашная? Не знаю! Невозможно судить по раненым и убитым. Вокруг меня горы останков людей, из которых льётся кровь, а у иных запеклась по всей форме, и нашей, и немецкой. Запах крови и железа, стоны ещё живых из-под завала мёртвых. Пули вбиваются в убитые тела, не принося вреда тем, кто ждёт своей очереди, моля о помощи. Но никого невозможно достать из-под груды тел. Любая попытка помочь – и ты сам окажешься собирателем пуль в верхнем ярусе.

Критический период боя незаметно для нас переливается на нашу сторону и постепенно движется к вершине горы, где немцев добивают в ярости наши солдаты. Появилась возможность эвакуировать раненых вниз. Сначала идут легкораненые. От подножья горы, карабкаясь через трупы, на помощь приходят санитары и солдаты. Попробуют разобрать завалы, услышав русскую речь. Спасая раненых, волокут их на чём угодно, пока есть возможность. Минута – и всё может перемениться. Скорее вниз, в траншеи и окопы. Кому-то повезёт и останется жив. Но таких счастливых будет очень мало. Ранения настолько разнообразны, что не могу учесть преимущество тех или иных. Изначально шли пулевые и осколочные, когда возможности транспортировки были исключены. Затем пошли колотые, резаные, переломы и раздробления, а также множественные сочетанные ранения. Делаю вывод, что даже будучи раненым, наш солдат продолжал драться. Получал ещё одно ранение, но и это его не останавливало. Он бил врага до тех пор, пока не терял сознание или не был сам убит. Транспортировка раненых в это время была невозможна, поскольку по нам били немцы очередями с верхнего яруса, выкашивая всё движущееся. В середине горы не стреляют, так как там идёт рукопашный бой. Обмундирование у всех дерущихся изодрано в клочья. Много рваных поверхностных ран, иногда скальпированных: нет кожи на коленях, бедрах, руках, но они продолжали драться, держась лишёнными кожи мышцами за оружие, впиваясь в глотки фашистов. Не видел стонущих и плачущих среди раненых матросов. Будет держать ленточки в зубах так, что челюсть не разомкнешь, находясь и без сознания. ПМП всё ближе продвигается к вершине сквозь траншеи мёртвых людей, готовя новые зоны спасения раненых из трупных брустверов. Но немцы приготовили нам сюрприз. Из блиндажа под вершней горы выкатываются немецкие танки и пытаются, меся трупы, сбросить нашу пехоту. В ответ – разрывы снарядов, выпущенных из «катюш». Залп был настолько мощным, что нас завалило останками человеческих тел, и после этого наступила полная тишина. Мы в крови

с головы до ног, на которую оседает пыль. Запах жареного человеческого мяса невыносим. Встают уцелевшие солдаты, и во весь рост. Нас много. Значит, мы не в аду и не сошли с ума. Но ещё больше под нами тех, кто бился за эту тишину. Да, мы все были в аду, но кто-то кого-то опять помиловал, подарив жизнь. Сапун-гора вновь стала русской. Осмотрел себя. Можно подумать, что и я труп. Нет чистого места на мне, а только кровь и какие-то налепившиеся останки человеческой ткани от многих других людей, немцев и русских. Отмыться бы. Наверное, всю жизнь не отмоешься.

Находясь в столь неприглядном виде, получаю приказ продолжить наступление в направлении местечка Гайтоне (маяк Инкерманский), где и расположить ПМП. Оценивая прошедшие события, узнаю, что у немцев было четыре траншеи, а ПМП, возможно, сумел добраться во вторую, оказывая непрерывно медицинскую помощь. Выше ни один из ПМП не поднимался. Среди такого количества погибших людей ориентироваться, где же были расположены траншеи, невозможно. Санинструкторы с сумками пробирались среди трупов, вытаскивая раненых за заградительные брустверы из мертвецов. Погибших тысячи, и кто они, и откуда прибыли, наверное, не разберёмся даже спустя много лет, и не сможем восстановить их имена. Раненые просят пить. Быстро, так как получен приказ, отправляем последних не имеющих возможности двигаться бойцов. Снимаем их с горы мёртвых. Рядом речушка, но бурая от крови. Это кровь русских и немцев, стекающая ручьями с горы устремилась на плоскогорье, где впитывается в почву, исчезая в живой зелени. Вестовой докладывает, что немцы не выдержали удара и натиска именно с нашей стороны, поэтому остатки солдат сдаются в плен на противоположной стороне горы. Поезду некоторым немцам! Может, ещё проживут. Но обязаны они жизнью тем русским, что легли на этой проклятой горе с нашей стороны. Мёртвые ценой своей жизни и победы, можно сказать, заставили жить противника, пришедшего незвано на нашу землю! По-моему, на такое возвышенное благородство способна только русская душа.

9 мая к 19.00 за трое суток наши войска освободили Севастополь. Чтобы разгромить и вышвырнуть немцев из Крыма, советским войскам понадобилось 35 дней. Вспомним, что фашисты не могли захватить Севастополь 250 дней. Крым наши войска оставляли по приказу. Немцы и румыны бежали от русских, как ошпаренные. Мой ПМП – к 20.00 в Южной бухте. Через Сапун-гору мы вошли в Севастополь с тремя упряжками собак, гружёнными имуществом. Яркое солнце. Чёрное море с изумрудной водой. В старину море называли Русским. Хочется искупаться в родной воде. К берегу прибывает трупы, а в море плавают множество

мёртвых тел вражеских солдат. Воздух чист, ручейки прозрачны, тишина. Кажется, что нет никакой войны, если не смотреть на раздутые трупы. Кто их сюда звал, этих «сверхчеловеков»?

Мы нашли чистое место в бухте и искупались в Чёрном море. Мужики по одну сторону камней, а женщины – по другую. В городе осматриваем руины. На развалинах домов надписи: «Проверено. Мин нет». Немцы хотели устроить себе в этих местах курорт. Но это им не Турция, а Россия. В голове навязчиво крутится песня: «Не нужен мне берег турецкий, чужая земля не нужна...». Полная наша Победа. На радостях бойцы устроили огонь из всех видов огнестрельного оружия, что пополняет количество раненых. Объяснимо, что произошедшее стихийно. Советуюсь с командиром полка, а он мне в ответ: «А ты что хочешь? Ничего не поделаешь. Они салютуют сердцем. Под трибунал не отдашь». Непредвиденная стрельба началась внезапно, но и без вмешательства прекратилась. Солдаты поют. Уже успели сочинить? Русский человек в радостные и самые тяжёлые минуты жизни не может жить без песни.

*Гремело громкое «ура»,
Шумело море в час прибоя.
Сапун-гора, Сапун-гора,
Как много связано с тобою!*

120

Узнаю, что наших воинов встретила в Севастополе вышедшая из подвала мать дважды Героя Советского Союза, покорителя Севера И. Д. Папанина. Уцелела, выжила. Интересны судьбы человеческие. В полярной экспедиции Папанина участвовал как врач мой однокурсник. С душевным волнением осматриваем Севастополь. Ходим там, где когда-то поднимали в атаку матросов и солдат адмиралы Корнилов и Нахимов. Где-то здесь воевал на бастионах писатель, произведения которого, несомненно, и немцы читали. Великий Л. Н. Толстой в романе «Война и мир», по-моему, предупредил всех несведущих, что в Россию соваться с войной нельзя, и даже пригрозил пальчиком. Для меня важно чувство причастности к великому хирургу Н. И. Пирогову. Именно по севастопольской земле ходил русский человек с мировым именем. Он проводил первые наркозы, осваивал и внедрял в русскую медицину основы военной медицины. Я, пройдя пекло войны, имею право считать, что если нет высокого уровня военной медицины, то будет полная разболтанность в гражданской сфере.

Сегодня мы гуляем по Севастополю, и каждый сделанный нами шаг давно отмерен историей Отечества. История даёт нам возможность не совершать ошибки. Мы сегодня в гордости за предков наших и за подвиг нынешних солдат и матросов.

Как только могли враги посягнуть на самое святое для нас – нашу великую историю? Настроили неприступные железобетонные крепости, а русские солдаты взяли их, скинули врага в море. Прогуливаемся по историческому Приморскому бульвару, а в голове мысли: ну почему же так? На глаза невольно накатываются слёзы. Нас окружают руины. Под ногами – камни, щебень. Вокруг сожжённые дома. Но город русской славы освобождён. Не могу уложить в голове, как всё стремительно произошло. Вчера ещё раздумья на мрачном берегу Сиваша, а сегодня – прогулки по бульвару с видом на море.

12 мая. Получаем сообщение, что последние немецкие части 17-й армии добиты на мысе Херсонес. Более 800 дней немцы уничтожали всё им негодное, пытались превратить Крым в свой курорт. Единицы, наверное, смогли вырваться из этих красивейших мест, проклиная их и радуясь, что остались живы. Последних незваных курортников добились в Херсонесе.

16 мая – ПМП в Бахчисарае. Ознакомились с музеем. Удивительно, но сохранился. Даже не разграблен. К чему «великая нация» весьма пристрастна. Когда-нибудь кто-то мне скажет, что среди немцев не может быть воров. Отвечу, что ещё поинтереснее наших русских будут, а главное, не просто тащат, а деловито, как положено, с учётом, описью, и всё как-то у них обстоятельно и скрупулёзно точно. Тащат наше добро, как своё собственное. Перенесли, как будто неудобно лежало, на другое место, но «не воровали».

18 июня в спокойной обстановке осматриваем Симферополь. Выходит местная газета. Читаю слова Л. Н. Толстого и записываю: «Не может быть, чтобы при мысли, что и вы в Севастополе, не проникло в душу ваше чувство какого-то мужества, гордости и чтоб кровь не стала быстрее обращаться в ваших жилах...».

30 мая в селе Васильевка смотрим концерт прибывших из Москвы артистов. Затем покой. Тишина. Запах моря. Жить всем да жить! Просматриваю свои записи и задумываюсь о смысле такого беспредельного количества человеческих жертв и причинённых многим народам страданий всего лишь небольшой кучкой людей, которые создают систему обмана своего же народа, делая его тупым и подвластным. Оправданы ли жертвы русского народа при взятии Сапун-горы? Потери при обороне Крыма мне понятны, а вот штурм траншей и дзотов на горе, которую можно было развалить бомбами и снарядами... Видимо, кто-то кого-то очень торопил. Как только подвёрнется свободное время, то внимательнее и очень вдумчиво перечитаю Льва Николаевича Толстого. Может, и осмыслю войну как-то иначе.

ПРИБАЛТИКА

6 июня 1944 год наш полк погрузили в вагоны на станции Алима и отправили через всю страну от

южных окраин в северные края России. Нет свиста пуль и противного до тошноты воя бомб. Успокаивающий мерный стук колёс тянет к долгожданному сну уставших солдат. Прощай, Крым, надеюсь на встречу в мирное время.

Узнаём, что нас перебрасывают в Прибалтику добивать окружённую группировку противника. Служба идёт по расписанию. Солдаты вспоминают родной дом, переживают за погибших товарищей. Становлюсь свидетелем рассказов о трагических ситуациях, когда бывалому солдату помог сохранить жизнь его боевой опыт, смекалка. Отмечаю, что духовные силы, организованность и сплочённость советского солдата стали очень высокими. Немцев он не боится. Паники в нём нет, что было в первый период войны. Сегодня он уверен, что должен не только выжить, но сделать всё для того, чтобы спасти себя и товарищей умением воевать. Я вижу и чувствую собранных людей. Всеобщее стремление к победе так тесно сближает всех в жажде мирной жизни. Велико желание добить врага, дойти до конца войны живыми и, вернувшись домой, зажечь по-новому, как-то чище, сплочённой в помощи друг другу. Солдаты из Средней Азии приглашают к себе сибиряков. Кавказцы хотят видеть после войны русских у себя в доме. Как всегда, хвалят изобилие своего стола и главный аргумент – вино, какого нет во всём мире. Когда гостеприимные сибиряки зовут к себе на пельмени да грузочки солёные под водочку, то воины, спустившиеся с гор, иронически посмеиваясь, отвечают: «Провинимся – нас к вам бесплатно привезут. Лучше вы к нам». Эти обстрелянные, обожжённые войной люди, понявшие до глубин души её смысл, пропитавшиеся её кровью и потом, вне зависимости от национальности и веры, соскучились по мирному труду как единый народ. Эшелон проходит среди разрушенных городов и сгоревших деревень. Эта бесконечно повторяющаяся картина ещё больше обостряет чувства людей, сплывающая, удваивает силы бить врага. Долго, как это и присуще терпеливому народу России, раскачивалась русская дубина. Видимо, забыли уроки прошлого, что русские сами не нападают, но не дай Бог злить этот народ, а для этого нужно уж очень постараться. Дубина, обласканная руками многих поколений наших предков, бьёт очень больно, а то и всмятку.

8 июня. Мы в Запорожье. Следующим далее: Синельниково – Лозовая – Харьков – Логов – Дмитров – Брянск. 20 июня остановка на станции Зубровка. Выгрузка, санитарная обработка, осмотр и пополнение личного состава, продуктов и медикаментов. Работы много. Солдаты чистые. Заболевших нет. Отправили в мирный тыл беременную женщину, санинструктора. Довоевалась до тех пор, что живот видно. Спрашиваю: «Кто отец?» Молчит, ути-

рая слёзы счастья и грусти от расставания. На ПМП звучат безобидные шутки, что вновь исполнительный боец у нас побывал. Видимо, вместе изучали и чётко придерживались воинского устава. Когда успевают? Одни погибают, другие беременеют и рожают. Жизнь продолжается. Подозреваю своего адъютанта. Наблюдал, как они доверительно смотрели друг на друга. Спрашиваю: «Иван! Сколько мне санинструкторов пришлось списать по беременности с тех пор, как ты в полк прибыл?» Отвечает, демонстрируя недоумение: «Не помню, товарищ капитан». «Зато я помню, – смотрю, как будто ничего не подозревая, в его преданные и безгрешные глаза, – более десятка. Твоя работа?» «Что вы, товарищ капитан, нас, мужиков, целый полк, а они прибывают и прибывают». Размышляю, что к нам-то они прибывают и от нас с прибавкой в весе убывают. Вопрос: как к ним отнесутся в родном доме? Но эта ситуация не идёт ни в какое сравнение с тем, что вновь прибывших девчат могут выбить в первом же бою при спасении раненых. Сотни и сотни молодых, детородного возраста девчонок гибли на моих глазах. Сколько же женщин-санинструкторов погибло на всех фронтах за годы войны? Статистики нет. Оставался наш ПМП, и не раз, полностью без санинструкторов, медсестёр и санитаров женского пола. Возможно, что и среди них были беременные. Многие старшие командиры вернутся домой с фронтовыми жёнами. Ситуация с ними как-то понятна и объяснима. Они этого не скрывают. Война. Каждый из нас может быть убит. Любовь на войне находится в каком-то ином измерении и недостижимой высоты достигает в человеческих ценностях. В этот период чувства любви, взаимной симпатии пользуются отнюдь не привилегиями мирного времени, а ограничиваются весьма жестокими рамками. Самое великое – продление жизни восстаёт против смерти и проходит суровую проверку.

На станции неожиданная встреча и невольное общение с польскими офицерами. Они, как копии, снятые с праздничных трофейных открыток. Лощёные картинки, а не офицеры. Надушены одеколоном до одури, что наши танкисты соляжкой. Оказывается, у них на одного пана офицера положено несколько денщиков. А у тех тоже есть свои помощники. Как они воюют? От них надо оберегать женский состав. Напыщенно элегантны в обращении с нашими женщинами в военном обмундировании, а глаза масляные у «парфюмов», как их успели окрестить ребята. Русский язык на образные и весьма липучие определения весьма точен. Наши девчата посмеиваются. Отшучиваются. Я же вспомнил свою деревню. Сбор ягод. Попадёт на руки, а то и в рот клоп, по форме напоминающий угловатую польскую военную фуражку. Наипротивнейший запах и вкус. Этих зелёных клопов у нас в Горной Шории почему-

то называют польскими с ударением на предпоследней гласной букве. В Сибири много семей с польскими фамилиями, хотя представители этих фамилий себя поляками не считают. Собирались в наши края поневоле, а то и в поиске свободы люди разных национальностей. Терялись родовые корни, а фамилии оставались. Какая-то далёкая связь есть, но, оседая на выбранных местах, мужчины и женщины смешивались в браках, рождались дети, порою под удивительными фамилиями неизвестных для наших мест национальностей, не помня родного языка, кроме русского с вкрапленными словами из других диалектов. Итог один: все становились сибиряками. У людей появилась гордость в ответе, когда их спрашивали: «Ты какой национальности?» Звучало: «Сибиряк!», как представление о трескучих морозах, сбивающих с ног метелях, волках и медведях. Иногда спорят, действительно ли есть такая национальность. Доказывают друг другу небывалыми примерами. Смотришь на него: коренастый, кожа смугловатая, лицо вроде бы европейское, а разрез глаз монгольский. Говорит с акцентом, но и употребляет в речи слова, характерные для сибирского говора. В конечном итоге доходим до того, что он русский, как и его деды и прадеды. Командир нашей полковой разведки – явная смесь славянских и монгольских предков. Фамилия польская. Удаль казацкая. До войны был самым умелым убийщиком скота в своей деревне. Охотник. Навыки пригодились на войне. Проберётся во вражескую траншею и тихо вырежет немцев. Потом рассказывает: «Я их ножом в лён бью. Вскрикнуть не успевают. Поэтому и тихо в моей разведке».

Осмотрели вагоны. Безупречная чистота после полной санитарной обработки. Погрузка 1 июля. Следующим далее: от Бахмачей до Конотопа, затем Нижний Рославль – Киров – Сухачи – Вязьма – Нелидово – Полоцк – Западный Двинск. Старики-солдаты, накопившие небывалый опыт в очередной войне, учат мудрости молодых ребят в пути: «Фашиста надо бить так, чтобы не потерять свою голову». Среди пополнения много сибиряков. Есть из Красноярска, Томска, Тайги и многих деревень, но кузедеевцев не встретил. Есть время уйти в воспоминания, занести потерянное памятью в дневник. Мои санинструкторы обучают солдат оказанию само- и взаимопомощи. Проверяю знания и навыки. 9 июля – разгрузка в Невле. За время нашей перелётки налётов вражеской авиации не было. Господство немцев в воздухе закончилось!

26–27 сентября мы дислоцируемся в районе Шауляя. Вокруг, судя по карте и разговорам, непроходимые Курляндские болота. Так уж и непроходимые? Сколько наших солдат в прошлые времена до нас прошло? Сие неизвестно. Вспомнил Сиваш, и вообще, сколько же нам ещё грязи предстоит прой-

ти и по земле ползать? Неожиданно нашему 1001-му стрелковому полку дано название Шауляевско-го. В ночь с 28 на 29 июля, минуя Монсикис, входим на территорию Латвии. Весь личный состав предупреждён, что возможны обстрелы военнослужащих, особенно мелких групп, санитарного транспорта скрывающимися в лесах националистами. Из местного населения немцы сформировали войска СС. Получились каратели. Забыли или переиначили историю, что русский солдат веками спасал их от уничтожения тевтонцами. Действительно красивая лесистая местность, и много зеркальных озёр. Сколько русских косточек покоится в этих землях? Так хочется, чтобы война среди этой красивой природы была последней. Намечена отправка раненых в тыловые госпитали на территорию Белоруссии. Там свои и спокойно. Охранение обозов, согласно полученным приказам, усиленное. Получаем известия о нападениях групп СС из числа националистов. Добивают раненых зверски. Насилуют женщин, а затем исполосовывают ножами. Веками в этих местах доставалось местному населению от немцев. Защиту и освобождение приносил русский солдат. Сегодня произошли такие развороты, что многие оказались на противоположном полюсе. Для многих людей, населяющих эти места, мы стали почему-то врагами. Они не хотят быть с Россией, но почему-то считают себя родственниками германцев и принимают их смысл жизни как нужное и должное. И так всю историю, как только нужна помощь русских, так нас зовут, обнимают и целуют, а через некоторое время начинают стрелять в спину. История заваливает в прошлом память о потерянной за кого-то русской крови, превозносятся «подвиги» тех, кто и капли её не пролил за свой народ. Помним же об этих событиях мы, русские, и многие из нас задают себе вопрос: а зачем мне они нужны?

30 июля получен приказ о наступлении вглубь Литвы.

31 июля к 6.00 наши части в полной боевой готовности. Солнечным тёплым утром в 8.00 начат штурм города Митавы. Накануне нашему 1001-му полку присвоено звание Краснознамённого. Выбиваем фрицев из города в составе 1-го Прибалтийского фронта 51-й армии под командованием Ивана Христофоровича Баграмяна.

К 4 августа неоднократные попытки немцев контратаковать вдоль основного шоссе пресечены убийным огнём 1003-го и 1005-го полков. Неожиданно мы встретили упорное сопротивление противника у реки Свести и в центре кирпичных кварталов города. Есть потери среди наших солдат. В основном пулевые и осколочные ранения от гранат. Невосполнимые потери незначительны. Сказывается умение воевать. Город горит, покинут жителями. Говорят, что ушли с немцами. 831-му артполку, под-

держивавшему наше наступление, присвоено название Литовского (командир Н. В. Мамонов).

Нашему полку приказано занять оборону по реке Лиелупе, где возможны попытки противника пробиться и уйти в леса. Быстро окапываемся и готовимся к встрече. Противник не заставил нас долго ждать. Вражеские части войск СС подошли к реке открыто, с уверенностью, что их здесь не ждут. Держим и истребляем противника в течение 2 часов 10 минут. Противоположный берег завален трупами. Рослые белокурые мужчины в форме войск СС. Солдаты говорят, что это не немцы, а националисты из числа латышей и литовцев. Валяются от пуль одни, а подходят за ними другие. Слышны стоны раненых и крики о помощи на русском языке. Вспомнили перед смертью русскую речь. Кто же полезет через реку в эти бесформенные кучи спасать эсэсовцев? Получить самому пулю? Эсэсовцев становится всё меньше и меньше, пока не стали появляться одинокие фигуры желающих сдаться в плен. Скидывают на ходу мундиры, но это их не спасает. Карателей в плен не берут. Смотрю на беловолосых мертвецов. Во имя чего погибли? У всех могли быть семьи, дети и мирная жизнь! Немцы ушли, а эти бросились искать спасения в лесах, чтобы продолжать убивать нашего солдата. Националистам, тем более надевшим форму СС, нет пощады. Убьют молоденького нашего солдата, а у него семья, и мать ждёт в далёкой российской деревеньке. Оборвётся род. Невольно всплывают в памяти ужасные картины безжалостного уничтожения безоружных и не имеющих сил передвигаться раненых на лесной поляне при пленении нашего ПМП и не захороненные останки наших матросов, которых ещё живых добивали крымские татары. Нет! Пощады от русского солдата ныне не будет. Фашистским прихвостням места на земле нет, как и надгробной памяти. Натерпелся, посмотрелся до неизмеримой боли наш солдат и напился собственной крови взахлёб. Чужая кровь ему не нужна. Пусть течёт своей рекой подальше от наших земель. Там где-нибудь, как можно дальше, пусть разбираются между собой, кто из них сверхчеловеки, а к нам не лезут.

В прошедшем бою потери в полку малые. В основной массе легкораненые, возвращающиеся в строй. Хорошо налажена эвакуация. Однако обстрелы из лесов есть. Погибших среди раненых намного больше между этапами эвакуации, чем в бою.

Направлен на помощь в 1003-й полк, в котором есть потери среди врачебного состава. Штаб полка расположился на городском кладбище. У могильных склепов неприятная встреча – как всегда пьяный командир полка Ленивый со свитой. Вернулся после ранения. У этого человека нет предела и контроля за данной ему властью. Увидев меня, бросил-

ся обнимать, как родного, в присутствии подчинённых. Сокращает дистанцию. Заплетающимся языком объясняет всем: «Это же Костя... Костя... одессит! Мы с ним... мы с ним...». Ведёт себя развязно, нарушая устав. Типичное поведение алкоголика. Какой я ему одессит, когда коренной кузедеевец. Редкий человек может не знать, что есть очень знаменитый город Одесса, и редкий человек знает, что есть красивейшее сибирское село Кузедеево. При этой «знаменательной» встрече становлюсь свидетелем кошмарного, достойного осуждения трибуналом трагического случая. По личному приказу Ленивого на моих глазах без суда были расстреляны шесть русских ребят-военнопленных, занимавшихся по приказу немцев уборкой территории аэродрома. При отступлении немцев пленные спрятались в канализационную трубу и ждали прихода своих. «Наши», «свои», – кричали они на бегу, увидев офицеров в советской форме. Попали на штабников Ленивого. «Какие вы свои? Вы предатели Родины! Расстрелять», – приказ пьяного комполка. Ребята плакали, говоря, что так ждали освобождения, просили хотя бы трибунала, а не расправы. Ленивый повторил, что в отношении «врагов народа» у советской власти пощады нет: «Расстрелять предателей!». Несчастных мужиков увели в кладбищенский ров и расстреляли. Мне было очень больно, что погибли люди, которым весьма не повезло. Их могли убить и немцы, но в последние минуты плена спасла паника и канализационная труба, а загубил их жизни пьяный командир полка. Военнопленными занимались особые отделы. Самоуправцев, подобных Ленивому, выталкивает война на беспредельную власть, и в это время ты не сможешь противостоять им. Застрелишь одного – и сам под трибунал. А на его место другой служака придёт, да ещё похлеще. Рапортами их не справишь. Рядом с ним был особист и ничего не сказал, так как, что называется, лыка не вязал. Одна компания. Это в стиле Ленивого. Дал же бог этому душегубу фамилию, которая противоречит истинному содержанию человека. Если останусь жив, при всей противности встречи для меня готов на неё в мирное время, чтобы сказать: «А знаешь, ты, сволочь, что один из тех ребят, тобою приговорённых, остался жив и ищет тебя по всей стране». Да многие бы солдаты из тех, что пали смертью храбрых из-за пьяного сумасбродства, вернули бы ему бесценный должок. Война! Но всё на неё не спишешь... Есть понятия чести и совести офицера русской армии, которые всегда определялись как честь мундира. Убить врага – одно, а безоружного и испытавшего муки плена своего – совсем другое.

29 августа. Неожиданно в тишине между боями и обменом «любезностями» артиллериями воюющих сторон случайный артобстрел нашего ПМП. От

ранения в бедренную артерию мгновенно погибает только что прибывшая санинструктор. Находилась в операционной палатке. Понятно одно: когда мы все попадали на землю, она осталась стоять. Осколок прошёл брезент и врезался в тело в паховой области. Вся сторона палатки забрызгана красными струями, которые уменьшались с каждым биением сердца. Острая, невозможная для восполнения кровопотеря. Фонтаны крови, артерия сократилась, ушла вглубь тазовых тканей. Секунды – и нет человека. Ни у кого из нас даже царапинок нет, а её, красивую, молодую, которой жить да жить, – мгновенно. Упала она сразу же да вожмись в землю – и жизнь сохранена. Наверное, растерялась, и рядом никого не было. Вот и не верь в судьбу-злодейку. Подобный случай был несколько недель назад на ПМП 1003-го полка. Младший врач, молодая женщина, при обстреле, и даже не ПМП, продолжала перевязывать раненого. Случайный осколок прилетел невесть откуда, но предназначен был именно ей. Пробил палатку и врезался в брюшную полость через печень. Мгновенная смерть. Раненый, как и все окружающие, остался жив. Её нет. Единственная дочь врачебной семьи профессоров. Ушла на фронт, прервав учёбу. Обидно и очень жаль. Но никому из нас не дана гарантия от трагических случайностей, внезапно обрывающих жизнь человека.

3 сентября. Ваню Титаренко, моего ординарца, отправляем на учёбу в Омск (в эвакуированное Ленинградское военно-медицинское училище). Радостное событие. Скромное прощание. Человек неординарный едет на учёбу. Привык к нему за многие вёрсты войны. Доброго тебе будущего, Ваня. Верю, он не подведёт. Одна у него слабость, которая судьбу может исковеркать как ему, так и другим, – женщины. Но кто же их не любит?

В боях возле крепости Митава особо отличились санинструкторы из нашего полка Н. С. Скурихин и Л. С. Синявская. Не только вынесли много раненых с поля боя, но и подняли бойцов в атаку. При этом даже не были ранены. Герои представлены к боевым наградам.

Узнаю, что от врага нашими войсками полностью очищена Рига. Получаю разрешение и утром в 12.10 выезжаю в Ригу. По дороге вижу жуткую картину. Разваленные до основания прямым попаданием авиабомбы остатки кирпичного здания, где временно был расположен наш эвакогоспиталь. Живых никого не осталось. Когда немецкий самолёт сбросил на здание с красным крестом бомбу, в госпитале скопилось более тысячи раненых. Не успели вовремя эвакуировать в более безопасное место. Из кирпичных завалов расплзается кровавая жижа, собирается и течёт на дорогу. Невыносимый смрад разносится машинами и солдатскими подошвами. Привыкнуть во время войны можно ко многому, но

увидеть и перенести такое не каждый в силах. Всмотриваюсь в лица солдат. Некоторые бледные, как полотно. При всей суровости взглядов предельная злость в глазах. Из этих людей после увиденного злодеяния фашистов чувство жалости, если и было, стёрлось до конца.

Время увольнения у меня ограничено. В Риге посетил картинную галерею, которую не успели вывезти немцы. Увидел прекрасные полотна великих мастеров. Замечаю изменение своего состояния. Искусство очень уравнивает мою издёрганную войной психику. За время нахождения в музее прекратились перебои в сердце. Успел окинуть взглядом Рижский залив, впадающую в него Даугаву. Ближе подойти нельзя, так как немцы минировали район побережья. Вижу, как работают наши сапёры. Спешу в свой полк. Вечером мы должны выйти с территории Литвы (пришла смена) и перейти во второй эшелон для прорыва к Балтийскому морю.

Наступление наше прошло стремительно, практически не встречая сопротивления. Попадают навстречу колонны пленных немцев, а то и одинокие, и малыми группами бредут, бросив оружие. Никто их не трогает. Простые вояки. Не эсэсовцы, тем более не националисты. Оборванные, грязные, худые и голодные. В глазах – полное равнодушие к жизни. Навоевались под руководством своих фюреров.

В этот же день мой ПМП вышел к морю севернее Мемеля (Клайпеды). Полк расположен у реки Дане, впадающей в Куршский залив Балтийского моря. Группировка армии немцев «Север» окончательно отрезана от группы армии «Центр» и Германии. Прибалтийский фронт запер немцев и перешёл к обороне в ожидании приказа об окончательной капитуляции противника.

Смотрю на холодные волны Балтийского моря. Эта вода не кажется мне столь родной, как ещё недавно в Крыму тёплые воды Чёрного моря. Возможно, в мирное время мне даже не захочется сюда вернуться. Размышляю, что добрался Константин Яценко до Одессы и Харькова из сибирского села Кузедеево с единственной мечтой – учиться! Жизнь определила его судьбу совсем иначе и весьма круто. Прошёл Костя Яценко по фронтовым дорогам России от Чёрного моря до вод Балтики. Отмыть грязь войны в тёплом море и обтереть её смрад с сапог в холодном. Стою на злом ветру в погонах капитана медицинской службы. Чувствую боевые награды на груди. Не было ни одного ранения, но потерял столько родных мне людей, что кажется, и меня уже давно нет, а всё то, что видел, – страшный сон какого-то далёкого прошлого, выдуманного не мной. Где мои друзья с военного факультета? Остался ли кто-нибудь из них жив? Полученные мною контузии кажутся мне ерундой по сравнению

с тем, что досталось близким моему сердцу людям. Ну а по сравнению со всем тем, что случилось в мире – неизмеримое горе, обрушившееся на мою родину за несколько лет – мои переживания так, незаметная песчинка, как и я сам в этом кровавом водовороте человеческих судеб. Могло быть куда хуже. От всего увиденного и пережитого болит сердце. Периодически перебои. Мама и все родные – в близкой мне Сибири. Тоска по родному краю навевается холодом моря, бесперерывно накапывающими клочками мелких, толкающих друг друга, суеющих туч. Быстро исчезают и появляются новые формы неизменяющейся неприглядности. Вся эта бессмысленно подпирающая друг друга толкотня стремится с Запада в сторону России. Чувство одиночества. И жизнь моя, живых друзей и мёртвых кажется только мигмом, сверкнувшим в памяти, упавшим и затерявшимся бесследно в земной пыли. Пока ещё можно найти следы, но минует время, и всё затянется. Попробуй найди, когда зарастёт. Чудес не бывает, с того света никто ещё не возвратился, и только память даёт право судить о правильности пролетевшей жизни. Неужели и нашим потомкам придётся испытать то, что прошли мы? Возможно, с обратной стороны на тучки попадает немножко солнечного тепла. Так и душа человеческая, поймав на себе несколько раз тепло, считает прожитую жизнь счастливой. Ловлю себя на мысли, что Балтика действует на меня отрицательно. Нужно уходить от этого моря. Резко поворачиваюсь и устремляюсь к блиндажу ПМП, как будто хочу обогнать равнодушные к моим мыслям тучи, пронсящие над головой, но на деле от бессилия перед непогодой просто прячусь под землю.

8 ноября 1944 года для медиков 279-й стрелковой дивизии устроен торжественный вечер. Все мы собрались в 285-й медсанбат. Переносу интересующие меня данные из дивизионной газеты «Знамя» в дневник. Большой боевой путь прошла с января 1943 года 279-я дивизия. Сформировано воинское соединение в июле 1942 года в г. Горьком генералом армии Лелюшенко Дмитрием Даниловичем.

1. Ворошиловград – ком. 1003-го полка Печерский М. С.

2. Донбасс – ком. 1005-го полка Русаков Н. А.

3. Приднепровье – ком. 1001-го полка Ленивий В. А.

По моему мнению, освобождение дивизией Крыма необходимо разбить на два этапа: создание в 1944 году Сивашского плацдарма и полное освобождение полуострова. Пребывание в Прибалтике – это уже третий период боевых действий.

После создания Сивашского плацдарма командирами дивизии были: генерал-майор Мухин Г. В., генерал-майор Потапенко В. С., полковник Сиваков А. И., зам. по тылу – Крылов, командир развед-

ки – Харченко. Начальники штаба: Блинов М. А., Смирнов П. Я. Командиром 1003-го полка в то время был Ленивый Василий Архипович. После ранения Ленивого его сменил Резвый Тимофей Моисеевич. Зам. по строевой подготовке – Городилов П. А. Начальники штаба: Абакумов, Гробовой, Шальнов А. А. Комбаты: Жолобов Иван, Голубцов, Цыпкин П. Я., Шеповалов, Соловьёв. Майор Соловьёв пришёл к нам из штрафной роты, куда попал после того, как 12 его солдат перешли к немцам. В нашем полку случаев дезертирства, тем более перебежки к немцам, не было. Майор уцелел в штрафной роте, получив лёгкое ранение, но был убит во время атаки, ведя за собой солдат нашего полка. Вспоминаю его как отчаянного человека. Солдатёнков Иван – командир 831-го артполка. Саркисов А. П. – зам. по хозяйству 1003-го полка. Запомнившиеся героизмом военные медики:

Ком. сан. взводов:

Колпакова Неля,
Павленко Алексей,
Каменских Павел,
Подставка Стефан,
Решетников Евгений,
Лещук Иван.

Санинструкторы и санитары:

1. Иванова Раиса,
2. Лозовская Лидия (Синявская),
3. Скурихина Я. Н.,
4. Сковронская Ольга,
5. Шмелев – дезинфектор,
6. Комиссарова,
7. Науменко Шура,
8. Желенко Раиса, награждена орденом Боевого

Красного Знамени,

9. Шулейко Шура,
10. Дуринтова,
11. м/с Базулик Надя.

Ком. сан. роты:

Ермоловская (Андреева А. И.).

Мл. врачи:

Разумов С. В.,
Мельчук Ю.,
Шкипа Семён Иванович.

Фельдшеры:

Тирон – пом. эпидемиолога,
Лозовский Георгий Иванович – нач. аптеки,
Грибов Илья Константинович – ком. сан. взвода носильщиков,

Никоноров – старш. фельдшер,
Падун – старшина роты, направлен в мед. академию,

Бронников – писарь.

Санитары:

Титаренко Иван,
Жуков,

Маро,

Ляшко Любовь,

Тиджинов Боиляр.

Все эти люди – бойцы разных уровней медицинской помощи, отличались незаметным на фоне больших событий героизмом, но с великой самоотверженностью отдавали себя служению военной медицине и спасению раненых. Это люди передового края войны, от которых зависела жизнь бойцов. Может, кто-то и подумает, что писарь брал в руки только ручку. Совсем не так. Часто ему приходилось брать в руки и автомат, как и всем нам, военным медикам. Большинство запомнившихся людей потерялось за войну, и судеб их не знаю, но они занесены в мой личный список как военные медики, проявившие себя героически в самые тяжёлые периоды.

Ком. сан. роты 1001-го с. п. Бехер Галина Яковлевна была переведена эпидемиологом дивизии. Эпидемиологическая служба в Советской армии была на такой высоте, что для нас многих это сложное явление оказалось неожиданностью. Такого не было даже у противника с его организованностью, но тут, видимо, и подводило то, что «сверхчеловеки» оказались бессильны перед вшами и комарами, тем более гангренами, русскими холодами и морозами. Мы на своей земле и защищали её всеми силами, проводя на должном уровне профилактику заболеваний. Для немцев поход в наши края оказался далёк от прогулки по Европе.

126

Зима 1944/45 годов в Прибалтике была холодной. Дули северные ветры. Небо часто заволакивали лохматые тучи, постоянно сеял мелкий дождь. В непроглядной темноте осеннего неба над окружённой группировкой противника редко, вяло поднимаясь, вспыхивают и тухнут немецкие ракеты. Тоскливо фашистам в котле, и на них снизошёл мрак. Света и музыки нет. Рестораны закрыты. Публичные дома разбежались. Немцы из недавних пирующих хозяев превратились в голодных ночных призраков. Мы не слышим ни брагурных маршей, ни даже пиликания губных гармошек.

Вечер в МСБ № 285 проходит в воспоминаниях. У нас патефон. Играем свою и трофейную музыку. Под неё танцы. Встреча проходит спокойно. Нет, как в недавнем прошлом, эксцессов и интриг. Устали, навоевались. То, что было привнесено плохого в наши отношения из мирного времени, война обрубила напрочь. Мирное неформальное общение коллег. Люди часто произносят тосты за победу, но пьяных нет.

26 ноября – смотр дивизии полковником Савиным А. И. Приятное самочувствие. Экипированы и подтянуты. Дисциплина в частях на высоте.

С 5 по 6 декабря полк расположен в Презкуле. Мерзкая погода. Переносу её, как и многие, с тру-

дом. Часты перебои в сердце, сопровождающиеся болями. Ноют и щёлкают суставы. Припухлость на руках.

Новый, 1945, год встречаем среди сырых стен землянок. Война объединила нас, живых и мёртвых, что останется в памяти до конца жизни у каждого. Живые накрепко спаяны какой-то неведомой силой, и уже не могут воевать без этого глубокого взаимопонимания. Звучат русские песни, родная музыка. На ПМП оказалась медсестра Ли́ра из Казани. Когда запела на татарском языке, мы обалдели от её голоса. Решили, что попали на оперное пение. Оказалось, что Ли́ру до войны готовили в филармонии, а с началом войны она ушла на курсы медсестёр, а оттуда на фронт. Повезло за всё время пребывания в боевых условиях – жива. Да её и надо беречь. Сказал, что после войны её голос должен обязательно звучать в концертных залах. Оказалось, что командир дивизии, услышав её голос, уже отправлял Ли́ру в тыл, а она вернулась. Поддерживает нас, военных медиков, своим пением. Где и когда бы я услышал «Соловья» Алябьева, и не пластинку, а на татарском языке и во фронтовых условиях? Нас тянет, мы соскучились по поэзии, живописи, музыке и всему тому, что так волнует человека, взявшего на себя тяжёлую обязанность лечить людей. Однако война не окончена! Но и нет такой армии в мире, которая овладела бы настолько высоко опытом работы медиков, как Советская.

26 января 1945 года нелепо погибает командир батальона Пётр Цыпки́н. Его родовые корни в Одессе. Получил известие о приёме на учёбу в военную академию имени Фрунзе. Собирался радостный, торопился. По дороге обнаружил, что забыл личное удостоверение. Ночью вернулся в батальон, выйдя из блиндажа с документами, был убит осколком шальной мины. Родители живут в Одессе. Мне казалось, что всё близится к концу и смертей близких мне людей более не будет. Та же мысль и о себе, что основное пройдено, и теперь мою жизнь никто не вправе забрать. Однако погибают близкие, ставшие родными мне люди, казалось бы, шагнувшие за порог войны. Несправедливо. Печально!

С 15 марта по 2 апреля проходим специализацию по кожно-венерическим заболеваниям. Госпиталь в местечке Бисжерач. Начальник Глазер. Слушаем его лекцию по сложившейся обстановке. Ситуация сложная. В связи с перемещением наших войск на запад резко возросла частота венерических заболеваний. Особенно отмечено, что зараза ползёт из Польши. Польские красавицы легко завязывают связи с нашими офицерами. Есть случаи драк среди командиров из-за женщин. Привели пример дуэли двух пьяных офицеров. Друг друга не убили, но тот, которому досталась неповторимая полька, заразился от неё гонореей. Смех среди слушателей! После

чего Глазер уточняет, что все случаи вензаболеваний переходят под строгий контроль особого отдела. Распространение европейского сифилиса в России нужно предотвратить всеми возможными путями. В зале мгновенно наступила неимоверная тишина. Все боятся даже пошевелиться. Греховодники среди нас уж точно есть. Разрабатываем план мероприятий. Вносим корректировки. Устанавливаем повышенный контроль.

С 20 апреля вернулся после ранения старший врач 1005-го полка Парамонов Елизар Алексеевич, которого многие знают и уважают за степенность, понимание солдат. Солдаты между собой зовут его просто – Алексеич.

8 мая 1945 года нам объявлено об окончании войны, а 9 мая 1945 года объявлен Днём Победы советского народа над фашизмом. Душа замирает, и кажется, что это ещё не всё. Долгожданный День Победы наступил. Солдаты шутят, что добрый Алексеич принёс из госпиталя мир.

14 июня получил письмо от врача и моего однокурсника Разумова Сергея. Его часть направили на Дальний Восток, но так как Япония капитулировала, то дивизию высадили на станции Елань Свердловской области. Место расположения загрязнено, так как здесь всю войну готовили к отправке на фронт воинские части. Но эпидемических заболеваний не было. Однако за последнее время массовое распространение получила *ptirus pubis* (лобковая вошь) среди солдат и офицеров. Докатилась зараза из Европы до Урала. Немцы в своём блицкриге до Волги дотянули, а лобковая вошь норовит уже через Урал перевалить. Опять цивилизованная Европа очередную пакость напустила. Тщательно осматриваем всех демобилизующихся на причастность к богине любви Венере. Даём строгие предупреждения о возможных последствиях. Европейские вошки бабам и мужикам ни к чему. Войну пережили, а теперь чешись после неё... Мужики бреют свои интимные места. Мажутся соляжкой. Помогают бабки с настоями трав. Объявлен негласно всенародный бой заразе.

Меня по состоянию здоровья направили в госпиталь на Урал для прохождения комиссии. 17 сентября 1945 года был комиссован при Уральском военном округе. Капитан Яценко признан ограниченно годным к военной службе: 2-я степень недостаточности митрального клапана с нарушением ритма 2, неврастения.

1 ноября. Свой тридцатый день рождения встречаю в Свердловске. Узнав из моих документов о круглой дате, неожиданно пригласил начальник санитарного управления УРАЛВО Лазарев. От него возвращался пешком, проклиная всё на свете, а его, забулдыгу, тем более. Я спиртное не переносю. Тем более пьяную болтовню.

12 ноября. Ещё раз подставили. Получил как-то по-дружески приглашение в Камышлов. Оказалось, что наша встреча с начсанкором Сергеевым неспроста. Повторно попадаю в непредвиденную ситуацию мирного времени. Начальник санитарной службы решил приобщить меня, как опытного военного медика, к экспертизе по поводу смерти солдата от пневмонии. Просит разобраться. При чём тут я? Списать смерть на мой авторитет? Обратно еду на паровозе. Свет не без чудак. И здесь покоя не дают. Я человек из войны, отвыкший от мирской суеты. Начинаю понимать, что возвращение к мирной жизни военного человека не так уж легко. На фронте пули, а здесь стрельба мерзостями может оказаться не менее опасной. Однако спал так крепко, как, казалось, никогда. Разбудил машинист паровоза. А снилось, что еду домой и скоро будет Кузедеево.

17 ноября в 15.00 торжественный обед в офицерской столовой. Письмо от Пайдуна из Ленинграда. Учится. Мечтает стать хорошим специалистом. Слушает светил науки. Я запаздываю с учёбой. Нет диплома врача. Военное удостоверение для мирной жизни не подходит.

25 ноября посетил бывшего сослуживца Сергея Нефенко. Живёт один. Родственники его сначала приняли, но вскоре отказались. Комната затемнена. Неприятный застойный запах. Сергея списали из действующей армии после тяжёлой контузии. Решил его поддержать, а попал на урок философствования. Хотя и ранее, до контузии, отмечал у него странности. Систематизирует какой-то бред о реформах. Обосновывает его ложными доказательствами и верит в них. Коррекции не поддаётся. Считает, что Украина, Крым, Кавказ и Прибалтика от России отделятся из-за предательства руководством страны. Что нам ещё предостоят большая война. Европа будет под американцами, и они – наши настоящие враги, а вовсе не союзники. Ушёл, понимая, что Нефенко очень больной человек. Пути у него два: заберут в НКВД и – бесследно исчез человек, или до конца дней будет под наблюдением психиатров, пока не превратится в овощ. На фронте я насмотрелся разных психозов, но всё это были острые состояния. Вдруг мелькнула страшная для понимания мысль, что, возможно, действия многих вышестоящих начальников были бредом, а не заблуждением, тем более не ошибкой. Гоню мысли прочь, но они навязчиво лезут с доказательствами объяснения весьма странных событий моих наблюдений за поведением людей в боевых условиях. От высказываний Нефенко и собственных мыслей остались самые скверные впечатления. Так можно с ума сойти.

28 ноября поехал в Свердловск и посмотрел кино «Весенний вальс». На душе стало легче. Исчез

из памяти заторможенный сослуживец с его мрачными предсказаниями.

30 ноября в 13.00 принят заместителем наркома в Наркомздраве СССР. После чего отправился в Третьяковскую галерею. Вновь отметил, что исчезают боли в сердце и аритмия реже, когда я в покое и соприкасаюсь с великим искусством. Побродить бы по родным местам, где-нибудь среди лип Кузедеевской рощи, по тропинкам соснового бора среди вековых деревьев, наверное, все боли исчезли бы. Кузедеевский сосновый бор. Жаль, что великий Шишкин его не видел.

Выехал из Москвы. Тула – Орел – Курск – Белгород. По прибытии в Запорожье делаю пересадку на Никополь. При посадке в поезд в толпе вырвали из руки чемодан. Очень жалел, так как в нём были нужные книги. Таскал с собой по всему фронту издания классиков медицины. Представляю разочарование вора, когда вскроют мой обшарпанный тяжеленный чемодан. Первой сверху там лежит книга «Газовая гангрена»...

6 декабря прибыл в Никополь. В село Дмитриевка, где находятся родственники жены, привёз первый секретарь райкома Барков. Друг шахтёрской молодости тестя. Его сын, как и я, по имени Константин, погиб ещё до Великой Отечественной, в Испании. Был лётчиком. В школе учился с моей будущей супругой Ией. Сын был единственным в семье. Ко мне очень хорошее отношение. В Никополе меня давно ждало письмо от мамы. Сообщает, что после победы при ликвидации немецкой группировки в Австрии погиб её племянник Александр Заверохин, единственный сын моей любимой тётушки Ольги. Жалко тётю Олю, а Сашку уже не вернёшь. Сколько ещё погибнет победивших русских солдат от рук бывших эсэсовцев, полицаяв, предателей и уголовников. Послевоенное время будет весьма не мирным. Уверен, что в непроходимой тайге и вокруг Кузедеево прячутся на заимках дезертиры, беглые уголовники и прочая сволочь, которой место в лагерях. Долго придётся отлавливать и уничтожать эти стихийно организовавшиеся банды.

Хожу в Никополе на спектакли. Наслаждаюсь: «Наталка-Полтавка», «Бесталанная», «Ой, не ходи, Физа, на вечерницу», «Сестра его дворецкого», «Майская ночь». Предела насыщения театром нет. Мир и театр. Восторг от жизни. Встреча Нового мирного года в кругу большой семьи родственников жены.

3 февраля 1946 года выехал поездом в Одессу. Проводил тестя. В городе во время войны хозяйничали в основном румыны, венгры. Местные жители говорят, что мединститут во время оккупации работал, и в нём готовили врачей. Выдавали дипломы, которые ныне не действительны. На квартиру, как родного, меня приняли родители погибшего одно-

полчанина комбата Петра Цыпкина – Яков Кириллович и Марфа Ивановна. Пётр был у них единственным ребёнком в семье. После его гибели, случившейся за три месяца до окончания войны, Марфа Ивановна стала верующей. Уверена, что лишь вера в Бога помогла ей перенести тяжёлую утрату. У сына осталась беременной фронтовая подруга (санинструктор Скурихина, которую хорошо знаю по совместной работе, служила и в нашем полку). Она, как говорит Яков Кириллович, подарила им внуку Людмилку. Брак оформили после гибели Петра.

На следующий же день иду в театр. Спектакль «Ой, не ходи, Грица...». Одесса, как и в довоенное время, несмотря на холод и голод, очаровывает меня разговорами одесситов. Да ежели вы попали на Привоз, можно умиленно заслушаться и прозевать свои карманы. Вытащат всё, что только можно. На улицах иногда закрадываются сомнения в том, что идущие навстречу люди – одесситы. Я их знал до войны, мне попадаются совсем не те лица. Кто они?

С февраля 1946-го до начала марта 1947 года капитан медслужбы Яценко – студент лечебного факультета Одесского медицинского института. Директор института – Гаспорян.

Спешу на первую лекцию, но чуть запаздываю. Тихонько захожу в зал и сажусь на край первой скамейки. Рядом такой же, как и я, в воинском обмундировании капитан записывает лекцию. Оборачивается ко мне. Обомлели оба. Передо мной живой и невредимый мой друг по военфаку Саша Ситниченко, которого считал погибшим. Нет предела восторгу с обеих сторон. Обнимаемся. Прервали лекцию. Извинились перед профессором. Хочется поговорить. Лекция летит мимо ушей. После лекции всё выяснилось. Сашка был в первом эшелоне, а я во втором, но я оказался в тылу у немцев по приказу комиссара, а он у нас. Оказывается, он со своим ПМП сразу же драпанул при наступлении немцев. Проскочил в суматохе через нашу линию обороны. Уцелел сам. Спас свой ПМП. Воевал. Ранений не было. Награды и воинское звание, как и у меня. Рассказываю свою историю. Предполагаем, что, возможно, это был и не комиссар, который указал мне неверный путь. В то время было много переодетых в нашу форму врагов. Рассказал я ему и об увиденном мною однокурснике в немецкой форме. Оказывается, Сашку вызывали в спецотдел. Допрашивали об этом человеке. Мы оказались оба свидетелями предательства, но большая вероятность, что на нашем военном факультете он работал как агент немцев. Договорились, что больше не будем обсуждать эту тему.

3 апреля – вечер встречи в актовом зале института с Сосюрой, Конурченко.

4 апреля посетили Государственный художественный музей.

18 мая слушаем «Аиду». Основное время в учёбе.

7 июня нам вручили в Одессе медали «За победу над Германией...».

6 июля – поездка в Никополь. Сначала на пароходе «Норд» из Одессы в Херсон. Вечером в театре смотрю спектакль «За тех, кто в море». Переночевал в Херсоне. Утром сел на пароход «Дзержинский», идущий из Херсона в Никополь.

С сентября я вновь в милой душе голодной Одессе. В одесской публичной библиотеке им. Короленко слушаем воспоминания о Л. Н. Толстом внучки Анны Ильиничны. С её слов, «Война и мир» переписывалась четыре раза, «Анна Каренина» – семь, «Хаджи-Мурат» – 130 раз. Прочитав рассказ Чехова «Душечка», Лев Николаевич плакал навзрыд. Дочь Толстого Софья Львовна живёт в Риме. После войны из Югославии вернулись в Россию две внучки Толстого.

Вечернее посещение хирургической и детской клиник, которые построил в прошлом веке одесский купец-меценат И. К. Ясиновский.

Сессия. К экзаменам готовимся группой. Чувствуем, что за войну несколько подустали наши мозги. Особенно ослабла память. У большинства выраженная бессонница. На фронте засыпали под разрывы снарядов, а в мирное время спать не можем. В поверхностной дреме всё снится война.

Мои успехи при сдаче экзаменов: организация и сантактика – 3 (Дмитреевский), детские болезни – 3 (проф. Скротский), инфекционные болезни – 4 (проф. Коровицкий), лор – 4 (проф. Чецелин), глазные болезни – 5 (проф. Фельтов и проф. Кольфи).

В аудиториях института стоит невыносимый холод. Живу по-прежнему у Цыпкиных.

Голод утоляем духовной пищей, хотя иногда кажется, что можно и упасть от слабости на пороге театра. Сохраняю программки спектаклей «Трубадур», «Фауст», «Сильва», «Риголетто», «Иван Сусанин», «Пиковая дама», «Царская невеста». В театре русской драмы смотрели «Так будет», «Князь Игорь», «Лебединое озеро», «Аида», «Раймонда». Театр как-то поддерживает и придаёт силы.

3 марта – встреча военных врачей на квартире Саши Ситниченко. Все собравшиеся были призваны на фронт, не окончив институты. Нас, военных-бездипломников с офицерскими званиями, по отношению к основной массе студентов небольшая группа. Чувствуем, что особого восторга, который испытывали когда-то мы, увидев военных в наградах, сегодня по отношению к нам со стороны гражданских студентов нет. Относятся весьма настороженно либо отчуждённо. Держатся обособленно,

создавая какие-то свои группы. Откуда их столько набралось? Как мы понимаем, те в большинстве не доучились по причине болезней, а после окончания войны выздоровели и стремятся получить диплом. Что сделаешь, если при объявлении войны у некоторых, а их много, ноги отнялись. НКВД точно ими не занималось. Остались же целы. Окончат мединститут. Станут профессорами. Заполнят другие медицинские вузы страны своими кадрами, а нам, фронтовикам, путь на периферию. Все эти проблемы мы обсуждаем между собой. Ведь ещё и нас учить будут, и наших детей. Так-то...

22 марта. Слушаем лекцию знаменитого академика Владимира Петровича Филатова. Это наш человек. Истинно русский учёный.

10 апреля – общепитутский вечер. Конференция научных сотрудников института. Доклад В. П. Филатова «Тканевые терапии (биогенность грязи)». После доклада гуляем в приморском парке и обсуждаем полученную от академика информацию. Потом все идём в театр эстрады на концерт Клавдии Ивановны Шульженко. Повторно идём слушать её в летнем театре и посмотреть на «Синий платочек». Впечатление, что она задушевно беседует с нами, фронтовиками.

Выехал в Никополь на подпитку и отдых. Чёрное море взбунтовалось противнейшей качкой. Морская болезнь сопровождается рвотой. Привёз в Одессу кукурузы. Мои хозяева на десятом небе. Варим мамалыгу.

12 декабря. Последние лекции читают профессора Скрицкий и Корхов. Прощальные напутствия умудрённых жизненным опытом педагогов. Мы внимательно слушаем их пожелания, которые вкратце можно сформулировать так: «Мы учили вас искусству врачевания и не знаем, что у нас получилось, но, в крайнем случае, устройтесь главными врачами». Смех в зале. Ирония в словах учителей отражает реалии жизни. Получить диплом по лечебному делу и по карьерным соображениям добраться до стула главного врача считается позорным и унижительным в нашей среде. Такого мнения придерживается наше поколение, а вот как будут мыслить последующие? Возможно, эта тенденция, исходящая от истоков русской культуры врачевания, сохранится в российской медицине навечно. Невозможно представить себе врача, пропитанного до мозга костей клиническим мышлением, в роли чиновника. Для этого надо, как шутят среди нас, не мозги иметь, а особую пятую точку. Грубо, но несовместимы мы, экстремалы-практики, прошедшие войну, и устроившиеся удобно на гражданке. Некоторые носили не только офицерские погоны, но и награды, убеждая несведущих людей, что были на передовой. Хотя фронтовика можно узнать сразу и по движениям, и по речи.

Начинаем готовиться к последней сессии, которая начинается с 10 декабря. Мои итоги: стоматология – зачёт, судебная медицина – 4 (проф. Шмаилович), психиатрия – 4 (проф. Мерельсон). Подготовка к государственным экзаменам проходит в условиях полугодного существования. Голодает вся Одесса, но не теряет присущего ей чувства юмора.

Некоторые изречения, услышанные в Одесском институте, записываю: «ГПУ – глаз, палец, ухо». Автор – проф. Шатилов. «Лечение зубов есть консервирование, а пломбировка – сооружение мавзолея над инфекцией». «Нет безнадежных больных, есть безнадежные врачи». Автор – проф. Корхов. «На сердце ледок, а на губах медок» – профессор психиатрии Мерельсон об эпилепсии. Он же: «Симулянт видит хуже, чем слепой, хуже слышит, чем глухой, дрожит сильнее, чем больной паркинсонизмом». И, конечно, изречения академика Филатова: «Непоколебимо верить в силу своей специальности», «приступая к лечению человека, врач прежде всего сам должен быть человеком».

Голодные, обессиленные продолжаем посещать театры. «Запорожец за Дунаем», цирк, балет труппы им. Айседоры Дункан. В городе – стрельба, грабежи. Нападения бандитов на одиноких офицеров. Ходим группой. Жаль, что нет при себе оружия. Мы, фронтовики, Ростов-папу брали, а что, в Одессе-маме уголовников не положим? Уголовников узнаём сразу, но они к нам, тем более если мы в группе, относятся как бы с почтением и стараются удалиться с глаз долой.

С 23 по 27 января город накрыл снежный циклон. Видимость на расстоянии вытянутой руки. Падаем, поднимаем друг друга. Кто-то пошутил, что снег подняли и развеяли над городом юбки бешеных танцовщиц балета Дункан.

Государственные экзамены. Председатель приёмной комиссии проф. Гнилорыбов Тимофей Еремеевич (из Днепропетровска). Он ученик Богораза М. А. Знаменитая днепропетровская школа имени Богораза, русского и европейского светила, у которого учились многие западные учёные восстановительной хирургии. Он первым начал пластику половых органов у мужчин.

7 января. Сдаю хирургию – 4 (Корхов, Нелевский, Бабский). Я не ответил полностью на дополнительный вопрос. Претензия со стороны одного члена комиссии: не знаю историю переливания крови. Да и откуда мне было знать, что когда-то где-то кому-то перелили иногруппную кровь? Привязался доцент Нелевский, выставляя напоказ свою эрудицию. Вот такими они и будут, будущие профессора, что сегодня тихонько себя ведут среди нас, как бы даже пресмыкаясь. Противно смотреть. Оказывается, больной анемией певице Вальцевой

перелили кровь от мужа, и оттого она погибла. На фронте я сделал, в зависимости от ситуации, прямых переливаний крови столько, что и не считал. И без осложнений! Думаю, что мне бы доцент Нелевский хирургию, тем более военно-полевую, вообще никогда бы не сдал, а может, попёр бы я его от медицины подальше.

Пройдут годы, изменится время. Прогресс медицины неизбежен. Но поняли мы основное, что отступать от наработанного, казалось бы, устаревшего и скоростно перепрыгивать в навязываемое новое нельзя. В военной хирургии тем более не положено. Военно-медицинская доктрина не позволит. К ней приближается неотложная хирургия мирного времени. Потеряешь или искалечишь больного.

Экзамены сданы. Наконец-то после такой ужасной войны оставшиеся в живых получили дипломы врачей по лечебному делу. Получилось один к десяти. Простите нас, коллеги, что остались навечно на кровавых полях сражений и в нашей памяти.

На распределении обращается ко мне профессор Живетов: «Вы сибиряк»? Отвечаю: «Да!» «Вручаю вам направление за № 155, по вашему настоянию, на работу в распоряжение Кемеровского облздравотдела. Могли бы выбрать место и гораздо интересней. Вам предлагали Одессу. У вас есть диплом стоматолога. Могли бы остаться на кафедре челюстно-лицевой хирургии. Остро не хватает преподавателей. Вы фронтовик, посмотрите на карту. В любом месте достойно вас примут, а вы в свою Сибирь рвётесь», – подытожил он. Не отвечу же я ему, что роднее Кузнецова после стольких лет разлуки для меня ничего нет во всей России. Благодаря, понимая его недоумение. Пора домой!

Торжественный вечер, посвященный 46-му выпуску врачей Одесского лечебного факультета, состоялся 5 марта 1947 года в актовом зале института. Очень холодно. Мы, группа фронтовых врачей, сидим в шинелях. Об итогах докладывает проф. Гнилорыбов. С приветствием выступил проф. Ясиновский. Приказ зачитывает проф. Волынский. Гнилорыбов говорит, что в институте доминирует еврейская национальность – 45 %, русских – 34 %, а украинцев – всего 19 %. Волынский подчеркивает, что институт украинский и должна соответственно преобладать эта национальность. Мы, фронтовики, смеёмся, но это же Одесса, хотя, впрочем, как и всегда, евреи тут ни при чём. Для нас, фронтовиков, в подавляющем большинстве русских, делают, как положено, записи в анкетах и в документах: «русский». Прощай, Одесса!

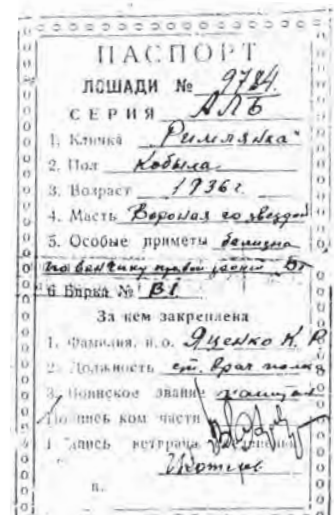
Этой же ночью выехал из Одессы в Никополь. Перевёл дыхание у родственников жены и подался в родную сторонку. Дорога тяжёлая, жуткие пересадки. Давки, грабежи, убийства. В Харькове пришлось провести голодным среди грязи и вок-

зальной вони семь суток. При посадке в вагон история повторилась – выхватили один из чемоданов. И в нём были книги. Очень жалел, но сделать ничего не мог, так как стоял на подножке вагона. После долгих мытарств прибыл в родные места. Вот она, Сибирь, но не могу уехать даже из Новосибирска. Не компостируют билет на Сталинск-Кузнецк. Уже близко. Хоть пешком иди. Впечатление, что на фронте и то было легче. Сплошная бюрократия, волокитство. Кругом жулики. Как они успели в такой массе расплодиться, пока мы воевали? К начальнику вокзала не попадёшь. Военная комендатура разводит руками. Милиции не видно. Жаль, что не прихватил пистолет. Оказывается, у них здесь не мирная жизнь, а беспредельный разгул уголовщины, и не меньший, чем в Одессе. Постепенно, толкаясь по вокзалу, интуитивно тянемся друг к другу, образуя боевую группу офицеров. Находим дельца, который обещает нам закомпостировать билеты в разные направления. Прижали его в туалете. Один из нас пригрозил ему трофейным пистолетом, пообещал пристрелить. Ему надо в Красноярск. Психологическое напряжение такое, что возможен срыв. Вокзальная сволочь клянётся, что всё для нас сделает, но просит взятку. Сбросились, дали. Офицер отконвоировал его и вернулся с билетами. Можно ехать. Расстаёмся. На душе весьма противно.

В Кузнецово прибыл 25 апреля 1947 года. Глотнул нашего воздуха и опьянел. Настолько он чист. На вокзале встретили мама и тётюшка Ольга. Они каждый день ходили на вокзал и встречали поезд. Всмотривались в выходящих из вагонов людей в надежде, что вот и я появлюсь. Наконец-то ступил на родную землю предков. Столько лет разлуки! Горы покрыты свежим весенним цветом, знакомые с детства запахи сибирского разнотравья. Кругом ничего не изменилось, всё неповторимо родное... Мир тебе, моя земля! Мама и тётюшка не могут наплакаться от радости. Оказываются, получали известия, что пропал без вести и даже похоронку. Судьба сохранила меня.

Своего жилья у матери нет. Живёт у брата. Идём к дяде – Осипу Матвеевичу Перевалову. Встречает нас его жена Марфа Прокопьевна. Узнаю, что их племянник Хорьков – Ге-

737

рой Советского Союза. Получил Героя за форсирование Днепра и освобождение Киева. Жив. Но в каждой кузедеевской семье есть потери близких и родных людей. В основном мужчин, но много и девочек погибло, особенно сан-инструкторов. Пусть же всё, что окружает меня, мирно живёт и радуется друг друга, а потомки наши никогда не испытают на себе войны. Будут ли помнить, что досталось нам?

Неожиданно – стук в дверь, и вбегает запыхавшаяся молодая женщина: «Вы уж извините меня! С возвращением Вас, Константин Родионович! Спасите нашего сына. Его лошадь в живот лягнула. Помирает». Всё ясно! И здесь фронт в борьбе за жизнь. Война для врача никогда не кончится. Иду в больницу. Нужно спасти мальчишку...

Р. С. Районный хирург подполковник запаса медицинской службы Константин Родионович Яценко в конце своего дневника, который он продолжал до последнего дня жизни, записал строки из стихотворения «Журавли» дагестанского поэта Р. Гамзатова:

*Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю нашу полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей.
Они до сей поры с времён тех дальних
Летят и подают нам голоса.
Не потому ль так часто и печально
Мы замолкаем, глядя в небеса?*

Для отца война не закончилась до последнего его вдоха. Помню, когда началась перестройка, он, смотря на телеэкран, много раз говорил: «Сегодня мне хочется жить, чтобы увидеть, чем вся эта очередная галиматья закончится». Напомню, что жил когда-то французский врач Гали Матье, который любил побаловать, выписывая рецепты больным, а на их обратной стороне писал всякую чушь, чем приводил больных в великое смятение. Я уверен, что моего отца поддержали бы миллионы людей, воевавших за нашу великую Родину, а их галиматей не напугаешь. Породы они не той. Крепко и больно ответить могли.

Подготовил к публикации О. К. ЯЦЕНКО,

г. Кемерово

Евгений ЧИРИКОВ

ГВАРДЕЕЦ КАТУКОВА

ДВЕ РОДИНЫ

Почётный гражданин Кемеровской области Ярослав Маркович Панчишин оставил заметный след в истории Кузбасса. Его парадная форма пестрит наградами.

Работать он начал в комсомоле. В 1957 году Заводский райком ВЛКСМ, первым секретарём которого был Панчишин, победил в общесибирском смотре-конкурсе, проводимом с целью отбора делегатов на VI Всемирный фестиваль молодёжи и студентов, который стал важным событием в жизни СССР, знаменующая собой падение «железного занавеса».

Окончив Новосибирскую ВПШ (высшую партийную школу), Я. Панчишин немало поездил по Кузбассу в роли инструктора обкома КПСС. В середине 1960-х годов он возглавлял горисполком молодого и весьма проблемного тогда Междуреченска. Затем 15 лет (1971–1986) руководил областным управлением бытового обслуживания населения, которое от допотопного состояния промкооперации довёл до уровня, отвечающего требованиям времени.

Впервые Я. Панчишин ступил на кемеровскую землю 22 июня 1951 года, в день своего 25-летия. Со ступенек вагона сошёл молодой человек в военной гимнастёрке, с двумя чемоданами в руках. Получилось так, что семь лет он служил в Германии, женился на кемеровчанке, попавшей туда как молодой специалист (геолог), и теперь решил погостить у родителей жены.

В городе, который с непривычки показался ему грязным и захолустным, Панчишин остался навсегда. Постепенно Кемерово захватило все его помыслы и стало второй родиной.

Но и первая никогда не покидала его душу, оживая тысячью воспоминаний. Родился Ярослав Маркович по ту сторону границы СССР. Годы его детства прошли в Северной Буковине, принадлежавшей Румынии и населённой десятками разных народов, прежде всего украинцами. Румыны навязывали людям свой менталитет, культуру, язык. Дома Ярослав говорил по-украински, а в школе – только по-румынски.

Отец его воевал в коннице Будённого на советско-польской войне 1920 года, попал в плен, где отдал панских побоев и унижений. Выжив и вернувшись в родное село Звенячку, он не особо скрывал большевистские убеждения, вследствие чего терпелся и от румынской полиции, которая периодически таскала его на допросы и кормила баландой в каталажах.

Экономически жизнь села строилась на натуральном крестьянском хозяйстве. Заработать немного леев удавалось лишь в каменоломне и на сахарном заводе, принадлежавшем королеве-матери. Завод стоял километров за восемь от села и действовал четыре месяца в году, пока шла переработка свёклы.

Село, стоящее на высоком берегу Днестра, с исторических времён всегда жестоко страдало от военных действий из-за пролегшей сквозь него стратегической дороги на Варшаву и в Западную Европу.

Напротив, за рекой, раскинулся красивый польский город-курорт Залещики. Капитальный мост через Днестр, выходящий прямо на Залещики, румыны и поляки построили на равных паях. На его торжественное открытие в 1933 году приехали принц-наследник Михай, супруга Кароля II Елена (мать Михая) и королева-мать Мария (бабушка Михая). Умиляя королевских особ, на мосту с песенками и стишками выступили местные нарядные дети. И среди них – мальчик по имени Ярослав Панчишин, которого ласково погладили по головке.

Начиная с этого года, когда к власти в Германии пришёл Гитлер, коричневая зараза стала расплзаться повсюду, где только встречала тёплый приём. В Звенячку приезжал сам будущий фашистский маршал Антонеску, который ораторствовал с телеги против евреев. Молодые парни начали устраивать ночные факельные шествия и громить еврейские улочки. Взрослые с тревогой говорили о политике, Гитлере и неизбежной войне. Мальчишки играли в войну часами.

Большинство буковинского населения мечтало о воссоединении с СССР. В июле 1940 года Румыния приняла ультимативные требования советского правительства, и в Черновицкую область вступили части Красной Армии, принеся с собой новые порядки, которые, впрочем, понравились далеко не всем. До большой войны оставался год.

ВОСКРЕСЕНЬЕ, ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Ярослав родился первым из восьмерых детей Панчишиных. Обличьем он пошёл в отца – такой же рыжеватый, крепкий груздок. С его необычайной любознательностью и безотказной памятью он отлично учился и с чувством счастливого предвкушения уроков ходил в школу. Но отец, который кормил

семью, нуждался в помощнике. Так что первенцу приходилось и корову пасти, и лошадь запрягать, и вилами ворочать, и, в общем, делать всё по хозяйству. Вставал он задолго до восхода солнца.

К 15-летию сына мама сшила ему костюм из плахты (парусиновой ткани, применявшейся на сахарном заводе для фильтрации свекловичной пульпы). Как он прошёл по деревне! Как ему хотелось, чтобы все его увидели! Как брюки шуршали! До этого он ходил в заплатках и обносках от отца.

До дня рождения Ярослав три недели отработал в геодезической партии. Вместе с ним рабочими устроились ещё двое подростков, но его поставили старшим. Начальствовал над ними всеми 20-летний Александр Иванович Чашин, только что закончивший геодезический техникум.

Геодезисты взяли инструменты и пошли на утёс, чтобы под предлогом работы немного перекусить в честь именинника. Повеселились, глядя в окуляр теодолита на Залещики и обсуждая прелесть паненок. Сели на полянке со своими припасами. Мама дала три литра ягодного морса, шмат сала, два десятка яиц и шкалик горилки для начальника.

Было часов 9 утра. В небе ни единого облачка. И... что это? В кустах блеск штыков и пятна зелёных фуражек. Пограничники!

– Смотрите!

– Тихо! Всем сидеть! – скомандовал Чашин.

К ним решительно приблизились трое с грозными лицами. Командир ощупал всех подозрительным взглядом. Но, увидев перед собой пацанов, сначала растерялся.

– Кто старший?

Он отвёл Чашина в сторону, что-то сказал, и пограничники сразу удалились. Александр с перепуганным видом приказал быстро сматываться. До села было с полкилометра через поля спелой кукурузы, колосающейся ржи и отцветающего картофеля. Скорее домой!

До крайних домов оставалось немного, когда небо в один миг потемнело, словно солнце зашло за тучу. Вверху послышался гул. Пацаны задрали головы и увидели над собой много-много самолётов с длинными крыльями и чёрными крестами. Они летели низко и начали высыпать бомбы. Вокруг загрохотало, засвистели осколки, от ударных волн земля вздыбливалась и с шуршанием обмётывала ноги, словно венником. Хлопцы заметили друг на друге кровь. Навстречу им шёл молодой лейтенант, не тот, который выходил из кустов, а другой. И они увидели, как человек упал без половины черепа, снесённой осколком...

Через несколько часов к изуродованному бомбами селу подошли танки и пушки, которые тянули лошади. Множество солдат сновало туда-сюда среди суматохи и ажиотажа. На центральной площади

вкопали столб и прикрепили громкоговоритель. Стал стекаться народ, ожидая выступления Сталина. Жители голосили, подступали к прибывшему начальству с вопросами. Кто нас бомбил? Почему? Никто не давал вразумительного ответа.

– Подождём, скажут!

Захрипел динамик, послышался голос. Объявили, что выступать будет министр иностранных дел Вячеслав Михайлович Молотов.

– Почему не Сталин? Где товарищ Сталин? Что с ним случилось?

Ярослав и другие хлопцы бегали всюду и были в курсе всего происходящего. Уже на второй день начали прибывать на полуторках сотни забинтованных раненых. Десятки разрозненных групп усталых, оборванных красноармейцев прошли, кляня войну и то, что с ними случилось. Но при этом они заключали:

– Мы ещё вернёмся! Ещё отомстим!

Семья Панчишиных обосновалась на жительство в просторном подвале их каменного дома, но только кроме Ярослава, не поддающегося никаким запретам. Он участвовал в рытье окопов, подносе боеприпасов, бегал с поручениями военных, как и вся группа «Гаврошей». Позицию непрерывно бомбили и обстреливали, не давая ни минуты передышки.

Но... через несколько дней русские спешно отступили. Появились венгры. Они вели себя корректно, хотя сразу же начали искать большевиков. Предвидя это, Панчишин-старший скрылся и вернулся лишь через год, при румынах.

А те будто и не уходили. Тот же директор школы, тот же поп, тот же нотариус. И вахмистр, ходивший с карабином за спиной. Отца снова начали таскать по инстанциям.

ПРИЗЫВ

Село стояло разбитое, голод и нужда пришли в каждый крестьянский дом. Казалось, лихолетью не будет конца. Люди думали только о том, как выжить. Когда был восстановлен разбомбленный сахарный завод, подростки ринулись туда. Пятнадцатилетних принимали разнорабочими с 12-часовым рабочим днём и половинной оплатой труда. От безвыходности Ярославу пришлось согласиться.

В декабре 1943 года жители Звенячки услышали канонаду, увидели клубы дыма и сполохи разрывов. Ночью румыны мгновенно исчезли, а утром село разбудил всё нарастающий рокот.

Приближение сотни танков было так неожиданно, что жители испугались и попрятались. Но ленивые, одиночные пушечные выстрелы давали надежду, что громающего всё вокруг боя не будет.

Ярослав с неразлучным другом и соседом Тарасом выбрались из подвала, чтобы разведать ситуацию. Прямо в панчишинском дворе стояли два тан-

ка и возле них солдаты-москали. Никого не остерегаясь, они громко разговаривали и пацанам очень обрадовались, позвали к себе, угостили сахаром и сухарями. Спросили, где взрослые, послали за ними.

Все – вместе с соседями десятка четыре человек – в выложенном сводом из камня-известняка подвале всполошились. Родители с руганью накинулись на парубков, которые кричали, что пришли русские, и показывали сахар и сухари.

Женщины засуетились, выбираясь наружу. Солдаты тут же дали им крупу, масло, тушёнку, попросили сварить обед. Ликование жителей смешивалось со слезами, надеждой и недоверием – а это теперь навсегда?..

Оказывается, первая гвардейская танковая армия, выполнив задачу по окружению крупной немецкой группировки в районе Тернополя, направлялась в сторону Львова и польской границы. А дорога – через Звенячку.

Призывной контингент – от 17 до 52 лет – без промедления собрали в здании школы. Медицинский осмотр сводился к немногим вопросам.

– Ноги целы? Глаза есть? Годен!

Призывники разошлись по домам, чтобы через два часа явиться с котомками, харчем на трое суток и вещами. Их предупредили, что опоздание на пять минут будет считаться дезертирством. И тогда трибунал.

Ярославу Панчишину было 17 лет и 5 месяцев. ¹³⁵ Он радовался, что повзрослел и идёт на фронт, будет носить винтовку. Дядя (брат отца) отговаривал его. Как председатель сельсовета он мог дать бронь. Многие и оставались по брони на сахарном заводе. Но уговоры не действовали на юного, малого ростом воина.

До Черновцов колонна человек в триста шла пешком. Рядом с Ярославом отсчитывали вёрсты его отец (тоже мобилизованный) и друг Тарас. Расселили их в камерах и подсобках лишь недавно опустевшей румынской тюрьмы.

Капитальный каменный забор высился на 4–5 метров с колючей проволокой наверху и заострёнными пиками. Как они с Тарасом перелезли, Панчишин не помнит. Может быть, верёвкой зацепились за пики. Им ведь и по отвесным скалам приходилось карабкаться к гнёздам орлов, так что не привыкать.

Зачем они сбежали? Узнали, что будут возвращаться в Залещики, затем поездом – в Тернополь (где ещё шли бои) и на Киев. Подумали с Тарасом и решили, что на обратном пути снова вольются в строй. Когда шли домой, в голове зудила мысль об отце, ведь он остался там!

С чем-то щемящим на сердце Ярослав приближался к отчому дому. Дверь кухни была приоткрыта, мама пекла хлеб...

Расчёт оправдался, назавтра в три часа колонна прошла по деревенской дороге, но лейтенант встретил беглецов с гневными, налитыми кровью глазами и давай их страшать:

– Под трибунал отдам! Расстреляем! Дезертирство!

– Какой я дезертир? Я к маме пошёл!

– Какая тебе мама! Становись в строй!

Вдоль дороги тянулся лесочек. Мост через Днестр сохранился в целости. Часов через пять на станцию пришёл поезд с вагонами-телятниками, людей погрузили.

Ехали стоя или сидя на своих торбах. В Дарнице (сейчас это район Киева, а тогда она была сельским райцентром) состав разбомбили. Ярослав с Тарасом побежали на кукурузное поле. Когда всё стихло, вернулись к разбитым вагонам. На вечерней поверке не досчитались многих.

Эшелон с новыми вагонами взял направление на Смоленск и прибыл на станцию Песчаная, километрах в пяти от Козельска. Разместили группу среди руин монастыря Оптиной пустыни, в котором уцелели лишь кое-какие полуподвальные помещения. Помыли в бане, выдали обмундирование.

КУРС МОЛОДОГО БОЙЦА

Отца перевели в стройбат. Он работал на заготовке брёвен для блиндажей. Сын приходил к нему и помогал работать, обрубал сучья с огромных сосновых стволов. По четверо-пятеро человек брали бревно и тащили в расположение учебной части.

Отбой! Люди раздеваются и ложатся в ровик, выкопанный в полу большой землянки. Все на правом боку с поджатыми коленками. Под головой вещмешок или котелок. Через час-полтора старшина вопит:

– Внимание! На левый бок повернуться!

Часа через два снова «тревога». Снова в лес, тащить брёвна. Сапёры строят жилище. На следующий день готова ещё одна землянка на целую роту, 150–170 человек.

Светает, рота выскакивает на зарядку и бегает, раздетая, по снегу. Торсы обмываются в проруби на Жиздре, растираются полотенцами – и бегом назад.

Построение – и на завтрак, но... только через штурмовую полосу. Пока не преодолеешь все препятствия, в столовую не попадёшь. Нельзя задеть проволоку, чтобы не зазвенел колокольчик. А гимнастический конь – выше маленького солдата. Нескольких раз он не мог его взять. И вдруг как разбежался – перепрыгнул не касаясь! Старшина даже рассмеялся. Так произошло преодоление «коня».

На завтрак давали буквально воду-кипяток с сухариками, ломтик хлеба, граммук двадцать селёдки и два кусочка сахара. Селёдку съедали и с

головой. Иногда появлялась перловая каша. В кружках варили картошку, если она была, и в обед бросали её в голый суп без жиров и мяса.

От голода являлись призраки. Идешь по тропинке, и мама хлеб подаёт. Сжимаешь маленький хлебный шарик. Съедаешь их один за другим и всё равно не наедаешься. «А можно ли вообще насытиться хлебом? – возникало мысленное сомнение. – Нельзя».

Заморены, затасканы, сна нет... Каждый день занятия, день и ночь. Ползая по-пластунски, разгребали картошку, если попадётся на поле, и радовались любой, хоть с горошину. Если продукты порой не подвозили, доходило до поедания ворон.

На бойце противогаз, две гранаты, винтовка-трёхлинейка, патроны, лопата...

– Равняйся! Смирно!.. Газы! (Противогаз на себя). Приготовиться к бегу!

Землянка служила газовой камерой, куда загоняли целый взвод. Некоторых выносили, кто неплотно надел противогаз.

Марш-бросок бегом. Здоровенные парни впереди не выдерживали и грохались оземь, заплетаясь ногами. Их клали на машину и метров двести везли. Ярослав ни разу на этой машине не катался.

Однажды всех собрали для выдачи обмундирования. Получили новёхонькие кальсоны, рубашки, майки, обмотки, красные кожаные английские ботинки с крючками для шнурков. Мечта!

И снова занятия.

– Вправо по одному на расстоянии трёх шагов друг за другом марш!

Бегут к разорванному на две части мосту. Надо с первой половины прыгнуть в воду, чтобы попасть на другую. Со штыком падать страшно. С винтовкой вообще страшно, её терять нельзя. Прыгать в новых ботинках и шинели?

– Я не буду!

– ...мать! Вперёд!

Старший лейтенант идёт с кулаками.

– Я не буду!

– Ты что, на фронте будешь выбирать, куда падать?!

Достаёт пистолет.

– Я тебя могу за невыполнение приказа...

Бултых! Пропасть метра три до воды. А надо ещё ползти под проволокой и врываться на второй этаж здания. В новой шинели... Полз и плакал. Обидно... Панчишин так разочаровался в армии.

Он и не знал, что до присяги нет права применять репрессии. Потом командир подошёл с неофициальным выражением лица.

– Новое обмундирование! Милый мой! Мы отдаём жизни, а ты – «обмундирование»...

После принятия присяги солдат уже совсем не принадлежал себе, а только Родине.

– Смирно! Для приёма присяги шагом марш!.. Распишись! Бегом марш!

В Козельске отец провожал его на фронт.

В армии Панчишин выделялся первобытной чистотой души. Не матерился, не курил, табак и спирт отдавал другим. Поэтому вокруг него воссиял дружеский ореол.

– Славку не троньте!

Один фитиль повёл себя страшно оскорбительно.

– Эй, хохлёнок! Ну-ка сбегай, помой котелок!

Взбешённый «хохлёнок» запустил ложкой и разрезал длинному обе губы. Капая на снег кровью, тот грозил убийством, но за пацана сразу заступились. И никто больше не обзывал. Через полгода он уже чисто говорил по-русски «с уральским акцентом».

В МИНОМЁТНОЙ РОТЕ

Дальше пути их с Тарасом разошлись. Воевали они далеко друг от друга. После войны Тарас вернулся в Звенячку, где вскоре скончался от ран...

Панчишина отправили на 1-й Белорусский фронт. Бойцов напутствовали:

– Вы едете завершать операцию по изгнанию немецко-фашистских захватчиков с нашей родной земли и освобождению братского белорусского народа от вражеского ига...

Почти пять суток ехали в вагонах-телятниках, передвигаясь только ночью.

136

Днём отстаивались в поле, на полустанках, в лесных массивах, замаскировавшись ветками. Проезжали десятки деревень и городов с одними печными трубами под луной и звёздами, ужасаясь масштабу разрушений и клокоча ненавистью, жадной мщения озверелому врагу.

Высадили ночью где-то в районе Могилёва. Пополнение строем повели вглубь леса. Разместили в готовые окопы и обещали скорый ужин. Не евшие три дня бойцы забылись в мыслях о еде. Но ожидание прервал сильный фашистский огонь. Ржание лошадей и крики людей разламывали душу. Лошади ржали страшно, как сотня плачущих детей. Прижимаясь к трясущейся земле в бушующем пекле, Ярослав не чувствовал никакого спасения. Когда всё кончилось, в живых и здоровых осталась лишь половина новобранцев, и он среди них. Те, кому повезло, побежали за кониной, вырезали мясо. Ухитрились развести костёр без дыма и устроили пир.

Панчишин служил в стрелковой дивизии пулемётчиком станкового пулемёта. В начале февраля 1944 года полк вышел на марш и протопал пятьсот километров пешком. Вещмешок, сухари, сахар... Сухой паёк на три дня.

Командир роты взял Панчишина ординарцем, то есть как честному человеку доверил ему свой вещмешок. Весивший 49 кг Ярослав нёс его плюсом к

своему снаряжению и, значит, нёс на себе все 48... Правда, старший лейтенант отрезал ему кусок сала.

– Выносливый боец! – сказал он.

Затем Ярослав командовал миномётным расчётом (82 мм). Ориентировку подаёт командир отделения. Примерно пять ориентиров.

– Ориентир номер один! Буссоль поднять!

Вся батарея вскакивает. Если противник замолчал на час-полтора, значит, попали.

Когда Панчишин пришёл на фронт, в нём жило убеждение, что солдат не имеет права струсить. И был случай. Заряжающий, торопясь, опустил мину в ствол взрывателем вниз. За доли секунды весь расчёт отпрыгнул в окоп, а он, Ярослав, остался. Снаряд не взорвался. Один случай на миллион!

– Героический пацан! – разнеслось по всей части.

Его признали за отчаянного смельчака и начали почтительно относиться те, кто постарше. Многие хотели увидеть его и поздравить.

Наверное, магические силы вроде ангелов-хранителей берегли этого бойца.

– Слава, сбегай за вещмешком, там соль есть...

Только отбежал, как всех, кто сидел у костра, на котором варились консервы, накрыло снарядом.

Утром идёшь, смеёшься, шутишь с кем-то, а через час его нет... Над тобой постоянно: у-у-у-у-у! К этому привыкаешь.

У Ярослава выработалось прямо-таки сверхъестественное чутьё на обстрелы. Казалось бы, это противоречит законам физики, но он слышал звук ещё до того, как пролетел снаряд (а снаряд летит быстрее звука), и мог определить, где будет взрыв.

Он вёл офицерскую команду с подполковником во главе на КП батальона. Перебредали горную речушку по циклопотку глубиной. Чистая вода, камушки... Тонкий пронзительный звук.

– Ложись!

Офицеры недоуменно посмотрели на него. Но через секунду бухнуло. Бил немецкий миномёт, прозванный нашими солдатами «Ванюшей». Короткий ствол, стабилизатор – цилиндр длиной с метр. Набитая толлом болванка, как репа. Когда труба ударялась об землю, убойная сила осколков достигала 60 метров. Удар шёл понизу.

Панчишину помнится отеческое отношение старших к младшим.

– Сынок, не лезь... Будь аккуратнее...

И беспощадное отношение к малейшей эгоистической слабости в человеческом существе. Он видел, как солдат пошёл за хлебом. Обычно за посланным идут двое «хвостов». Хлеб был с довесками. Посланный довесок проглотил. Эти двое доложили. Солдата расстреляли перед строем...

Позже Ярослав Панчишин вспоминал:

– Такова доля солдата. Шинель, кирзуха с портянками. Мороз, сугки на улице. Промёрзнешь так,

что портянки не отдерёшь. Не будешь знать, что такое тепло. Если паёк до тебя доберётся, то хорошо. И каждые полчаса бомбят. Трое суток, бывает, не привезут еду. Ползёшь к убитой снарядом лошади, отрежешь конины, сколько можешь. Прикладываешь кусок к горячему от стрельбы стволу миномёта и хоть чуть-чуть поджаришь.

Съедали пищевой концентрат, а на бумаге от пакетов писали письма. В них всегда ютилась хотя бы крапинка действительности, которую не могла вычеркнуть цензура. Иногда, правда, кроме приветов ничего не оставалось, всё замазывалось чёрной мастикой.

Два события стали знаменательными для Ярослава Панчишина в Западной Белоруссии. После атаки, когда он бежал от воронки к воронке, но ни разу не залегал, к его гимнастёрке на груди прикрепили гвардейский знак.

Второе: прямо в окопе состоялся приём в комсомол. Пригибаясь под свистом пуль, в расположение роты занурнул майор с планшетом, на котором и было написано заявление, определившее судьбу будущего энергичного комсомольского работника. Тут же, в окопе, сделали фотоснимок для комсомольского билета.

КАТУКОВЦЫ

С началом наступления в Польше Панчишина ранило осколком в голень. Ковыляя пешком до госпиталя, который находился на станции Мазовеяка, он познакомился с попутчиком – тунгусом Петровым. В свои двадцать лет тот не сохранил во рту ни одного зуба. Маленький, разбитной, рожица селёдкой, ноги кривые.

Отлежав в госпитале, они оба получили направление в запасной полк.

На станции подали поезд с вагонами-телятниками.

– Давай захватывать вагон! – рванул к поезду бывалый Петров.

Встали у дверей. Налетает с полсотни поляков, которые торопятся уехать подальше от места боевых действий.

– Сало е? Бимбара (самогон) е? – воинственно зарычал Петров.

– Е!

– С каждого по полкило сала и по ноль-пять бимбары!

– Да нас с тобой расстреляют! Как мародёров! – испугался Ярослав.

– Не бойся!

Из запасного полка пополнение разбирали «купцы» на плацу.

– Танкисты есть? Выходи! Сапёры?..

Подполковник с каждым коротко беседовал. Спрашивал, где и как проходили подготовку. Ярослав заявил, что в 1-й танковой армии.

– Не понял, поясни.
 – В 1943-м ваша армия призвала меня служить. Нас обучали в прифронтовой полосе...

– А откуда ты?

– С Черновицкой области.

Подполковник засмеялся.

– Вот так встреча! Ты черновицкий?

– Так точно!

– А сколько тебе лет?

– Семнадцать.

– А ты знаешь, что наша армия носит почётное имя – Черновицкая? И не думай что в армии можно небритым ходить!

– Нет, не знал, товарищ подполковник...

Он ощупал рукой мягкую поросль на подбородке. Брились заточенной жестью от консервных банок.

– Миномёты изучал?

– Да.

– Временно пойдёшь в батальон миномётов, а когда останешься на переоформление, переведём в танковый.

Отбрали 11 человек. Ярославу хотелось затащить с собой закадычного приятеля Петрова, который идти в катуювскую армию не соглашался ни в какую.

– Я же не танкист!

– Пошли, пошли!

Двинулись в путь по лесам плохо протоптанными тропами. Тот, кто вёл, не обратил внимания на лишнего человека. Но на привале удивился.

– А ты откуда взялся?

Панчишин сказал, что сам слышал, как его вызвали. Офицер смутился. Как это он не записал?

Позже с Петровым решали, что делать. Оставили и взяли в сапёры.

Он выжил на фронте и после войны приезжал к Ярославу Марковичу в гости.

Когда Ярослав пришёл в часть, его взяли не в миномётчики, а в отряд связистов-курьеров. Спали они не больше 15 минут в сутки. Пробирались с донесениями по лесам и полям.

Болото, кусты, из трясины торчит морда погибшей лошади, по уши застрявшей в жиже. Это типовая картинка лесной местности.

В Польше молодой катуювец попал в такую ситуацию. Мостик в два бревна. Соскочил в траву и подался вперёд, думая, что уже земля. А была – топь. Хорошо, что автомат упёрся в бревна, иначе бы не выбрался. А он должен был добраться до передовой, послание доставить.

Другой случай посерьёзнее. Ярославу дали донесение, и он побежал по шнуру связи. Разрыв мины от «Ванюши». Прыгнул в сторону, выпустив шнур из рук. С полчаса земля содрогалась от взрывов.

Свалился в яму метра два глубиной и ходил по дну, устланному соломой. Наверное, крестьяне держали яму для корма скота, подумалось ему. Как выбраться? Штыком начал резать уступы. А что внизу? Там трупы! Их много! От жути и не помнил, как выскочил. Мелкие ели вокруг. Где шнур? Его нигде нет. Вышел с заданием он в 20.15. Приказано прибыть к 21.30. Если позже, будет судить трибунал либо нужны доказательства, что не виноват. Уже темнеет, но шнур так и не нашёлся. Идёт вперед. Прислушивается. Вроде как немецкая речь. Шарахается в другую сторону – тоже чужой говор. Взял карабин и хотел уже покончить с собой, потому что плен страшнее смерти, но услышал отдалённый дизельный рокот.

Аккуратно выбрался на край леса. Тихо, темень, внизу дорога, идёт колонна, по-русски кто-то заговорил. Выскочить? А если его за шпиона признают? Он сполз ниже и поплёлся сзади вроде бы как после оправки. Мало-помалу выяснил, что это 10-й корпус. Тогда к командиру. Назвал себя – из 19-й мехбригады (8-й корпус). Ему сказали, что проводят до передовой, его батальон будет справа...

С первых дней в танковой армии Михаила Ефимовича Катюкова Панчишин ощущал её легендарность и какое-то общее родственное чувство к командующему, имя которого произносилось с необычным почтением. Все служащие «старика» с гордостью называли себя катуювцами.

В ПОЛЬШЕ

Перед наступлением войска вдохновляли приписанные к танковой армии знаменитые в то время артисты-юмористы Штепсель и Тарапунька, который преобразался в Гитлера.

– Что, Гитлер капут? – издевательским тенорком спрашивал Штепсель.

Живот-шар Тарапуньки тем временем надувался.

– Германия ещё дует, дует! – злобно выкрикивал «Гитлер».

– Дует и лопнет! – патетически резюмировал Штепсель.

И ка-ак бахнет! Солдаты хохочут.

Появление в пределах видимости маршала Жукова поднимало чувства на огромную высоту.

– Ура! Жуков приехал! Значит, наступать будем! Значит, победим!

Сидя на броне танка, Ярослав наблюдал, как Жуков, вооружённый палкой, молотил по всем подряд спинам, чтобы ликвидировать затор на понтонной переправе.

– Назад! Сбрасывай машину! Вали её!

Через десять минут движение восстановилось. С обеих сторон поставили регулировщиков.

Долго стояли под Варшавой на Сандомирском плацдарме, пережидая (по приказу Сталина с из-

вестными теперь политическими мотивами) Варшавское восстание. На Висле лопался и отрывался тонкий осенний и зимний лед.

Наши солдаты дразнили местных жителей, что всех паненок загонят под одно одеяло. В один колхоз.

– Матка боска! – ужасались поляки.

– Зачем вы их пугаете? – сердился Ярослав. – Хрен мы социализм построим так!

Он нёс в танке дежурство. Мотор не работает. Когда сидишь внутри, всё тело замерзает. Ощущение, что ноги превратились в безжизненные сосульки, портянки не отдерёшь. И переобуться негде.

Войска ждали приказа о наступлении. Вся нейтралка на двести метров покрылась ковром подснежников. Положить бы цветочек в треугольник письма и отправить девушке.

Поддавшись порыву, Панчишин выскакивает через бруствер окопа. По нему начали палить, как сто охотников за одним зайцем! Взметнувшийся от разрыва мины фонтан земли осыпал его комьями. Он лежал ничком, вжавшись в почву.

– Пацан – дурак!.. – слышался сердитый упрёк из нашего окопа.

Кто-то, наверное, взял его даже на прицел, думая, не на ту ли сторону он побежал. Немцы решили, что русскому капут, грохот стих. Ярослав вскочил и сделал короткую перебежку к цветочной поляне, упал, залёг. Правая рука его хватала подснежники. Он уловил слова немецкой речи, которую никто в русской траншее не понял.

– Иван! Бери цветы! Не бойся! Не будем стрелять!

Поверил и встал открытой мишенью.

– Ложись! Ложись, сука! Падай на землю, дурак! Залегай! – орал наши, до сих пор до него доносит-ся этот рёв.

За три минуты набрал охапку и в полный рост вернулся в окоп. Двадцатипятилетний командир взвода Псурцев с отеческим гневом отхлестал его по щекам. Ярослав подал ему букет. Лейтенант взял цветы и заплакал. На крики и стрельбу сбежалась вся взволнованная рота, если не батальон.

Висла широко разлилась. Наша тяжёлая артиллерия гвоздила немецкие укрепления за рекой. На рассвете, в густом тумане, после 45 минут мощной артподготовки началось форсирование водной преграды, кто на чём мог. На лодках, досках, брёвнах, бочонках, понтонах. Течение сильно сносило в сторону. Снаряды падали то впереди, то сзади. Значит, следующий мог в тебя, взяли на прицел.

Если первая гордость Панчишина – гвардейский знак, то медаль «За освобождение Варшавы» – вторая его гордость. Варшава, Седлец, Кутно... И концлагерь. Возможно, это был Майданек. Или другой.

Из барakov, из распахнутых настёж ворот, выскочили измождённые люди, прямо-таки одни ко-

сти в полосатых костюмах и беретах. Они бросались под танки и плакали, на разных языках просили есть. Зная, что твёрдую пищу давать нельзя, заворот кишок обеспечен, солдаты совали свой колотый сахар, который узники сосали.

Иссохшие лица освобождённых жертв фашизма резко контрастировали со здоровыми харями охранников. В освободителях бушевала ярость. Построили человек пятьдесят. Как же с ними поступить? Сегодня ты расстреляешь, а завтра немцы будут ходить и подсчитывать... И сколько врагов останется в новом государстве... Офицеров расстреляли, рядовым сказали: разбегайтесь!

– Я! Я! Гитлер капут!

Развивая наступление, совершенно неожиданно наткнулись на указатель: «За этим знаком вы ступите на проклятую землю нашего лютого врага. Бейте его беспощадно. Мстите за все злодеяния. Завершите свой поход победой». Была глубокая ночь, три часа. То же время, когда на нас напал Гитлер.

Вблизи отыскался хутор, домов 15, целых и добротных, каких давно не встречалось на пути. Командир предупредил: никаких самосудов! Никаких мщений по отношению к гражданскому населению! Сражать лишь вооружённого противника. Женщин, стариков и детей не обижать. Ведь мы не фашисты, а коммунисты, и мы пришли освобождать народ от фашистского фюрера.

739

Приступили к осмотру домов. Увидели расширенные зрачки, перепуганные лица, абсолютную покорность. Ярость стихла. Немцы что-то бормотали... Гитлер капут... Они сами стали приближаться к русским и бить себя в грудь, показывая, что они не фашисты, что презирают нацизм. Кто-то просил закурить. Нашлись и такие, кто выдавал, где прячутся немецкие солдаты. Панчишин понял тогда, что мы, русские, славяне, не способны на бесчеловечные поступки, подобные тем, что совершали враги.

Хотя среди наших солдат встречались разные люди. Многие белорусы в неизбывном отчаянии из-за своих родных, замученных гитлеровцами, мстили жестоко, стреляя по детям и старикам.

ВОСТОЧНО-ПОМЕРАНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Померания изобилует холмами и речушками. В Восточно-Померанской операции, начавшейся в марте 1945-го, участвовали огромные силы 1-го и 2-го Белорусских фронтов.

Получив приказ взять высоты в районе Гдыни, катковцы попали в узкую долину, которая расширялась впереди. Там виднелась речка с зеленевшей поймой, расстилалась равнина, переходившая в подножие горы. Сверху, с обеих сторон, лупили из пушек. Били больше с правой стороны и почему-то раньше начали стрелять, наверное, думали, что

танки войдут в раструб. И там немцы ждали. Но колонна остановилась вовремя.

– Развернуться в цепь и отбиваться!

Окопались и обложились камнями. На другой день танкистов заменили пехотой и вывели в лес. Командующий фронтом приезжал к ним с выступлением. На лесной поляне корпус построили в каре, маршал Жуков взошёл на бревенчатый помост и говорил через усилитель, иллюстрируя речь фотографиями, пачку которых держал в руках.

– Товарищи солдаты, офицеры! Мы уже у самого порога фашистского логова! Нет сомнения в нашей победе. Но есть и «но». Взять Берлин первыми были бы не прочь и наши союзники. Немецко-фашистская клика, предвидя гибель, предпринимает попытки вести с некоторыми силами в стане союзников сепаратные переговоры о заключении мира. Враг снимает воинские части с западного фронта и перебрасывает на восточный, оказывая нам ожесточённое сопротивление. В этих условиях наше поведение должно в корне поменяться. Желая отомстить фашистам, отдельные военнотружущие допускают издевательства над гражданским населением, а это только на руку тем, кто хочет приписать нашу победу себе. С сегодняшнего дня за подобные факты нарушители будут привлекаться к ответственности вплоть до расстрела. Мы воюем не с немецким народом, а с фашистским режимом.

На следующий день организовали помывку: подъехали три машины с водой, одна из них символически считалась «горячей», хотя ничем не отличалась от других, леденящей свежести. Поставили палатки и протянули шланги. Заводили по целому взводу. Пять минут на все процедуры под надзором старшины, отделенных и взводных командиров. И попробуй не помываться! Никаких разговоров! Холодный душ. Моешь ноги и всё тело.

После полевого обеда приказали зайти в медпалатку и поставили очень болезненные подлопаточные уколы. Сильная боль, температура и полное бессилие свалили всех. Резко хлестанувшую команду строиться солдаты восприняли как неодолимое мучение, начали стонать и переминались с ноги на ногу. Тогда заместитель командира взвода лейтенант Борисенко приказал:

– Лечь! Встать! Лечь! Встать! Бегом!

Через полчаса такой муштры про прививку забыли.

Утром – по машинам! Прорвав фронт, двое суток двигались по тылам врага с целью разгрома группировки, угрожавшей с тыла, если бы армия вошла в Берлин.

В экипаже танка Т-34 Панчишин был заряжающим. Пять человек внутри, тишина, «глухо как в тан-

ке». Пока не врежут. Опытные водители шеей чувствуют опасность, но среди врагов ведь тоже не дураки.

На рассвете заехали в посёлок. Тихо, вокруг сонные дома, рядом мирная на вид трёхэтажная школа. Когда невесть откуда взявшийся самолёт начал поливать сверху огнём из двух пушек, зашедшие в посёлок бойцы прижались к кирпичной стене. Как неприятный сюрприз, завывала немецкая сирена тревоги. Из школьных окон застрочили автоматы. Фрицев внутри здания скопилось не меньше роты. Они спали и не сразу обнаружили присутствие русских. Отправив к ним случайно пойманного немецкого рядового, поляка по происхождению, их уговорили сдаться: нет смысла умирать, если исход войны ясен.

В тылу противника ехали в камуфляже с ветками. Три грузовика с немецкими солдатами пропустили. Навстречу «Опель».

– Хальт! – крикнул старший лейтенант Кислицын и снял с себя камуфляж.

Седой поджарый генерал при усиках сразу вышел с поднятыми руками, за ним два охранника, бросившие автоматы.

Пленных брали десятками. Пленённые немецкие солдаты принесли на носилках из сплетённых прутьев своего раненого командира взвода, младшего лейтенанта. Построили наших солдат, раненого положили на шинель.

– Кто будет расстреливать?

– Я! – вызвался младший сержант Латышев.

Он дважды выстрелил с близкого расстояния и не попал. Немец приподнял голову и рукой показывал: сюда надо стрелять! Добил его другой.

Рядовым немцам кричали: «На хаус! Бросайте оружие! Бегите!» Но, бывало, пока до командования дойдёт, солдаты сами разбегались, особенно срывались белорусы. И население это понимало.

В апреле вернулись назад, на покинутое место в предместье Берлина.

Пополнились техникой, живой силой и устроили несколько дней передышки. С минуты на минуту ожидался приказ о наступлении на Берлин.

Ярослав Панчишин:

– Нас обуревали великий трепет и жажда увидеть Победу. Мы ожидали чего-то страшного от чумного Гитлера – ведь он грозил применить такое оружие, которое убило бы всё на сотни километров вокруг, оно могло быть химическим или бактериологическим, а то и атомным, о котором в то время мы не подозревали. Что-то неопределённо ужасное висело над нами и давило на психику. Благо, что велась политико-воспитательная работа и постоянно сообщалось о ситуации в стане противника и на фронте. Необходимо было добить врага в его логове!

НА БЕРЛИН

В одной из своих мемуарных статей доктор физических наук, живущий в Обнинске, а когда-то «сын полка», Владимир Вареник 14-летним подростком воевавший в армии Катукова, вспоминал: «Завершается подготовка к наступлению. Неожиданно в обороне немцев обнаруживаются подозрительные участки. Разведгруппа с комвзвода лейтенантом Соковиковым должна обследовать их. Штаб бригады обеспокоен, как бы не напороться на скрытые огневые точки. Об этом ещё раз напомнил начальник разведки бригады капитан Иванов составу группы ночью в окопе на переднем крае. По коридору, хорошо изученному наблюдателями, группа на полусогнутых уходит в тыл немцев.

Почти двое суток разведчики по-пластунски облазили участок обозначенной полосы. И вот лейтенант Соковиков, развернув карту, докладывает капитану Иванову. Тот, забрав карту, уводит Соковикова в штаб бригады. Старшина роты с писарем разливают из термоса горячий чай и поят нас. Поднявшись из окопа, мы осматриваем местность.

Всходит солнце. Оно всё ярче и ярче. Внизу по ложбине мотострелковые роты скрытно-повзводно лёгкой трусцой бегут к переднему краю. Вот-вот начнётся артподготовка. Мы зачарованно смотрим на эту панораму – ефрейтор Саша Афанасьев, рядовые Сергей Коккол, Николай Борщёв и я. Мотострелки без вещмешков, противогазов и шинельных скаток, только карабины с примкнутыми штыками, занимают исходное положение. Мы, грязные, зачуханные и малорослые, резко отличаемся от этих рослых, молодцеватых солдат. Немцам не позавидуешь, когда гвардейцы идут в атаку. Это были батальоны 8-й армии Чуйкова».

Когда пошли на Берлин и включили прожектора, глазам предстала ровная местность. Воронка от воронки расположена «квадратно-гнездовым» способом, метрах в 20 друг от друга. Где там после обстрела «катюшами» было остаться живому человеку? Тем не менее откуда-то выскакивали оглушённые, дурные немцы с поднятыми руками... Наступавшие солдаты бегом миновали их, как призраков.

Перескочили с танком через мост на Шпрее длиной метров сто. Два расчёта миномётчиков и два отделения автоматчиков. Оставшийся позади мост взрывается, три танка поглотила вода. Команда по радию: займите плацдарм! Выйти из танка (снарядов нет), занять оборону!

Залегли, ногами упираясь в плиты и чувствуя себя неуязвимыми. Фаустпатроны летели через голу.

Шпрее убрана в набережную плитами метра полтора высотой. С наступающей стороны берег

пологий. Машины-длинномеры с готовыми клетками понтонов ждут разгрузки.

Панчишин впервые увидел работу сапёров, строивших понтонный мост рядом с разрушенным капитальным. С лодки бросили якорь в центре реки, человек 10–12 закрепляют понтон. Натягивают трос – цепляют и на роликах подтягивают. Только подплыли, фаустпатрон по понтону, все убиты. Офицеры бегают с пистолетами.

– Следующие вперёд! Следующие! Следующий понтон давай!

Сапёры рвутся вперёд, пока не наведут мост. Как только танки прошли через реку, немцы разбежались.

Фаустпатрон прожигал лобовую броню. Танк идёт по улице между сплошными стенами 5–8-этажных домов. Фаустники бьют сверху. Разведчик докладывает, что огонь ведётся с такого-то этажа. Танк ствол поднимает и выпускает снаряд.

В Берлин вошли вечером и ждали утра. Налетели американские самолёты, штук полсотни. Бомбы и осветительные ракеты, медленно опускавшиеся на парашютах (иголку можно увидеть), наводили жуть. Спрятаться негде, окопаться негде. Свои же союзники тебя ухлопают! Видимо, плохая была координация.

Рота пристроилась за насыпью на стадиончике. Град зенитных осколков молотил сверху. Чем прикрыться? Неподалеку заштабелёванные доски. Ярослав рванул к ним и нашёл дверь, взвалил её на себя и притащил в укрытие, поймав по пути ворох пуль. Дверь насквозь и шинель, на два размера больше, чем по росту, вся в дырках. Солдаты ржут, что в шинели пацана пули не нашли.

Его и паренька-марийца поставили в охрану. Руины, камни, жуть. А союзники по русским бьют и бьют. Идёт немец с портфелем, стучит каблуками.

– Хальт!

Он замер. Панчишин из винтовки выстрелил вверх. Немец говорит, что у него фрау и трое детей. Ярослав послал товарища доставить его к командиру. А командир всыпал Панчишину по первое число, что он «дал себя обнаружить». Лейтенант только задремал, а тут с немцем пришлось разбираться, которого проверили и отпустили домой.

Отлежавшись на этом стадионе, утром двинулись дальше. По дороге забежали в подвал, битком набитый берлинцами. Русских шокировало, что они хорошо одеты, в чёрных бархатных воротничках. Мужчины и женщины надели лучшее. Куда как респектабельно по сравнению с рваньём нашего гражданского населения.

Дед, сидевший в подвале с двумя внуками, думал, что их расстреляют, и заплакал от страха. Его повели из подвала под руки, а девочкам дали сахар. Он увидел это и упал на колени, ноги целовать.

(«Как Гитлер нам голову задурил!» – можно было понять из его лепета.)

Катуковцы прорвались на ровную местность Тиргартен-парка с небольшими деревцами и одинокими статуями, сохранившимися в пустыне уничтожения. Рядом Бранденбургские ворота и канцелярия Рейхстага. Вдоль стены за парком серое пятиэтажное здание с амбразурами и что-то вроде одноэтажной крепости с решётками. Оттуда крепко огрызались пулёмётными очередями и снарядами. Командира миномётного взвода старшего лейтенанта Антонова ранило в живот. Он прожил 21 год и умер за десять часов до прекращения огня.

Прячась от обстрела в метро, бойцы обнаружили там клетки со львами и тиграми.

У БРАНДЕНБУРГСКИХ ВОРОТ

Владимир Вареник, с которым Ярослав Маркович сдружился ещё в войну и до сих пор поддерживает фронтовую дружбу, воскрешал в воспоминаниях весну 1945 года: «В последние дни апреля 19-я мехбригада вела бои у зоосада, откуда просматривался Рейхстаг. Немцы в положении обречённых продолжали отчаянно сопротивляться. Над городом зависла сплошная масса дыма со сполохами от горящих развалин и трассирующих очередей крупнокалиберных пулёмётов. На перекрестках чадили сгоревшие танки.

В начале штурма в предместье Берлина погиб комбриг полковник И. В. Гаврилов. 28 апреля погиб командир разведвзвода, старшина, парторг роты Владимир Никаноров. Комбригу посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Никаноров не получил ничего, хотя к званию Героя был представлен ещё в 1944-м.

Суточные потери личного состава превышали Московское, Сталинградское сражения и Курскую дугу».

Утром 2 мая на Линденштрассе прикатали крупнокалиберные орудия, чтобы взломать неприступную серую крепость (колотили по ней разными снарядами – бесполезно, на стене оставались только чёрные пятна). Но стрелять больше не пришлось.

– Огонь прекратить до особого распоряжения!

По радио приказали сосредоточиться с полным боекомплексом у Бранденбургских ворот. Приехали на танках, Ярослав высунулся из люка. Командиры беседовали, стоя у ворот. И – он видит, колонной по восемь в ряд шагают серые мундиры, до предела навьюченные оружием.

– Немцы! Товарищ лейтенант! Немцы!!!

Лейтенант только покосился на него.

– Товарищ лейтенант, немцы!!!

– Да это наши немцы! – отмахнулся он. – Сегодня подписан акт о капитуляции берлинского гарнизона.

И тут Ярослав заметил, что по бокам колонну конвоируют энкавэдешники. Немцы подходили к воротам, сбрасывали оружие в кучу, крестились двумя пальцами и вставали в строй пленных.

Танкистам приказали привести себя в порядок и выйти на построение. Они построились в каре. Их поздравили с Победой.

После капитуляции Берлина всех поразила гибель старшего сержанта Королёва от пули какого-то снайпера-дурака. Родом из Курска, высокого роста, человечный по характеру, с юмором, Королёв воспитывался без родителей, жил с бабушкой. В роте он был самый награждённый и теперь лежал в парке перед Рейхстагом с наградами на груди. Вокруг него, плача, столпились солдаты и офицеры.

Танкисты прослышали о самоубийстве Гитлера и бегали, искали его труп. Но яму, где нашли обгоревшее тело, окружили гэбэшники и никого к ней не пускали.

В этот день Панчишин написал сразу девять писем по 4–6 страниц, на хорошей бумаге. И отправил в красивых немецких конвертах с цветочками. Их раздобыли в пакагузе, когда пошли смотреть, что это за Рейхстаг.

Не меньше десяти тысяч ящиков посылок для немецких солдат складировались там, строго по пять кг. Из Голландии, Бельгии, Франции и других стран. Раскурочив их, увидели комплекты из полотенца, мыла, двух пар носков, бритвы, ручки, конвертов и листов бумаги, 3–4 плиток шоколада, бутылочек рома (150 г), джина, виски, сухого вина.

По несколько посылок принесли и поделили, а напитки прибрали в одно место. Потрясли старшину, чтобы дал сухой паёк. Шпроты, американская тушёнка, масло, печенье украшали торжественный обед в честь Победы. Провозглашали тосты. Берлин оглушала канонада – салют из всех видов оружия.

Затем танкистов повезли в опустевший от драпанувших немцев Потсдам и распределили по виллам. Чего только не было там на чердаках. Сало, мёд, напитки...

Ужинали до часу ночи, пока не последовала команда ложиться спать. Повалились на постели, а через час тревога.

По местам! Поехали на грузовиках. Темень, свет включать нельзя, разговоры не вести. Пошептались.

– Товарищ командир!

– Что?

– Куда мы едем?

– Подождите, скажу.

Приехали в горную местность. Выяснилось, что в районе Праги ещё действовала группировка врага. Накатило разочарование – послали письма, что живы, ждите... И думали, что сразу отпустят. Но всё не так просто.

Больших потерь не понесли и, в общем, благополучно вернулись 7 мая.

И фактическую Победу объявили 8-го. В этот день начался триумф. Стрельба из всех стволов. Ура-а!!! Толпами солдаты повалили к стенам Рейхстага и расписывались на них.

Через день приехал ансамбль Александрова с всенародной любимицей Лидией Руслановой. На Александерплаце, у Бранденбургских ворот, над руинами полилась музыка, вознеслись голоса знаменитых певцов.

Неожиданность Победы... Для многих как-то несвоевременно всё оборвалось. Не успели насладиться мекстью. Хотелось увидеть страшные конвульсии Гитлера, Геббельса, Гиммлера... И не увидели ничего. Не было душещипательности, слёз, объятий родных девушек. Привыкшие к войне и внезапно опустошённые её прекращением, победители чувствовали неудовлетворённость.

Ярослав Панчишин:

– Первое ощущение Победы показалось каким-то неадекватным. Это событие не могло сравниться с

теми бедами, которые принесла война. Мы не почувствовали и частичной компенсации за убитых и раненых, замученных в лагерях, за сотни разрушенных городов и тысячи сел, за невозместимые культурные ценности. Может быть, это потому, что перед нашими глазами не было Гитлера и других. А может быть, и потому, что у немцев были капитальные дороги, мосты, мало пострадавших строений. Гражданское население, по-немецки педантичное и покорное, не выглядело несчастным. Все прилично одеты и непохожи на опустившихся. Так что лицо войны в последние часы показалось нам менее радостным, чем мы ожидали и чем нам бы хотелось. Когда из-под Праги мы вернулись в Германию, то застали мирную картину. Наступил спад ненависти к немцам. Они подходили к нам и просили прощения. Говорили, что ненавидят Гитлера, который обещал рай на земле, а привёл к величайшей катастрофе. Слова Сталина «Гитлеры приходят и уходят, а народ остаётся» точно формулировали суть происходящего.

г. Кемерово

Ирина МЯСНИКОВА

ПЕРВЫЕ ЖИЗНЕННЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ – ВОЙНА

Детство каждого отдельного человека, по сути, не так уж важно для истории. Но повествование о детстве часто отражает эпоху, её быт, характер, дыхание времени. Моё детство можно назвать военным. Хотя город Вологда, где я родилась и жила, находился в стороне от боевых действий, но он был важным стратегическим объектом для немцев. Через него проходили единственные железные дороги от Москвы на север, от Ленинграда на восток. И по ним день и ночь шли военные грузы.

Первое впечатление войны. Мне 5 лет. Я сижу на подоконнике. Внизу по булыжной мостовой нашей улицы движутся серые, молчаливые колонны солдат в новеньком обмундировании, со скатками шинелей и винтовками на плечах. Солдаты идут непрерывным потоком, идут день и ночь, идут на войну, но где война, и куда идут солдаты, непонятно. На самом деле колонны направлялись к железнодорожной станции в конце улицы, грузились в теплушки, уезжали на фронт. Мне было жалко солдат: «Бедные солдатики! И накипевочки не поедят!» (накипевка – это нехитрая семейная похлёбка тех лет: кипяток, хлеб, лук, раститель-

ное масло и соль). Помню, взрослые хмуро усмехались.

Ничего страшного ещё не случилось, но мы, беспечная детвора, почувствовали беду, словно разлившую в самом воздухе города. Нас охватило щемящее чувство непоправимой потери, не только потери обычных детских радостей, а чего-то большего. Как-то сразу исчезли из магазинов белый хлеб, сливочное масло, сладкие пончики, исчезли на долгие годы войны и послевоенной разрухи. Исчезли детские праздники, подарки, игрушки. Изменился весь образ жизни.

Первые новости о военных действиях мы узнавали из сводок по радио. Но были и живые свидетели войны. В июле – августе в городе появились воинские части, побывавшие в боях, поредевшие и заново формирующиеся в Вологде. Солдат и офицеров на некоторое время распределяли по частным квартирам, где они ночевали, столовались, а потом снова уходили на фронт. В нашем большом многоквартирном доме стояли военные, вышедшие из окружения под Смоленском. Запомнился этот факт, так как настроение бойцов было подавленное, разговоры велись тихо, почти шёпотом. Помню один такой разговор о том, как немцы зарывали полуживых солдат в землю, и она шевелилась. Помню, что один офицер брал меня к себе на колени, гладил по голове, вздыхал, рассказывал, что у него такая же дочка.

Город наш изменился и внешне, и изнутри. Введено было общее затемнение. На окнах появились бумажные крестообразные полоски, чтоб стёкла не разлетались от разрывов. Улицы погрузились в темноту. Ночью не светилось ни одно окно, царил непроглядная тьма. Начались ночные бомбардировки. Бомбили немцы вокзал, железнодорожную станцию, но не очень успешно, вокзал функционировал всю войну. Но помню, какой ужас навели на всех нас объявления по радио: «Граждане! Воздушная тревога! Граждане! Воздушная тревога!». По чёрному небу шарили лучи прожекторов, искали вражеские самолёты, слышались зенитные разрывы. Мы одевались и прятались в бомбоубежище – маленький окопчик возле дома.

Помню, в первые дни войны было много слухов о шпионах, которые якобы подавали немцам, вражеским самолётам сигналы с земли с помощью фонариков, этим самым наводя их на цель. Иногда с улицы слышались возбуждённые крики: «На Клара Цветкин (улица) поймали шпиона!», поднималась паника, ребятня бросалась в центр событий. А события не были игрой. В небе над Вологдой сбивали немецкие самолёты, а потом один из них был выставлен на обозрение на площади как результат нашей победы. Кресты на крыльях и фигура лётчика в шлеме (манекен) вызывали в нас жгучую ненависть и злорадство.

Семейная фотография: мама Мария Николаевна, я, сестра Луза, бабушка (по отцу) Фаина. 1939 год

Привлекали немецких бомбардировщиков не только вокзал и железнодорожная станция, а также большой паровозогагоноремонтный завод, который находился недалеко от нашей улицы, он жил и трудился всю войну, работал буквально в прямом смысле на войну: ремонтировал покорёженные, разбитые в бомбёжках паровозы и вагоны. Каждое утро гудок созывал людей на работу, вдохновлял их на трудовой день. А жителей радовал надеждами на победу. Завод давал людям работу и прибавку к хлебной карточке. Других больших предприятий в Вологде не было. Завод «Северный коммунар» за рекой работал на лесную промышленность края. Вологодская область поставляла на фронт лес, брёвна, доски, оружейную болванку и прочее.

Перед самой войной к нам приехала из деревни мать отца – бабушка Фаина. Говорили, что я была на неё очень похожа. На сохранившейся фотографии у неё строгое, слегка высокомерное лицо женщины, знавшей себе цену. До революции их семья содержала кружевную артель, дед Алексей торговал кружевами, выезжал даже на Украину. В годы коллективизации всё их хозяйство было порушено. Мебель (горка, комод), фарфоровая посуда, старинные часы остались от былого благополучия и сохранились в нашей квартире. Отец наш, Василий Алексеевич, переехал с семьёй в Вологду. Время было непростое, по какому-то делу он даже сидел некоторое время в тюрьме. Долгое время этот факт скрывался. Что пережила наша семья в эти годы, я почти ничего не знаю, не помню. Кроме нас с Лузой в семье были ещё дети – брат и сестра, родившиеся перед войной и рано умершие. Бабушка Фаина, приехавшая помогать, уже сама была больна, долго не прожила. Помню её слова, обращённые к маленькой больной внучке: «Помирать нам надо, Светлана, никому мы не нужны». Умерла она в 1940 году, а сестрёнка – в 1941-м. Да, в войну никому не нужны были лишние рты, это мы поняли в первые же месяцы. Голод подстерегал город, всю нашу страну. И что такое голод, мы узнали очень скоро.

ТРАГЕДИЯ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

Очень близко к сердцу принял наш город трагедию блокадного Ленинграда. Именно через Вологду прошёл весь поток эвакуированных ленинградцев. Их везли вглубь страны. Слово «блокада» было непонятно для детского сознания, но оно вселяло страшную тревогу в сердца. Мне не пришлось видеть эвакуированных жителей Ленинграда, но рассказы соседей, бывавших на железнодорожном вокзале во время прибытия эшелонов с блокадниками, впечатляли. Рассказывали, как выносили умерших из вагонов, как выводили под руки еле передвигающихся людей, увозили в госпитали, как жадно горящими глазами глядели они на хлеб и

другие продукты. Истощённые до крайности, больные дистрофией люди в обмен на миску картошки, бутылку молока, кусок лепёшки отдавали последние свои вещи, одежду, часы. Голодали и бедствовали и сами вологжане, но трагедия ленинградцев никого не оставляла равнодушным. Мы реально начинали понимать, что у войны есть и такое нечеловеческое лицо – голодно-безумное. Однако надо сказать, что были и спекулянты, которые наживались на страданиях ленинградцев.

С блокадой наша семья столкнулась вплотную, когда из осаждённого города вернулась в Вологду Галя, мамина сестра. Она оказалась в Ленинграде с воинской частью, передислоцированной в начале войны из Эстонии. Как большинство ленинградцев, она попала на Большую землю через Ладогу. Очутившись в Вологде, Галя, военнообязанная, должна была служить в подсобном хозяйстве местной воинской части. Кажется, теперь у неё был постоянный солдатский паёк, но мы, её близкие, видели, как долгое время ещё, оставшись одна, она ела просто сырую картошку. Блокада повлияла на её психику.

ВОЕННЫЙ БЫТ

Вологда находилась в тылу. Горожане по карточкам получали хлеб и другие продукты, оказались в лучшем положении, чем колхозники. В городе голода не было, но и сытости мы не знали. В быту отсутствовало электричество, оно поступало только на предприятия. Освещались керосиновыми лампами и копилками. Общественный транспорт не ходил. Активной жизнью жил рынок. Он играл большую роль в нашей семье. Мама, Мария Николаевна Тёркина, по состоянию здоровья не могла работать на заводе, работала надомницей, плела кружева для кружевной артели. Вологодское кружево уходило за границу. Всю войну мама сдавала кровь для раненых, это тоже являлось статьёй дохода. Но главное, в маме был какой-то коммерческий талант. Она умудрялась где-то покупать муку, пекла нехитрые пирожки с яйцом и луком и продавала их на рынке. Нам с Лузой от тех пирожков ничего не доставалось. Но доход какой-то был. Соседки не одобряли её занятие, называли спекулянткой. Зато мы выжили, солдатская семья, у которой никакой другой помощи не было. Добрым словом надо вспомнить козу Римку, которая поддерживала наш скудный бюджет, было молоко и для себя, и для продажи. А корм в виде веников заготавливали заранее, летом коза паслась в общем стаде. Было какое-то подспорье и от двух грядок овощей с огорода, находящегося рядом с домом. Вот так и жили.

В военные годы горожане мылись в общественных банях. Бань было немного в городе, поэтому очереди в них выстраивались огромные. Мы ходили в так называемую железнодорожную баню. Находилась она на проспекте Сталина, фасад её украшали

колонны и фронтон, здание чем-то напоминало наш театр. Баня добросовестно работала все военные годы, дарила горожанам своё тепло, пар и воду. На ступенях широкой лестницы люди часами ждали своей очереди, успевали обсудить все новости, военные и личные, рыночные цены и дефицит вещей. Добравшись до заветных дверей в банное отделение, получив номерок от бельевого шкафчика, счастливые могли сколько угодно лить горячую воду на свою голову в двух больших залах, греть тело в парилке. Вместе с потом и грязью мы смывали, казалось, все невзгоды. В общем, обновлялись. Баня с достоинством несла свою трудовую вахту.

Луза училась в школе. Вологодские школьники помогали фронту, помню, что шили кисеты для красноармейцев, вкладывали записочки. Шили и вязали тёплые рукавицы не только с большим, но и указательным пальцем, чтобы можно было стрелять из винтовки. Ходили с концертами в госпитали к раненым. А госпиталей в городе было много. Они заняли все большие учебные заведения, некоторые учреждения и даже монастыри. Самый большой госпиталь находился в школе № 8, построенной перед войной на улице Мира (Сталина). Позднее я её оканчивала. А школы были размещены в небольших старинных особнячках. Луза часто вспоминает эти школы, школы военных лет. Вспоминает своих друзей и подруг.

ПОБЕДА ПРИШЛА!

И Победа пришла! Ранним утром нас разбудили крики с улицы. Из окна увидели, что всю проезжую часть заполнила толпа возбуждённых людей. Из всех домов выбежали жители, целовались, обнимались, плакали, кричали и просто горланили. Играла гармошка. Так улица встречала Победу, так улица встречала конец военных испытаний, которые выпали на всех нас и которые мы перенесли все вместе. Впервые я увидела столько много счастливых людей. Яркое солнце, запах свежей листвы, музыка, сладкое красное вино – это были ощущения Победы. Исчезли сосущая боль, тревоги, которые всю войну жили внутри нас. Как в сказке, добро победило зло. Так должно было случиться и случилось реально. Мы победили зло – фашизм. Справедливость восторжествовала. Казалось, теперь будет жизнь без невзгод и несчастий.

Но не всем мечтам удалось сбыться. Россия победила страшного врага, отдав за Победу неизмеримо огромную цену. Но победить другого врага – бедность – так и не смогла. В этом корень наших проблем.

Приходило и понимание, что другие страны живут лучше. Та же Германия. После войны солдатам было разрешено отправлять посылки родным с вещами, которые как бы в виде контрибуции за страшные потери в войне отдавались России. Приходили

Тёркин Василий Алексеевич, мой отец. 1942 год

176 посылки и нам от отца. Он не сразу демобилизовался. В посылках были ткани, одежда, канцелярские принадлежности (карандаши, тетради и др.). В них мы увидели другую жизнь. Помню красивое вечернее платье, золотисто-жёлтое, с богатой вышивкой. Платье, как у сказочной Золушки. Его так никто ни разу и не надел, просто невозможно красиво! А из розового гарусного полотна нам с Лузой пошили нарядные платья. Все эти вещи казались нам заслуженными дарами за годы бедности и недоедания.

Приходили посылки из Германии и нашим знакомым. Мы с мамой ходили смотреть немецкие книги с красочными иллюстрациями из жизни германских высокопоставленных чинов – картины богатых замков, залов, парков, прудов с лебедями, ухоженных собак. Открылись какие-то особенности немецкой культуры. Казалось, в Германии все так жили. И с этими «сверхлюдьми» мы боролись?! И победили?! Для нас в то время это было загадкой.

Мы победили! Прошли годы. На дворе 2010 год.

Очень скоро зазвучат победные марши в честь 65-летия Победы. Пройдут по площадям ветераны войны, вспыхнут огни салютов, и всколыхнутся народные чувства памятью о далёких годах войны. Моё дошкольное детство как раз пришлось на это время. Несмотря на войну, страна жила, трудилась с огромным напряжением, растила детей, спасала для новой жизни своё молодое поколение, верила в победу. Пусть за границами детской памяти остались глобальные события войны, но достоинство и правоту своего государства мы поняли уже тогда. Я горжусь своей Россией. Горжусь нашей Победой.

Раиса КУЧАЙ

КАК ПРОЖИТЬ С ОСКОЛКАМИ

Наша дружба с Ниной Михайловной началась в один из дней поздней осени. Перед её маленьким весёлым огородиком собрались активисты-общественники двух пятиэтажек, участвующих в конкурсе на лучшее дворовое оформление. Мы пили чай среди ещё ярких красок уходящего лета и шутили на тему здоровой цивилизованной конкуренции. Приятно было осознавать, что не только призы от администрации Ленинского района вдохновляли соперников на творчество. Сообщество жизнелюбивых людей утвердилось в желании и дальше поддерживать подобные добрые дела и инициативы.

Понятно, что разговор за чашкой чая был душевным, каждая из активисток старательно подсвечивала его своими положительными эмоциями, но Нина Михайловна на фоне общего возрастного колорита и неуёмной активности других выделялась своей непосредственностью. Не зря местом итогового раута был выбран именно огородик Нины Михайловны. Это был не просто огородик, а сказочное царство с прописанными на весь летний сезон героями её дум и мечтаний. Нина Михайловна шутила и смеялась, но вот когда запели песни, погрузнела.

– Вы счастливые и не знаете этого. А мне осколок не даёт забыть страхи.

– Как же вы такую себя сохранили? – удивлялись мы поочередно, не догадываясь предложить расшифровать и объяснить сказанное.

Она ответила просто:

– Я же люблю мастерить. Отец был мастеровым, мама тоже была мастерицей. Кровь свою не предашь.

Намного позже она рассказала мне историю своей жизни. Нина Михайловна рассудительна и осторожна, как большинство выживших представителей военного поколения. На всё происходящее вокруг она имеет своё суждение, но только особо доверенным лицам его озвучивает, чаще же символически головой покачивает в знак одобрения или отрицания. Поколению наших родителей, к которому относится Нина Михайловна, нужно было растить новое поколение, ведь жизнь продолжалась не

только ради самой Победы. Оно, это поколение, училось делать пространство вокруг себя живым. Возможно, в силу перенесённых страданий, потерь и ошибок делало это надёжно и умело.

Нина Михайловна вспоминает:

– Отец родился в Белоруссии в многодетной семье. Когда голод наступил, семья обеднела совсем. Когда умерли родители, старший брат выгнал двух братьев из дому. Один из этих братьев и был моим отцом. Тогда и закончилась его учёба в школе, где он учился только на пятёрки. Голод был сильный. По миру они ходили с братом, учились и работали, где могли. Отец многому научился. Как в Сибири оказались они с братом, не знаю. Он жил какое-то время в Щеглове.

– В Щегловске? – чтобы уточнить временной отрезок, переспросила я.

– Нет, это местечко ещё не было городом. Отец жил здесь, писал стихи, пьесы сочинял, газеты выпускал... Помогал в деревне земельные планы рисовать, значит, землемером был, а потом учил этому других. Стал мастеровым, кузнецом. Мама была неграмотной, но очень хорошо шила. Отца считали грамотным: он помогал бумаги разные писать, выступал на собраниях, был председателем...

На мой каверзный вопрос «Председателем чего?» Нина Михайловна, путаясь в воспоминаниях, наконец, дала такое объяснение:

– Не знаю. После 1937 года, а больше после ссылки он ничего о том времени не хотел рассказывать. Направили отца в село Шушино Красноярского края. Нас, детей, в семье уже было пятеро. В этих местах я выросла. В селе много жило чалдонов. Они нас сначала невзлюбили, потом всё же мы ужились с ними.

В детстве я часто от мамы слышала это удивительное слово «чалдон». В разговоре с современной молодёжью меня почти так же поразило усечённое «чел», произошедшее от слова «человек». Слово «чел» несёт уже более выраженную и значимую нагрузку, примерно такую же, как слово «сверхчеловек». По скудным рассказам моей матери, они также трудно уживались с чалдонами, но это было в Новосибирской области.

Нина Михайловна продолжала рассказ:

– Помню, когда раскулачивали, отец состоял в правлении и попал в комиссию по раскулачиванию. «Не ходи», – говорила ему мама. «Заставляют, я же в правлении», – отвечал он маме и уходил. На улице появлялись одетые в дорогу ребятишки, мужики и бабы. У мужиков за плечами котомки, дети рассаживались на кошеля, бабы металась по двору и просто выли. Перед домами выставлялись мешки с мукой и зерном. Кто-то поёт, кто-то ревет. Раскулаченных сажали на подводы, отправляли неизвестно куда, а их муку и зерно тут же раздавали, скотину уводили.

– Нина Михайловна, – прерываю я в волнении её рассказ, – а родителей моей мамы в это же время раскулачивали. Бабушка говорила: «За то называли кулаками, что трудилась семья с утра до зари, содержала и укрепляла своё хозяйство и одного наёмного работника имела».

Я говорила это Нине Михайловне, а в воображении в картинку упомянутой реальной жизни сами собой вносились коррективы, где действующими героями были члены многочисленной семьи моей мамы. Новая картина в моём воображении не выписывалась. Всё было иначе. Моего деда предупредили о раскулачивании. Дед был человеком волевым. Он собрал всё семейство, отобрал в дорогу самое важное и нужное в обиходе и поздним вечером, усадив всё семейство на телегу, взнуздal крепкую лошадку и двинулся со всем скарбом подальше от родных мест. В дедовом неказистом домике, второпях выстроенном недалеко от родины, до недавней поры ещё целы были колёса от той самой телеги, спасшей мою семью от «революции сверху».

Нина Михайловна, глядя в моё лицо, продолжала:

– Позже в опустевших домах открывали медпункты, школы, клубы. Так начала образовываться и наша коммуна. Помню, мы, дети, приносили из дома шубёнки, одеялишки, стлали их на пол для сончасы. Кормили детей в столовой отдельно от родителей. Дома еду не готовили. Когда проели еду, вся коммуна и распалась. Потом начали организовываться совхозы, колхозы. Стали жить дружнее. Песни пели даже когда работали и днём и ночью. Начали скот держать. Когда отца посадили, мне было 13 лет. Его взяли в 37-м. Пришли забирать почти ночью. Он успокаивал нас: «Это ошибка. Я вернусь». Ему присудили расстрел, потом заменили на 25 лет.

– Почему заменили? – спросила я.

– Всё же отец был не только грамотный, но и умный. Когда начали сажать, он что-то понял. Потом расскажу про это. Отца посадили, и нас стали считать врагами. Однажды учитель истории на уроке громко назвал мою фамилию. Я сижу. Он так же громко кричит: «Встань!», обращаясь ко всем, говорит: «Вы знаете, что они враги народа?» Я заревела и выбежала из класса. Это было в мае. Прибежала на речку и не помню, как переплыла на остров. Всю ночь просидела на острове, вся застыла. Надумала переплыть – зашла в воду, вода холодная, и я не смогла себя заставить плыть. Из соседней деревни Кочергино, что напротив нашей, приплыл на остров рыбак. Зашёл в кусты прут на удилище сломать и на меня наткнулся. «Ты что здесь делаешь?» – спросил. Посадил в лодку и на наш берег перевёз. Со мной зашёл в дом. Мама вся в слезах. Объяснились. «Я в школу больше не пойду!» – кричу, а мама плачет, но твердит: «Нет, дочка, пойдёшь!» Нам и сено не давали, а только солому.

Отец – ровесник Сталина. Родился в том же месяце. Когда Сталин умер, отец высказался: «Всё же я эту с... пережил».

Нина Михайловна сказала эту фразу, но я поняла, что она пожалела об этом. Отец тоже был виновным, не очень прытко, но исполнял волю божка – искоренял, а когда осознал последствия, то был за прозрение наказан. Божеством не может быть даже единственный на планете человек, он может быть разве что справедливым.

– А ведь мы все плакали, когда он умер. Привыкли ведь. Вот и на войну привыкли работать. Сначала война на озере Хасан с японцами, животы которые резали. Брат служил, это всё видел. Потом линия Маннергейма. Только отвоевали, германец полез. Работали только на войну. Перед Великой Отечественной стали жить лучше. И песни стали чаще петь. Сестра окончила школу-семилетку, уехала в Ленинград. Кто может, уезжает, кто не может, в колхозе остаётся.

Я окончила семь классов, и меня мама отправила в Кемерово – к семье дальних родственников. Я у них первое время жила. Поступила в горный техникум. Это был 1939 год. Проучилась год, на следующий год ввели плату за учёбу. Что мне делать? Плата небольшая, но кто за меня платить будет? Брат на фронте, сестры замуж вышли, на маме остался слепой брат. Вернуться не могу, мама нас разбросала, чтоб полегче ей было.

178

Пошла я работать, и тут война началась. С группой девчат нас готовили на фронт, ведь я сама захотела. Обучали по-пластунски ползать, оружие держать. Отобрали человек пятнадцать, меня не взяли, наверное, потому, что я ростиком не вышла. Многие уехали на фронт. Эвакуировали из Горловки завод – это химический завод номер 319. Позже он назывался «Прогресс». На этом заводе производили тротил.

Меня направили работать в центральную лабораторию этого завода. Училась чуть больше года в техникуме – посчитали грамотной, а сейчас и шесть лет для дураков мало.

Завод был размещён в корпусах бывшей тюрьмы. Всю войну я на этом заводе работала. Два раза на заводе сильнейшие взрывы были. Вот уже отступали: сдали Смоленск, Калинин. К Москве немцы подошли. Работали мы в три смены – анализы проб делали. Бывало, что кислоту на язык пробовали, аккуратно делали, но и обжигались тоже. Однажды стали смену сдавать, анализ пробы не доделали, передали работу по смене, вдруг такой грохот. Выскочили из лаборатории. Стёкла вылетали с рамами, шкафы валились. Когда громыкнуло первый раз, мы подумали, что немец бомбит. Слышим окрик начальника лаборатории: «Ложись!». Сам стоит у стенки и к себе манит, мы к нему и поползли. Кругом пылища. Все детали за территорию уле-

тели. То бежим, то падаем вместе с начальником, и ничего не видеть.

Добежали до железнодорожного полотна, огляделись, увидели: заводские въездные ворота с петель сорваны, солдаты, охранявшие их, убитые лежат. Мы мимо убитых солдат, спотыкаясь, побежали за территорию завода к зданию управления. В управлении жена начальника лаборатории работала. Мы забежали в это здание. Там тоже все окна powyбиты. Наконец, разогнулись и стали друг друга разглядывать. Все грязные, одежда порвана и висит клочьями. Начальник тоже грязный, но в отличие от нас совсем голый. Волной с него одежду сорвало, летело всё: и стёкла, и камни. Поняла: тяжко и страшно быть на фронте...

Моя собеседница тяжело вздохнула, поправила рукава на весёленькой трикотажной кофте, заулыбалась:

– К начальнику жена подбежала. «Толечка!» – кричит, к нему прижимается и юбкой широкой пытается его закрыть. Когда мы захохотали, он очнулся и как закричит: «Сейчас же домой! Завтра в лабораторию!»

Мы словно с закрытыми глазами до дому бежали – уже ничего не видели и не слышали. Говорили в городе, что очень многие погибли в тот день. Ведь много любопытных бежало на завод, а их железяками и осколками убивало. В доме тоже окна выбиты. Заснула не раздеваясь – так сон напал.

Часов не было. Утром по первому заводскому гудку собираешься, на третьем уже должен быть на месте. Прибежали утром вовремя. За территорией уже было убрано, наверное, стройбат работал. В лабораторию не заходили. Убирали камни и всё остальное. Голыми руками. Это сейчас всё делается в перчатках. А тогда мы голыми руками разбирали кирпичи, вытаскивали окровавленные руки и ноги. Вижу, нога в шёлковом чулке. Такие чулки были только у моей подруги – так я второй раз со смертью встретилась. Никто и не знает, сколько людей погибли. Складывали то, что осталось от них, в ящики.

Не могу не вспомнить добрым словом директора Романова. Спецпитание было на один рубль. До работы выпивали пол-литра молока на восемь часов работы, больше ничего нельзя было есть. После работы шли в столовую. Там на первое – суп с мясом, на второе – мясное с гарниром овощным, на третье – компот. В подсобном хозяйстве выращивали свиней, на полях – капусту, картофель и другое.

Ходили в воскресенье в цирк или горсад на танцы. Танцы были каждый день. Только познакомишься с парнем, а на следующий день его уже нет – забрали на фронт. Всё меньше и меньше становилось парней. Раньше парни не пили и не курили. Одевалась я не как все. То сестра вышлет из Ленинграда одежду, то сама мастерица, чтобы отличаться. От белого халата отпарывала рукава, пришивала оборки к рукавам, а рукава к платьям. Так получался но-

вый наряд. После танцев снова к халату рукава пришивала. Когда синие халаты на сменку стали давать, то нарядов стало ещё больше.

С мужем я познакомилась на танцах. Он был братом моей подружки. Надолго потерялся, оказалось – на фронте. Писал мне. В 44-м вернулся инвалидом, с орденом Красной Звезды. Был высокий и красивый, и я его пожалела. Выбора-то совсем не было, а мне повезло – вернулся суженый. Прожили с ним в дружбе и уважении 20 лет. Двоих детей вырастили.

Через дорогу, напротив нашего завода, другое предприятие открыли. Гексоген там вырабатывался, думаю, для «катуш». Его если сильно растереть, то он – пш! – горит. Летом, когда наши ещё отступали, мы находились в лаборатории, слышим – пш! – и стены повалились на нас. Мы в угол бросились, нас плитой накрыло и кислотой обдало. Мы орём в непонятном облаке, когда оно рассеялось, мы стали друг другу волосы выдирать... Нас откопали и в больницу увезли. Видишь, осколок с тех пор во мне сидит.

Я рассматриваю повреждённую руку, нащупываю осколок.

– Почему не вырезали? – с умным видом спрашиваю.

Она мне в ответ совершенно необидно объясняет:

– Боялись повредить артерию или что другое.

– Нина Михайловна, Вы про отца обещали рассказать. Почему его освободили?

– Муж сестры, что из Ленинграда, написал грамотное прошение, как его научил мой отец, и увёз это прошение в Кремль. Трудным и голодным было детство, в Дудинке в 37-м тоже пришлось выживать. Была зима. В двух вагонах к месту назначения в холоде и голоде везли ссыльных. Поезд остановился перед тупиком. Охранники выкинули ссыльных из вагонов вместе с печками, кирками и лопатами, и поезд ушёл. Кто хотел жить – стал долбить землю. Работой грелись. Землянки выкопали – уже теплее стало, а кто в хандру пустился – тот умер. Печки поставили, и жизнь продолжилась. Столько вокруг было и дичи, и рыбы!

Отца освободили по прошению, отправили на фронт. Много он натерпелся: в окружение попал, неделями голодал. Выжил. Вернулся с войны...

Собеседница моя словно и не устала. Каждый раз на моё предложение попить чай она категорически отвечала отказом, а время беседы было не малым. Мы говорили про жизнь, про избалованную молодёжь, невоспитанных деток.

– Ну вот зачем ломать и выбрасывать с моей клумбы куклы? Я же для всех детей стараюсь.

Вижу, что эти воспоминания больше всего её печалят, ободряю как могу:

– Нина Михайловна, и эту мы проблему нашим сообществом решим.

Вечером мне позвонила соседка Галина Михайловна. Она волнительно и осторожно выспрашивала:

– Нина Михайловна мне встретилась в дверях нашего подъезда. Она такая уставшая и разговаривать со мной не захотела. У неё как будто что-то случилось.

Я бодро констатировала:

– Нина Михайловна долго не пила и не ела, а только рассказывала, – ответив так соседке, я всё же устыдилась этой бравады. – Стыдно признаться, но за пять часов беседы Нина Михайловна ни разу не вспомнила о еде!

Наша следующая беседа произошла в её квартире. Я, раздосадованная совершенной беспардонностью соседей, включивших музыку на всю мощь, устремилась на борьбу с ними за свои права. Виновики двери подъезда не открывали, и я вынужденно позвонила Нине Михайловне. Через несколько минут я с суровым видом стучала в двери злосчастной квартиры, не заметив, что Нина Михайловна стоит в проёме дверей своей квартиры и молча наблюдает за мной.

Не дождавшись ответной реакции, я щёлкнула выключателем в приоткрытой крышке электрощита. Смолкла музыка, прекратилась вибрация стен, и тут же загромыхали тяжелые металлические двери. На пороге появился знакомый молодой мужчина. Моё лицо, возможно, больше выражало возмущения и удивления, и потому не дало повода на непредполагаемые ответные его действия.

– Вот остался дома один, без жены и детей, и решил немного расслабиться, – оправдывался молодой мужчина. Он спокойно смотрел на то, как резво я кинулась к электрощиту, и торопился извиниться, а я откровенно порадовалась за Нину Михайловну, наконец замеченную. У неё сговорчивые и более воспитанные соседи, чем где-либо.

– Раиса, зайди ко мне, – пригласила она.

Я прошла за ней в её маленькую комнатку и сразу почувствовала, что её жизнь, в лицах на фото, в вещах, с любовью хранимых, в поделках, не вмещается в этих стенах, на этих полках.

– Я вот ещё хочу рассказать про встречу с Суловым.

– С каким Суловым? – заинтересованно спросила я хозяйку.

Нина Михайловна усадила меня на мягкий стул.

– Кашу пшённую будешь кушать?

– Нет, спасибо, я сыта, – сказала я, озираясь и пытаясь понять, рады ли мне герои её жизни, в упор всматривающиеся в меня. Хозяйка уходит на кухню и приносит чашку с кашей.

– Вряд ли ты умеешь готовить так кашу! Это было в 1947 году. Сыну два года. Решила навестить сестру в Ленинграде. Приехали в Москву утром. Поезд в Ленинград только вечером, вот и надумала съездить на Красную площадь. Побродили мы с маленьким сыном у Кремлёвской стены, зашли в боль-

шие ворота¹. Устали. Сына я посадила на обочину, сама стою. Смотрю, проезжает мимо легковая машина, останавливается возле нас. Из машины вышел мужчина в чёрной шляпе. На нём длинный плащ, выглядит худощавым. Он вышел из машины с места водителя, больше никого в машине я не увидела. Постоял возле нас. Ничего не спросил, ушёл. Я забеспокоилась. Возвращается со стулом. Обыкновенный канцелярский стул в руках держит. Подходит, говорит: «Здравствуйте! Устали? Отдохните». Поставил рядом со мной стул, потом повернулся и ушёл. Я села на стул. Вскоре появился милиционер. Я опять забеспокоилась – видела, как он резво бежал к нам, не сообразила, что в Кремле нахожусь. «Здравствуйте! – говорит. – Вы знаете, кто Вам стул принес?» Отвечаю: «Нет, не знаю», а сама уже трястись начинаю. Милиционер немного помолчал и гордо произнёс: «Сулов Михаил Андреевич»².

Нина Михайловна тоже гордо произносит, словно великой заслугой обладает: «Разве сейчас это было бы возможно? Где наши правители и где мы?»

Я понимаю, что она имеет в виду: и проход через знаменитые парадные ворота, и встречу лицом к лицу, и, конечно, тот стул, который не мешало бы в память о советских идеологах вылить в бронзе и на почётном месте установить. Задумываюсь: «Каким народным символом изобразить можно современных функционеров?»

Нина Михайловна прерывает фантазию:

– Забыла сказать, что после второго взрыва из Москвы депеша директору Романову пришла: «Не поставишь продукты к (число), расстреляю. Сталин». Продукты отгрузили даже раньше срока.

...Узнала я, что началась война, когда была в саду на танцплощадке. Танцевали фокстрот, и вдруг из репродуктора, который висел на дереве, очень громко донеслось: «Говорит Москва...» три или четыре раза повторил голос эти слова, потом «вероломно...». Всё стихло. Объяснили года, кому прийти в военкомат. Все побежали домой, и уже через пять минут в саду никого не осталось... Хочешь, расскажу, как с Надеждой Крупской виделась?

г. Кемерово

¹ Экскурсанты для прохода (в определённые часы и по билетам) пользуются только Троицкими и Боровицкими воротами. В отличие от парадных Спасских и Троицких ворот, Боровицкие имели сугубо утилитарное назначение: через них проезжали к хозяйственным постройкам – Житному и Коношенному дворам. Спасские работают по особому расписанию для правительства и обслуживающего персонала.

² Сулов Михаил Андреевич родился 8.11.1902 года в селе Шаховское Хвалынского уезда Саратовской губернии. Дважды Герой Социалистического Труда. Похоронен у Кремлёвской стены. С 18 марта 1946 года работал в аппарате ЦК ВКП(б)/КПСС. Признан главным идеологом КПСС, был одним из организаторов заговора против Н. С. Хрущёва, будучи ранее его ближайшим соратником. Непокколебимо стоял на позициях самого ортодоксального толкования марксизма, неприятия любого отклонения от него.

**Лидия
КУЛИНИЧЕВА**

**ЖЕЛЕ ИЗ СТОЛЯРНОГО КЛЕЯ,
ИЛИ ВОСПОМИНАНИЯ
О БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ**

Моё знакомство с Ниной Семёновной Шаповаловой произошло по поручению городского Совета ветеранов. Вместе с мужем она живёт в однокомнатной квартире на первом этаже, где всё просто и уютно.

Поначалу, как и положено, мне предложили раздеться и пройти. На вешалке поверх вещей – пуховый платок. Он, как оберег, защищает и согревает теплом этот дом. Тёплые тапочки для гостей, в которых ступаешь на мягкий, вытканый яркими узорами ковёр. Здесь много цветов. Но на самом видном месте – книги, много книг. Хозяйка, миловидная пожилая женщина, бережно берёт одну из них.

– Это книга о Санкт-Петербурге, – говорит она, – новое издание. Чувствуете, пахнет типографским клеом?

Если бы можно было подержать в руках и прочесть книгу жизни самой Нины Семеновны, то одна из глав называлась бы «Детство в блокадном Ленинграде».

Именно в этом городе, где солнце на закате купается в зеркальной глади величественной Невы, и родилась Нина Куринская 13 мая 1937 года (это девичья фамилия моей героини). Свидетельство выдано в бюро загса Калининского района 26 мая 1937 года, о чём свидетельствует соответствующая запись за № 2765:

Город Ленинград, Калининский район.

Отец: Куринский Семён Герасимович.

Мать: Куринская Анна Тимофеевна.

Их семья из четырёх человек жила в районе Малой Охты в деревянном двухэтажном доме, оштукатуренном и побелённом снаружи. Мать и отец были малограмотные, трудились на заводе.

В 40-м отца забрали на финскую войну, а мать осталась с детьми. Старший сын Вася приглядывал за сестрёнкой, водил её гулять, одевая в ситцевое платье и вплетая в тоненькие косички атласные ленты, а вечером дети шли встречать с работы маму.

Потом, когда солнце падало за горизонт, из соседнего подъезда выходил на костылях дядя Ваня, жена выносила ему табурет и гармошку. Ногу, как

говорила мать, сосед потерял на финской. Он растягивал меха и пел. И неслась над Малой Охтой его тихая и протяжная песня о солдатской жизни да о женской доле. Останавливались послушать песню мужчины и женщины, возвращающиеся с работы, а детвора, устроившись поудобнее на лужайке перед домом, вела разговор о том, как тяжело ходить дяде Ване.

Это сегодня она, Нина Семёновна, взрослая женщина, стойкая и мужественная, а тогда, осенью 1941-го ей было четыре с половиной года, и как она выжила, удивляется до сих пор.

3 сентября 1941 года прекратилось сухопутное сообщение Ленинграда с большой землёй. Началась 900-дневная блокада. Нина знает, что из 54 человек, проживавших в их доме, в живых после блокады остались лишь четверо: мама, она, дворничиха и мужчина из соседнего подъезда.

Память выхватила и сохранила навсегда такие моменты, забыть которые нельзя. Дети, голодные до обморочного состояния, – это самая страшная черта блокадного Ленинграда.

Помнит Нина Семёновна, как мама, сшив для них с братом маленькие мешочки на верёвочках, клала в них хлеб и вешала каждому на шею. Это Анна Тимофеевна делала для того, чтобы дети ели свой хлеб, пока она на работе. Муки в этом хлебе было мало – в основном отруби, целлюлоза, мякина. Но четырнадцатилетнему Васе хлеба не хватало. Тогда он просил у сестрёнки. И Нина, отломив самую крошечку, клала в открытый навстречу рот.

– Наступила зима. Мама уходила рано, а возвращалась поздно. Она работала на заводе имени Кирова. Приходя домой, мама приносила свой хлеб – рабочую норму и делила его на троих, – рассказывает Нина Семёновна. – Дома было холодно. Мы ходили и спали одетые, втроём на широкую «варшавской» кровати. Меня клали в середину.

Вася тяжелее переносил голод. Порой, не выдержав, съедал хлеб сестрёнки. И тогда до прихода мамы девочка грызла ногти. Их, по сути, уже и не было – кровяные подушечки вместо ногтей...

– Голод – это страшное испытание, – сказала женщина, столовыми щипчиками разломива кусочек сахара и положила в чай.

Однажды их мать принесла домой кусок какой-то спрессованной массы. Долго её толкла, размачивала, что-то прибавляла, потом всё перемешала и напекла лепёшки. Так девочка узнала, что такое дуранда. Мать, уходя на работу, давала Нине кусочки, и она жевала их, утоляя голод. А когда в доме не стало и этого, чтобы спасти детей от голода, Анна Тимофеевна сварила желе из столярного клея на каких-то травах и кормила дочку. Сын это есть не мог.

– Сначала я ходила на колонку за водой вместе с братом. Стояла зима. Мы ставили на санки ведро,

чайник и бидон, – продолжает свой рассказ Нина Семёновна. – Возле колонки всегда было много народу, и стоять приходилось долго. Вода почему-то шла очень медленно. А ведь она тоже была спасением... – Женщина на какой-то миг замолчала, вытерла платочком выступившие на лбу капельки пота и продолжила: – Потом, когда у Васи от голода опухли ноги и ему стало тяжело ходить, мы уже не брали ведро – только бидон и чайник. По дороге часто останавливались.

И вот настал такой момент, когда мама тоже стала распухать, и я её не узнавала, а брат совсем слёг. Он уже не просил хлеба, только воды. Тогда я брала чайник и шла на колонку. По дороге вода, конечно, разливалась, и я доносила домой не больше половины.

Напротив нас жила бабушка Соня. И как-то раз, поднимаясь с водой, я увидела, что дверь её квартиры открыта. Бабушка Соня лежала на полу, держа в руках кастрюльку, а возле неё были рассыпаны зёрна риса – совсем мало, как сейчас вспоминаю, не больше десяти. Я наклонилась, хотела взять их рукой, но пальцы не слушались, и тогда я собрала зёрна ртом. Баба Соня не пошевелилась. Рис я проглотила не весь, зёрнышка три держала во рту и принесла маме. Она их отдала Васе. «Я взяла чужое?» – спросила я. Мама меня успокоила, сказав, что бабе Соне рис уже не потребуется: она умерла.

Глядя на Нину Семёновну, я представила маленькую девочку, бережно несущую чайник с водой для брата и мамы. Вот она с трудом открывает дверь своего подъезда, поднимается по лестнице на второй этаж и маленькой ножкой, обутой в валенки не по размеру, толкает дверь. При виде сестрёнки подросток начинает ползти ей навстречу. Он уже не может встать. Девочка ставит чайник рядом с Васей, и он пьёт воду из носика. Налив в кружку воды, она идёт к постели матери. А потом снова берёт чайник и идёт за водой.

– Однажды, – вспоминает женщина, – брат, напившись воды, отвернулся, и мне показалось, что он заснул, а он тихо умер. Была зима. Мама его завернула в одеяло и положила возле кровати. Так как транспортные санитары приезжали раз в неделю, труп несколько дней лежал дома, а мы получали «на него» хлеб. Потом, когда пришли санитары к нашему дому, мама на саночках скатила Васю вниз, и его повезли на кладбище, а мы пошли следом. Оно было недалеко от дома. Надо было идти вниз по дороге, но эта дорога казалась такой длинной... Может, потому, что на конце её была выкопана общая могила?..

Почему брат оказался слабее неё, женщина не понимает до сих пор. Может, потому что он был взрослее, и его организму для роста нужно было

больше продуктов? А может, потому что постоянно думал о еде, тогда как Нина была ещё очень маленькая, и ей было всё равно, что жевать?..

Потом наступила весна, девочка уже стояла в очередях, получая хлеб по карточке. Сразу положив его в сшитый мамой мешочек, шла домой.

– Мёртвые люди были всюду, – тихо сказала Нина Семёновна. – Голодная смерть настигала их на улице, в квартире, на работе. Как-то, уходя за хлебом, я увидела, что на скамейке возле дома сидят дядя Ваня-гармонист и его жена. Я думала, они отдыхают, но они уже были мертвы. Переходя площадь, увидела ещё несколько мёртвых людей, они лежали возле стоящего на площади автобуса.

Первое кольцо блокады было прорвано 18 января 1943 года. Полностью снята она была лишь в январе 1944-го. Перед этим многих оставшихся в живых ребятишек отправляли в детские дома. Вот и Нину, подобрав на улице, увезли в детский дом в Ярославскую область.

– Знаете, как меня называли в детском доме? – спросила женщина, и я заметила, что она очень внимательно смотрит на свои руки, – Безноготная. Это потому, что вместо ногтей у меня на пальцах рук были кровавые шишки. – Нина Семёновна на секунду замолчала и ещё раз посмотрела на свои руки. – Отросли, – тихо сказала она и трепетно прикоснулась указательным пальцем правой руки к ногтю левой. – Ноготки на левой были, наверное, слаще, заживали дольше.

Мама очень долго искала дочку. А найти помог случай. В 1946 году Анна Тимофеевна после рабочей смены возвращалась домой и на остановке разговорилась с женщиной, рассказав ей, что ищет дочь. «По всей видимости, её отправили в детский дом, – говорила Анна Тимофеевна. – В наш дом попала бомба, но в это время Нина должна была уйти за хлебом. Я чувствую и верю, что она жива». И надо же такому случиться, что этот разговор услышала стоявшая рядом женщина – заведующая детским домом, которая приехала в Ленинград выяснить, кто из родителей ребятишек остался жив!

Три года пробыла Нина в детском доме.

– Не подумайте, что я сразу встретилась с мамой, – сказала женщина, и голос её был наполнен невыносимой болью и тоской. – Только спустя какое-то время меня вместе со многими другими ребятами привезли в Ленинград.

Мамы ждали нас на вокзале. Мы все были подстрижены наголо. На мне, как сейчас помню, было бордовое платье с рюшами. Заведующая сказала: «Бегите, детки, к своим мамкам». И мы побежали. Представляете, каждый ребёнок не шёл, а бежал, крича: «Мама!..». Я сразу кинулась к своей. Она была вся седая и опиралась на две палки. «Что с то-

бой, мама?» – спросила я. «Долго шла к тебе, дочка, вот и устали ноженьки», – ответила она.

...В комнате наступило глубокое молчание. Было слышно, как за окном звонкий детский голос звал: «Мама...».

– Хорошо помню, – улыбнулась Нина Семёновна, – как однажды мама пришла с работы радостная, на груди её поверх кофты что-то поблёскивало. «Доченька, – сказала она, прижимая меня к себе, – мне сам Калинин вручил медаль». Она присела на табурет, а я осторожно, не отстёгивая медаль, взяла её в руки и по слогам прочитала: «За доблестный труд и оборону Ленинграда».

Нина Семёновна встала, открыла сервант, бережно взяла что-то, завернутое в белый платок. Осторожно развернула. Это были медали.

– Вот это – мамина медаль, – сказала она, положив кусочек металла на ладонь. – А эти – мои.

Среди множества наград я заметила знак «Жителю блокадного Ленинграда».

– Мой муж – железнодорожник. В 1995 году он был в Санкт-Петербурге, вот и привёз мне знак и удостоверение, – с улыбкой пояснила женщина. – Он у меня замечательный человек. А сколько для меня всего в жизни сделал! – Она произнесла это так, что сразу стало понятно: нет меры, которой

можно измерить доброту и любовь человека, живущего рядом с Ниной Семёновной.

– А вы сами бывали в Ленинграде в сознательном возрасте? – спросила я эту удивительную женщину.

– Была три раза: в 1959, 1970, 1976 годах. Знаете, у города моего детства свой особый характер. Есть удивительные уголки. Для меня это Грибоедовский канал, вытекающий из реки Мойки. В этом районе жил друг моего отца дядя Роман, здесь живут друзья моего детства (мы вместе были в детском доме). Каждый раз, приезжая туда, я ходила по небольшим переходным мостикам и любовалась окружающей красотой. И каждый раз мыслями возвращалась в детство.... Это для меня очень тяжело. В последнюю свою поездку, – сказала женщина и достала пожелтевшую от времени записную книжку, – я доехала до станции Ручьи, села на трамвай № 32 – и вот передо мной мелькают улицы и проспекты. А вот и Малая Охта... Вы простите меня, мне и сегодня очень тяжело говорить об этом. Но это моя память, и, сколько бы ни прошло времени, она не отступает, она всегда со мной здесь, – положив руку на сердце, Нина Семёновна грустно улыбнулась уголками губ, а в глазах была тоска.

г. Анжеро-Судженск

Литературная жизнь

Поздравляем с 65-летием нашего постоянного автора, прекрасного поэта Владимира Боевича Соколова. Дорогой наш Владимир Боевич, новых замечательных стихов, крепкого тебе сибирского здоровья, чистого неба над головой. Многие лета.

Аркадий
ЕЛФИМОВ

ПОЗНАТЬ СЕКРЕТ ВЕЧНОЙ МОЛОДОСТИ

(180 лет первой публикации
«Конька-горбунка»
П. Ершова)

За горами, за лесами, за широкими морями, не на небе – на земле. Точнее – в России, в журнале «Библиотека для чтения», был напечатан отрывок из сказки «Конёк-Горбунок». А затем она была опубликована уже полностью. Сто восемьдесят лет назад...

Только в XX веке сказка Петра Ершова «Конёк-Горбунок» издавалась более 200 раз. Она вошла в золотой фонд русской детской литературы, хотя писалась и на протяжении всего XIX века мыслилась как произведение для взрослых.

В чём секрет вечной молодости «Конька-Горбунка»? Да в соединении сибирского фольклора и литературного гения автора, но, главное, в соединении земного и божественного: события, происходящие на Земле, одновременно происходят на Небе. Это древняя традиция, так и Библия написана, и все великие книги, например «Илиада».

Но «Илиада» не стала народным эпосом, её не цитируют современные греки так, как мы цитируем «Конька-Горбунка».

...Шёл 1834 год. Преподаватель кафедры русской словесности Санкт-Петербургского университета Пётр Александрович Плетнёв, как обычно, пришёл в аудиторию, но вместо лекции неожиданно начал читать неизвестную сказку:

*У старинушки три сына:
Старший умный был детина,
Средний сын и так и сяк,
Младший вовсе был дурак...*

Когда он закончил, восхищённая аудитория потребовала назвать автора. Тогда-то Плетнёв объявил, что читал он на самом деле курсовую работу по народному творчеству, которую написал их коллега – студент. И указал на счастливого и смущённого 18-летнего юношу – Петра Ершова....

Лёгкость и простота сказа Ершова родственны поэтике народного эпоса, который, безусловно, во мно-

гом питал и духовный мир его сочинений. Именно органичную слиянность таланта молодого сибиряка с миром народной сказки, видимо, почувствовал А. С. Пушкин в «Коньке-Горбунке», после чего и произнёс свои знаменитые слова о признании дара юного поэта. «Теперь этот род сочинений мне можно и оставить», – заявил Александр Сергеевич. Великий поэт полагал, что отныне сочинение произведений в сказочном роде – дело его молодого последователя...

Каким недюжинным талантом нужно было обладать, чтобы сказка ещё совсем неизвестного автора вызвала восторг просвещённых и авторитетнейших умов русской культуры, да ещё в то время, когда литературно обработанная народная сказка и сказка по фольклорным мотивам, романтическая история на основе устных преданий были в моде, являлись веянием времени, когда к подобным жанрам обращались А. С. Пушкин, В. А. Жуковский, В. И. Даль (Казак Луганский), А. Ф. Вельтман, О. М. Сомов... Ведь в самом начале 1830-х годов уже появились и «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя...

П. П. Ершов обладал внутренним, духовным зрением и мог воспарить сознанием над суетой, подняться по ступеням света до «небесной обители», «райской обители» и сердечно пообщаться с ангелами и херувимами... А потому и русская народная сказка (так высоко титуловано его произведение самим народом) «Конёк-Горбунок» далась Ершову легко, писалась «на одном дыхании».

Недаром Ершов скажет об успехе своей сказки: «Мне удалось попасть в народную жилу. Зазвенела родная, и русское сердце отозвалось».

Не сомневаюсь, что русское, да и любое другое сердце каждого из нас не отмолчится и 1 июня сего года, когда в ТК «Ермак» Общественный благотворительный фонд будет проводить тчецкий марафон: школьники и студенты, рабочие и домохозяйки, преподаватели и музейные работники, чиновники и предприниматели, в общем, все те, для кого дорога память о нашем великом земляке и его великом творении, станут читать «Конька-Горбунка». Кто пару строк, кто пару строф, а кто и полностью – двадцать четыре часа...

Сегодня много говорится о поисках того, что может объединить всех нас. «Выплывают расписные челны» глобальных проектов и программ, делаются заявления с высоких трибун, но дальше деклараций дело, как правило, не идёт.

Недавно известный публицист и писатель Александр Проханов, находясь в Тобольске на юбилее нашего Фонда, отметил, что «не удаётся консолидировать граждан на большом спектре вопросов. И эти разрывы, разломы приводят к огромным утечкам социальной энергии. Смута отвлекает народ от решения кардинальных проблем. Это не может длиться вечно...».

Не может. Но для этого необходимо и каждодневное взросление души, невозможное без сохра-

нения святынь исторической памяти, святынь единокровного родства между прошлым и настоящим, без чего о будущем говорить не приходится. Собственно, без того, чем занимается на протяжении своей двадцатилетней истории фонд «Возрождение Тобольска».

Великие, данные Богом ценности: Любовь и Самопожертвование. В этой жертвенной любви и заключается преемственность нашей истории. Господь сказал: «Больше сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя» (Ин. 15, 13).

Так вот, история русского сибирского Ивана из «Конька-Горбунка» – это история взросления души. Душа человека раскрывает свою божественную искру, растёт и возвышается не внезапным и чудесным образом, а благодаря нелёгкому и упорному труду. Такой труд называется подвигом. Мораль же всей сказки (она же – народная мораль): жить честно, не жадничать, не красть, быть верным своему долгу и слову.

И 1 июня, читая бессмертные строки Ершова, мы будем об этом помнить, нас будет объединять эта мораль. И это движение к Свету уже не прервётся никогда.

Уместно здесь привести слова университетского друга Ершова, писателя А. К. Ярославцова: «Некоторые говорят – в сказке этой нет никакой идеи; но может ли это быть по самому складу человеческого и русского ума, в этом случае в особенности? Сказка эта служит не для забавы только праздного воображения; в основе её лежит идея нравственная, данная ей первыми слагателями её, простыми детьми природы. Смысл сказки является таким: необузданные желания губят человека даже и на высочайшей ступени земного величия».

В этой мысли заключена глубокая истина, поэтически выраженная Ершовым с гениальной лёгкостью и свободой. И она особенно важна сейчас, когда известные силы так настойчиво пытаются оглушить и вывалить в испражнениях бездуховности новое поколение, чтобы ему и в голову не пришло, что можно жить иначе, как в канализационной трубе. Когда русский человек, в какую сторону не поглядит, до чего не дотронется, – всюду натывается если не на саму ложь, так сказать, в чистом виде, то на испачканные враньём ещё недавно чистые, а то и святые для народа, сущности.

Самое страшное, что мы начинаем привыкать к чудовищному поведению человека – к насилию, воровству, обманам и... всего не перечислишь! «Чудище обло, стозебно, огромно и лайяй». Бесконечный ту-

пик, из которого надо выбираться, обернувшись на себя, чтобы найти светлое Солнце Родины.

У нас всевозможных ратников, мирских и духовных, только и думающих о благе народном, во все времена хватает. Не хватает – людей дела. Духоподъёмного и душеспасительного.

Культ знания, книги, культ труда – должны быть единственно возможной основой общества. Даже идейно близкие к диссидентам братья Стругацкие сформулировали в 1964-м, на заре брежневской эпохи, свой идеал: «Чтобы больше всего люди любили труд и знание, чтобы труд и знание стали единственным смыслом их жизни!». Об этом же говорил и Александр Проханов в конце февраля года нынешнего. Эти же культы – сердцевина деятельности фонда «Возрождение Тобольска».

Для людей минувших эпох такие чувства, как вера, любовь к Богу, любовь к Отечеству, любовь к близким людям, являлись предметом искреннего публичного выражения. Причём, как правило, коллективного.

К примеру, православная литургия полна выражений эмоций, причём эмоций коллективных. «Радостию друг друга обьемем!» – говорится в пасхальном каноне.

«Обьемем» же друг друга «радостию» чтения бессмертного «Конька-Горбунка» в память о его великом создателе!

Любовь к своей Родине, к своему Отечеству, к великому историческому и литературному наследию есть общественное чувство, которое имеет самое прямое касательство до других людей, и публичное выражение которого в высшей степени желательно.

Одно из последних стихотворений Ершова называется «Одиночество», написано в 1860-е годы и выглядит, как завещание. Вот его заключительная строфа:

*Затишье душу мне тревожит,
Пою, чтоб слышать звук живой,
А под него ещё, быть может,
Проснётся кто-нибудь другой.*

1 июня 2014 года мы услышим этот «звук живой». И уверен в том, многие из тех, кто поражён сегодня болезнью разобщённости и суеты, проснутся. Итак, начинаем:

*За горами, за лесами,
За широкими морями,
Не на небе – на земле
Жил старик в одном селе...*

г. Тобольск

Рисунок Наги Ручевой

Елисей ЕЛИЗАРОВ

ПИСЬМО НА ФРОНТ

Шла война...

За столом сидел худенький мальчик и, низко склонившись над листом бумаги, писал письмо своему отцу на фронт. Время от времени он поглядывал на фотографию в рамке, стоящую на столе, на которой был изображён его отец в военной форме. Вот содержание этого письма:

«Здравствуй, дорогой папа!

Получил твоё письмо и очень обрадовался, что ты жив и здоров.

Война длится уже четыре месяца, а я думал, что она скоро закончится. Но это, видимо, произойдёт не скоро. В нашем городе организовали госпиталь, который расположился в школе № 41, где ты когда-то учился. Раненых привозят каждый день. Бабушка ухаживает за ними. Ей очень тяжело видеть страдающих покалеченных войной солдат. Стараясь хоть как-то облегчить их боль, она читает стихи Есенина, Пушкина и даже рассказывает сказки. Бабушку называют ласковым словом «сестричка».

По выходным бабушка ходит в клуб, где показывают военную кинохронику. Она надеется увидеть тебя в кадре. Вот уже второй вечер бабушка вяжет для тебя тёплые носки и варежки, ведь скоро наступит зима, и будет очень холодно. Она говорит, что они будут тебя согревать теплом её рук. Кстати, девочки из нашей школы тоже вяжут на уроках труда носки и варежки для незнакомых солдат и потом их отправят на фронт.

Маму перевели в секретный отдел переводчицей. Не зря ты хвалил её за хорошее произношение немецкого языка. О своей работе мама ничего не рассказывает. Она говорит, что это – военная тайна. Иногда после работы мама ходит в госпиталь, где выступает перед ранеными, играя им на пианино своего любимого Шопена, а также произведения

Моцарта, Бетховена и других композиторов или аккомпанирует поющим артистам.

Недавно нас, всех третьеклассников, приняли в пионеры. Это было очень торжественно. Ребята из старших классов повязали нам красные галстуки. Мы давали настоящую клятву: «Я, юный пионер Советского Союза, перед лицом своих товарищей торжественно клянусь!..». Дальше я не буду напомирать тебе клятву, ведь ты и сам когда-то её произносил. Теперь я с гордостью ношу свой пионерский галстук.

Неделю назад все школы нашего города занимались сбором металлолома. Собрали несколько тонн. Наша учительница Нина Ивановна сказала, что этого металла хватит на целый танк. А это значит, что и мы, ребята, внесли свой вклад в победу над фашизмом. Здорово, правда?

На нашем заводе «Прогресс» стали вытачивать детали для военной техники. Дедушка тоже встал за станок после того, как его не взяли на фронт. Он дважды писал заявление в военкомат, но ему отказали из-за его хромоты.

Папа, ты написал, что встретил на фронте своего одноклассника Ваню Мещерского. Я нашёл номер телефона его мамы и позвонил ей. Вера Николаевна, так её зовут, очень обрадовалась моему звонку и попросила прочитать ей строчки из твоего письма о Ване. Она меня долго благодарила и записала наш номер телефона на всякий случай.

156

Летом мы с мальчишками из нашего двора играли в войну. Наш дворник дядя Лёша сделал нам деревянные ружья, ну совсем как настоящие. Немцами мы были по очереди, потому что все хотели быть русскими. Мы рисовали карты, придумывали разные пароли, ходили в разведку, брали пленных, которых держали какое-то время в сарае, но потом выпускали. Иногда к нам присоединялись девочки, которые были санитарками и радистками. Нам было интересно.

Мы каждый день слушаем радио, где диктор Левитан сообщает новости с фронта.

Несколько дней назад по радио выступал поэт Константин Симонов. Он прочитал своё стихотворение «Жди меня». Оно меня просто потрясло. Я запомнил несколько строчек:

*...Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: – Повезло...
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, –
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.*

Я думаю, что тебе тоже понравятся эти замечательные строчки. Жаль, что я не запомнил всё стихотворение.

Скорее бы закончилась эта проклятая война. Мне так хочется увидеть тебя, я очень скучаю и часто вспоминаю, как мы пели с тобой твою любимую песню «По долинам и по взгорьям».

19 сентября мы с ребятами нашего двора видели летящих на юг журавлей. Они так жалобно перекликались, что у меня даже сердце защемило. Лишь бы они благополучно долетели до нужного места, и в них бы не стреляли. Наша учительница рассказывала, что перелёт журавлей длится почти два месяца. Может, и ты увидишь этих красивых птиц? Пусть это будет тебе мой привет, который они принесут на своих крыльях.

Вот пишу сейчас это письмо и смотрю на твою фотографию. Тебе очень идёт военная форма. Ты такой красивый и улыбаешься, а глаза – грустные. Но ты не грусти, у тебя всё будет хорошо и ты обязательно вернёшься домой здоровым и невредимым.

Передаю привет от нашей семьи твоим однополчанам.

Крепко обнимаю тебя, твой сын Арсений.

23 октября, 1941 год».

Отец Арсения, сержант Георгий Луговской, вернулся с фронта с орденами и медалями в мае 1945 года. Он пронёс письмо сына через всю войну. Не раз оно спасало его от смерти, благодаря замечательным строчкам из стихотворения «Жди меня», 157 которые, как молитву, повторял сержант.

ФИАЛКИ

Я часто гляжу на окна домов, когда прохожу мимо. В них мелькают силуэты людей или в каком-нибудь окне виднеется сидящая кошка; у кого-то на подоконниках стоят разные предметы, у кого-то – комнатные цветы. Иногда я замечаю, что прохожие тоже проявляют интерес к окнам, скользя по ним взглядом. Видимо, не я один такой любопытный.

Однажды по пути в школу я увидел в окне одного из домов молодую женщину. Она держала в руках горшок с пышно цветущим растением. Это была фиалка. Её нежно-голубые цветочки были необыкновенно красивы. Женщина смотрела на цветок и улыбалась. Она поставила его на подоконник и полила из маленькой лейки с длинным носиком, затем погладила пальцами цветочки и ушла. И каждый раз, идя в школу, я смотрел в это окно и любовался милой фиалкой. Но с каждым днём цветов становилось всё меньше, видимо, увядшие стебли обрывали, чтобы они не портили общий вид растения. И вот остались в горшке

одни листочки, но они почему-то были поникшие. Вскоре цветок засох. К нему потеряли интерес и перестали поливать, как только он отцвёл. Потом горшок исчез.

Через некоторое время я увидел в знакомом окне другую фиалку, но уже с белыми цветочками. Я стал наблюдать и за ней. С цветком произошло то же самое: сначала фиалка цвела какое-то время, а потом засохла.

Больше за этим окном цветов я не видел.

Однажды я увидел в окне клетку с двумя попугайчиками. У меня даже сердце ёкнуло: я вдруг испугался за судьбу этих птичек. Проходя мимо дома, я стараюсь не смотреть на клетку и невольно ускоряю шаг.

Пока попугайчики живы.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

У нашего соседа Андрея Мироновича летом умерла жена. Он каждый день выходил на улицу со своим котом Кузей, и они вместе подолгу сидели на скамейке у подъезда. Вскоре Андрей Миронович переехал жить к своему сыну, а свою квартиру сдал в аренду. Но кота он почему-то с собой не взял, а отдал родственникам в деревню, находящуюся в сорока километрах от города.

Прошло лето, потом осень и наступила зима. В один из тёплых дней мы с приятелем лепили во дворе снеговика. И вдруг я увидел Кузю! Он был очень худой и еле-еле плёлся к своему подъезду. «Кузя!» – крикнул я, подбегая к нему. Он меня узнал и замаякал. Я стал гладить кота. Его шерсть была грязная, свалявшаяся. «Как же ты нашёл дорогу домой? Эх, Кузя, зачем ты вернулся, ведь здесь тебя никто не ждёт», – думал я. Он посмотрел на меня и опустил голову. Кот меня понял. В это время в окне первого этажа появилось лицо женщины, которая жила на одной площадке с Андреем Мироновичем. Она увидела Кузю и, накинув пальто, выбежала на улицу. «Бедный Кузя, пойдём домой», – сказала она. И они зашли в подъезд: впереди – Кузя, следом – его новая хозяйка. Кузю отмыли, откормили, и он снова стал таким же красивым и пушистым, как прежде.

И вот как-то в начале весны у подъезда появился Андрей Миронович. На скамейке сидел Кузя и, жмурясь от яркого солнца, шевелил ушами, слушая заливанное пение птиц и звуки капели. Андрей Миронович, увидев кота, буквально остолбенел. «Кузя, как ты здесь оказался?» – спросил дед и хотел погладить его, но Кузя, увидев бывшего хозяина, зашипел на него и прыгнул на землю. «Прости меня, Кузя», – тихо сказал Андрей Миронович. Кузя, нервно дёрнув хвостом, побежал, не оглядываясь, во двор.

г. Кемерово

Виктор ТРОЦ
(1939–1999)

ЭХО ВОЙНЫ
(Быль)

Когда говорим мы не сказки, а были,
У нас из души вырывается стон.
О нём на деревне давно позабыли.
«Погиб он в бою», – известил почтальон.
Прошло тридцать лет. И пришла телеграмма,
Дохнула проклятой войной,
Седой человек плакал: «Мамочка, мама!
Возьми меня, мама, домой!»
Под солнечным небом, под звёздным и лунным
Военный развеялся дым,
Ушёл он из дома здоровым и юным,
Вернулся домой пожилым.
Когда-то геройски сражался с врагами,
В руках держал крепко ружьё,
Контуженным был – потерял свою память.
Забыл даже имя своё.
Забыл своё имя. Забыл свою личность.
Попал без сознания в санбат.
Ой! Сколько же дней на постелях больничных
Стонал безымянный солдат!
Откуда он родом, не вспомнил ни разу.
А годы неслись чередой.
Твердил очень часто одну только фразу:
«Возьми меня, мама, домой».
Протягивал к сёстрам худые ладони
И жалобно плакал, стонал.
Однажды под утро он сам себя вспомнил,
Родную деревню назвал,
Родных всех припомнил и снова забылся,
Ушёл в свои светлые сны.
Прошло тридцать лет. Он домой воротился,
Как горькое эхо войны.
Тогда пробежали мурашки по коже
У тех, кто всё это слышал...
«Ты мать не моя, моя мама моложе», –
Он маме-старушке сказал.
А мать зарыдала, раскрыла объятия:
«Сыночек ты родненький мой».
Но он не признал ни сестры и ни брата
И снова просился домой.
У всех вызывает он горе и жалость.
Зачем ты страдаешь, солдат?
А та, что когда-то его провожала,
Заплакала, глядя внучат.
Глядит на людей наш земляк виновато,
Хоть нету его здесь вины.
На фронт уходил он отважным солдатом,
Вернулся, как эхо войны.

САЛЮТ

Шёл дождь, раскаты грома,
Что выстрелы в бою,
А я к стене роддома
Прижался и стою.
Сверкают стрелки линий,
Пронзая толщу туч.
И в бездне тёмно-синей
Сверкает солнца луч.
Повисла над землёю
Красавица-дуга.
Вдруг слышу за стеною:
– Уа, уа, уа!
А небо грохотало,
Сверкало в дальней мгле,
Как будто отмечало
Рожденье на земле!

с. Горскино Кемеровской обл.

Александр ШУРАЕВ

ПЕРЕПИСКА С В. М. ПЕСКОВЫМ

В «Российской газете» 6 апреля 2007 года была опубликована статья «Поле жизни» известного писателя-натуралиста, путешественника В. М. Пескова.

Так она меня взволновала, что я откликнулся на неё письмом автору. Привожу его полностью.

Дорогой Василий Михайлович, мой ровесник и почти земляк!

Только что залпом прочитал Вашу статью «Поле жизни» в «Неделе» «Российской газеты» от 6 апреля 2007 года.

Давно слежу за Вашими публикациями и всегда восторгаюсь ими. Часто возникало желание откликнуться, но не хотел выглядеть банальным со своими восторгам. А эта статья поразила меня сходством нашего восприятия войны. Даже многие эпизоды сходны.

Мы – дети войны, и я согласен с Вами в том, что наше восприятие отличается от того, как воспринимали войну взрослые. Недавно умерла моя сестра. Она была старше меня на шесть лет. И когда я заговаривал с нею о войне, она всегда обрывала меня, говоря, что она хочет забыть то страшное время. Я же больше вспоминаю не трагические, а какие-то смешные, комические ситуации. Хотя какой тут смех, когда, спасаясь от неминуемой расправы пьяных немцев, старик Уланов, участник обороны Порт-Артура, забежал в дом, срезал ножницами длинную бороду, залез на русскую печь и... немцы его не узнали. Или уже в Германии большой радостью для меня была возможность тайком от

охраны лагеря пролезть под ограду из сетки-рабицы и убежать в город за подаванием, посмотреть большой и красивый, хоть и чужой город.

О своём военном детстве я написал в статье «По ту сторону фронта», вошедшей в сборник воспоминаний бывших малолетних узников фашистских концлагерей, которую я Вам посылаю в надежде, что она дойдёт до Вас. Пишу воспоминания о пережитом, и в них есть глава о довоенном и военном детстве. Хочется оставить внукам память о себе и о времени, в котором жило наше поколение.

Все четыре года войны я провёл «под немцем», сначала в оккупации, а затем в Германии. Мне было неполных 12 лет, когда началась война. 3 октября наши войска оставили Орёл. В нашем селе небольшая воинская часть (зенитная батарея) попыталась преградить путь немцам на Москву. Нас выселили в соседнее село. Но часть (по-видимому, из-за опасности окружения) бросила орудия и тягачи и, не сделав выстрела, ушла. Пришлось нам возвращаться домой, но, в отличие от Вас, в занятое немцами село.

Ваш эпизод с патефоном напомнил мне о нашем довоенном патефоне. Сколько песен я знал благодаря патефону: и «Катюшу», и «Три танкиста», и «Если завтра война», и частушки в исполнении Руслановой, Ковалёвой. Мы свой патефон (почти главную ценность семьи), когда нас немцы под страхом смерти угоняли на запад, закопали в огороде, а когда вернулись из Германии в 1945 году, нашли его сгнившим и заржавевшим.

И колонны наших красноармейцев я вспомнил, только военнопленных, под конвоем немцев с собаками. И как наши бабы бросали пленным хлеб, картошку и свёклу.

И как мы взрывали брошенные боеприпасы. Только у нас много погибло ребятишек (два моих двоюродных брата и ещё два односельчанина).

А ваша балалайка тоже мне напомнила мою, правда, фабричной работы, балалайку. Она сгорела 8 мая 1943 года, когда немцы подожгли наш дом. И вдруг у внука Васи (ему 10 лет) откуда-то появился интерес к балалайке. Даже делает первые успехи на сцене в музыкальной школе.

Зёрна ржи, добываемые из колосков, мы тоже мололи на ручной мельнице. И ели по весне «тошнотики» – лепёшки из перезимовавшей в земле картошки.

Зола для стирки белья почему-то считалась лучшей из стеблей подсолнухов. Донимали бытовые паразиты, особенно вши. Один оригинальный способ борьбы с ними переняли у немцев. Зимой 1941–1942 гг. в наших избах поселялись на короткий отдых обмороженные и вшивые немецкие солдаты с передовой. Вшей (и гнид) в бельевых швах они выжигали на пламени свечи. Да ещё и приговаривали: «Партизанен, партизанен». А у нас свечек

не было. Жгли в пламени лучины и тоже приговаривали: «Вот вам, фрицы!»

Знаком мне и тяжкий труд на колхозном поле. Это было уже после войны, летом 1945 года. Пахал на волах. Жарко. Эти упрямые животные никак не хотят держать борозду, тащат меня вместе с плугом в кусты, в тень. Как я ругался матом! Слышно было в деревне за полтора километра. А сколько было гордости во мне, когда я, подросток, выполнил взрослому норму на покосе: скосил 35 соток луга.

Мне так знакома Ваша жажда знаний!.. До войны я окончил четыре класса. После четырёх лет отлучения от школы я сразу пошёл в шестой класс и успешно окончил семилетку. А уроки учил и читал книги из нашей бедной школьной библиотеки при свете коптилки, сделанной из патрона к крупнокалиберному пулемёту, заправленного такой же смесью бензина с солью.

Эх, встретиться бы с Вами! Сколько, наверное, нашли бы общего в восприятии не только военного прошлого, но и взгляда на всю прожитую и нынешнюю жизнь.

Мне часто приходится выступать перед детьми в школах, перед студентами. Рассказывая о своём военном детстве, часто ловишь себя на мысли, что всё это будто бы происходило не со мной. И так становится жаль того мальчишку, каким я был в то время, что щемит сердце и глотаешь слёзы. Всякий раз после встречи с детьми думаешь, удалось ли донести до сознания юных моих сограждан хоть частичку моего понимания войны, Родины, чужбины, фашизма.

Посылаю Вам книгу об узниках фашизма «Колыбельная песня Аннушки», к изданию которой имею отношение. Эта книга вошла в фонд книг с автографами авторов, подаренных губернатору области А. Г. Тулееву, хранящихся в Кемеровской областной научной библиотеке им. В. Д. Федорова. В этом фонде есть книги с Вашими автографами: «Аляска больше, чем вы думаете» и «Таёжный тупик». Издана книга «Автографы книг, подаренных А. Г. Тулееву». И я очень рад соседству с Вами в этом фонде.

Прочитал написанное. Вижу, что не смог выразить свои чувства. Не обучен писательскому ремеслу. Но, поверьте, я был искренен в выражении своих чувств к Вам. Спасибо Вам. Живите долго и радуйте поклонников Вашего таланта новыми произведениями.

Примите мои искренние поздравления и пожелания благополучия в связи с Днём Победы!

Шураев Александр Фролович,
врач с 50-летним стажем.
7 апреля 2007 года

К моему удивлению и радости, я быстро получил ответ от В. М. Пескова. Завязалась переписка. Хра-

няться у меня его письма, написанные мелким, но разборчивым почерком.

Вот первое письмо.

Дорогой Александр Фролович!

С волнением прочёл Ваше письмо. Ну как в зеркало посмотрел – так много поразительно похожего. Всё, вплоть до патефона, главной семейной ценности пред войной, до огорода, колосков, бабловства с оружием, детского озорства, несмотря ни на что. Спасибо большое Вам за письмо. Написали Вы его хорошо – искренне с интересными подробностями жизни. Спасибо и за доброе отношение к моим писаниям. Я часто думаю, что многое в них «проросло» из детства, трудного, но послужившего нам, почти одногодкам, жизненным университетом.

Поразительно, но я тоже не учился в четвертом классе, потому что меня из четвертого перевели сразу в шестой.

Живите долго, милый Александр Фролович, во здравии! По-братски Вас обнимаю.

Подпись, 20 апреля 2007 г. Москва

P. S. Полистал Вашу книгу. Да, много досталось всего нашему поколению. Остались живы, и есть что вспомнить: хорошего и плохого. В. П.

Вся переписка (а она длилась недолго, получил от него три письма, последнее – в 2009 году) хранится в моем архиве.

г. Кемерово 160

Анатолий ГОРИПЯКИН

СБОЙКА

*Гвоздики на гранитных плитах
В зелёном пламени берёз,
И память с комом в горле слита
О тех, кто шёл дорогой гроз.*

*Мой брат сдал «бронь» на переплавку,
В руках шахтёра – автомат.
А я – в забой
По взрослой ставке,
Как в бой со связкою гранат.*

*И ныло молодое тело,
И был мой подвиг трудовой,
И на-гора «ура» летело –
Я сбил свой штрек с передовой.*

*А враг шёл смертью перед нами,
И крикнул я: «Держись, браток!»,
И по врагу очередями
Бил мой отбойный молоток.*

г. Берёзовский

Евгений ИВАНОВ

СОЛДАТСКИЙ ТАЛИСМАН

*С семьёй прощался паренёк,
Любимую обнял.
Сорвал у дома василёк,
С собой в дорогу взял.*

*Бесстрашно дрался он с врагом,
Его нещадно бил.
И о цветочке голубом
На фронте позабыл.*

*Шёл сквозь года за шагом шаг
Сквозь град свинца и дым.
И брал пылающий Рейхстаг
С цветочком полевым.*

*Победа! Мир! Весны расцвет!
Боец пришёл домой,
Присел за стол, достал кiset,
А с ним – цветок сухой.*

*Свернул сигарку, прикурил
И вспомнил рядовой:
В бои смертельные ходил
С ним василёк родной.*

*Не зря, как видно, положил
Тогда его в карман.
Возможно, жизнь и сохранил
Солдату талисман.*

г. Кемерово

Тереза ЩЕРБИНИНА

* * *

*Опалённый жестокой войной,
В серой дымке погасшего света
Мне представился город родной,
Словно в мрамор холодный одетый.*

*Страх и трепет, голодная смерть
Души детские рвали на части.
Ненавистной войны круговерть
Зачеркнула понятие «счастье».*

*Жизнь, смешавшись с обрывками снов,
Им казалась ужасным кошмаром.
Не вместить им понятий и слов,
Пропитавшихся гарью и жаром.*

*Как же выжили дети войны
В беспощадной людской мясорубке?
Как остались на гребне волны,
Как не сгинули в тонущей шлюпке?*

Спят детишки в прозрачной ночи.
 Позади страх щемящий и беды.
 Помолчи, звонкий май, помолчи,
 Приласкай тишиной в честь Победы.

г. Кемерово

Людмила ИВАНОВА

ДЕТИ ВОЙНЫ

Над их детством
 гремела война.
 Неважно, что за Уралом и Волгою.
 Война была рядом.
 И казалась она,
 как жизнь, долгою.
 Будто слыша вдали
 громыханье фронтов,
 ни лени не зная, ни робости,
 не четыре года,
 а много годов
 эти дети прибавили в возрасте.
 Их отцы и братья
 хлебнули вполне...
 Мало кто остался живой
 в ленинградском кольце,
 в сталинградском огне,
 «в белоснежных полях под Москвой»...
 Было не до нежностей.
 И взрослые, и крохи,
 спаянные общей бедой,
 слишком часто
 кожуру от «картохи»
 считали приличной едой...
 И пока товарищ Сталин,
 отец родной,
 решал, как нам быть
 на границе и возле –

мать ходила в телогрейке одной
 до войны,
 всю войну
 и после.
 Сибирская деревня.
 Голодные вёрсты.
 Откуда бы взяться силам?
 Но для Советской армии
 эти дети и подростки
 были
 самым прочным тылом.
 Впрягаться приходилось в малых годах
 в ту же ляжку,
 что и матери, и деды...
 И они вытянули
 на своих хребтах
 державу,
 фронт
 и Победу.
 И пока Европа
 от делать нечего
 решала,
 не подняться ли с коленей ей,
 разбился,
 в том числе и о детские плечи,
 «сумрачный
 германский
 гений»...
 Эта грозная память
 и ныне живёт
 по скромным избушкам
 и дворикам.
 А из какого теста
 сделан этот народ,
 до сих пор
 непонятно
 историкам...

Прокопьевский район

**«ИЗБРАННОЕ ВРЕМЯ»
ВИКТОРА КОВРИЖНЫХ**

Взял сборник, стал читать и потянуло читать ещё и ещё. Скоро заметил: это у автора Виктора Анатольевича Коврижного подлинно своё, не заёмное, не переименованное и не приспособленное лицо. Это одно важнейшее обстоятельство. Второе: им воспеано великое – труд человека! Третье: ясно, чётко показано высоко нравственное во взаимоотношениях людей в жизни, в деятельности и в любви. И четвертое: забота, переживание за сложившуюся судьбу Родины, России, всего СССР. Это моё видение основных достоинств сборника. Но не всех, только некоторых из основных. Специалисты в области поэтического творчества, думаю, уже сказали и ещё скажут своё слово. С автором знаком, можно сказать, едва-едва, – проживаем в разных городках Кузбасса. Других его трудов, к сожалению, пока не читал.

На основании того, что я прочитал в данном сборнике, в лице автора вижу великого труженика и подлинного патриота нашей Родины, обладающего высоким, очень высоким даром творчества. Я без конца останавливался, повторяя прочитанное, – и всё стихотворение, и отдельную строфу, и даже одну-две строчки, – чаще всего в глубоком волнении, нередко сдерживая, а то и смахивая слезу. Настолько глубоко, точно, понятно, и всё это мне так близко! Уверен, что и многие, вникая в сборник, переживают и переживут подобные и более глубокие чувства. Мне представляется состояние автора в его постоянном стремлении увидеть, понять главное в природе, в человеческом обществе и привлечь внимание читателя, не призывая, не навязывая своего – помочь правильно выстроить нужное отношение к изложенному. Вот пример:

*Не рождаются стихи так, от скуки.
Или просто от зуда в руках, –
От любви, сострадания и муки
Полновесной приходит строка.*

*Где душа, прозревая от боли,
Не колеблясь в своей правоте,
Словно к травам целительным в поле,
Обращается к простоте.*

*К простоте отношений и линий,
К простоте тихих искренних строк.
Боль не рядят в одежды павлиньи,
Горе прячут в суровый платок.*

*Проходя по известному броду,
Не банально и вряд ли старо
Говорить, невзирая на моду,
В своё сердце макая перо...*

Что здесь, в этом стихотворении? Внешне – простота. Но, по сути, глубина и мудрость, образность в понимании переживания: «В сердце макая перо...». И широта охвата тем, проблем! Как, впрочем, и во всём сборнике.

Ещё пример мудрости автора, это, по существу, призыв к сбережению родной природы простыми людьми, тружениками, сохраняющими даже маленький клёнок в камнях:

*Он пульсировал сквозь камни,
Юный клёнок, жизни – грамм.
И резным своим дыханьем
Щекотал ладони нам.*

*Может быть, вот эти камни,
Представлялось в этот миг,
Зашумят во всю лесами,
Ведь для них он, как родник.*

*– Пусть живёт да светом брызжет,
Видно, Бог его родил, –
Молвил знавший всё о жизни
Славка Щукин, бригадир.*

*Снова ветер пылью веет,
Зной качая до небес.
Путь проводим чуть левее –
Пусть живёт! Да будет лес!*

162

На фоне этого патриотичного подхода автора к сохранению родной природы мы выстраиваем своё протестное отношение к происходящему массовому разграблению, истреблению леса, распродаже в корыстных целях его за рубеж, к поражению лесов болынами, уничтожению его гигантскими пожарами в условиях СОКРАЩЕНИЯ СТА ПЯТИДЕСЯТИ ТЫСЯЧ ЛЕСНИКОВ....

А вот в стихотворении «Старая кузница» глубочайшее раскрытие враждебного сотворения гигантской катастрофы против советской страны:

*Копоть и сажа погасших огней.
Вход занавесил подрост тальниковый.
Не оседлать здесь воскресших коней –
Ржой изошли стремена и подковы.*

И далее – развитие картины «катастрофки»: о заброшенности, пустоте, «щемящей вечерней печали», безысходности... Но всё проходящее.... Возрождение неизбежно.

*...В полночь, под лай деревенских собак,
Скорбная тень кузнеца оживает,
Тяжко вздыхает и курит табак,
Угли в остывшем горне разжигает.*

И непременно разожжёт! Подобное со страной бывало. До боли знакома и волнительна тема: сам я пять лет учился и работал кузнецом в вагонном и паровозном депо в 1947–1952 годах, и далеко не безуспешно. Кто из моего и людей прежних возрастов не оценил священные слова стиха-песни, написанного ещё в 1905–1906 годах Ф. Шкулевым, положенного на музыку Н. Острогского, «Мы – кузнецы»:

*Мы – кузнецы, и дух наш молод,
Куём мы счастья ключи!..*

**Верю, что этот гимн будет ещё востребован!
И о «перестройке-катастрофке» – юмористическо-лирическо-критическое:**

*На том стоял и смысл слов,
Сквозил в стихотвореньях:
«Труд – есть основа из основ,
источник вдохновенья».*

*«Какой он, к чёрту, там поэт, –
рабочие судачат, –
Зарплаты нет, верхонок нет,
Начальство строит дачи.*

*А он каких-то соловьёв
в железе ржавом ищет...»
Пишу: «Начальники – ворьё!
Рабочий ходит нищим...»*

*Хотя, признаюсь честно я,
что при социализме
стального слышал соловья
и знал, к чему я призван.*

*Теперь у нас другая даль,
Иные ветры дуют.
И мне не светится медаль
За доблесть трудовую.*

Почти все сто процентов стихов сборника зывают, внешне будто спокойно: прочтите и определите свою долю участия в спасении Родины.

В России в нынешних условиях талантливые писатели и поэты на издание своих замечательных произведений способны наскрести денег всего на несколько сотен, а то и десятков, экземпляров. Тираж сборника Виктора Коврижных издан всего лишь в 500 экземплярах. Недавно вышел из печати сборник замечательных стихов поэта Анатолия Иленко тиражом ещё меньшим – 300 экземпляров. Зато сотысячными тиражами издаются враждебного, аморального содержания опусы.

Желаю Виктору Коврижных крепкого здоровья и надеюсь, что мы с волнением ещё почитаем его новые стихи.

М. ГОГОЛЕВ,
г. Кемерово

Обсуждение журнала «Огни Кузбасса»
за 2013 год

Творчество всегда больше нас самих, и постоянно
обгоняет нас, и заставляет спешить за собой.

М. М. Бахтин

ПРОЗА

ВЛАДИМИР ИВАНОВ

«ДВЕ СУДЬБЫ – ОДНА ВОЙНА» (№ 2)

Рассказ композиционно и логически чётко структурирован. В первых двух частях повествование ведётся от первого лица (примечательно, что «первые лица» – разные повествователи). Числительные из названия органически вписываются в концепцию автора: два времени, два поколения, два аспекта (философский и личностный) и автор, сумевший в небольшом произведении представить жизнь страны (историю и современность). В рассказе нет пафосных и «трескучих» слов, лозунгов, призывов: герои живут, как говорил писатель-фронтовик Борис Васильев, «негромко», словно стесняясь своих заслуг. У них (персонажей) нет имен, просто сын, просто отец, но это возводит их в ранг обобщённых, вселенских Отца и Сына. Молодой герой – немногословный, наблюдательный, очень скромный: «Язык» оказался с ценными сведениями. За него меня представили к медали «За отвагу». Хотел о том отцу отписать, да все недосуг». Его отец на фронт не попал по инвалидности («Ногу в шахте потерял, протез вместо неё»). Но у него своё поле военных действий. «Раз вызывают в райком: «Ты коммунист? Вот тебе участок фронта – целый колхоз». Надо ли говорить, с какими трудностями пришлось столкнуться городскому человеку в обескровленной деревне?! Отец (а он старше сына на 18 лет) более разговорчив, как будто вместе со словами выталкивает боль от пережитого, от ответственности за свои решения в военное лихолетье. Последняя часть (авторская) – предельно лаконичная, и в то же время это целое описание уже сложившихся традиций, ритуалов из жизни героев в преддверии Дня Победы. Местоительство у них теперь одно на двоих – город (там лечиться легче), а не колхоз и фронт. «А пока с началом парада им надо ощутить праздник вдвоём. На столе две стопки для фронтовых ста грамм и нехитрая закуска на двоих. Сын, помолившись, крестится. Подняв стопки, смотрят друг на друга.

– Отец, живём?! – прерывает молчание сын.

– Живём, сынок!..»

Вот так: две судьбы – одна война!

АНТОН ЛУКИН «АЛЁША ХОРОШИЙ!..» (№ 5)

Речь в рассказе идёт о взрослом мужчине, добром и работающем, но с задержкой в развитии (имя Алексей часто используется для определения «бла-

женности» персонажа). «Умом не велик, а работать – рьян» – такова авторская характеристика. Очень любил детей и животных, и они ему платили тем же («Всё-таки умеют звери распознавать добрых людей. Умеют»). Всем людям помогал, не жалея сил; последнее с себя готов был снять: «Алексей догнал цыгана уже на конце деревни, дал ему ещё немного еды и снял с себя сапоги». Главное для него – осознание своей нужности, потому и любил слушать похвалу в свой адрес как подтверждение того, что живёт он правильно, по своим нравственным законам. Прочитанное матерью письмо от брата всколыхнуло его сознание: появилась возможность впервые поехать в город. Он не знал, хочет ли он в город или нет, но то, что он проживёт какое-то время с Макаром, согрело душу. Приехавший брат не смог взять Алёшу с собой (причины вроде объективные: они с женой целый день на работе, Алексея одного в город не отпустишь, да и дома одного не оставишь), и хотя в словах его теплилась надежда («Ближе к отпуску сплешемся, посмотрим. Сейчас нет»), герой тяжело пережил отказ любимого брата. «Он тихонько замычал. Внутри всё плакало, душа рвалась на куски. Было больно». В конце рассказа персонаж называет себя «плохим».

– Почему плохой-то, – улыбнулся Макар. – Натворил что ли чего?

Алёша промолчал... Тяжело было на душе. Больно. Он печально вздохнул и опустил голову вниз:

– Алёша плохой. Плохой Алёша.

Пронзительное произведение. Глобальных событий не происходит. Обыденная размеренная жизнь героев, включающая в себя приезды брата и его семьи. «За кадром» остаются трудности деревенского быта и страдания матери при взгляде на своего «вечного ребёнка»... А для Алёши мир перевернулся, признание окружающих и собственное осознание, что он хороший, поменяло полюс: раз его не берут в город, значит, он плохой. И как теперь с этим жить?!

ЛЮДМИЛА ТАНКОВА

«НАЗОВИ ИМЯ И ПУТЬ СВОЙ» (№ 6)

Своеобразная повесть, включающая в себя несколько временных пластов, экскурсии в недавнее прошлое героев. Главная героиня Милентина ассоциируется и с Манон Леско, и с Миледи, этакий сплав злодейки, которой доверчивые люди помогают обманывать себя же и ломать свои судьбы (очень жалко попавших в эту мясорубку детей). В произведении явственно ощущается полярность: сибирский холод и южная жара, положительные и отрицательные герои, пассивность и «нахрап». В конце Зло наказано (выжжено огнём), Добро торжествует.

«Метель вдруг стихла, будто её и не было. Из-за тучи вынырнул диск солнца и повис на макушке голубой ели.

– Новый год наступил, – закричал мальчишка лет пяти, – смотрите, солнышко на ёлке светится.

– Это к добру!

Начинается новая страница в жизни повзрослевших, прошедших испытания юных героев. Но ведь этих испытаний могло и не быть...

СЕРГЕЙ ПОДГОРНОВ «АУКЦИОН» (№ 3–5)

Самое большое по объёму произведение года, заявленное как провинциальный роман о жизни кабинетных работников. Роман оправдывает своё название: на всём его протяжении идут торги и сделки во всех смыслах слова. Герои объединяются по принципу «против кого дружить будем?», нарушают этические правила и во имя «общего дела», и в угоду собственным амбициям. Не буду касаться идеологических моментов, остановлюсь на художественных особенностях произведения. Автор наделил своих кабинетных работников (и не только их) «говорящими» фамилиями: Тонкобрюхов, Бухацких, Мудрый, Безушко, Мартышкин, Парнишкин, Сенокосов, Щучкин, Лукошкин, Козявин, Резинкин, Сударушкина и другими – фантазия писателя в этом вопросе безгранична! Обладатели этих фамилий и прозвищ – люди в достаточной степени колоритные (чего стоит Лошадь, Пальма или баба Соня!). А какие великолепные портретные характеристики (Тараса Кувшинова, Георгия Ивановича Стрюка и др.) представлены писателем! Эпитеты необычные («закогтенное плечо», «добротные папки из натурального коричневого кожезамениителя», «раздёрганная, разбросанная тишина недоверчиво выползала из углов»); метафоры и сравнения образные («Последняя пустая коньячная бутылка торчала среди остатков еды, как понурый погорелец на пепелище», «Гром перекатывался и перешёптывался смущённо, нерешительно, словно откашливаясь и пробуя силу – ну как, мол, – ничего, пойдёт?»). Комическое в романе сочетается с драматическим (юбилей Анны Марковны, учителя литературы), приправляется философскими и психологическими истоками, гротеском. Эпизоды сами по себе как небольшие рассказы: поход Сенечки к Капитолине (со статуей «Обнажённая колхозница»), завтрак Пальмы (женщина с головной болью, когда на еду и смотреть не хочется, умудрилась вместить в себя две тарелки борща, два яйца вкрутую, две чашки кофе и две таблетки цитрамона). Автор обладает хорошим чувством юмора, и это роднит его с Владимиром Войновичем. Поражает кругозор Сергея Елизаровича: со знанием дела он описывает и производственные процессы, и климатические условия, и сорта яблоны, и гастрономические изыски в пристрастиях своих персонажей, и многое другое. Финал окрашен в лирические тона. В нескольких словах невозможно передать специфику романа, его нужно просто прочитать.

ЭССЕ

СЕРГЕЙ ПОДГОРНОВ «ДОМ» (№ 2)

Очень тёплое, задушевное произведение! Всё так рельефно, осязаемо, ощутимо: «А ещё у дома были свои, только ему присущие запахи. Родные, привычные, милые запахи. Пахли борщ и жареная картошка. Пахло внесённое с мороза выстиранное бельё, ещё десяток тонких, едва уловимых запахов. Прибежишь морозным деньком из школы, скинешь пальто и валенки, и душа нежится от охватившего ее уюта». Эссе написано в лучших традициях Ивана Бунина, Виктора Астафьева, Виталия Крёкова. Здесь представлены и быт, и «ода огороду», и родовые традиции, и размышления о роли Дома в масштабах страны и возрождения России.

АЛЕКСАНДР ЯРОЦУК «ЧИТАЯ БИБЛИЮ» (№ 4)

Автор скромно обозначил свои рассуждения «заметками на полях и не более», а на самом деле это углубленная серьёзная работа, над которой Александр Яроцук трудился более 10 лет. У меня возникали те же вопросы, волновали те же «белые пятна», поэтому я с интересом следила за ходом его мыслей с математическими выкладками и примерами, подкреплёнными современными исследованиями и текстами «биографов» Иисуса Христа. Александр Михайлович считает, что каждый образованный человек должен прочесть Библию, но не навязывает свою точку зрения. «Каждый может для себя решить: кто Он – Иисус Христос – Сын Божий, рождённый с предназначением взять на себя все грехи людские, или гениальный Учитель, вознесённый своими учениками до Божественных вершин. Путь к Богу из атеистического тумана долог, тернист и извилист, но у каждого он свой».

ПОЭЗИЯ

ВАСИЛИЙ КИСЕЛЁВ «АФГАНСКОЕ СОЛНЦЕ» (№ 3)

Предваряет это поэтическое повествование вступление Иосифа Куралова, очень образное и ёмкое («валун Киселёва»). В поэтическом цикле представлена жизнь до и после Афганистана, соответственно меняется и тональность от романтического настроения:

*Первая девочка. Осень. И клёны пылали.
Я тебя выдумал. Кто ты? И как тебя звали?
Помнишь, с тобою мы в лес убежали с уроков?
Тайну об этом недолго хранили сороки.*

(здесь напрашивается перекичка с Игорем Киселёвым:

*Задыхаясь, бежала ко мне на свиданье
Длинноногая девочка в школьном саду)
до пессимистического
Утром собрались Они и решили:
Было не нужно... И зря, мол, вошли...*

*Так вот, братишка, мы стали «ошибкой»,
Подвиги нашей стране не нужны.*

Как определил Иосиф Куралов, «с тех пор Афганистан в нём навсегда. Он ушёл из Афганистана. А Афганистан из него не ушёл».

**ВАЛЕНТИН МАХАЛОВ «ПО ПРЕЖНЕМУ ПАХНЕТ
РОМАШКОВЫЙ ЛУГ» (№ 4)**

Хорошая подборка стихотворений, многие из которых о смысле жизни, скором уходе из неё («И всем не верится / В то, что я умру»).

*Умру на медленном рассвете
И душу выпущу из рук,
Как будто горлицу на волю,
Пронизанный последней болью,
Замкнув печальной жизни круг.*

**ВАЛЕРИЙ ЗУБАРЕВ
«В МЕРЦАНИИ СЛОВ-САМОЦВЕТОВ» (№ 5)**

Весть о смерти Валерия Зубарева была очень неожиданной. Сообщила мне об этом в Петербург Юлия Лавряшина, и я даже не проводила Валерия Фёдоровича в последний путь... Ещё 10 лет назад, когда я привела студентов в Дом литераторов на встречу с поэтами, он подарил нам свои книги. Мне он написал: «Сестре по перу от автора с самыми добрыми чувствами». Тогда это поразило: человек пришёл в субботу, в свой выходной день, щедро поделился и своим временем, и книгами, да ещё и назвал меня сестрой по перу, хотя я пришла просто как педагог (к тому времени у меня уже было два небольших сборничка, но про них мало кто знал и тем более читал). У этого человека была светлая Душа! В представленной подборке основные образы – Душа и Время. «Но заболела душа... / Понял: / она / есть!».

*И время, как птица,
Летело
Над чувством...
Над спящим
Умом.
И верить хотелось всецело,
что мы
никогда
не умрём.*

*И время,
И душа
Нас приближают
к Богу.
Пройти бы не спеша
Щемящую дорогу...*

КНИГА ПАМЯТИ

ВАЛЕРИЙ ПЛЮЩЕВ «СВЕТУ Я СЛУГА...» (№ 5)

Лучше всех написал о Валерии Зубареве Валерий Плющев (я всегда с большим интересом слежу за публикациями этого сверхначитанного, талантливого, тонкого аналитика и критика): «Каждый из его сборников стихов – это самая настоящая поэтическая книга, в которой при читательском прилежании обнаружатся предуведомление, поэтическая сюжетная составляющая с разветвлённым действием, нагнетанием страстей, с выходом в катарсис».

ТАМАРА РУБЦОВА «ГОРЬКА МОЯ ЛЮБОВЬ» (№ 4)

Судьба и творчество юргинского поэта Евгения Винокурова (1947–1994). Я не знала этого поэта, но Тамара Ильинична написала о нём так проникновенно, так искренне, что захотелось прочитать его стихи, тем более они представлены в «Книге памяти». Она умела найти доброе слово для каждого, кого она когда-то знала, умела радоваться жизни. «Мы читали свои и слушали стихи друзей, горячо их обсуждали, спорили, смеялись над пародиями, эпиграммами и экспромтами Евгения и тут же сочиняли их совместно, говорили о музыке, литературе». Тамара Рубцова – образец бескорыстного служения поэзии, Богу, делу воспитания молодёжи. Ей я посвятила несколько лет назад эти строчки:

*Все земные дела
Закрываются в правила:
Ничего не взяла,
А столько оставила...*

**ВЛАДИМИР И ОЛЬГА СУХАЦКИЕ «ЧТО ИМЕЛИ,
ТО И ЕЛИ» (№ 2), ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ**

Кропотливый аналитический труд (по-моему, он был напечатан в «Красной горке»). Читается интересно: всё разложено «по полочкам» в граммах и рублях. Благодаря этим познавательным главам, мы имеем представление о быте кемеровчан в годы войны и послевоенное время, о работе столовых и магазинов, об алкогольных и безалкогольных напитках. Так много воспоминаний нахлынуло, казалось бы, от простой статистики: и студенческие посещения «Льдинки», и отоваривание всей семьёй по талонам, и, конечно же, советские цены...

ПУБЛИЦИСТИКА

ЛЮБОВЬ СКОРИК «ЗНАКИ ИЗ ДЕТСТВА» (№ 2)

Грустно, но сегодня приходится говорить об ушедших авторах: В. Зубарев, В. Махалов, Т. Рубцова, Л. Скорик...

Суть очерка Любови Трофимовны трудно передать словами. В нём она вся – на эмоциях, на ощу-

щениях, «на нерве»! Столько вопросов задаёт она и себе, и читателям: «Зачем, того не ведая, мы сберегаем в себе те кристаллы, в которых и заключена наша жизнь? Зачем? Кто знает? Быть может, в наше последнее Мгновение, когда душа расстаётся с телом, она возносит их с собой. Чтобы тщательно разобрать и определить нам либо вечное блаженство, либо вечную муку. А разобрав, развеять в вечности». Детство для писателя – это другая планета, а себя она позиционирует с Пришельцем. Солнечная радость, освобождение от различного рода страхов и комплексов, ликование, гармония во всём, безмерный восторг от невесомости бытия... Это знаки из детства.

«Отчего же аукнуло детство? Почему знак подан именно оттуда? Как его расшифровать? Что это? Признак надвигающейся старости? Предвестник близкой смерти? Не знаю, не ведаю. А тот загадочный сигнал настойчиво приходит всё чаще. Застигает врасплох. Тревожит. Чего-то требует, ждёт. Но чего?»

ЛИКИ ЗЕМЛЯКОВ

ЗОЯ ЕСТАМОНОВА «ТРУДНАЯ ПОВЕСТЬ» (№ 3)

Мне нравятся мемуары Зои Естамоновой о её жизни в Ивановке, о ее родных и близких. «Трудная повесть» написана в том же ключе, только окрашена горечью утраты, хотя автор и старается быть сдержанной: «Теперь, когда ты ушёл навсегда, для меня есть только одно утешение: ты оставил всем нам – родным, близким и незнакомым людям – своё сердце и дыхание в книгах». Интересно читать и про детство Геннадия Акепсимовича, и про дочку с внучкой, и про коршуна, и про ректификационные колонны. Трогательные записи из «Семейного дневника»: «Зоюшки нет дома, бродит сейчас по Сталинску, любитесь вторым кузбасским городом, а я скучаю... Спокойной ночи, Зоюшка!». И у неё так же: то пишет «он», Геннадий, а то обращается прямо к нему: «К золотому юбилею нашей совместной жизни ты посвятил мне последнюю книгу. А я к твоему юбилею принесла только цветы на могилу». Не только цветы. Ещё и дорогие воспоминания о нём...

ВЛАДИМИР СОКОЛОВ «ЖДУ. ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ. КОЛМОГОРОВ» (№ 5)

Привлекло название. Я знала Николая Колмогорова и Виталия Крёкова с начала 90-х годов, а Александра Ибрагимова – и того раньше, со студенческих лет (правда, шапочно), поэтому упоминание о них в эпистолярном жанре было любопытным. Ох, и помотало их, судя по переписке, по городам и весям в поисках романтики, лучшей доли, заработка. Они были молодыми, «пробовали своё перо», строили наполеоновские планы. Хорошо, что Владимир Соколов

хранит все письма и телеграммы: они пропитаны духом времени, звонкими голосами, шальной молодостью, разочарованиями и надеждами... «Вот такие они были эти письма... выпавшие вдруг из груды старых бумаг».

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ЕЛЕНА ЕЛИСТРАТОВА «О ТОСКЕ И НЕ ТОЛЬКО» (№ 3)

Всегда приятно, когда «товарищи по литературному цеху» откликаются на выпуск новой книги. Елена Елистратова поделилась с читателями своими мыслями после прочтения сборника стихов Ирины Тюниной «Дефрагментация души». Елена высказывает своё мнение искренне, не боясь «пораниться об острые углы». «Действительно, мир, созданный Ириной Тюниной, осколочен, угловат, колюч. Он продут осенними ветрами, пронизан утончённым ощущением одиночества и свободы». Хороший слог у Елены! И, главное, вера в достойное предназначение «отмеченного Божьей искрой литератора: воздействуя на человека, делать жизнь добрее, осмысленнее, счастливее».

РУССКАЯ ШКОЛА

ВЯЧЕСЛАВ ЕЛАТОВ «ЮБИЛЯРЫ И ФИНАЛИСТЫ» (№ 4)

167
Меня, как преподавателя в недавнем прошлом, затронула статья В. Елатова. В его работе дан сравнительно-сопоставительный анализ произведений советской и постсоветской литературы. Солидарна с автором в вопросах «о не лучших временах» для преподавания литературы в школе и «о снижении роли этого учебного предмета в воспитании подрастающего поколения».

Ирина ФРОЛОВА,
Кемерово

Лучшие публикации года

Литература в последнее время потеряла свои сильные позиции в обществе, подвинувшись к общественной периферии по влиянию-воздействию. Но извечная тревога за будущее у русских писателей никуда не делась. Они по-прежнему продолжают честно делать своё душеполезное дело, как и задумано когда-то нашими великими классиками.

Кузбасские писатели, безусловно, в той же струе литературного движения, продолжают в поте лица своего и напряжения душевного выдавать на-гора произведения, ориентированные на внимание сильно возгордившегося отчего-то читателя (видимо, слишком большой соблазн появился с развитием СМИ, в том числе электронных).

Назову два лучших произведения, появившихся в прошлом году на страницах журнала «Огни Кузбасса». По ходу выхода журнальных номеров мне уже приходилось отмечать печатно удачные публикации,

такие как «Николай I» Виктора Сосноры из № 1, также и ряд произведений других авторов.

Сегодня веду речь о лучшей, на мой взгляд, прозаической вещи «Огней Кузбасса» в 2013 году. Это роман анжеросудженца Сергея Подгорнова «Аукцион», опубликованный в № 3–5. Отмечу прежде всего пластичный язык автора, о чём мне приходилось уже писать после появления на страницах нашего журнала несколько лет назад его первой повести. Автор, видно сразу, с пользой дела читал многих наших классиков – Михаила Булгакова, Антона Чехова, Ильфа и Петрова, Бабеля и иных волшебников слова из зарубежья типа Борхеса. Его полезная учёба у корифеев легко обнаруживается в написанном им. Кстати, автор за этот роман стал лауреатом конкурса «Энергия творчества» по итогам 2013 года, проводимого энергетиками из Кузбасского филиала «Сибирской генерирующей компании».

Среди поэтических публикаций интересные подборки Валерия Зубарева, Бориса Бурмистрова и других кузбасских поэтов из годового комплекта «Огней Кузбасса». Но сегодняшний разговор о лучшей поэтической публикации на журнальных страницах – это веночек сонетов Владимира Ерёмченко «Тебе, любовь, ликующая песнь», увидевший свет под рубрикой «Православные чтения» в № 5. Вот где и слово, и вложенное поэтом горячее чувство православного человека заставляют работать читательскую мысль, включают эмоции, несут радость, а при глубине сопереживания откликаются и благодатью, напрягая железы, ответственные за слёзную жидкость.

Вот так, несмотря на присутствие в нашем журнале самых разных писателей из многих регионов и даже столиц, лучшие – наши, кузбасские.

Валерий Плющев,
г. Кемерово

ЗАМЕТКИ ПАРОДИСТА

(выступление на обсуждении журнала «Огни Кузбасса» за 2013 год)

В прошедшем году журнал «Огни Кузбасса» огорчил пародистов: мало было материала для пародий. И всё же встретилось кое-что, над чем стоит посмеяться.

В первом номере опубликована подборка стихов Сергея Чепрова. У него, кстати, филолога по образованию, обнаружили такие строки:

«...И ихний дом, и ихний пасек...»

Вот это словечко «ихний», а также «пасека» в несвойственном ей мужском роде и повлекли написание пародии, которая так и называется

ПРО ИХНЕЕ

*Вставал заря, всюю восток алела,
и ихний солнца луч всё осветила смело.
Вот дедов дом на тихий ихний улиц,
где пёс пробегла, прошагал сердитый куриц.*

*Проснулась дед, пошла на ихний пасек,
очнулся баба и бродить поставил квасик,
сварганил кашу...*

*Как вам мой рассказик
про ихний пасек и про ихний дом?*

Зачем филолога я получил диплом?!

Во втором номере просто шокирует стихотворение «Апрельское» Агаты Рыжовой:

*«...У меня затекает лицо в рукав,
если тронуть лицо рукой.
Остаётся густой кисель головы и по шее течёт рекой...
...Чтобы в тёплое море скорей попасть – голова
между пальцев течёт».*

Пародийный набросок называется

КИСЕЛЬНАЯ БАРЫШНЯ, ИЛИ СТИХ УЖАСОВ

*Когда на улице апрель,
я за себя не отвечаю:
пардон, но я с утра – в кисель,
и вязко по себе стекаю...*

*Лицо сочится в рукава
и криво смотрит с поясицы,
скользит меж пальцев голова
и застревает в ягодицах...*

*Картинка – вовсе не шарман,
от страха кавалер икает,
когда мой рот, сползая в карман,
оттуда этот стих вещает...*

В третьем номере журнала внимание привлекла большая подборка стихов Дианы Кан «Меж восторгом и стоном». У автора, которая является членом редколлегий четырёх журналов и лауреатом многих премий, имеются замечательные стихи, но данная подборка меня огорчила. Приведу два примера.

В одном из стихотворений поэтессы есть следующие строки:

*«...Он молча взял меня за руку,
И я подумала: «Поэт!..»*

То, что автор ничем не объясняет своё внезапное озарение, и послужило основанием для пародии под названием

ДИАГНОСТИКА

Диагностической науке
я отдаюсь немало лет.
Кто молча взял меня за руки,
тот, без сомнения, поэт!

А если вдруг хотя бы слово
промолвит мой завоеватель,
я утверждать тогда готова,
что он, как минимум, писатель!

В другом, также серьёзном стихотворении Дианы Кан обнаружили вот такие, вызывающие весёлое недоумение, строки:

«...Если тут не греют даже и враги,
То тем более отсюда беги...»

Строчка про тёплых врагов достойна отдельной, пока не написанной, пародии, а вот искажённое наречие «отсюда» уже получило свой пародийный отклик:

Ах, школа! Мама мыла раму!
Я грамоте училась тама,
потом пять курсов института,
и вот пишу стихи вам тут!

Стоп! Тщательно словечки взвесив,
я «тута» заменю на «здесь», –
люблю лишь правильные речи,
к тому же я – знаток наречий!

Интересной, с точки зрения пародиста, оказалась подборка стихов разных авторов под рубрикой «Поэтическая почта из Таштагола» в шестом номере «Огней Кузбасса». Здесь самый большой за год урожай несурзных (нелепых) строчек.

Так, Елена Мозжухина начинает одно из своих стихотворений весьма загадочно:

«У неба – русское лицо!
Оно его не старит!..»

Что чего не старит? Лицо не старит небо или небо – лицо? Почему не старит? Нет ответа в стихе. Возможно, удастся разрешить эту загадку в будущей пародии.

А вот строки Ивана Замятина, который жёстко разбирается со своей душой:

«...Кричи, душа голодная, рычи!
Была б возможность – дал бы тебе в зубы...»

На это пародия уже готова:

Душой я мягкий, совсем не грубый,
а вот улыбки своей стыжусь, –

я сдуру выбил душе все зубы,
теперь ДУШЕВНО не улыбнусь...

Жаль, что некоторая нелепица вкралась и в живописный стих «Баный день» Сергея Пряхина:

«...Тень и та устаёт к субботе,
Обогрев ей и отдых нужен...»

Такая тяжкая жизнь тени и стала темой для пародийного наброска:

Выходной подходит день, –
рады оба: я и тень...

Мы столкнёмся возле печи, –
так намёрзлись в холода,
и за тёплое местечко
подерёмся, как всегда...

Победит, конечно, тень, –
хоть устала очень,
но она росла весь день, –
тень длиннее к ночи...

Ольга ЯКОВЛЕВА,
Кемерово

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

169

Главный редактор журнала «Бийский вестник» В. В. Буланчев недавно посетил редакцию журнала «Огни Кузбасса» и сообщил об учреждении медали «ВАСИЛИЙ ШУКШИН».

Медаль «ВАСИЛИЙ ШУКШИН» является Всероссийской общественной наградой, учрежденной Союзом писателей России (Москва) и журналом «Бийский вестник» (Бийск).

Согласно Положению, медалью «ВАСИЛИЙ ШУКШИН» награждаются лица, внесшие большой вклад в изучение и популяризацию творческого наследия В. М. Шукшина, в многонациональную российскую культуру, литературу, искусство и сохранение русского языка.

Решение о награждении медалью «ВАСИЛИЙ ШУКШИН» принимает комиссия, состоящая из представителей учредителей награды.

Повторное награждение медалью не производится.

Медали изготавливаются из латуни, могут быть золотистого или серебристого цвета. Художник медали «ВАСИЛИЙ ШУКШИН» – Валентина Петровна Глазикова (г. Бийск).

13 февраля в Кемерово состоялась встреча писателей с девятиклассниками школы № 69. С. Донбай рассказал о родном городе Кемерово и журнале «Огни Кузбасса». А. Катков поведал свои мысли о блокаде Ленинграда в Великой Отечественной вой-

не, о 70-летию со дня снятия блокады, которое отмечается в этом году, о бессмертном подвиге ленинградцев. Поэты также читали свои стихи, беседовали со школьниками.

18 февраля поэт Дмитрий Мурзин в школе села Шевели провёл поэтический мастер-класс с учениками младших классов и представил журнал «Огни Кузбасса» и свою книгу старшеклассникам.

20 февраля в Тайге отмечали юбилей нашего автора, члена Союза писателей России Людмилы Яковлевой. Сердечные поздравления от Союза писателей в своих речах передали поэты Борис Бурмистров и Иосиф Куралов.

25 февраля в рамках встречи 65-летнего юбилея журнала «Огни Кузбасса» в кемеровской библиотеке «Диалог», что на Тухачевского (заведующая Маргарита Карловна Бруль), проведено очередное заседание клуба «Литературный перекрёсток». Учащиеся школы № 64 встречались с поэтом, членом Союза писателей России Владимиром Ерёмченко. Встречу открыл и благословил священник храма Воскресения Христова отец Александр Пышинский. Владимир Ерёмченко рассказал о журнале, пригласил участвовать школьников в его постоянной рубрике «Светлица» со своими стихами, рассказами, публицистическими заметками, почитал стихи. По окончании встречи разговор о Поэзии, Поэтах, Православии продолжился за гостеприимным чайным столом с блинами. Масленица!

26 февраля С. Донбай и Д. Мурзин в библиотеке Берестнева представили новый номер журнала «Огни Кузбасса» и Елену Солодянкину, выпустившую книгу стихов в приложении к журналу.

27 февраля С. Донбай и Д. Мурзин приняли участие в торжественном вечере, посвящённом 65-летию журнала «Огни Кузбасса», в библиотеке общества незрячих и слабовидящих. На вечере прозвучали произведения авторов «Огней» за разные годы в исполнении гимназистов. Свои стихи читал автор журнала А. Аксёнов.

13 марта 2014 года ушёл из жизни Почётный гражданин города Юрги, ветеран Великой Отечественной войны и труда, заслуженный работник культуры РФ, художник, поэт Николай Николаевич Черкасов. Николай Николаевич родился 20 мая 1924 года. В 1942 году в возрасте 18 лет он добровольцем пошёл на фронт, попал в 150-ю стрелковую добровольческую Сибирскую дивизию. В составе действующей армии принимал участие в боевых операциях по освобождению Украины, Молдавии, Румынии, Венгрии, Чехословакии, Австрии. За боевые заслуги Н. Н. Черкасов был награждён орденом Великой Отечественной войны и четырьмя боевыми медалями. Николая Николаевич Черкасов всегда

принимал самое активное участие в жизни города, самых различных мероприятиях как ветеран войны и труда, как педагог, как поэт, как художник, как гражданин, был автором нашего журнала...

Светлая память о нём будет жива в сердцах всех, кому довелось общаться с этим замечательным человеком.

14 марта состоялось представление первого номера журнала «Огни Кузбасса». Свои стихи прочитали Б. Бурмистров и Е. Воробьёва. Свою прозу представили В. Каганов и С. Чиняев. Публицисты были представлены В. Коняевым. По произведениям этого номера завязался острый и заинтересованный разговор о военном и послевоенном сиротстве. Вечер вёл главный редактор Сергей Донбай.

ЛИТЕРАТУРНОЕ КАФЕ ДОМА ЛИТЕРАТОРОВ

Одна из задач нового проекта Дома литераторов Кузбасса – привлечь внимание молодёжи к современной и кузбасской поэзии. Литкафе – это всегда арт-микс и во многом – импровизация. Отныне в Доме литераторов будет звучать не только авторское чтение, современная поэзия будет представлена через видео, фотографию, сценическую пластику и музыкальную импровизацию.

14 марта в Литкафе состоялась встреча с новокузнецкой поэтессой Татьяной Николаевой и её новой книгой «Вместоимения». На творческом вечере присутствовали студенты и преподаватели кемеровских вузов, члены областных литературных студий, известные кузбасские поэты, фотографы и художники. Гости увидели два новых экспериментальных фильма в жанре видео-поэзия, сделанных группой молодых новокузнецких авторов. В фильме «Имя твоё» поэзия Николаевой звучала на фоне напряжённых социальных чёрно-белых фотоснимков школьников 80-х (учеников известного новокузнецкого фотографа Владимира Шабанкова). Безыскусные и правдивые детские снимки придали поэтическому фильму особую пронзительность. В конце встречи состоялась дискуссия о совместимости поэзии с визуальными видами искусства. Главным сценическим атрибутом Литкафе стала стремянка – предмет полезный во всех отношениях: её можно использовать и как трибуну, и как стул, и как ширму... С другой стороны, стремянка – предмет вполне поэтический, поскольку стремление вверх – одно из основных качеств любого творчества.

17–18 марта в библиотеке им. И. М. Киселёва прошли V Киселёвские чтения. На большом поэтическом празднике встретились кузбасские поэты, члены Союза писателей России И. Куралов, С. Донбай, Д. Мурзин, А. Катков, В. Ерёмченко, И. Фролова и молодые поэты литературного клуба «Перрон»,

которым руководит студентка КемГУ Рима Саргсян. В рамках Киселёвских чтений прошла научно-практическая конференция «Творчество Игоря Киселёва в литературном наследии Кузбасса», на которой была представлена книга «Литература Кузбасса XX – начала XXI века», созданная преподавателями КемГУ И. Ащеуловой, Г. Карповой, Л. Ходанен, В. Алексютиной. Поэзия Игоря Киселёва и кузбасских поэтов объединила юных художников, исследователей, чтецов и их преподавателей из десяти образовательных учреждений г. Кемерово: Губернаторского многопрофильного лицея-интерната, лицея № 89, СОШ № 34, 37, 54, 77, 90, гимназии № 17, 25, ДХШ № 1. Любители поэзии познакомились с новинками кузбасской литературы 2014 года – первым номером журнала «Огни Кузбасса», новой книгой стихов Д. Мурзина «Бенгальская вода», изданной в Москве.

20 марта главный редактор журнала Сергей Донбай и ответственный секретарь Дмитрий Мурзин представили первый номер журнала за этот год сначала перед читателями Библиотеки на Весенней, а затем перед студентами второго курса филологического факультета КемГУ.

14 марта исполнилось 60 лет Михаилу Николаевичу Шеховцову, референту Союза писателей Кузбасса, методисту Дома детского творчества, бессменному руководителю литературно-краеведческого клуба «Ижморские искорки».

Благодаря его подвижничеству и сотрудничеству с профессиональными писателями и администрацией Ижморского района увидели свет 12 книг начинающих литераторов, 10 из которых стали лауреатами губернаторского фонда «Юные дарования Кузбасса» в номинации «Поэзия».

Поздравляем Вас, Михаил Николаевич, давнего друга и соратника Союза писателей Кузбасса, с юбилеем! Желаем доброго здоровья на долгие годы, благополучия, неустанного и беспокойного рдения о детском творчестве!

Своеобразным созвездием на литературном небосклоне Кузбасса уже два десятка лет светятся «Ижморские искорки» – питомцы детско-юношеской литературной студии, возглавляемой М. Н. Шеховцовым и Ю. Н. Мишутой. Более десяти общеобразовательных школ Ижморского района объединяла студия, проводя ежегодные поэтические конкурсы и фестивали, выпуская самостоятельные литературные газеты и журналы, принимая участие в областных и общесоюзных премиальных литературно-краеведческих номинациях. Неоднократно попадали лучшие стихи и проза студийцев на страницы журнала «Огни

Кузбасса». Многие выходцы студии уже самостоятельно трудятся на ниве журналистики, педагогики, культуры и в других социальных сферах. Ряд авторов, таких как Елена Силинок, Екатерина Дуплякова, Павел Фукс, Андрей Логутенко, Юлия Альшанская, Юлия Линнова и другие, подготовили и издали свои первые оригинальные поэтические сборники при поддержке и одобрении спонсоров и ведущих поэтов Кузбасса.

М. Н. Шеховцов

21 марта в старинном здании Дворца Труда, построенном в городе Кемерово в 20-е годы прошлого века, в котором выступал нарком просвещения А. В. Луначарский, состоялся губернаторский приём в честь Года культуры, на котором Аман Тулеев вручил награды среди других деятелей кузбасской культуры поэту Сергею Донбаю – Почётную грамоту Президента Российской Федерации и шорскому поэту Таяне Тудегешевой – Почётный знак «Золотая Шория».

28 марта в актовом зале Ижморского Дома молодёжного творчества состоялось торжественное мероприятие, посвященное 20-летию «Ижморских искорок», в котором приняли участие руководители студии, педагоги, многочисленные её члены, студийцы из Яи и Анжеро-Судженска, представители администрации Ижморского района, а также писатели Александр Катков и Виктор Арнаутов.

ИЗДАНЫ КНИГИ:

Арнаутов Виктор. Песнь моя колыбельная...: Рассказы о рыбалке. Кемерово: ООО ПК «Офсет», 2014. 291 с.

Арнаутов Виктор. Гоа – это тоже Индия! (?): Путевые заметки кемеровского туриста. Кемерово: РПА «Ректаймс», 2014. 92 с.

Нина Сулова. На свет твоего лица: сборник стихотворений. Ленинск-Кузнецкий: Литературная газета «ЛИК», 2013. 76 с.

Дмитрий Мурзин. Бенгальская вода: стихи. М.: Вест-Консалтинг, 2014. 112 с.

Образ. Литературный альманах. № 1. Кемерово: Офсет, 2014. 84 с.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ:

Во втором номере за 2014 год журнала «Литературный меридиан» опубликована проза Сергея Павлова «О звуках».

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Огни Кузбасса» проводит курс на расширение творческих связей с писателями, а также с журналами других регионов России:

«Наш современник» (Москва),
«Родная Ладога» (Санкт-Петербург),
«Сибирские огни» (Новосибирск),
«День и ночь» (Красноярск),
«Врата Сибири» (Тюмень),
«Алтай» (Барнаул),
«Бийский вестник» (Бийск),
«Дальний Восток» (Хабаровск),
«Сибирь» (Иркутск),
«Начало века» (Томск),
«Сихотэ-Алинь» (Владивосток),
«Литературный меридиан» (Приморский край, г. Арсеньев),
«Подъём» (Воронеж),
«Север» (Петрозаводск).

По отдельности тиражи наших журналов небольшие, но если их сложить, сумма света, который они несут, будет значительной.

Наше издание распространяется в библиотеках и учебных заведениях Кузбасса, высылается авторам журнала, в редакции вышеперечисленных журналов и литературных газет, а также подписчикам.

Редакция журнала принимает только первые экземпляры рукописей, отпечатанные на машинке через два интервала либо выполненные на компьютере через полтора интервала (12–14-й кегль), с обязательным приложением диска или флэшки с набором текста в любом формате. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция знакомится с рукописями авторов, не вступая в переписку. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Наш электронный адрес: sp_kuzbass@mail.ru

Наш сайт: www.ognikuzbassa.ru

Журнал «Огни Кузбасса» и книги писателей Кузбасса можно приобрести в Доме литераторов г. Кемерово, пр. Советский, 40. В Новокузнецке – в киосках фирмы «ВестиЧ» во всех районах города, подписаться на журнал можно в «Курьерской службе» фирмы «ВестиЧ» по адресу: пр-т Metallургов, 54. Справки по телефону 60-05-85.

Журнал «Огни Кузбасса» зарегистрирован Сибирским окружным межрегиональным территориальным управлением

Свидетельство № ПИ 12-2373 от 14 мая 2004 г.

Учредители: Кемеровское областное отделение «Союз писателей Кузбасса»
общероссийской организации «Союз писателей России»;
ГУК «Дом литераторов Кузбасса»

Технический редактор **В. И. Труханова**
Корректоры **Е. В. Фефелова, Т. Э. Панибратова**
Компьютерная верстка **А. В. Таскаевой**

Подписано к печати 28.04.2014. Формат 60×84 1/4. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Arial».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0 + 0,5 л. цв. вкл. Уч.-изд. л. 20,0. Тираж 1800 экз. Заказ № 62.
Цена свободная

Адрес редакции: 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 40
Адрес издательства и типографии: АИ «Кузбассвуиздат»
650043, г. Кемерово, ул. Ермака, 7. Тел. 8 (3842) 58-29-34, т/факс 36-83-77.
E-mail: 58293469@mail.ru